

ACTA ETHNOGRAPHICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM
HUNGARICAE

ADIUVANTIBUS
I. TÁLASI et L. VAJDA

REDIGIT
GY. ORTUTAY

TOMUS I.

FASCICULUS 1—4.

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
BUDAPEST, 1950.

ACTA ETHNOGRAPHICA
A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
NÉPRAJZI KÖZLEMÉNYEI

SZERKESZTŐSÉG ÉS KIADÓHIVATAL: BUDAPEST VI. SZTÁLIN-ÚT 31

Az Acta Ethnographica orosz, francia, angol és német nyelven közöl értekezéseket a néprajztudományok köréből.

Az Acta Ethnographica változó terjedelmű füzetekben jelenik meg: 20—30 ív terjedelemben, több füzet alkot egy kötetet. Évenként általában egy kötet jelenik meg.

A közlésre szánt kéziratok, lehetőleg géppel írva, a következő címre küldendők:

Acta Ethnographica, Budapest 62, Postafiók 440.

Ugyanerre a címre küldendő minden szerkesztőségi és kiadóhivatali levelezés.

Az Acta Ethnographica előfizetési ára kötetenként (egy évre) belföldre 40 forint, külföldre 60 forint. Megrendelhető a belföld számára az »Akadémiai Kiadó«-nál (Budapest, VI., Sztálin-út 31. Bankszámla 936 550), külföld számára pedig a »Kultúra« Könyv- és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Bankszámla 929 040 sz.), vagy külföldi képviselőinél és bizományosainál.

»Acta Ethnographica« издает трактаты из области этнографической науки на русском, французском, английском и немецком языках.

»Acta Ethnographica« выходит в брошюрах переменного объема (20—30 печатных листов); несколько выпусков объединяются в одном томе.

Ежегодно предвидено издание одного тома.

Предназначенные для публикации авторские рукописи следует направлять, по возможности машинописью, по следующему адресу:

Acta Ethnographica, Budapest 62, Postafiók 440.

По этому же адресу направляется всякая корреспонденция для редакции и администрации.

Подписная цена «Acta Ethnographica» — 60 форинтов за том. Заказы принимает Предприятие по внешней торговле книг и газет «Kultúra» (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Счет Банка № 929040) или его заграничные представительства и уполномоченные.

ВВЕДЕНИЕ

С возрождением Академии Наук Венгрии открылась новая глава в истории венгерской науки. Ученые Венгрии всеми силами стремятся служить делу трудящегося народа и своими исследованиями способствовать созидательному труду построения социализма. Венгерская Народная Республика оказывает развитию научной жизни в стране огромную материальную и моральную помощь. Еще никогда в нашей истории наука не пользовалась таким уважением и такой поддержкой, как теперь. Одной из характерных черт возрожденной науки является связь между научной теорией и практической жизнью. Это взаимодействие оказывает глубокое плодотворное влияние на развитие нашей науки.

Издание новой серии *Acta Ethnographica* Академия Наук Венгрии поставила себе целью способствовать углублению международных связей прогрессивной науки, дальнейшему развитию науки, делу мира и углублению дружбы народов.

INTRODUCTION

La renaissance de l'Académie des Sciences de Hongrie ouvre un nouveau chapitre dans l'histoire des sciences hongroises. Les savants hongrois font tous leurs efforts pour servir la cause du peuple travailleur et aider par leurs travaux de recherche le travail créateur de l'édification du socialisme. La République Populaire Hongroise contribue largement, matériellement et moralement, au développement de la vie scientifique de notre pays. Dans notre pays, le travail scientifique jouit d'une estime et d'un soutien tels qu'il n'en a encore jamais joui au cours de notre histoire. Une des caractéristiques de notre vie scientifique renaissante est le contact entre la vie scientifique et la vie pratique de notre pays. Cette influence réciproque se fait fructueusement sentir dans le développement de notre vie scientifique.

Le but de l'Académie des Sciences de Hongrie, en publiant la nouvelle série des *Acta Ethnographica*, est de contribuer par là au développement des relations internationales de la science progressiste, au développement de la science, à la défense de la paix et du progrès, et au développement de l'amitié entre les peuples.

INTRODUCTION

The rebirth of the Hungarian Academy of Science has opened a new chapter in the history of Hungarian science. The scientists of Hungary endeavour in every way to serve the cause of the working people and to help with their research work in the creative task of building socialism. The Hungarian People's Republic affords vast help and encouragement to the development of the scientific life of our country, and scientific work in Hungary of today is honoured and aided to an extent that is unparalleled in the history of the land. One of the characteristic features of our reborn science is the connection between scientific theory and the practical life of the country. This inter-relation has a profound stimulative effect on the development of our scientific life.

The aim of the Hungarian Academy of Science in starting the new series of *Acta Ethnographica* is to contribute to the improvement of the international relations of progressive science, to the further development of science, to the cause of peace and progress and to the closer friendship of the peoples.

EINLEITUNG

Die Wiedergeburt der Ungarischen Akademie der Wissenschaften eröffnete einen neuen Abschnitt in der Geschichte der ungarischen Wissenschaft. Die ungarischen Gelehrten bemühen sich auf jede Art und Weise der Sache des werktätigen Volkes zu dienen und mit ihren Forschungen die schöpferische Arbeit des Aufbaues des Sozialismus zu fördern. Zur Entwicklung des wissenschaftlichen Lebens in unserem Lande trägt die Ungarische Volksrepublik mit riesiger materieller und moralischer Hilfe bei. Die wissenschaftliche Arbeit in unserer Heimat wird in solchem Masse geschätzt und unterstützt, wie noch niemals in unserer Geschichte. Einer der charakteristischen Züge unserer wiedergeborenen Wissenschaft ist die Verbindung zwischen der wissenschaftlichen Theorie und der Praxis im Leben unseres Landes. Diese Wechselwirkung ist von ernstem, fruchtbarem Einfluss auf die Entwicklung unseres wissenschaftlichen Lebens.

Mit der Ausgabe der neuen Serie der Acta Ethnographica verfolgt die Ungarische Akademie der Wissenschaften das Ziel, beizutragen zur Vertiefung der internationalen Verbindungen der fortschrittlichen Wissenschaften, zur Weiterentwicklung der Wissenschaft, zum Frieden und zum Fortschritt, zur Sache der engeren Freundschaft zwischen den Völkern.

ОДЕЖДА ХОРТОБАДЬСКИХ ПАСТУХОВ

И. Балог

I.

До первой мировой войны, а отчасти и после нее, в венгерской этнографической литературе много внимания посвящалось исследованиям одежды пастухов из Хортобадь, однако все эти исследования не определили точного места этой одежды среди венгерских народных костюмов. Среди научных работ, посвященных этому вопросу, появились даже такие тенденции, в которых этой одежде придавалось значение народного костюма с очень ограниченным географическим распространением. Правда, что уже в то время, когда производились исследования, одежда хортобадьских пастухов занимала обособленное положение среди остальных венгерских народных костюмов и именно этот факт побудил исследователей считать эту одежду узко связанной с профессией, а с другой стороны, благодаря ее географическому распространению, как чисто локальную особенность. При таком положении дел, большую роль играло ошибочное толкование исторических фактов, а также и то, что исследователи-этнографы в пастушестве видели особый слой общества, который совершенно отделился от деревенской крестьянской землепашеской среды. Однако, если бы эти исследователи-этнографы ознакомились подробно с данными исторического изучения народных костюмов, которые были опубликованы в последние десятилетия они могли увидеть, что между крестьянскими и пастушескими одеждami не было существенной разницы за последние 200—250 лет. Имеются даже многочисленные указания на то, что отдельные части одежды пастухов встречаются не только в границах венгерского этнического пастушества, но и вне его.

В отношении венгерской народной одежды, в нашем распоряжении имеются отдельные данные, основанные на исследованиях, которые проводились в последние десятилетия, охватывающие период около последних 250—300 лет, или же данные, опирающиеся на аналогии, определенные исследователями, которые также можно считать аутентичными. Эти данные подтверждают то, что и народная одежда тоже подверглась тем экономическим и общественным изменениям, которые произошли за это время в жизни венгерского народа. Именно поэтому оформление пастушеской одежды из Хортобадь до конца XIX века, и даже сохранившиеся в виде пережитка в начале XX века, можно правильно использовать только тогда, когда мы учтем те экономические и общественные обстоятельства, которые оформили положение пастухов. В сущности необходимо выяснить вопрос, какое положение занимало пастушество среди крестьянства, как создался быт пастухов и откуда они произошли. Постановка этого вопроса не является необоснованной, т. к. на рубеже прошлого столетия, и даже еще позже, было весьма распространено мнение, что пастухи сохраняют самые древние предания Венгрии, что они являются живыми пережитками *кочевнического* быта древних венгерцев завоевателей страны.

Этническое оформление венгерцев завоевателей страны происходило в краях, которые являлись классической страной кочевничества, поэтому навязывается мысль, что уклад жизни пастушества, исследованный и описанный в XIX веке, уже в то время существовал обособленно в тех краях, где жили венгерцы (Кишкуншаг, Надькуншаг, Гайдушаг, Баконь и Шомодь), стоял в непосредственной генетической связи с кочевничеством племен Средней Азии турецкой народности. Первый серьезный научный исследователь венгерской пастушеской жизни *Отто Герман* определенно высказал это мнение.

По утверждениям *Отто Герман*, оформление венгерской народности произошло в южнорусских степях, а именно в тех местах, которые по греческим источникам населяли скифы. Скифы, в изображении греческих источников, были кочевниками-животноводами. Питание молоком, кожаная шапка и широкие шаровары являются общими чертами быта для скифов и венгерцев. Для подтверждения этой теории *Отто Герман* с замечательной усердностью собирал достоверные данные, предполагая что исторические сведения из XI и XII веков, после миграции венгерцев в этой стране, подтверждают пережитки кочевничества, наследованного от скифов. Правда, позднее он сам должен был признать, что эти данные относятся более к содержанию животных в конюшнях и к содержанию рабочего скота, однако: «народ в Венгерской низменности, благодаря исключительно благоприятным условиям кочевого образа жизни, и дальше продолжал оставаться кочевническим». Это кочевное пастушество сохранилось и дальше, вплоть до XIX века, а пастухи оставались носителями этого древнего быта.¹

То, что по мнению *Отто Герман* относилось в целостности к жизни венгерских пастухов и то, что он поставил как основную теорию, научные работники, исследующие явление пастушества в отдельных краях (*Ласло Мадараши* в Кишкуншаге² и *Иштван Эчеди* в Хортобадь³), старались подтвердить детально язычными определениями и историческими аналогиями. *Иштван Эчеди* выводит часть материала относящегося к названию предметов хортобадьского пастушества, из наречий турецкого языка Средней Азии и устанавливает на основании отношений, встречающихся в структуре пастушества, которые впрочем проявляются только во внешних формах, связь с турецкими народностями Средней Азии. Особенно в отношении одежды он подчеркивает мысль о скифском и турецком происхождении. Однако, эти язычные и предметные доказательства оказались мало достоверными, а в вопросах, которые затрагивают сущность, показались ненадежными и удаленными один от другого в отношении времени и пространства, а линии, связывающие пространства неопределенными и туманными. Сознывая это, *Иштван Дьэрффи* выводит происхождение нашего номадского пастушества из источника, который ближе к нам по времени, и который можно с большей вероятностью подкрепить историческими аргументами.

По мнению *Иштвана Дьэрффи*, корни венгерской пастушеской жизни не ведут непосредственно назад в классический мир номадства. В Венгерской низменности и в восточных областях государства, после завоевания страны, еще до конца XII века сохранилось древнее номадское пастушество венгерцев завоевателей страны. В XIII веке, с массовым населением кунов, это явление опять получило новую силу, и так его форма, оживленная кунами, просуществовала до турецкого владычества. В краях, опустошенных турецким нашествием, где когда-то было земледелие, снова процветало номадское

пастушество, которое почти не изменилось в течение 700 лет. В тех местах Венгерской низменности, где сохранился еще и до наших дней пастушеский образ жизни, мы находим в их быту азиатские черты, которые не относятся однако к древним венгерским реликвиям, а являются пережитками быта кунов, народа турецко-татарского происхождения, которые населились в этих краях позднее венгерцев. И именно в тех краях, где еще процветает пастушество, почти всегда можно найти ассимилированных венграми, или смешанных с венграми, потомков этого народа. Это предположение подтверждается тем, что образ жизни пастухов и их постройки в краях Венгерской низменности, где живут куны, резко отличаются от быта венгерских пастухов Задуная, Верхней Венгрии и Трансильвании. *Дэррффи*⁴ объясняет появление более современных форм пастушества ассимиляцией кунских элементов гайдугами; по его мнению даже кочевные элементы в жизни более удаленного румынского пастушества можно отнести влиянию кунов, которые жили в этих краях от XIII до XV веков и позднее ассимилировались с румынской народностью.⁵

Это предположение очень легко объясняет сходные во многих отношениях черты быта венгерского, румынского и югославянского пастушества, однако, именно в отношении Кишкуншага, одного из центров кунских элементов, исследования *Иштвана Талаши* не подтвердили непрерывность связей. *Талаши* определенно указывает на то, что раскопки в окрестности Кечкемета, относящиеся к XVI веку, показывают, что рядом с суровым табунным содержанием животных, встречаются и формы конюшенного содержания, которые в настоящее время получили общее распространение.⁶

В связи с хортобадским пастушеством и мы обращаем внимание на то, что та форма пастушества, которая нам известна в конце XIX века, оформилась в историческом времени и не имеет за собой более давнего прошлого, чем 350—400 лет, что подтверждают достоверные данные, и даже в течение этого времени подвергались изменениям. Эта, в историческом времени образовавшаяся форма, существенно отличается от номадского пастушества Средней Азии.⁷

II.

Какая структурная различность между номадством и образовавшимся в историческом времени пастушеством Венгерской низменности, о котором мы имеем данные исторического исследования, можно вывести следующие заключения.

Экономическим основанием быта общества пастухов-кочевников является животное, продукты которого, (кожа, молоко, мясо, шерсть), человек непосредственно употребляет для сохранения своей жизни, излишек которых он обменивает на другие необходимые ему предметы. Кроме продуктов, которые он добывает от животных, в его распоряжении не имеются совсем, или имеются только незначительной степени, других важных источников для сохранения жизни (продуктов земледелия). Пастухи производятся, в зависимости от географических факторов и биологических конструкций животных, по определенному годовому круговороту перемещения стада. Летом они пребывают на высоких горных пастбищах (кишлак), зимой в равнинах вдоль рек (аул). Перемещаясь вслед за пастбищем, все общество (большая семья, род, племя) весной покидают аул, в который возвращаются только осенью. Стеречь животных и перегонять их с одного паст-

бища на другое, было не только непосредственной обязанностью пастухов, но и всего общества. Пастух был одновременно и хозяином животных, однако, встречались и такие случаи, когда некоторые лица, не имея своего собственного скота, нанимались на службу к скотовладельцам как рабочие. Так как основой быта кочевников являлось животное и его продукты, то в случае гибели стада, опасности подвергалось и физическое существование общества, жизнь которого всецело зависела от успеха скотоводства.

Напротив структура пастушества в Хортобадьи и Куншаге в XVI и XVII веках, о которой мы имеем подробные сведения, образовалась на совершенно иных началах. Хотя и здесь существуют кочевые стада, в зависимости от времени года, т. е. с летних пастбищ с одного на другого, однако, это кочевание не является закономерным. По нашему мнению это явление было чистой внешней чертой, которая ввела в заблуждение наших исследователей и из этого возникла мысль о связи нашего кочевничества со средне азиатским. Так как с тех пор, благодаря результатам историко-экономическому исследованию, стало очевидным, что несмотря на широкие размеры, которое занимало животноводство в Кишкуншаге, Надькуншаге, дебреценской Хортобадьи и в Гайдушаге в двух упомянутых выше столетиях, оно не являлось единственной экономической основой быта народонаселения этих областей. Население Дебрецена, Куншага и Гайдушага, в большей своей части, были земледельцы, меньшей частью ремесленники-кустари, которые содержали известное число животных, но главным образом для удовлетворения домашних потребностей в молоке и рабочем скоте, т. е. для дополнения домашнего хозяйства. Центр тяжести экономики края был в земледелии, или ремесленной кустарной промышленности. Правда, что часть животных содержалась на внешних пастбищах, земля которых не подвергалась обработке, где от весны до поздней осени, пока это допускала погода, они проводили на пастбищах под открытым небом в суровых условиях. Однако, большая часть животных на выгонах около городов и деревень и систематически прогонялись домой для доения и выполнения работы. Стада крупного рогатого скота и табуны лошадей, которых выгоняли на удаленные внешние пастбища, являлись собственностью крупных скотопромышленников, которые скупали скот, главным образом, для размножения и перепродажи. Они сами не стерегли свой скот и в еще меньшей степени их физическое существование зависело исключительно от продуктов животноводства. Правда, местами встречаются такие явления, особенно в области овцеводства, где отдельные скотовладельцы сами стерегут свои стада и их существование зависит исключительно от продуктов животноводства, однако, это не представляет собой общее явление.

С этими формами пастушества мы встречаемся не только в Венгрии, но и в Румынии, Трансильвании и на Балканах, всегда в тесной связи с земледелием. Дна часть румынских и балканских чабанов пасет отары овец, принадлежащих хозяевам, которые живут в селе и овцеводство для них не является главным занятием, а другая часть пасет своих овец на пастбищах, взятых в аренду.⁸

Эта форма пастушества стоит в тесной связи с земледелием и тогда, когда вследствие исторических причин (Куншаг, Хортобадь), или географических обстоятельств (пастушество высокогорных областей), она в отдельных местах, или в определенном времени, составляет более широкую экономическую основу жизни общества. Именно поэтому нельзя назвать этот

способ пастушества, *номадным*, при котором чередуется по месту летнее и зимнее пастбище, его скорее можно назвать *трансгумационным*, или *переселенческим*. В переселении с пастбища на пастбище не принимает участие все население, а только несколько пастухов, которые стерегут стадо, семьи которых, между прочим, постоянно живут в деревне.

По нашему мнению необходимо было указать на различия в структуре между кочевничеством и образованном в историческом времени пастушеством в Венгерской низменности, для того, чтобы определить общественное положение пастухов среди крестьянства.

III.

Так как пастушество в Венгерской низменности существенно отличается от номадского пастушества в Средней Азии, поэтому и наших пастухов нельзя сравнивать с пастухами-кочевниками. Мы видим, что наши пастухи в тот период времени, о котором мы имеем исторические данные, являлись наемными рабочими. Стада рогатого скота и табуны лошадей скотопромышленников в XVI и XVII столетий не стерегли сами собственники, но оплаченные пастухи. Эти общие наемные пастухи пасли также сборные городские, или деревенские стада молочного и рабочего скота на городских, или деревенских выгонах и прогульный скот, собранный в общие стада на внешних пастбищах. Наемная плата в XVII столетии выдавалась, главным образом в натуре (одежда, питание, квартира), позднее она постепенно переходит в денежную плату. В XVI веке на пастбищах, которые образовались на месте опустошенных, вследствие турецкого нашествия, деревень Венгерской низменности, пасли крупные стада скотопромышленников и предпринимателей, предназначенные преимущественно для западных рынков. Главным образом в областях между Дунаем и Тиссой и в северной части за рекой Тиссой развилось крупное животноводство. Наемные подрядчики крупных скотопромышленников, которые проводили организацию животноводства в больших размерах, назывались *гайдуками*, или *гайду-пастухами*.⁹ Эта большая группа профессиональных пастухов вербовалась из среды крепостного крестьянства, которые вследствие войн стали бездомными, или хотели избежать возрастающие тягости крепостничества, которые именно благодаря тому, что остались без земли, могли более свободно передвигаться, чем крепостное крестьянство.

Пастухи безземельники были слоем общества, который жил наемной работой, условия которой постоянно изменялись. Они селились на окраинах крепостных деревень. В 1744 году в Дебрецене было заслушано около ста пастухов в связи с процессом нарушением границы владения, большинство из которых происходило из соседних крепостных деревень. Большая часть их в одном году пасла крупный рогатый скот, в другом были чабанами, в одном году жили в окрестности Дебрецена, в другом в окрестности Нанаша, или Уйвароша. Встречаются среди них также, и такие главным образом среди старших пастухов, которым предоставили право гражданства в г. Дебрецене.¹⁰ Пастухи обыкновенно нанимались в батраки к отдельным крупным скотовладельцам сроком на год, или от весны до осени, для пастбы общих сборных стад деревень и сел. Плата в обоих случаях производилась натурой, так называемым *«батрацким окладом»* (конвенцией), кроме харча и квартиры полагалось еще одежда и небольшая денежная плата, в зависимости

от поголовья скота. В конце XVIII столетия прекратили существование частные стада отдельных скотовладельцев, а на их место появились животноводческие *хозяйства*, в которых было объединено от 50 до 100 скотовладельцев, которые совместно нанимали старшего пастуха, который являлся своего рода предпринимателем. Старший пастух нанимал в свою очередь *подпаска* на время паствы, которого выплачивал из наемной платы, которую он получал от хозяйства. Заработок *старшего пастуха* состоял большей частью в натуре — пшеница, ячмень, право пасти свой скот на пастбищах хозяйства и немного денег. Подпасок получал харчи и право на содержание собственного скота на пастбищах хозяйства. В овцеводстве и свиноводстве стада отдельных крупных скотовладельцев оставались, хотя и в этих областях животноводства встречались общие хозяйства, вплоть до сороковых годов нашего столетия.

Общественное положение пастухов определялось их экономическим положением. Старший пастух, у которого было 15—20 голов своего скота, считался уже имущим человеком, а подпасок, который имел всего лишь, 2—3 головы своего скота, летом батрачил у старшего пастуха, а зимой у отдельных хозяев. Старший пастух, по существу, также являлся батраком только не отдельного хозяина, а всего хозяйства. Начиная с середины XIX века, заработок пастухов начал постепенно уменьшаться и даже старшие пастухи не могли уже больше выделяться среди батраков.¹¹

Итак пастушество, в освещении исторических данных, не являлось особым классом общества, а наемным слоем крепостного крестьянства, образовавшимся в феодальном классовом обществе, который выполнял определенную, специальную работу; однако, передвижение этого слоя, именно благодаря тому, что он являлся наемным, было более свободным, чем передвижение крепостных крестьян, которые были прикованы к земле и жили в деревенском обществе.

Благодаря своей профессии, пастух не имел тесного соприкосновения с крепостным деревенским обществом, вне этого общества но все-таки он не был и совершенно. Жизнь его складывалась таким же образом, как складывалась и жизнь крепостного крестьянина, так как пастушество было в течение веков слоем крепостного крестьянства, которое образовалось в классовом обществе. Несмотря на то, что пастушество жило наемным трудом, оно все-же никогда не было вне этого общества и его экономическое и общественное положение аналогично во всех отношениях экономическому и общественному положению крепостных крестьян; и в конце XIX века одежда хортобадских пастухов также ничем не отличалась от одежды бедных крестьян этих краев.

IV.

При описании одежды хортобадских пастухов, необходимо принять во внимание то обстоятельство, что несмотря на ее однообразие, все-же существует некоторое различие между одеждой пастухов крупного рогатого скота с одной стороны, и одеждой чабанов и свинопасов, с другой стороны. В последующем мы постараемся указать как на различные, так и на общие черты, которые существовали в одежде бедных крестьян и пастухов в начале XX столетия.

В то время бритье бороды, не только среди пастухов, но и крестьян, живущих за рекой Тиссы, было общим явлением. Так называемую «жошут»

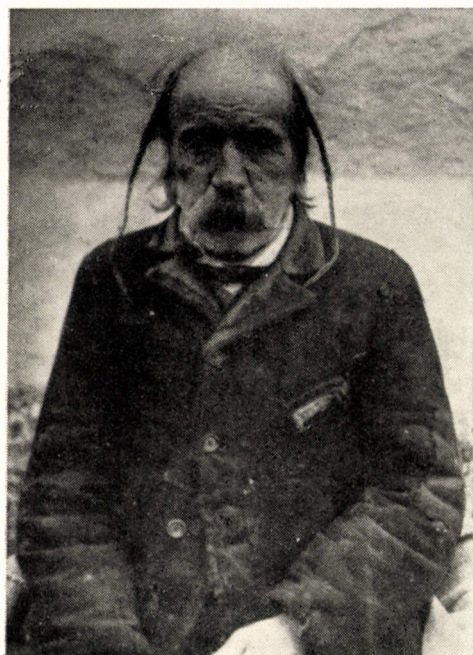

Рис. 1.

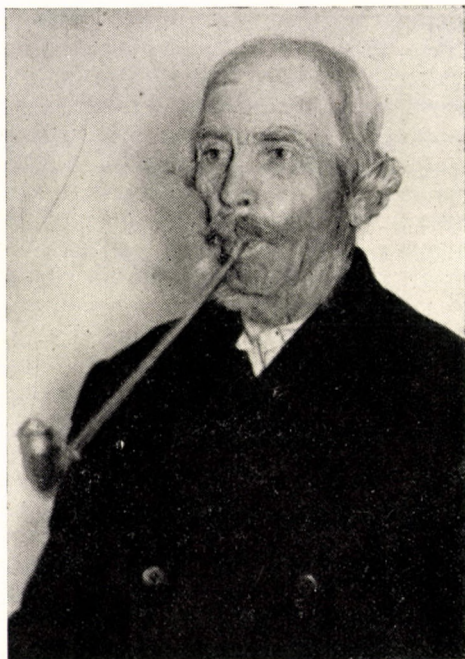

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

бороду носили уже только старые пастухи и то в очень редких случаях. Зато усы были неотъемлемой принадлежностью каждого пастуха. Среди самого старшего поколения пастухов встречались еще отдельные лица, которые по примеру крестьян носили длинные, или спускающиеся на плечи, или же подхваченные сзади гребнем намащенные волосы. С обеих сторон ушей, волосы были завиты в кольца, которые назывались «лукавки». Встречались и такие старые пастухи, которые заплетали волосы в косы, и последние спускались по бокам на грудь. (рис. 1.) Подобные прически встречаем, в первую очередь, среди чабанов и свинопасов. Более молодое поколение пастухов, или начисто брили головы, или оставляли только спереди *прядь волос* первоначальной длины (похоже на украинский оселедец). Эта прическа в то время была общей среди бедных крестьян.

Среди отдельных частей одежды, особенно бросается в глаза пастушеская шляпа, которая уже в начале XX века резко отличается от общей крестьянской одежды. Верх шляпы имел форму полушара, поля были широкие и плоские, сбоку находилась лента из конского волоса с медной пряжкой. За ленту были заткнуты перья журавля, или дудака (драхвы). Широкополюю шляпу носили все пастухи, ее тогда носили и бедные поденщики в деревнях, но в общей крестьянской одежде поля шляпы были более узкие, а верх более высокий. Шляпа свинопасов была несколько иной формы. Она имела высокий верх и широкие, затянутые кверху поля. (Рис. 2.)

Зимним головным убором была барашковая шапка из шкурки черного кудрявого барашка, верх шапки вминался внутрь, поля отсутствовали. Подкладка была из шкурки белого барашка. Многие пастухи сами шили себе шапки, но главным образом они изготовлялись скорняками Дебрецена и Гайдубэссерменя. Эта шапка принадлежит к общей одежде крестьянина. (Рис. 3.)

Существует большая разница между зимней и летней одеждой пастухов, а также между одеждой пастухов крупного скота, с одной стороны, и одеждой чабанов и свинопасов, с другой стороны. Синяя рубашка и широкие шаровары являлись общей летней одеждой пастухов, в то время как в одежде крестьян шаровары встречаются все реже. Старинный покрой рубашки еще известен нам (рис. 4). Это короткая рубашка, которая не спускается до бедер, спереди имеет разрез до середины, воротника нет, на шее она завязывается при помощи тесемок. Рукава рубашки прямошиты в плечи, трехугольных вставок под подмышками нет. Плечи на рубашках более нового покроя собраны в складки, воротник низкий, стоячий, спереди к воротнику пришиты две стеклянные, или фарфоровые цветные пуговицы, такими же пуговицами застегивается и разрез рубашки. Эта рубашка уже длиннее и доходит до бедер.

Шаровары пастухов были широкие, они шивались из четырех ширин полотна, сзади была вставка, особой формы которая называлась *седалище*. Штанины опускаются ниже колен и доходят до середины голени, во время прохладной, или дождливой погоды, пастух подвывает концы штанин к голенищам сапог. (Рис. 5 и 6.) Покрой шаровар синего цвета был такой же как покрой белых шаровар, которые шились из полотна домашней ткани. В поясе шаровары были собраны в складки, концы штанин были подвернуты, или имели бахромы, которые получались при помощи вытягивания нескольких рядов поперечных нитей. Белое полотно, из которого изготовлялись шаровары, перед употреблением варили в овечьем молоке, к которому добавляли

Рис. 5.

Рис. 7.

Рис. 6.

пепел соломы; синее полотно для шаровар и рубашек этой процедуре не подвергалось. Однако, пастухи более старого возраста употребляли промасленные рубашки и шаровары, которые изготовлялись вышеописанным способом, после чего еще натирались салом. В таких промасленных шароварах и рубашках не заводились вши. Шаровары из белого холста служили праздничной одеждой для старших пастухов.

Чабаны тоже летом носили рубашку и шаровары, но их рубашки имели манжеты на рукавах и штанины шаровар были более узкие, чем у пастухов крупного скота. В общем нижнее белье пастухи не носили. Многие носили брюки из полотна, заправленные в сапоги.

Летом обувью пастухов, за исключением табунщиков, которые носили сапоги, были лапти из старых голенищ, или кожи самодельной выделки. Лапти имели круглый носок, со складками на подъеме, сзади подвязывались вокруг щиколотки ремнями (рис. 7). Летом лапти надевались на босую ногу, осенью, когда на траву уже ложился иней, лапти надевались

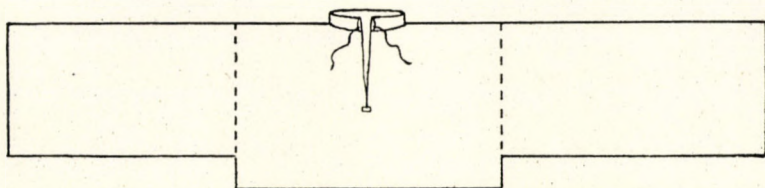

Рис. 8.

на полотнянные портянки, а от приколотни до половины голени прикреплялись самодельные кожаные краги.

К летней одежде принадлежал жилет без рукавов из черного сукна с стоячим воротником, сверху до низу застегивающийся на пуговицы, которых было от 12 до 15. (Рис. 8.) Зимнюю одежду в общем составляли предметы, которые приобретались на базарах. Куртка из сукна, брюки и сапоги. У чабанов кроме того был полушубок с рукавами из овечьей кожи (Рис. 9). Он изготовлялся в общем скорняками, но иногда некоторые чабаны сами изготовляли эти полушубки, которые отличались более грубой выделкой. Иногда некоторые пастухи, а главным образом чабаны, носили *наспинную кожу*. Это, собственно говоря, была овечья шкура, передние ноги которой вавязывались на шее, а задние вокруг пояса. Такую же самую шкуру одевали и ниже, связывая ноги на груди и вокруг живота. (Рис. 10.)

Полушубок принадлежал к общей одежде крестьян, однако, наспинная кожа в этой одежде не встречается.

Самой важной принадлежностью зимней и летней одежды пастухов была *шуба*. Шубу не только исключительно пастухи она являлась, частью общей крестьянской одежды в Венгерской низменности. В своем покрое в северной части области за рекой Тиссы, шуба пастухов ничем не отличается от крестьянской шубы. Ее изготовление было общеизвестным. Иногда ее изготовляют скорняки, но пастухи в большинстве случаев сами умели кроить и шить носили, шубы. На внешней стороне шубы, изготовленной скорняками, были и вышивки, но на шубах, сшитых пастухами, в лучшем случае на плечах были *бабочки* из цветной кожи. Обыкновенно шубу носили шерстью снаружи, но в очень холодное время ее выворачивали

вали обратно. Способ выделки шкур также знал каждый чабан. Для шуб употребляли шкуры венгерской белой овцы породы «рацка». Свежо снятую шкуру натягивают на тростник для сушки. Высушенную шкуру перед выделкой смягчают соленой водой. Кусочки мяса, которые остаются на коже, соскабливаются тупым ножом. Затем шкуру вешают на балку и ее мнут до тех пор, пока она не станет равномерно мягкой. Мятую кожу разглаживают тупым железом, во время чего присыпают мукой до тех пор, пока она не приобретет красивый белый цвет. Готовую шкуру выкраивают, отрезая ножные и головные части. Для изготовления одной шубы необходимо 6—7 шкур. Первая, это плечевая шкура, к концам которой пришивают переднюю и заднюю часть, а по сторонам две боковые шкуры, которые части удлиняют шестой шкурой до длины передней и задней шкур (рис. 13). Таким образом

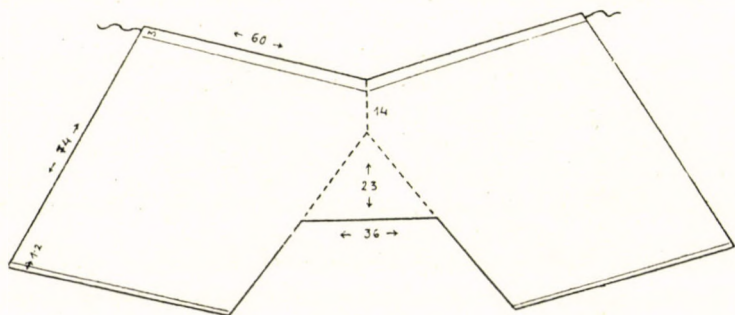

Рис. 9.

сшитая шуба похожа на мешок. Затем делали разрез от конца передней до середины плечевой шкуры и на конце разреза вырезают полукруглую вырезку для шеи. Когда шубу растеляют, она имеет форму трапеции. Положение отдельных частей показывает рисунок 14. Эта шуба, своим покроем отличается от покроя кечкеметской и кишкуншагской шубы. Там выкраивают шубы в виде секторов круга и эта шуба, когда ее растилают, образует плащ в форме усеченного конуса.

С внутренней стороны шубы, сзади на спину, пришивают шкуру черного барана, задние ноги которого и хвост оставляют свободными. Эта часть является *воротником-накидкой*. Шуба чабанов и свинопасов сравнительно коротка и не доходит совсем до земли. Шуба снизу подрублена шерстью наружу. Эта опушка 30—40 см ширины и не пришита, а только подвязана в нескольких местах кожаными завязками.

В первую очередь, шуба являлась, зимней верхней одеждой, а летом пастух только спал в ней. В дождливую погоду его постоянной одеждой являлся «сюр» (кафтан-накидка из грубого толстого сукна). «Сюр» в начале этого столетия начал выходить из моды у крестьян, хотя он до сих пор имел всеместное распространение. В последнее время среди крестьян «сюр» был одеждой парней женихов, и когда он снашивался, крестьяне не поку-

пали новый „СЮР” а молодое поколение вообще не покупало уже этой одежды. Среди пастухов, однако, эта одежда сохранилась значительно дольше и даже уже в тридцатых годах этого столетия, они были единственными покупателями у так называемых «сюрных портных» в Дебрецене, Карцаге и Гайдубэссермене. Хотя «сюр» имел рукава, пастушеский «сюр» отличался от крестьянского и *кучерского* тем, что уже в самом начал, его рукава были зашиты, благодаря чего его нельзя было одеть в рукава, а только набросить на плечи. Иштван *Дьэрффи* собрал богатый материал, относящийся к «сюру». Из этого материала мы узнаем, что кроме форм «сюра», известных нам из XIX века, прежде существовавшие формы «сюра» отличались большим разнообразием, с другой же стороны, мотивы украшений «сюра», которые были распространены в последнее время, образовались в конце XVIII и в начале XIX века.¹² Разные формы «сюра», которые носили в двух предыдущих столетиях, являлись частью общераспространенной одежды крестьян.

V

Итак одежда пастухов в конце XIX века не различается значительно от одежды окрестных бедных крестьян. С другой стороны, мы находим одежды, или их отдельные части, совершенно схожие с одеждой пастухов в очень удаленных местах территорий, населенных венграми. Так, например, короткую рубашку, которую описал *Эчеди*, изветную нам также из коллекции Этнографического музея, совершенно такого-же покроя, только несколько длиннее, носят и в трансильванском Мезешеге. Там-же можно встретить и широкие шаровары, доходящие до половины голени.¹³ Мы располагаем данными, что рубашку, совершенно одинакового покроя, носили и на территории комитата Абауй на северной части Венгрии.¹⁴ *Геза Киш*, описывая народную одежду из Орманшага (южная задунайская область), сообщает, что рубашка не имела воротника, и завязывалась на шее тесемками, что рукава были без манжет и что длина рубашки не достигала до ребра. Шаровары изготовлялись из 2—3 ширин полотна и снизу имели бахраму. Ношение широчайших шаровар распространилось только в последние десятилетия. Обувью служили лапти с круглыми носками, а брюки застегивались сбоку на пуговицы от верху до низу.¹⁵ Брюки такой-же формы из кожи, или сукна, носили иногда и пастухи из Хортобадь, петли для пуговиц которых подбивались красными полосами (рис. 16). Подобные брюки назывались «рейтхузли» (немецкое *Reithosen*).

Короткая рубашка, умеренно широкие шаровары и лапти с круглым носками были очень распространенными и в западной части Задунайской области, в комитате Зала.¹⁶ *Иштван Талаши* описывает одежду пастухов из Кишкуншага, которая совершенно напоминает одежду из вышеупомянутых областей, необходимо заметить, что они не были только исключительно пастушескими, но в то же время и общераспространенными одеждой крестьян. В комитатах Берэг и Сатмар (северо-восточная Венгрия) общераспространенной обувью среди крестьян был лапоть, который имел две основных формы: лапоть с круглым носком, который завязывался с боку, называли венгерским¹⁸. Можно привести еще много аналогических примеров из народных одежд румын и словаков, которые были соседями венгров, но и из вышеизложенных очевидно, что отдельные части одежды пастухов из Хортобадь не различались в свое время от общекрестьянской одежды. Поразительная

Рис. 10.

Рис. 12.

Рис. 11.

схожесть по покрою и форме отдельных частей одежды в областях, территориально очень отдаленных друг от друга, вызывает предположение, что одежда хортобадских пастухов, и вышеупомянутые народные одежды, имеют аналогичное происхождение; каждая из них является пережитком в области народной одежды крестьян, которые сохранились изолированно друг от друга в Трансильвании, северной Венгрии, южном Задунае и западных областях страны и которые во второй половине XIX столетия, вероятно, представляли собою однородную крестьянскую одежду.

Рис. 13.

То что является действительным по отношению к концу XIX века, вероятно в еще большей степени действительно и для более ранних времен. Это можно установить на основании до сих пор проведенных исторических исследований одежды, а также и на основании сохранившихся изображений. Самое старинное изображение одежды пастухов из Хортобадья находится на карте, вычерченной по поводу граничного процесса, происходившего между Дебреценом и Балмазуйварош. На этой карте приводится рисунок цветной туши, изображающий чабана. Эта карта находится в архиве города Дебрецена и относится к 1747 году. На голове чабана есть высокая войлочная шапка с совершенно поднятыми вверх краями, которым придана форма кивера. Чабан имеет на плечах шубу, вывернутую шерстью наружу, а под шубой рубашку с разрезом до середины. Рубашка выпущена наружу и имеет широкие рукава. Брюки узкие до щиколотки. На ногах у него лапти с острыми носками. Усы опущены вниз, борода сбрита, прическу нельзя определить.¹⁹

Рис. 14.

Рис. 15.

Рис. 16.

Рис. 17.

В описаниях заработной платы пастухов из XVIII века, в которых перечислены части одежды, относящиеся к плате в натуре, мы встречаем отдельные принадлежности костюма, аналогичные вышеописанному изображению. Янош Сэке, гражданин города Дебрецена, в виде заработной платы пастухам, которые он нанял сроком на год, выдал лапти, рубашку, полушубок, «сюр», шляпу, сапоги и брюки.²⁰ Пастух стада крупного рогатого скота, принадлежащего Янбшу Фодору, хозяину из Дебрецена, в 1758 году получил в виде платы рюки, две пары белой одежды (рубашка и

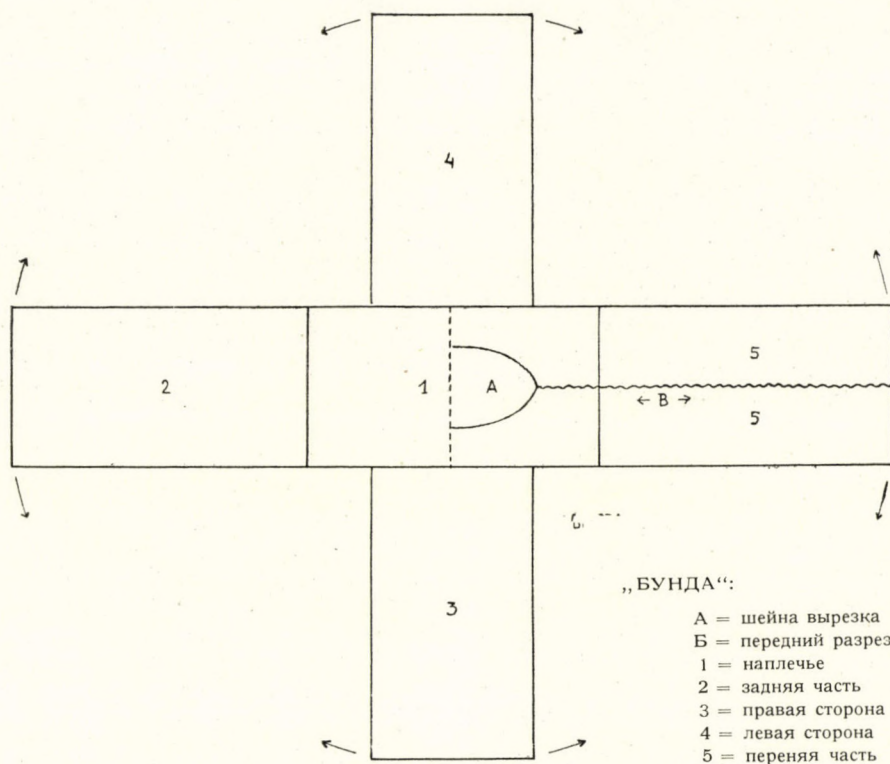

Рис. 18.

шаровары), «сюр», шляпу и две пары *кожаных обрток*²¹. Из описания одежды одного подпaska-табунщика, которого разыскивали в Дебрецене в конце XVIII века, узнаем, что его костюм составляли: *круглая шляпа с широкими полями*, «сюр» или шуба, *короткая рубашка* и *широкие шаровары*.

Очевидно, что и в XVIII веке мы находим все части одежды пастухов, описанной в начале нашего столетия. Однако, отдельные части одежды были распространены не только среди пастухов, но и например в правилах гончаров из 1713 года города Дебрецена указано, что парень, *рубашка* которого будет *настолько коротка что будет виден пояс и живот*, будет наказан штрафом в 15 крайцаров.²³

И в более удаленных краях, как среди пастухов, так и среди крестьян, встречаем такие-же самые части одежды. В Куншаге убранство раз-

личных слоев крестьянства составляли: Длинные намащенные волосы, спускающиеся прядями, или заплетенные в косы, намащенная короткая рубашка, доходящая до пупка, иногда спереди с цветной вышивкой, широкие, просторные шаровары, намащенная шуба, «жюр», черная наспинная шкура, сумка и в конце столетия шляпа с широкими полями.

Ношение широкополюной шляпы в действительности распространилось в конце XVIII века и с этого времени вытеснила высокую, войлочную шапку, которая нам известна из раскопок²⁴.

В начале XIX столетия, шляпа, которую носили граждане, была очень похожа на широкополюную шляпу пастухов (Рис. 18). Сумка, которую хортобадские пастухи уже не носили в XIX веке, в Куншаге все еще продол-

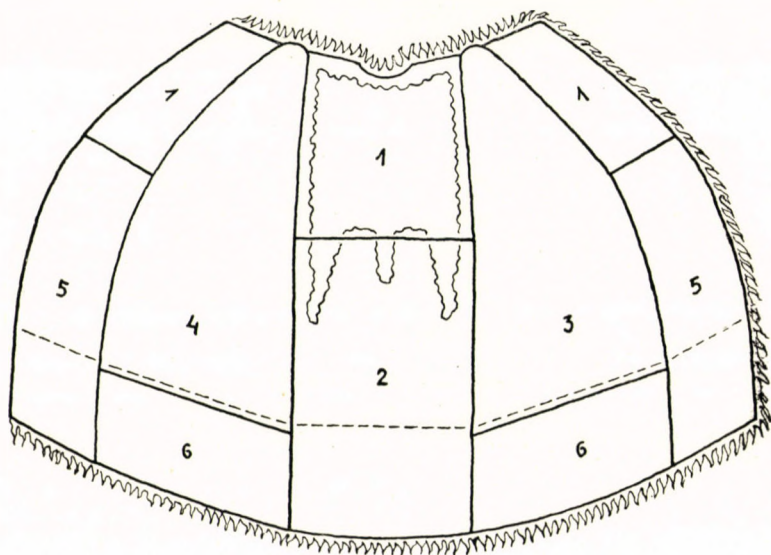

Рис. 19.

жали носить, в Дебрецене она была распространена более, чем когда либо, т. к. в 1779 году она была на теле умершего Михайя Тота, сельскохозяйственного работника, а в 1777 году она находилась в наследстве одного мастера кожевника. По всей вероятности, она принадлежала также и к одежде пастухов.

Итак одежда пастухов в XVIII веке совершенно аналогична одежде крепостных крестьян, вопрос только в том, насколько далеко назад мы можем проследить эту крестьянскую одежду на основании достоверных изображений, или тех, которые принято считать за достоверные. Из известных нам изображений, которые можно подкрепить достоверными данными, легко установить, что отдельные части мужской одежды, которые воспроизведены на них, по большей части совпадают с одеждой из XVIII и XIX веков.

На одной картине из 1797 года изображен крепостной крестьянин, который имеет на себе короткую рубашку, узкие полотнянные брюки и лапти, ремни от которых доходят до половины голени. В руках он держит

высокую шапку, на плечи наброшена черная овечья шкура. Одежда крестьянина, изображенного на этой картине, очень напоминает одежду хортобадских пастухов из 1748 года.

Рис. 20.

Рис. 21.

На одной картине из 1667 года изображен крепостной крестьянин из Трансильвании (рис. 20). Покрой рубашки соответствует покрою рубашки хортобадского пастуха, рукава широкие, сама рубашка короткая и носится на выпуск, шаровары широкие и доходят до половины голени.

Рис. 23.

Рис. 22.

Рис. 24.

Одежда погонщика волов из XVII века кажется менее достоверной, однако, ее можно установить в некоторых деталях. На его голове была высокая барашковая шапка, рубашка длинная, на выпуск, на поясе узкая сумка, на сумке висит футляр для ножа. Брюки узкие и лапти с заостренными носками, с ремешками, обернутыми вокруг ноги до середины голени. Усы опущены вниз, волосы заплетены. Более ранних изображений одежды пастухов и крепостных крестьян не имеется. Итак исследования последних 400 лет объясняют, что одежда пастухов не отличалась в значительной степени от одежды крепостных крестьян, которые жили в аналогичных экономических и общественных условиях. Распространение отдельных частей одежды на очень большой территории и сходство форм, которые можно проследить назад на протяжении половины тысячелетия, подтверждают то, что эти части одежды принадлежат к самым древним предметам венгерской народной одежды. Однако, при современном состоянии в области исторического исследования одежды, нельзя с полной уверенностью утверждать, что они действительно имеют за собой такое огромное прошлое, как это предполагали наши исследователи в начале этого столетия. Исчерпывающие доказательства может дать сравнительное историко-этнографическое исследование, в котором войдет сравнение одежд крепостных крестьян восточноевропейских народов, живущих вместе с венграми. Во всяком случае можно утверждать, что одежда пастухов конца XIX столетия была самым длительным пережитком, существовавшей когда-то одежды крестьян и она сохранилась благодаря тому, что экономические и общественные изменения, которые происходили в жизни крестьян, менее всего влияли на изменения положения пастухов.

¹ О. Герман: «Главное занятие первобытных венгерцев», Будапешт, 1909, стр. 108, 123, 11.

² Л. Мадараш: «Кочевничество пастухов в Кечкеметской степи», Будапешт, 1912.

³ И. Зчеди: «Хортобадская пастухов в кечкеметской степи», Будапешт, 1912.

⁴ И. Дьэрффи «Венгерское село-венгерский дом» Будапешт, 1943, 162 л.

⁵ Там-же, 163 л.

⁶ И. Талаш: «Содержание животных среди народа в Кишкуншаге», Будапешт, 1936, 5 л.

⁷ И. Балог: «Историческое прошлое хортобадского пастушества», NÉ. 35: 97—112.

⁸ V. Kubijovič: Păstoritul in Maramures. Bul. Soc. Reg. Rom. de Geogr. 52: 260; Laurian Somesan: Viată păstorală in Muntii Galimani, ibid. 52: 295—304; Tiberiu Morariu: Viată păstorală in Muntii Rodnei. Bucuresti 1937. 135—137; Ion Diaconu: Păstoritul in Vrancea. Bucuresti 1930. 11—12.

⁹ Л. Золтай: «Неизвестные детали из прошлого Дебрецена. Дебрецен 1936, 137—11.

¹⁰ Л. Золтай: «Неизвестные детали из прошлого Дебрецена. Дебрецен, 1936, 181, 183—186 л.

¹¹ П. Вереш: «Деревенская хроника», Будапешт, 1941, 12—18.

¹² И. Дьэрффи: «Венгерские народные вышивки» I. «Цифрасюр». Будапешт, 1930. см, т, Мария Крес: «Венгерский цифрасюр». Acta Ethnogr. I.

¹³ Б. Тэкеш: «Одежда венгерцев в Мезэшеге». NÉ 28: 68—76 л.

¹⁴ III. Гэней: «Народное строительство в Пустафалу» (Комитат Абауи) NÉ. 31: 137 л.

¹⁵ Г. Киш: «Народная одежда в Орманшаге» Ethn. 43: 31 л.

¹⁶ Ф. Гэнци: «Народные одежды в Гетеш и Гэчей» NÉ. II: 202 л.

¹⁷ И. Талаш: «Народное животноводство в Кишкуншаге». 29—30 л.

Рис. 25.

Рис. 26.

Рис. 27.

Пастушество в равнинах и холмистых местностях

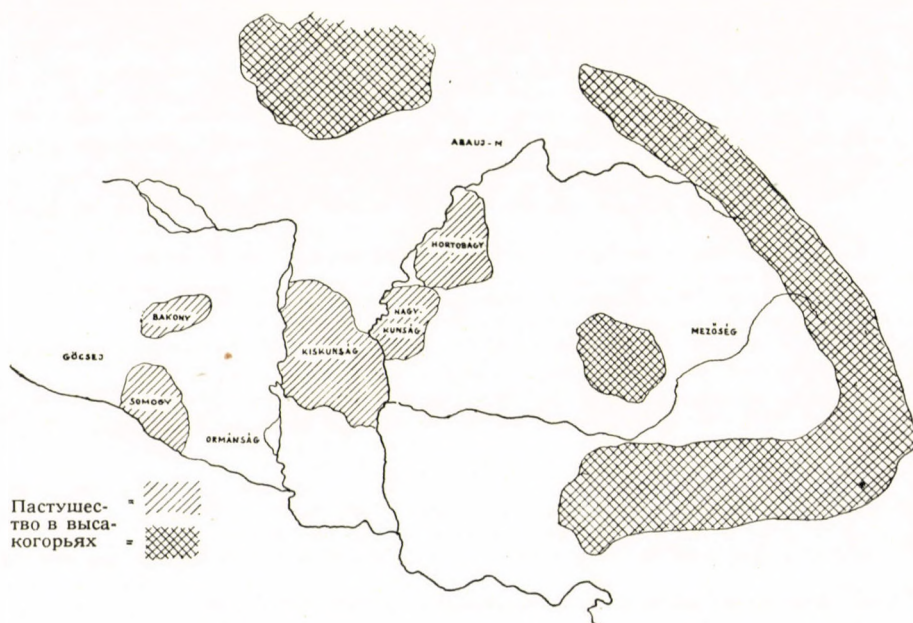

Рис. 28.

- ¹⁸ Ш. Эбнер: «Формы лаптей» НЭ. 24: 127—129 1.
¹⁹ Городской архив. Коллекция карт. № 12.
²⁰ Л. Золтай: Дебреценские одежды от XVI до XVII веков. Будапешт, 1938, 18 1.
²¹ Я. Фодор: Записки. Дебрецен. Музей Дери.
²² Л. Золтай: «Дебреценские одежды от XVI до XVII веков», Будапешт 1938, стр. 15.
²³ Правила гончарного цеха. Дебрецен. Музей Дери.
²⁴ И. Дьэрффи: НЭ. 13: 241, 18: 36, 21: 115—116 1. Ethn. 48: 124 1.

HERDSMAN-CLOTHING OF HORTOBÁGY

By

I. BALOGH

I.

It is nearly half a century since Hungarian ethnographic literature has been dealing with the description the Hortobágy herdsman-clothing. At the beginning of the present century, this clothing was more or less a unique phenomenon and differed greatly from the clothing even of peasants living in the direct neighbourhood of Hortobágy. At that period, in the basin of the Carpathians, herding survived only in certain distant, separated territories. The impression of the antiquated form of herding, the methods of breeding, the pasture sheds and not least of all, the singular features of herdsman-clothing distinguishing it from that of the surrounding regions, led our first ethnographers to the opinion that this kind of breeding may be directly connected with the *nomadism* of the Central Asian Turkish peoples. This opinion was expressed by O. Herman, worthy investigator of Hungarian ethnography, who derived Hungarian herding from the Scythians, which people lived in the Southern plains of Russia, and were described by Herodotos. The subsequent investigators, L. Madarassy and I. Ecsedi followed the idea and searched linguistic and material arguments to justify this theory. It was to support this theory that certain explorers tried to demonstrate above all the Central Asian Turkish origin of articles and denomination of herdsman-clothing. The Central Asian Turkish origin of the herdsman-clothing was an exceedingly strong argument to prove the connection between the Hungarian herding and nomadism. However later ethnographers did not find the material and linguistic arguments sufficiently convincing, on account of the great distance in space and time between Hungarian herding and nomadism of Central Asia. I. Györffy therefore, who did not give up the theory of continuity, tried to overcome this space, by stressing the interventive rôle of the Cumanians, the last nomadic Turkish people immigrating in the XIII. century. According to I. Györffy the Hungarian settlers of the conquestation lead a nomadic herding life on the Hungarian Plain (Alföld), from the XI. until the XIII. century. The Cumanians immigrating in the middle of the XIII. century, revived it again and continued nomadising until the XVI. century. In the XVI. century the Alföld became depopulated on account of the Turkish devastations, and in the place the former agrarian villages, nomadic herding flourished again and lived forth till the XIX. century. So the direct derivation, the relation with Central Asian nomadism and the related features became easily explainable.

II.

At closer investigation these common features vanish. The Central Asian nomads base their subsistence on the products of their animals, if their herd is destroyed the community living of its products is also in peril. The structure of Hungarian herding on the Alföld, may be reconstructed in detail from the XVII. century on through archival data. It is known that in the towns of the Alföld the animals were kept in two different ways. On the pastures surrounding the towns grazed the milk cows and the yoke-oxen, on the plains farther off grazed the extensively kept semi-wild cattle. The latter was kept on the pasture all through the year and was never in stables. The former was raised principally for its profit of milk and as yoke-oxen. The semi-wild cattle was kept only for its increase, as in the XVI.—XVII. centuries,

Hungarian cattle was driven in large quantities on foot to the West, especially to Southern Germany. Such extensively kept animals were generally owned by a few rich dealers, their cattle being tended by hired herdsmen. No instance is known that the people of any village or town lived exclusively of cattle-breeding, however it is true, that, on account of the abundance of pastures, cattle-breeding was always on a large scale and a large number of herdsmen lived always on the Alföld. The form of herding known in the XIX. century developed in the XVI.—XVII. centuries.

III.

The large social layer of herdsmen developed at the same time. During the serfdom herdsmen were recruited first of all from the cotters of the village communities, who had no land of their own and therefore were not obliged to serve the manor (socage, tithes) and, thus, were not bound to the soil. One part of them became hired herdsmen of villages or of towns, the other part became hired herdsmen of the dealers mentioned above. In the XVI.—XVII. centuries their salary was mostly payment in kind (food, clothes, cattle-breeding), which, from the XVIII. century on, gradually changed to payment in money. In the beginning of the XIX. century the great cattle and studs of individual citizens ceased and were replaced by farms consisting of 50—100 proprietors, jointly engaging an *accountant herdsman*, who generally received cash-payment, and the accountant herdsman on his turn engaged — according to the amount of cattle — 3—6 *herd-boys*, whom he fed spring to autumn and paid salary. So, from the XVI. century on, herdsmen have always been labourers, being either in the service of villages, or of dealers, or of farms.

IV.

At the end of the XIX. century and at the beginning of the XX. century the structure developed since 400 years still existed, but it was disappearing gradually. The first ethnographical investigations which described the clothing of the herdsmen are from that period describing the contemporary clothing. At this time, the herdsman's clothing did not differ so much from the clothing of the poor peasants, that the common origin could not be recognised. Only the older generation, herdsmen and farmers alike, wore plaited long hair (pl. 1.). There was some difference with the hat wear (pl. 2.), however a hundred years ago the broad brimmed hat used by the herdsmen, was common among the citizens too. (pl. 18.). At the end of the XIX. century the shirt, the wide linen trousers and even the sandal like »böcskor« (pl. 3.—7.) worn by herdsmen was the usual clothing of the poor people, likewise the winter garments, the fur-cloak and the cloth-coat, the »szűr« (pl. 11.—15.).

The garments described in the chapter above are, however, not to be found only in the neighbourhood of the Hortobágy. Similar garments are worn in the agrarian villages lying territorially far, in the Western part of Hungary the Dunántúl and in Transsylvania, so this may be considered as a usual folk costume of this time.

The herdsman-clothing of the XVII. century known from historic documents, does not differ essentially from the clothing described in the ethnographical literature, though at that time the hat was not worn yet. Moreover, the form of cut of certain garments may be traced backwards until the beginning of the XVII. century (pl. 17. 19. 20. 21.).

The historic data and descriptions justify on the one hand, that the herdsman-clothing known at the end of the XIX. century did not differ in the past from the clothing of the peasants, and, on the other hand, according to the present state of investigations, this common peasant-clothing may look back to a past of 400 years. Naturally, this does not mean that this clothing may not be older than this period, as we do not deny the possibility that there may be elements of Central Asian Turkish nomadism in the Hungarian herding, though the historical data and the comparative ethnographical investigation of herding and clothing of various neighbouring peoples seems to show more results also in method than theories based on superficial resemblance.

WORTGESCHICHTLICHES ZUM UNGARISCHEN CSEÉP »DRESCHFLEGEL«

Von

B. KOROMPAY

Die nachstehenden Bemerkungen wollen in erster Linie an die im Jahre 1943 unter dem Titel »Slagan och andra tröskredskap« in der Ausgabe des Stockholmer Nordischen Museums erschienene Studie des schwedischen Ethnographen *DAG TROTZIG* anknüpfen. Eben deshalb mögen hier einleitend einige Worte über die Hauptergebnisse dieser schwedischen Arbeit folgen. Dieses gründliche Werk behandelt den gesamten Fragekomplex des Dreschens und Austretens, von dem wir uns hier nur mit dem Problem des ungarischen Dreschflegels befassen. Abweichend von den bisher üblichen Einteilungen des Dreschflegels (z. B. *ERIXON, MEYER-LÜBKE*) bestimmt *TROTZIG* die verschiedenen Typen ausschliesslich auf Grund der Verbindung von Stiel und Schwengel. Er unterscheidet sieben Haupttypen: Flegel mit Zapfen (*tappslaga*), durchlöcherten Flegel (*h  l-*), trichterf  rmigen Flegel (*tratt-*), Flegel mit Rinne (*r  nn-*), Flegel mit Schlinge (*  gle-*), Flegel mit Nagelkopf (*spik-*) und den Flegel mit Kappe (*kappslaga*).

Nehmen wir an erster Stelle hier sogleich den Flegel mit Kappenbindung, der in Ungarn und in den benachbarten Gebieten — von der Ukraine bis Frankreich und Deutschland — eine fast alleinherrschende Stellung einnimmt und ausserdem im Westen auch in England und auf der Pyren  enhalbinsel verbretet ist. Der Verbreitung   ber   hnlich grosse Gebiete darf sich nur noch der als grossrussisch anzusprechende trichterf  rmige Typus r  hmen. Eine gewisse Expansion weist auch der bei den Finnen anzutreffende Flegel mit Zapfen auf, da dieser auch in Ostasien, bei den Chinesen auftaucht, nachdem er — wie es *TROTZIG* geistreich beweist — aus Europa dorthin gekommen war. Der Flegel mit Schlinge ist nur in einem eng begrenzten Verbreitungskreis vorzufinden, n  mlich in Schweden. Dies gilt auch f  r den Flegel mit Nagelkopf, der in D  nemark und S  dschweden bekannt ist. Die   ltesten Typen sind laut den auf Typologie und Verbreitung gegr  ndeten Forschungen *TROTZIGS* nicht die bisher aufgez  hlten Typen, sondern der durchl  cherte Flegel und der Flegel mit Rinne. Diese kommen auf den europ  ischen Reliktgebieten vor und kennzeichnend f  r ihr Alter ist das »ethnogeologische« Bild ihrer skandinavischen Verbreitung, das auf Grund von sorgf  ltigen Sammlungsergebnissen zusammengestellt wurde. Von diesen m  sste der durchl  cherte Dreschflegel — wie ihn *J. JANK  * aus der Umgebung des Balaton (Plattensee) erw  hnt¹ — als fr  hestes aus Stiel und Schwengel zusammengesetztes, zweiteiliges Werkzeug gelten, w  hrend der Flegel mit Rinne vom entwicklungsgeschichtlichen Gesichtspunkt

aus insoferne besondere Beachtung verdient, als *TROTZIG* sämtliche auf einer höheren Entwicklungsstufe stehenden Formen (Flegel mit Schlinge, mit Nagelkopf und mit Kappe) als aus diesem Typus hervorgegangen betrachtet.

Den kulturgeschichtlichen Forgerungen *TROTZIGS* gemäss ist der Dreschflegel ein Werkzeug ziemlich hohen Alters. Er dürfte in Nordgallien bei der Kreuzung der keltischen, germanischen und römischen Kulturen, im III.—V. Jahrhundert unserer Zeitrechnung, aus jenem langstieligen Dreschstock entstanden sein, der ihm typologisch am nächsten steht und dessen Bild uns auf antiken Grabmälern überliefert ist. Seine Ausdehnung wurde durch die klimatischen Verhältnisse begünstigt: südlich der Alpen und des Himalaja gewann das Austreten die Oberhand, nördlich hievon breitete sich das Dreschen immer mehr aus. Als erstes wurde der durchlöchernte Dreschflegel erfunden; der Flegel mit Zapfen verbreitete sich in der zweiten Hälfte des ersten Jahrtausends in Osteuropa und es waren vielleicht die Bulgaren aus dem Wolgagebiet, durch deren Vermittlung er in den östlichen Teil Eurasiens geriet. Das Erscheinen des uns interessierenden Dreschflegels mit Kappe kann seit dem XI. Jahrhundert auf englischen, später auf französischen Kalenderillustrationen verfolgt werden. Seine Ausbreitung in Osteuropa bringt *TROTZIG* mit dem Vordringen des Deutschtums nach Osten in Zusammenhang — sichtlich unter dem Eindruck der hausgeschichtlichen Forschungen von *BRUNO SCHIER* — und nimmt an, dass die Slawen zuerst in der Gegend der Oder und Elbe mit dem Dreschflegel bekannt geworden sind, jedoch nicht vor ihrer im VI. Jahrhundert erfolgten Trennung, sondern erst nachher. Zu dieser Folgerung gelangt er aus der Tatsache, dass die Bulgaren auch heute noch keinerlei Art des Dreschflegels benützen. Unter den in der Sowjetunion lebenden finnisch-ugrischen Völkern können zwei Typen des Dreschflegels nachgewiesen werden: bei den *Syrjänen (komi)* und *Tscheremissen (mari)* die mehr archaische Form des Flegels mit Rinne, bei den *Tscheremissen und Woijaken (udmurt)*, sowie bei den türkischen *Baschkiren*, die mit ihnen zwar sprachlich nicht verwandt sind, ihnen jedoch in Bezug auf Kultur ganz nahe stehen, der trichterförmige Typus, der die charakteristische Dreschflegelform der Grossrussen bildet. (*Abb. I.*)

Wie aus dieser skizzenhaften Darstellung seines Werkes hervorgeht, betrachtet *TROTZIG* Ungarn vom Gesichtspunkt der Geschichte des Dreschflegels als reines Durchgangsgebiet, als Aufnahmegebiet der aus dem Westen kommenden Kultureinflüsse. Dass dies in dieser Form nicht völlig zutrifft, sondern ergänzender Forschungen bedarf, wird uns klar, wenn wir die sprachliche Seite dieser Frage aufwerfen. Das Wort Dreschflegel (ung. *csép*) ist in der ungarischen Sprache ein Lehnwort aus dem Slawischen. Diese Tatsache allein lenkt im Verein mit vielen anderen Kulturwörtern slawischer Herkunft die Aufmerksamkeit auf die kulturvermittelnde Tätigkeit des Slawentums gegenüber unserer Volkskultur in den ersten Jahrhunderten unserer Geschichte im Karpatenbecken; sie ist aber auch ein Mahnruf, uns nicht mit einer grosszügigen kulturgeographi-

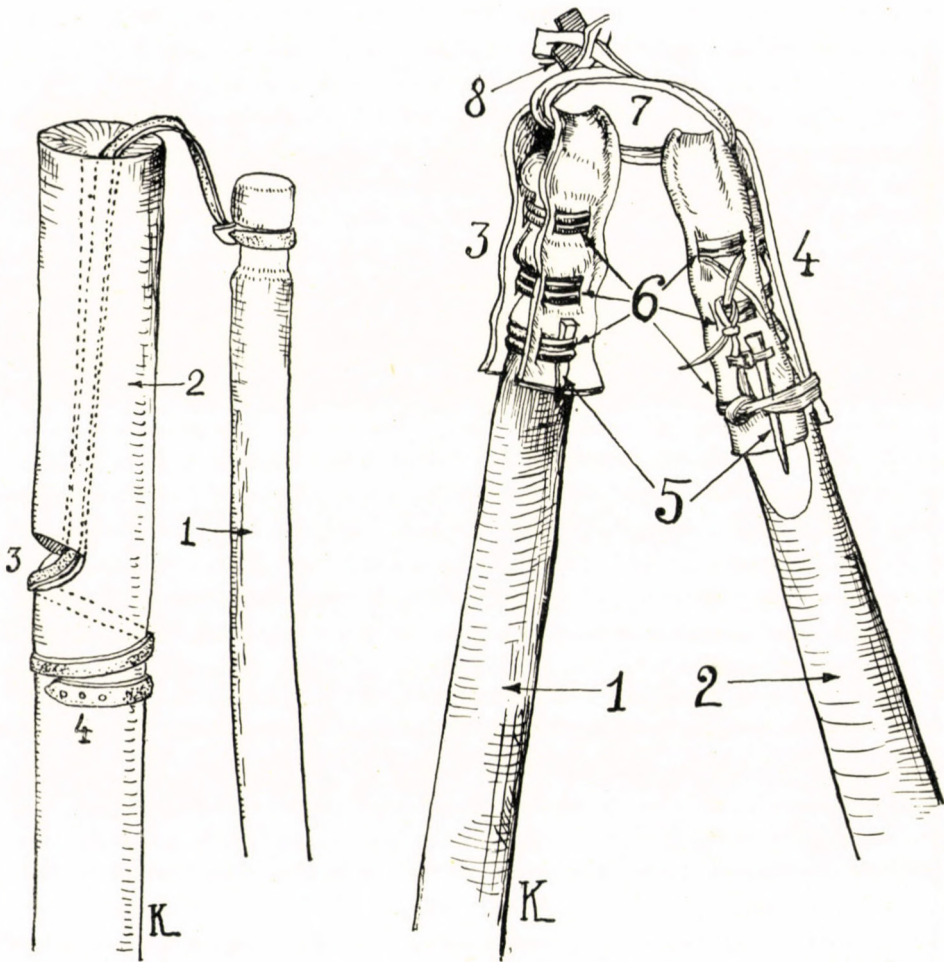

Abb. 1.

Abb. 2.

Abb. 1. Die grossrussische trichterförmige Bindung des Dreschflegels (*ciép*). Dorf Kotschatowka.

1. Der Schwengel (*t'ěpec*)
2. Der Stiel (*d'eržāl'en*)
3. Einschnitt
4. Befestigung des Riemens am Stiel

Abb. 2. Die Bestandteile des ung. Dreschflegels mit Kappenbindung. (Nach der Feststellung von László K. Kovács)

1. Der Stiel (*nyél*)
2. Der Schwengel (*hadaró*)
3. Kappe am Stiel (*nyékápa*)
4. Kappe am Schwengel (*hadarókápa*)
5. Klemmer für die Befestigung der Schnürriemen (*felkötőszíjat megerősítő pecek*)
6. Band- oder Schnürriemen (*felkötőszíjak vagy fűzőszíjak*)
7. Halsring (*telek*)
8. Kleiner Klemmer für die Befestigung des Halsringes (*telekszíj megerősítésére való kis pecek*)

schen Skizzierung der Verbreitung des Dreschfliegels zu begnügen, sondern im Rahmen dieser den Versuch zu unternehmen, unsere speziellen osteuropäischen Verhältnisse und Zusammenhänge kennenzulernen.

Freilich stellen die slawisch-ungarischen Berührungen in der ungarischen Volkskultur besonders in Hinblick auf die X.—XII. Jahrhunderte ein vielzu weites Arbeitsfeld dar, als dass ihre Bedeutung selbst in ihren Umrissen in aller Kürze angedeutet werden könnte. Soweit ich hierüber unterrichtet bin, waren es hauptsächlich die Fachleute der Fischerei und Hauskultur, die auf Grund der Terminologie die Möglichkeit einer starken slawischen Beeinflussung für diese frühe Periode unserer Geschichte ernstlich in Betracht gezogen haben. Aber auch mit dem ungarischen Ackerbau steht es nicht anders. Hier, wenn irgendwo, sehen wir das Ineinandergreifen paralleler sprachlich-ethnographischer Erscheinungen, die mit einander verbunden und auf eine bestimmte Zeit bezogen, bei der beiderseitigen Berücksichtigung von Wörtern und Sachen, uns einen tiefen Einblick in die Entwicklung unserer Volkskultur gewähren können. Und das mit umso mehr recht, als wir doch wissen, dass gerade der Ackerbau um diese Zeit, d. h. im XI. und XII. Jahrhundert, sozusagen die Basis der slawischen Kultur Osteuropas bildete. Mit besonderem Nachdruck wird diese These in dem Werke *D. GREKOV's* Kiewskaja Rusj (Die Kultur im kiewischen Russland, 1949.) in den einleitenden Kapiteln an einem reichhaltigen archäologischen und historischen Beweismaterial verfochten. Im selben Werke finden wir einen Hinweis, der uns nahe berührt und ebendeshalb hier nicht unerwähnt bleiben soll. Der namhafte sowjetische Forscher schreibt: »Im gegebenen Zusammenhang ist es sehr wichtig uns daran zu erinnern, dass in der ungarischen Sprache die Terminologie, die mit dem Ackerbau in Verbindung steht, eine slawische ist, dagegen die Fachausdrücke der Tierzucht von ungarischer Herkunft sind. Dies kann kein Zufall sein.« (S. 45) — Mögen auch die hier folgenden Auseinandersetzungen, die ursprünglich nur als Buchbesprechung bestimmt und schon vor mehreren Jahren abgefasst waren, zu diesen Gesichtspunkten an der Hand eines konkreten Problems, einen kleinen Beitrag liefern.

Die in der alten und Dialektsprache nachweisbaren Variationen des ungarischen Wortes *csép* leuten: *csép* und *csíp*. Sein erstes lexikalisches Vorkommen finden wir im Wörterverzeichnis von Bistritz (Besztercei Szójegyzék) am Ende des XIV. oder am Anfang des XV. Jahrhunderts in Gestalt von *cheph* in der Bedeutung von »exta« und »tribulum«. Beiläufig gleich alt sind die Belege in unseren Urkunden, so zum Beispiel im Jahre 1394 im Ausdruck *Cheptul futamuth*. Das aus diesem Wort abgeleitete Zeitwort »dreschen« (ung. *csépel*) ist seit Beginn des XV. Jahrhunderts belegt. Die ungarischen Ethnographen haben nicht gezögert, die aus der Herkunft dieses Wortes aufdrängenden Schlussfolgerungen zu ziehen. So schreibt *I. GYÖRFFY* im II. Band des Werkes »Ethnographie des ungarischen Volkes« (A Magyarorság Néprajza), der 1934 erschien, folgendes: »Das Dreschen ist die Arbeitsweise der nordeuropäischen rogenproduzierenden

Gebiete und es wurde uns durch die slawischen Völker vermittelt.« (S. 219). Diesem Satz können wir sogleich hinzufügen, dass das Vorkommen des bei uns allgemein verwendeten Typus mit Kappe bei den uns umgebenden Völkern diese Auffassung mit einem direkten, ethnographisch-sachlichen Beweis begründet.

Während das längere Teilstück des zweiteiligen Dreschflegels allgemein Stiel (ung. *nyél*) genannt wird, hat das kürzere Stück einen ursprünglichen und gleichfalls alten Namen: *hadaró* »Schwengel«. Dieses Wort ist zuerst im Bistritzer, und im Schlägeler Wörterverzeichnis aufgezeichnet, im ersteren in der Zusammensetzung *chobhadaro* mit der Bedeutung von »extabulum«. Bezüglich der Bindung des Dreschflegels sind aus der Volkssprache weitere interessante Bezeichnungen bekannt. Die häufigsten sind: *csépffej* »Dreschflegelkopf« und *csépkápa* »Dreschflegelkappe«. Diese Wörter werden aber nicht überall einheitlich gebraucht. Ein Volkssprachensammler erwähnt gleichzeitig beide Wörter aus Ober-Zemplén und macht einen Unterschied zwischen *csépffej* und *csépkápa* (Nyr. 10 : 325). Andere hingegen ziehen keinen klaren Trennungsstrich zwischen diese zwei Begriffe. Einem Sammler aus dem Órség zufolge wird jenes Leder *csépffej* genannt, mit dem der Schwengel an den Stiel befestigt wird (Nyr. 12 : 476), ein anderer Sammler im Komitate Győr bringt in Erfahrung, dass unter *csépkápa* die den Schwengel und Stiel verbindenden zwei dicken Riemen zu verstehen sind (Nyr. 16 : 143). Laut dem Wörterbuch des Szamosháti Dialektes (Szamosháti Szótár) ist der Name der an das Ende des Stieles befestigten Lederhülle *nyakló* »Halsriemen«. In der Ortschaft Szenna im Komitate Somogy ist an je ein Ende des Stieles und des Schwengels mittels eines Schnürriemens der aus je einem Riemen bestehende *csépffej* befestigt, diese zwei sind wieder mit einem Binderiemen (ung. *nyakszíz*) miteinander verbunden (A. NYÍRI: Szenna). J. JANKÓ erwähnt in seinem oben zitierten Werke, dass sowohl der Stiel wie auch der Schwengel des Dreschflegels einen Kopf (ung. *fej*) besitzt und dass in diesem je ein Loch (ung. *lik*) für den die zwei Köpfe verbindenden Zwischen- (ung. *köz-*), Schnür- (ung. *fűző-*) oder Schlagriemen (ung. *csapósíz*) gebohrt ist. Unter den ungarischen Ethnographen waren es in neuerer Zeit I. GYUTAI (Népr. Ért. 1934,36), und B. GUNDA (Népr. Ért. 1937,60), die den Namen *csépkápa* aufgezeichnet hatten. GYUTAI erwähnt aus der Ortschaft Magyarszerdahely im Komitate Zala, dass dort der Dreschflegel aus drei Teilen bestehe: aus dem Stiel (ung. *nyél*), dem Schwengel (ung. *hadaró*) und aus dem die beiden verbindenden Dreschflegelkopf (ung. *csépffej*). Dieser *csépffej* ist ein aus drei Riementeilen bestehendes Gebilde, das den Stiel mit dem Schwengel verbindet. Zwei von diesen drei Riementeilen bestehen aus je einem anderhalb Finger breiten, 10—12 cm langen Lederband, das Kappe (ung. *kápa*) genannt wird. Diese Bänder sind an den Stiel, bzw. an den Schwengel befestigt, während das dritte Stück in der Gestalt eines Ringes die zwei Lederbänder mit einander verbindet, indem es durch die Schlingen der Bänder

gezogen wird. *GUNDA* war dem Wort im Tale der Boldva begegnet und erwähnt es in nachstehendem Zusammenhang: Auf dem Schwengel und auf dem Stiel befindet sich eine aus Leder hergestellte und mittels Riemen befestigte Kappe (ung. *kápa*) und die zwei Kappen werden von einem Zwischenriemen (ung. *közszíj*) zusammengahelten. — Aus den hier zitierten Beschreibungen geht nunmehr hervor, dass Dreschflegelkopf und Kappe keine identischen Begriffe sind, sondern dass unter letzterem die den Dreschflegelkopf umhüllende, aus Leder bestehende Bindung, bezw. das Lederband selbst, verstanden wird.²

Diese Abklärung des Begriffes kann für uns deshalb nicht gleichgültig sein, weil unserer Meinung nach ausser den Beweisobjekten, die die Flegeltypen an und für sich darstellen, — in Gemeinschaft mit dem Gegenstande selbst — zwei sprachliche Beweise berufen sind, uns in der Frage der Herkunft des ungarischen Dreschflegels Richtung zu weisen: die beiden Wörter *csép* und *kápa*. Die Bezeichnung *kápa* für das den Dreschflegelkopf umhüllende Lederband ist keine von den europäischen Namen der Bindung unabhängige Benennung. Dieses Lederband wird nach der Angabe *TROTZIGS* in ganz Europa mit einem solchen Namen bezeichnet, und überall haben wir es nur mit einer Variation desselben Ausdrucks zu tun: französisch *chappe*, *chape*, *cape*, *échappe*, englisch *cap*, *capel*, *caplin*, belgisch *tschape*, *kap*, holländisch *kap*, deutsch *kappe*, *kapp*, polnisch *kapa*, *kapica* und russisch *kapitsja* (op. cit. S. 81. Anm.). Bereits aus den Jahren um 1200 gibt es Angaben über einen solchen Gebrauch dieses Wortes. In diese Reihe passt auch das ungarische *kápa* vorzüglich hinein, welches zusammen mit seinen westlichen Variationen auf das aus dem Kirchenlatein stammende, »Mantel« bedeutende *cappa* zurückzuführen ist (*BÁRCZI Magyar Szófejtő Szótár* = Ung. Etymol. Wörterbuch). Bekanntlich gibt es in der ungarischen Sprache ein zusammengesetztes Wort, dessen einer Teil aus dem Wort *kápa* gebildet ist: das Wort *nyeregkápa* »Sattelknopf« (Sattel = ung. *nyereg*). Wenn wir auch dieses Wort in diesem Zusammenhang vorläufig nicht erklären können, so ist doch die Herkunft der Benennung des Dreschflegels mit Kappe von dem »Mantel« bedeutenden Wort aus dem Kirchenlatein meiner Meinung nach genügend klar ersichtlich. Der auf die Kapuze bezogene Vergleich drückt nämlich gerade das Wesentliche dieser Bindung in anschaulicher Weise aus: dass das »Kappe« genannte Lederband den Kopf des Dreschflegels genau so von vorn und von hinten umhüllt — wobei eine Schlinge für den die zwei Bänder verbindenden Lederring freigelassen wird — wie eine Kapuze, die man sich über den Kopf zieht. Auch darin besteht eine Übereinstimmung, dass genau so wie der Mensch eine Kapuze in der Taille mit einem Strick zusammenzieht, auch das Ende des Flegelstiels und des Schwengels an jener Stelle mit rundherum verlaufenden, parallelen Rinnen verdünnt ist, wo das Lederband mit Lederriemen befestigt wird (*Abb. 2.*). Am Stiele dreht sich die Kappe, hingegen ist die Kappe des Schwengels während des Dreschens

unverrückbar. Es ist wohl mit der relativen Perfektion dieser Bindungsart zu erklären, dass sie sich nicht nur als Objekt selbst, sondern auch in ihrem aus dem Mittelalter stammenden Namen in so zahlreichen Gegenden Europas — und so auch bei uns in Ungarn — bis heute erhalten hat!

So sehr es über jeden Zweifel erhaben ist, dass der Dreschflegel mit Kappe — schon auf Grund seines Namens — ein Werkzeug westlichen Ursprungs darstellt, so steht es genau so fest, dass uns die Benennung *csép* »Dreschflegel« in den Kreis jener Angaben führt, welche die enge Verbundenheit unserer Kultur mit den slawischen Völkern dokumentieren. Was bedeutet dieses Wort und von wem wurde es übernommen? Laut dem Slawischen Etymologischen Wörterbuch von BERNEKER (S. 125) war die ursprüngliche Bedeutung des slawischen *čěpъ* nicht »Dreschflegel«, sondern einfach »Stock, Knüttel«, oder-genaue umschreiben — etwas wie »abgespaltenes, abgeschnittenes Stück Holz«, oder kurz »Spalte«. Etymologisch ist es eng mit dem slawischen Zeitwort *cepiti* »spalten« verbunden. Geblieben ist diese Bedeutung des Wortes im Bulgarischen (*čěpъ*) und im Russischen (*чѣpy*) im Namen der Schäfte des Webstuhls und bei uns laut dem Ungarischen Dialektwörterbuch (Magyar Tájszótár) bei den Szeklern im Namen *csép*, *csĕp* des »zum Webstuhl gehörenden, die Fäden trennenden Stäbchens und Brettchens«, sowie laut dem Wörterbuch von FRECSKAY (Mesterségek Szótára = Wörterbuch des Handwerks) in Bezeichnungen, die dem Handwerk der Weber angehören, wie: *csép*, *csépké*, *csépvessző*, *csin vessző*, *keresztcsép*, *hasító-pálca*, *szedőpálca* »Kreuzrute, Rute, Teilstab« (S. 395). In der Sprache der Gerberei bedeutet *csép* soviel wie »Leiste« (ebenda S. 50). In der primären Bedeutung dieses in die Sprache des Handwerks übernommenen Wortes hiess also *csép* nichts anderes als »Stab, Leiste«.

Wenn wir nun an die slawischen Sprachen herantreten, um sie zu befragen, von welcher Seite unser Wort *csép* (in der Bedeutung »Dreschflegel«) übernommen wurde, so wird am schwersten die bulgarische Sprache in Verdacht geraten, dass das in ihr vorkommende entsprechende Wort der Vorläufer unseres Kulturwortes gewesen sei. Die Ursache hiefür liegt auf ethnographischem Gebiet: die Bulgaren kennen, wie bereits erwähnt, den Dreschflegel nicht. Im Serbisch-Kroatischen lautet der Name des Werkzeuges *čijep* in der doppelten Bedeutung von »Stock« und »Dreschflegel«. Weiteren Forschungen in südlicher Richtung steht vorläufig der Umstand im Wege, dass in der Studie von TROTZIG — obwohl er einige Vorkommen des Dreschflegels am Balkan kennt — gerade der Dreschflegel mit Kappe dort nicht nachgewiesen ist, wo doch in der Ethnographie ein einigermaßen befriedigendes Ergebnis nur von einem Einklang der sprachlichen wie auch sachlichen Beweise erwartet werden kann. Richten wir nun unseren Blick nach Norden. Entlang der ungarischer Sprachgrenze kommen hier Lautformen des Begriffs vor, die gleichwohl das Recht eines Übermittlers beanspruchen könnten: so das slowenische *čĕp*, das slowakische und tschechische *cep*, das kleinrussische *čip* und das russische *čěpъ*. Der Vollständigkeit halber

können wir auch das polnische *cepy* und das sorbische *cypy* in Betracht ziehen, die Mehrzahlformen darstellen. Gleichfalls in der Mehrzahl wird das Wort im Kajkavischen und in manchen Dialekten der slowakischen Sprache gebraucht. Es kann somit als wahrscheinlich betrachtet werden, dass die Slawen entweder von Norden oder vielleicht vom Westen her (im Falle der Slowenen) auf das ungarische Volk jene Wirkung ausübten, die ihm gleichzeitig mit dem Namen den Gegenstand übermittelte.

Von welcher slawischen Sprache auch immer dieses Lehnwort übernommen wurde, so wirft es lautliche Probleme kaum auf. Als entsprechenden ungarischen *č*-Laut für das an Anfang des Wortes stehende fremdsprachige *c*- führt J. MELICH als Beispiele das Verhältnis des slawischen *cěv* zum ungarischen > *cső* »Rohr« und des deutschen *Zelter* zum ungarischen > *csődör* »Hengst« an (MNY. VI. 446) — obwohl für unser Wort *csődör* in neuerer Zeit auch eine andere (petschenegische) Erklärung gefunden wurde (MNY. XXXIX. 28). D. PAIS hat dann die Zahl der Beispiele für die Lautentwicklung *c* > *č*-mit der Erwähnung von weiteren Lehnwörtern aus dem Deutschen und Slawischen, bzw. von ungarischen Wörtern vermehrt (MNY. X, 70).

Interessant ist jener, an sich selbst unbedeutende Unterschied — weil er von einer gewissen Abweichung unter den slawischen Sprachen Zeugnis ablegt — dass in einigen slawischen Sprachen bzw. Dialekten der Begriff des »Dreschflegels« mit der Mehrzahl des Wortes ausgedrückt wird. Der Grund hierfür liegt wohl darin, dass dadurch zum Ausdruck gebracht werden soll, dass über einen aus zwei Teilen bestehenden Dreschflegel gesprochen wird und nicht über irgend einen aus einem Teil bestehenden Stock oder Stab. Als sicher kann angenommen werden, dass auch der von den Slawen übernommene ungarische Dreschflegel (*csép*) so beschaffen war. Darauf weist auch der Umstand hin, dass schon unsere ersten Wörterverzeichnisse den Dreschflegel in Begleitung des Schwengels erwähnen. Ein weiterer Beweis, dass der Dreschflegel bei unserem Volk als aus zwei Teilen bestehend bekannt war, wird durch die ursprüngliche einheimische Bezeichnung dieses Werkzeuges *másfélfa* »Anderthalbholz« erbracht, die erst vor kurzem beobachtet und in der Fachliteratur vermerkt worden ist (Nyr. 72 : 196). Wie die slawischen Sprachen mit der Verwendung der Mehrzahl — so will auch diese anschauliche Bezeichnung mit ihren eigenen sprachlichen Mitteln zum Ausdruck bringen, dass das Werkzeug aus mehreren Bestandteilen zusammengesetzt ist. Darüber hinaus gehend charakterisiert sie auch vortrefflich das Verhältnis der zwei Bestandteile zueinander, indem sie zum Ausdruck bringt, dass der Stiel zweimal so lang sein muss wie der Schwengel : aus dem richtigen Mass der zwei Teile ergibt sich also das im Namen ausgedrückte Verhältnis des »Anderthalbholzes.«

Die Frage, ob das Wort aus der Einzahl- oder Mehrzahlform der slawischen Sprachen übernommen wurde, ist hier schwer zu entscheiden, aber dies ist auch für uns von keiner besonderen Bedeutung. Beides ist gleicherweise möglich :

das ungarische *csép* kann sowohl vom slawischen *cep* als auch von den Mehrzahlformen wie *cepi* abgeleitet werden. Eine Wahl der letzteren Möglichkeit ist gleichbedeutend mit der Annahme, dass unser Wort ein sehr altes Lehnwort sei. In diesem Falle dürfte der Ungar des XI. Jahrhunderts in dem die Mehrzahl bezeichnenden *i*-Laut am Ende des slawischen Wortes nichts anderes als eine Selbstlautendung gefühlt haben, die in seiner eigenen Sprache gerade zu jener Zeit verschwindet. So verfuhr er denn mit diesem *i*-Laut gemäss dem Gesetze der ungarischen Sprachentwicklung: er warf ihn um das Jahr 1200 herum ab. In dieser Form wurde nun das Wort, das nunmehr der Einzahlform der slawischen Wörter glich, als *csép* weitergegeben. Die ungarischen Sprachforscher zogen seit ASBÓTH (Nyelvtudomány = Sprachwissenschaft I, 130) beide Lösungen in Betracht. Jedenfalls bedeutet es aber zugleich auch ein zeitbestimmendes Kriterium, wenn die Mehrzahlform als Ausgangspunkt genommen wird. Von den ungarischen Sprachforschern wird bei Ausserachtlassung jedes anderen als sprachlichen Gesichtspunktes angenommen, dass wir es im Falle unseres Wortes *csép* mit einem Lehnwort aus einer weit früheren Zeit, als es die ersten Aufzeichnungen im XIV. Jahrhundert vermuten lassen, vielleicht schon mit einem aus dem XI. Jahrhundert, zu tun haben. Und dass diese Annahme auch von ethnographischer Seite nicht gerade ausgeschlossen ist, wird an und für sich schon durch die Tatsache erhellt, dass im Westen zu derselben Zeit — auf Feldarbeit darstellenden Miniaturzeichnungen der Handschriften — sichere und glaubwürdige Beweise für das Bekanntsein des Dreschflegels mit Kappe vorliegen.

Weitere und vor allem auf sorgfältigeren Sammlungen basierende Forschungen wären berufen festzustellen, ob jener Dreschflegeltypus, durch dessen Übernahme der allgemeine Name des Werkzeuges in unserer Sprache Fuss fasste, nicht ein Typus war, der früher als der Typus mit Kappe in Gebrauch stand, aber von diesem verdrängt wurde. Noch ältere Kulturströmungen als diese hat TROTZIG im Auge, wenn er darüber spricht, dass sich die Expansion der Kelten über Ungarn hinweg bis zum Balkan, bis Kleinasien und bis Südrussland auswirkte. Was die Expansion der Kelten gegen den Balkan und gegen Osten betrifft, so dürfte uns diese Frage kaum näher berühren; hingegen ist von unserem Gesichtspunkt aus eine Expansion des Dreschflegels gegen den Balkan und gegen Osten, wenn auch in bescheidenerem Ausmass, nicht eben unwahrscheinlich. Wenn wir annehmen, dass wir den aus dem Westen stammenden Dreschflegel mit Kappe von den westlichen Slawen übernommen haben, so haben wir Grund zu vermuten, dass wir es waren, die ihn weiter nach Osten vermittelten. In dieser Hinsicht wird eine Verbindung mit den Rumänen dadurch bestätigt, dass in der rumänischen Sprache das Wort *hădărag* aus dem ungarischen *hadaró* »Schwengel« und das Wort *chiuz* aus dem ungarischen *köz* (szíj) »Zwischenriemen« stammt. Dies wird von T. PAMFILE in *Agricultura la Români* (SS. 199—200) erwähnt. In Bezug auf diese Stelle weist G. LUKŐ darauf hin, dass

der Gebrauch des Dreschflegels erst relativ spät, gegen Ende des XIX. Jahrhunderts zu den in der Moldau (Rumänien) lebenden Ungarn gedungen sei, wobei sie ihn durch die Szekler kennenlernten. Das in der Moldau und in der Walachei vorkommende Dreschen mit der Hand hält *LUKÓ* für neueren Ursprungs und durch die Ungarn vermittelt, das nur in den Siebenbürgen benachbarten Teilen, im Gebirge, gebräuchlich ist (A moldvai csángók = Die Csángó von der Moldau, S. 145).

Ein äusserst anziehendes, jedoch auch schwieriges Problem wird durch die Frage aufgerollt, ob unsere Vorfahren vor dem Kennenlernen und Anwenden des eigentlichen Dreschflegels über ein zum Dreschen benütztes Werkzeug verfügt haben, und wie dieses Werkzeug beschaffen war. Es ist wohl anzunehmen, dass irgend etwas da war. Es gibt Forscher, die behaupten, dass das Dreschen bei den finnisch-ugrischen Völkern schon in einer früheren Periode ihrer kulturellen Entwicklung bekannt war. Den aus einem Teil bestehenden, *varsta*, *vartta* genannten Dreschstock der Finnen leitet der finnische Forscher *SIRELIUS* auf Grund von sprachlichem und sachlichem Beweismaterial in das finnisch-permische Zeitalter zurück, in eine Zeit, als die Vorfahren der Finnen und der Permer noch miteinander in Verbindung standen (Suomen kansanomaista kulttuuria. I. S. 284).

Wenn diese Feststellung auf genug schwerwiegenden Beweisführungen beruht, so ist die Annahme naheliegend, dass vielleicht die volkstümliche Kultur gewisser Völker der Sowjetunion noch die Erinnerung an ein primitives Dreschverfahren birgt, welches den Ungarn, zur Zeit der Völkerwanderungszeit, während ihren Wanderungen in den südlichen Teilen des vormaligen europäischen Russlands, möglicherweise bekannt gewesen ist. In dieser Richtung sind eben erneute Forschungen erwünscht, wo wir auf die Mithilfe der sowjetischen Forschung rechnen dürfen. So auch auf dem ungarischen Gebiet. Auch hier muss wohl das Einsammeln weiteren Materials als erste und wichtigste Aufgabe gelten. Aber sollten wir auch über ein hinreichend gleichmässiges und historisch verwendbares reiches ethnographisches Material verfügen, so bleibt unseres Erachtens doch einer geschulten vergleichenden Forschung vorbehalten, die sich gleichzeitig auf die Resultate der Sprachwissenschaft, der Wegweiserin aller Ethnographen im Dunkel der frühen Vergangenheit stützt: in so verwickelten Fragen, wie die der Urgeschichte des ungarischen Dreschens, einmal noch die richtige Entscheidung zu treffen.

¹ Ethnographie der Umwohner des Balatongestades. Wien, 1906. S. 287.

² Weitere Angaben zur Terminologie des ung. Dreschflegels siehe in der hier nachfolgenden Studie von *L. K. KOVÁCS* über die ung. Dreschflegel und Dreschmethoden, die z. T. auf ganz neuen Sammlungen des Verfassers beruht.

К ИСТОРИИ ВЕНГЕРСКОГО ЦЕПА И ЕГО НАЗВАНИЙ

Б. Коромпан

Резюме

При ознакомлении с статьей шведского исследователя *Дат Троци* о различных типах цепа, о их распространении и взаимоотношениях, навязывается необходимость переработать данные этого исследователя, касающиеся Восточной Европы в язычном отношении. *Троци* рассматривает Венгрию, с точки зрения истории цепа, как переходную территорию: как воспринимателя культурных влияний запада. Однако, слово *csép* в венгерском языке является заимствованным словом славянского происхождения. Этот факт уже сам по себе, наряду с многими другими заимствованными славянскими словами, обращает внимание на роль славянства, как культурного посредника в образовании нашей народной культуры эпохи Среднего века. Кроме того, набросанная шведом в крупных чертах картина культурно-географического распространения цепа, не может нас удовлетворить, так как мы должны стремиться выяснить наши особые восточно-европейские отношения и связи внутри этого вопроса.

До сих пор наши исследователи, главным образом в отношении венгерского народного рыболовства и стреловодства, признавали сильное славянское влияние, однако и вопрос земледелия также принадлежит к этой области

Б. Д. Греков указывает на то, что в XI и XII столетиях земледелие было основой восточно-европейской славянской культуры и относительно Венгрии пишет: «Очень важно в данной связи напомнить, что в венгерском языке терминология, связанная с земледелием, — славянская, тогда как скотоводческие термины — венгерские. Это не может быть случайностью. (*Б. Д. Греков*, Киевская Русь, Москва, 1949, стр. 45).

По мнению автора, в вопросе о происхождении венгерского цепа, могут дать ориентацию два доказательства из области языка: слова *csép* (цеп) и *kápa* (капа). Слово *kápa* заимствовано из латинского слова *sappa* в среднем веке, которое обозначало накидку и поэтому является язычным доказательством о западном происхождении венгерского цепа, т. к. и его предметное значение повязы-накидки на венгерском цепе. Можно отнести к западному происхождению. Напротив слово *csép* указывает на славянское посредничество. Это слово и предмет, по всей вероятности, приняты нами от наших славянских соседей на севере, или на западе. С уверенностью можно утверждать, что уже первый цеп состоял из двух частей, т. к. уже первые определения слова (на переходе XIV и XV столетий) употребляют рядом со словом *csép* (цеп) и слово *hadaró* (молотило). Слово *hadaró* которое встречается и в румынском языке, свидетельствует о дальнейшей передаче ознакомления с цепом. Насколько слово *csép* (цеп) заимствовано венгерцами из одного из славянских языков в форме множественного числа буква — и — на конце, обозначающее множественное число у славян, элиминировалось у нас в связи с закономерностями развития венгерского языка: в этом случае имеется основание предполагать, что это заимствование произошло в XI веке.

DIE UNGARISCHEN DRESCHFLEGEL UND DRESCHMETHODEN

Von

L. K. KOVÁCS

1.

Das Dreschen des abgeernteten Getreides wurde vom ungarischen Volke in verschiedener Weise vorgenommen: entweder durch Austreten mit Tieren (ung. *nyomtatás*) oder durch Dreschen der Ähren mit Handflegeln oder so, dass die Ähren in irgendeiner Weise an die Dreschvorrichtung geschlagen wurden, z. B. an den Dreschtisch, an einen kleinen viereckigen Stuhl usw. In den von Magyaren bewohnten Gebieten war von diesen Arten das Austreten, d. h. das Austreten durch Tiere, am allerwichtigsten und am meisten verbreitet. Dies ist durch die bisherigen Ergebnisse sowohl der ethnographischen als wirtschaftsgeschichtlichen und urchenographischen Forschungen erwiesen. Auch die neueren Forschungen bestreiten nicht die Wichtigkeit des Austretens beim Dreschen des Korngetreides, die grosse Verbreitung desselben auf den von Magyaren bewohnten Gebieten, sowie die Tatsache, dass es dem Entkörnen mit Handflegeln wahrscheinlich historisch vorausging. Es muss jedoch nachdrücklich hervorgehoben werden, dass auch Handflegel vom magyarischen Volke allgemein benützt wurden und zwar war die Verwendung von Handflegeln nicht nur im Hügel- und Bergland (also in jenen gebieten, wo einerseits das Getreide später reifte und die Dreschzeit schon in die Regenzeit fiel, andererseits aber das Getreide nur in kleineren Mengen angebaut wurde und deshalb in Scheunen gesammelt und dort gedroschen wurde), sondern auch in der ungarischen Ebene bekannt. Dies hatte folgende Ursachen: vor allem die unmöglichen Besitzverhältnisse, die sich überall verbreitenden feudalen und kirchlichen Grossgrundbesitze, die grösseren und kleineren Besitze des einstigen Adels vermischt mit den von den Banken zusammengeraubten Besitztümern und den Gütern der Grossbauern (Kulaken); allen diesen gegenüber stand das Zwergbesitztum der einstigen Leibeigenen und die grosse Menge der besitzlosen Kötner. Diese zwei letzteren Kategorien trugen alle Arbeitslast der anderen Kategorien, denn sie waren es ja, die die Arbeitskraft für die Grossgrundbesitze lieferten. Auf den Grossgrundbesitzen gelangten auch im XVIII—XIX. Jahrhundert — natürlich dem damaligen technischen Entwicklungsgrade entsprechend — die den Grossbetrieben eigenen Formen zur Anwendung. Was das Dreschen des Getreides betrifft, war in der Tiefebene das Austreten durch Tiere, in den Hügel- und Berggegenden das Dreschen Scheunen mit Handflegeln gebräuchlich.

Die Kleinbauern leisteten den von ihnen nach ihren paar Joch (1 ung. Joch = 0,4316 ha) Frongut geforderten Dresch-Frondienst mit ihren eigenen

1—2 Pferdchen durch Austreten ab (also nicht mit Handflegeln)¹; der besitzlose Kötner (ung. *zsellér*), der kein Pferd hatte oder als Entgelt für den ihm überlassenen Hausgrund arbeitete (denn sein Haus erbaute er sich aus eigener Kraft), leistete den auf ihn entfallenden Frondienst beim Austreten als mit der Gabel helfender Arbeiter. Diese Kleinbauern und Mittellosen wendeten das Austreten nur äusserst selten für eigene Zwecke an (obzwar sie auf den Grossgrundbesitzen mit der Austretmethode arbeiteten), sondern sie droschen ihr armseliges Getreide mit Handflegeln. Und da in allen Gegenden des Landes der überwiegende Teil des Volkes aus diesen Kleinbauern und mittellosen Köttern bestand, ist es leicht zu verstehen, dass der Gebrauch des Handflegels in allen von Magyaren bewohnten Gegenden verbreitet war. Besonders wird dies verständlich, wenn man in Betracht zieht, dass der Roggen fast ohne Ausnahme und in jederlei Wirtschaft, auf feudalen, grossbetrieblichen Grossgrundbesitzen ebenso wie auf den Mittelbesitzen, sowohl bei den Kulaken wie bei den Kleinbauern gleicherweise mit Handflegeln gedroschen wurde. Roggen jedoch gedieh sozusagen überall im ganzen Lande, besonders aber überall, wo Sandboden war.

Der Hauptgrund, weshalb man den Roggen mit Handflegeln drosch, war nicht der, dass der Roggen zum Austreten fast völlig ungeeignet war (denn das »Zweifache« — ung. *kétszeres* — d. h. der mit Weizen vermengte Roggen, in manchen Orten sogar der reine Roggen, wurde grösstenteils ausgetreten), sondern dass das mit der Hand gedroschene Roggenstroh, das sogenannte Schaubstroh oder Schüttstroh (ung. *zsupp*) zu vielen Zwecken benützt wurde, so z. B. zum Dachdecken, Garbenbinden, Binden der Rebstöcke (vor den Verwüstungen durch die Phylloxera gab es auch in der Tiefebene überall Trauben), zum Flechten der Bienenkörbe und der beim Brotbacken und zu anderen Haushaltzwecken benützten Körbe, zum Füllen der Strohsäcke der Dorf- und Stadtbewohner usw. Das Stroh wurde nicht nur an solchen Orten zum Dachdecken verwendet, wo es kein Schilfrohr gab. Die neueren Forschungen beweisen immer überzeugender, dass auch in reich mit Rohr bestandenen See- und Sumpfgenden die Häuser mit Schüttstroh oder mit sogenannten aufgeschichtetem Stroh (ung. *felrakott szalma*) gedeckt wurden. Dass Strohdach war nämlich dauerhafter als das Schilfdach. Auch wenn zum Decken des Daches Schilf benützt wurde, wurde das Dach immer mit Schüttstroh eingefasst. Die Schilfeinfassung ist nur dann dauerhaft, wenn darüber auf dem Dachfirst ein Bretterschutz aus in Gestalt eines auf den Kopf gestellten »V« zusammenge nagelten Brettern angebracht wird.

Eine scharfe Grenze zwischen dem Austreten und dem Dreschen mit dem Handflegel kann also geographisch nicht gezogen werden; im Gegenteil, die Benützung des Handflegels verbreitet sich auch in jenen Gebieten, wo das Austreten das wichtigere Dreschverfahren ist. Das Austreten war auch in den Übergangszonen der Hügel- und Berggenden, also in jenen Gegenden, wo

man Handflegel benützte, üblich, aber nur in den Übergangszonen. Es sind zwar auch solche Fälle bekannt, wo das Getreide in Scheunen mit Pferden ausgetreten wurde (aber nur der Weizen, die Gerste und der Hafer : der Roggen wurde mit dem Handflegel gedroschen), doch beweisen die Tatsachen, dass es auch ausschliessliche Gebiete der Anwendung des Handflegels gab, wo es die einzige Art des Dreschens bildete.

Infolge der Verbreitung der Dreschmaschine gehört das Austreten heute schon völlig der Vergangenheit an. Heute erinnern sich nur noch die Alten daran, aber nur als an etwas, das sie in ihrer Kindheit gesehen und woran sie vielleicht auch teilgenommen hatten. Die ganze Arbeitsmethode und die Geräte werden heute nur noch in den Museen gehütet. Der Handflegel ist hier und da auch heute noch gebräuchlich. Grösstenteils wird er zum Dreschen der Hülsenfrüchte (Bohnen, Erbsen, Linsen) benützt, aber wo zum Decken des Daches, zum Garbenbinden und zu anderen Zwecken Schüttstroh gebraucht wird, dort wird der Roggen — wenigstens teilweise — mit dem Handflegel gedroschen. Es muss hier noch bemerkt werden, dass parallel mit der Verbreitung der Dreschmaschine auch die Verbreitung des Handflegels auf Kosten des Austretens vor sich ging. Das will aber keinesfalls bedeuten, dass die Benützung des Handflegels die Einführung einer besseren Arbeitsmethode als der des Austretens war, sondern nur, dass das Kleinbaurntum, das seine spärlichen Produkte nicht durch die Beanspruchung der Dreschmaschine stark verzollen lassen wollte, sowie auch seine geringe Ernte nicht unter das Pferd zum Dreschen legen wollte — obzwar es früher, vor dem verarmenden Einfluss des sich fortwährend kapitalisierenden Grossgrundbesitzes, sein Getreide austreten liess — anstatt der unzeitgemässen, grossbetrieblichen Methode des Austretens seine paar Bündel Weizen, Roggen und Hafer mit dem Handflegel drosch. So konnte es vorkommen, dass sich der Gebrauch des Handflegels auf Kosten des Austretens vorübergehend verbreitete.

Es gibt aber auch Orte in Ungarn, wo man den Handflegel überhaupt nicht kennt und sich überhaupt nicht daran erinnert, ihn jemals benützt zu haben. Dies bedeutet aber kaum mehr, als dass man dort den Handflegel aus irgendeinem Grunde früher ausser Gebrauch stellte als anderswo und dass sich die heute lebende Generation nicht mehr an ihn erinnert. Trotzdem ist es kaum denkbar — obzwar wir auf Grund wissenschaftlicher Forschungen die Anwendung des Austretens bei den Magyaren als die ältere Dreschart ansehen können als diejenige des Handflegels —, dass es irgendwo einen Ort gibt, wo man den Handflegel nicht gekannt oder gebraucht hätte.²

2.

Der Handflegel — vom einfachen Dreschstock angefangen bis zum Dreschschlegel (ung. *cséplősulyok*, Abb. 29 B) und zum zweiteiligen Handflegel (aus

Stiel und Schwengel bestehend) — war bei den Magyaren in verschiedenen Formvariationen gebräuchlich und ist, wir wiederholen es, an einigen Orten auch heute noch gebräuchlich. Betrachten wir zuerst die zweiteiligen Handflegel. Diese können je nach der Verbindung des Stieles mit dem Schwengel in drei Haupttypen eingeteilt werden: 1. Dreschflegel mit »Kappe« (ung. *kápáscsép*), 2. Dreschflegel mit »Zwischenring« (ung. *közgyűrűs csép*), der vereinzelt im

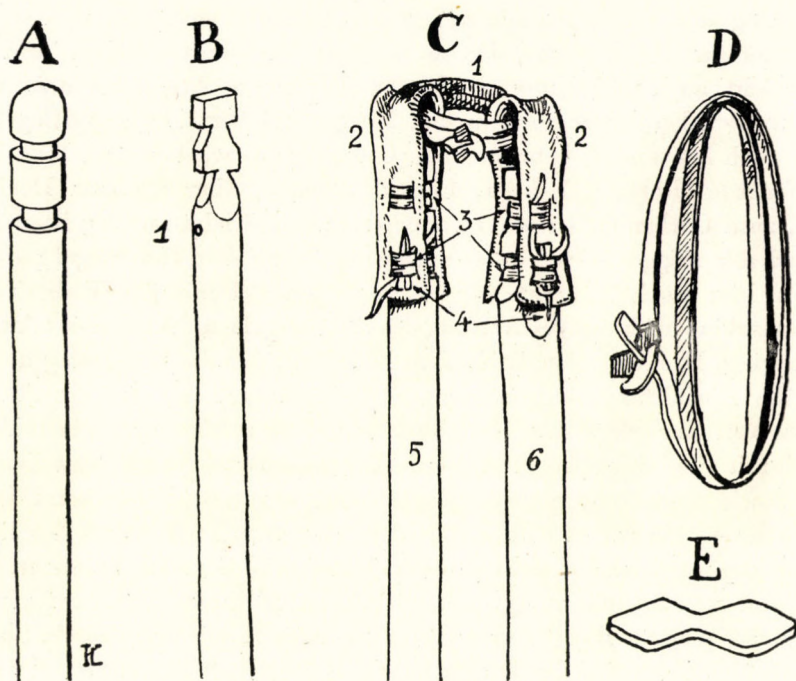

Abb. 1. A) Schnitzerei des Kopfes am Dreschflegelstiel. B) Schnitzerei des Schwengelkopfes, = in den Dreschflegel gebohrtes Loch. C) Ein Dreschflegel mit darauf befestigter Kappel. D) Binderiemens. E) Holzstift (ung. *fapecek*). 1. Langriemen (ung. *telekszj* oder *közszj*). 2. Kappe oder Flegelkopf (ung. *kápa* oder *csépfj*). 3. Binderiemens zum Befestigen der Kappe (ung. *felkötöszj*). 4. Keile (Stifte) zum Spannen der Befestigungsriemen (ung. *ék* oder *pecek*). 5. Dreschflegelstiel (ung. *csépnýél*). 6. Schwengel (ung. *hadaró*).

westlichen Teile Ungarns und südwestlich vom Balaton (Plattensee) vorkommt und 3. der »durchlöcherte« Dreschflegel (ung. *lyukas csép*), welcher in der Gegend des Balaton und im südlichen Teil des Komitates Baranya bekannt ist.³

1. Dreschflegel mit Kappe.

Der Dreschflegel mit Kappe besteht aus drei Hauptteilen: aus dem Stiel, aus dem Schwengel und aus den zur Verbindung der beiden Teile dienenden Kappen (ung. *kápa*). Der Stiel ist gewöhnlich ein 2—3 cm dicker, runder Stock, dessen Länge 1,50—2 m beträgt. Gewöhnlich wird er aus Holunderholz (*Sambu-*

cus nigra L.) hergestellt, denn dieses ist leicht und dabei zähe. Diese Eigenschaften sind wichtig. Wenn kein Holunderholz vorhanden ist, so trachtet man ein derartiges Holz zu wählen, welches den obgenannten Eigenschaften am ehesten entspricht. Solches ist das Holz des Kornelkirschbaums (*Cornus mas L.*), des Haselnusstrauchs (*Corylus avellana L.*), der Winterliche (*Quercus sessiliflora SALISB.*) usw. Der abgeschnittene Stiel wird vor allem einmal glatt-

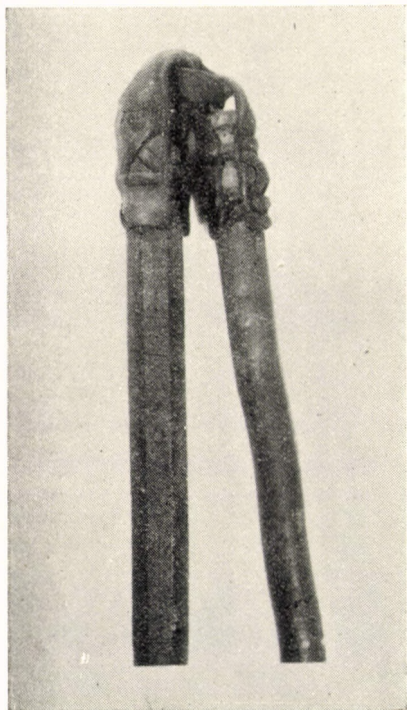

Abb. 2. Dreschflegel mit Kappe. Magyarvaskó, Kalotaszeg (Siebenbürgen). Ethnographisches Museum, Budapest. Inv. Nr. 10.063.

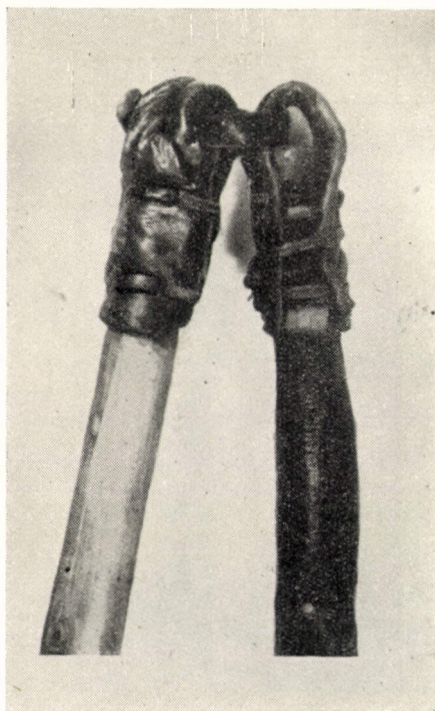

Abb. 3. Dreschflegel mit Kappe. Hidas (Komitat Baranya). Dieser Dreschflegel stammt aus der Bukowina (aus dem Dorfe Istensegits). Ethnographisches Museum, Budapest, Inv. Nr. 141.783.

geschnitzt. Wenn er aus Holunderholz gefertigt wird, so wird die Rinde abgeschält und die hervortretenden Knoten werden glattgeschnitzt. Wenn der Stiel aus einem anderen glattrindigem Holz hergestellt wird, so werden nur die Knoten abgeschnitzt und die Rinde wird belassen. Der Stiel wird so angefertigt, dass immer das Stammende des Baumes den Griff, und der dünnere Teil, die spitze des Baumes, den Kopf des Stieles bildet. Das Ende des Griffes wird gewöhnlich abgestumpft (hauptsächlich in jenen Orten, wo man während des Dreschens das Getreide mit dem Stiel wendet) oder es wird flach abgerundet.

Das dünnere Ende oder der Kopf des Stieles wird gewöhnlich kugelförmig geschnitzt oder aber nur flach abgerundet und ausserdem werden noch 2 oder 3 rundherum verlaufende Kerben eingeschnitzt. Die rundherum verlaufenden Kerben dienen zur Aufnahme der Riemen, mit welchen die Kappe befestigt wird (Abb. 1 und 3). In einigen Gegenden⁴ wird der Stiel am Kappenende auch verziert, aber nur in einer Länge von 40—50 cm, also nur derjenige Teil, der während des Dreschens nicht angefasst wird.

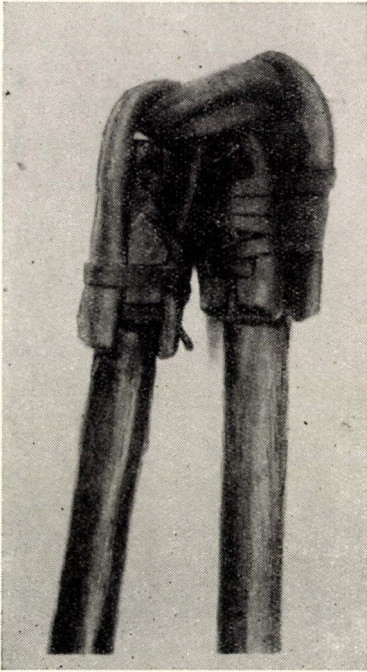

Abb. 4. Dreschflügel mit Kappe (Komitat Szatmár). Ethnographisches Museum, Budapest

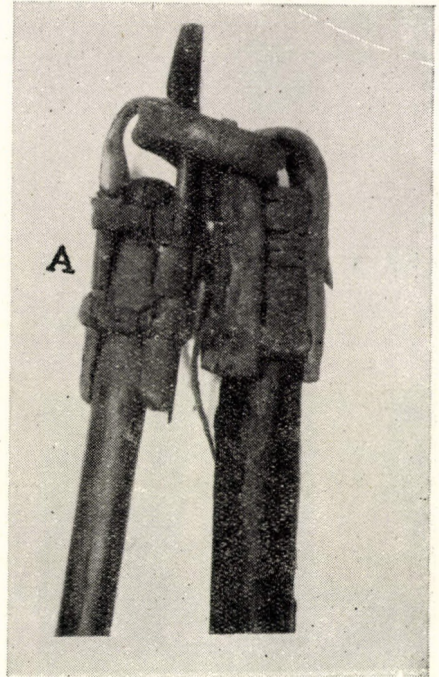

Abb. 5. Dreschflügel mit Kappe. A) Die aus Holz verfertigte Kappe. Zuberec (Komitat Árva, Tschechoslowakie). Ethnographisches Museum, Budapest. Inv. Nr. 10 267

Der Schwengel ist kürzer als der Stiel, gewöhnlich nur halb so lang⁵ Seine Dicke ändert sich je nach den verschiedenen Gegenden. An den meisten Orten ist er ebenso dick wie der Griff der Stieles, also 2—3 cm, anderswo aber 5—6 cm oder noch dicker. Der dicke Schwengel war in Transdanubien, hauptsächlich bei den in Ungarn ansässigen Schwaben gebräuchlich. Der Schwengel wurde aus schwerem Holz und vor allem aus Hartholz hergestellt. Man hielt das Holz des Schlehdorns (*Prunus spinosa* L.), der Quitte (*Cydonia oblonga* MILL.), der Haselnuss (*Corylus avellana* L.), des Spindelbaums (*Evonymus vulgaris* MILL.), der Kornelkirsche (*Cornus mas* L.), des Hartriegels (*Cornus*

sanguinea L.) für das beste, aber der Schwengel wurde auch aus Eichenholz aus zähem, weniger leicht brechbarem und spaltbarem Holz gefertigt. Man trachtete immer jüngere Stämme zu verwenden, weil man diese samt dem Stammende auszuschneiden vermochte. Das Stammende wurde nämlich immer als das Ende des Schwengels benützt. Das obere Ende des Stammes wurde

Abb. 6. Dreschflegel mit Kappe. Báj (Komitat Komárom). Ethnographisches Museum, Budapest. Inv. Nr. 135 836.

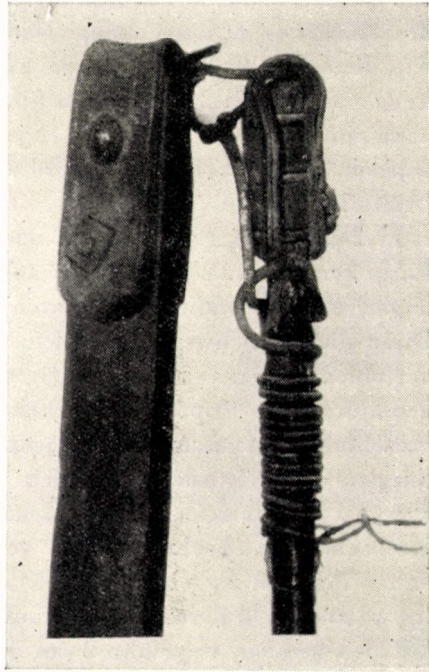

Abb. 7. Dreschflegel mit Kappe. Váralja (Komitat Tolna). Ethnographisches Museum Budapest. Inv. Nr. 49 184.

zum Kopf des Schwengels verwendet. Die Rinde des zum Schwengel benützten Stammes wurde nicht abgeschält. In dieser Hinsicht bildete die Eiche eine Ausnahme, da ihre Rinde durch Sengen im Feuer (ung. *párgolás*) entfernt wurde. Das Sengen geschah so, dass man im Freien, gewöhnlich noch im Walde, wo man den Baum fällte, aus Unkraut und Ästen ein Feuer entzündete. Das zum Schwengel bestimmte Holz wurde in das Feuer gehalten und gedreht, damit es nicht Feuer fange. Sobald die Oberfläche der Rinde gut angesengt war, wurde das Holz aus dem Feuer genommen, beim dünneren Ende ergriffen und fest an die Erde geschlagen, worauf die Rinde absplitterte, sich vom Holz herunter-schälte. Bei einer solchen Gelegenheit schälte man 5—6 Stämme, um sich gleichzeitig auch laeine Reserve anzulegen. Dieses Verfahren wurde im Herbst,

nach dem Entlauben der Blätter vorgenommen, sobald die Saftzirkulation in den Bäumen aufgehört hatte. Auch andere Bäume wurden erst nach dem Laubfall ausgehackt, wenn man sie als Schwengel benützen wollte. Der ausgeschnittene Stamm wurde im Winter, wenn man mit anderen Arbeiten weniger beschäftigt war, zu Schwengeln geschnitzt. Der Kopf des Schwengels, wohin die Kappe kam, wurde mit einem scharfen Schnitt abgeschnitten, abgesägt und der Rand des Schnittes wurde rundherum abgestumpft. Dann wurden die beiden Seiten des Holzes — in einer Länge von 15—20 cm — flachgeschnitzt (Abb. 1. B.). Auf diese Flächen legen sich die zwei Flügel der Kappe. In die ungeschnitzten Teile schnitt man 2—3 Kerben für die Binderriemen. In einigen Gegenden wurde auch ein Loch durch den Schwengel gebohrt, durch welches die Riemen gezogen wurden, damit auch so das Verdrehen der befestigten Kappe verhindert werde (Abb. 1. B, C).

Der Schwengel wurde je nach der Gegend in verschiedener Dicke und Form hergestellt. Wie schon erwähnt, wurden in Transdanubien und in den von ungarischen Schwaben bewohnten Gegenden die dicksten Schwengel benützt. Diese dicken Schwengel wurden dann auch nicht rund gelassen, sondern zu verschiedenartigen stumpfkantigen, rechteckigen oder quadratischen Prismen geschnitzt. Der Kopf dieser dicken Schwengel wurde sich pyramidenstumpfförmig verschmälerend geschnitzt und sägezahnförmig eingekerbt (Abb. 6., 7.). In Siebenbürgen, in Kalotaszeg (westlich von Klausenburg), ist der zu sechseckigen Prismen geschnitzte Schwengel häufig anzutreffen, der gewöhnlich auch mit Kerbschnitzerei-Technik schön verziert wird (Abb. 2). In einigen Gegenden endet der Schwengel in eine Keule (Abb. 12. A.), anderswo, hauptsächlich im westlichen Teil von Transdanubien und im Csallóköz,⁶ werden Eisenringe auf den runden, ungefähr 2 cm dicken Schwengel gezogen, damit er dadurch schwerer werde (Abb. 9, 11, 12 B und C). Sowohl der in eine Keule endende als auch der mit Eisenringen versehene Schwengel bricht das Stroh, ebendeshalb wird er nur dann benützt, wenn man das gedroschene Stroh nicht als Schüttstroh verwenden will. Es sind auch solche Dreschflegel bekannt, zwar nicht unter den Flegeln mit Kappe, deren Schwengel in der Längsrichtung gekerbt sind (Abb. 16). Auch diese Schwengel brechen das Stroh stark, sie sind also gleichfalls nicht zum Dreschen von Schüttstroh geeignet.

Der Schwengel (ung. *hadaró*) wird allgemein und überall Schwengel genannt, teilweise aber auch »Dreschkopf« (ung. *csépfő*) wie in Szada, Komitat Heves, oder »Fohlen« (ung. *csikó*) wie in Rétköz, Komitat Szabolcs, oder »Patschi« (ung. *pacsi*) wie in Gyöngyöspata, Komitat Heves.

Die Kappe wird aus Leder verfertigt, ihre Grösse wechselt je nach der Gegend und je nach dem sie mit 2-, 3-, oder 4-reihigen Riemen an den Stiel bezw. an den Schwengel befestigt wird. Zur Herstellung der Kappe wurden in der letzten Zeit häufig schon abgeragene Stiefelröhren, zerrissenes Pferdegeschirr, Brustriementeile, eventuell stärkeres, im Geschäft gekaufte Leder

benützt. Früher wurde aber auch das zur Kappe notwendige Leder selbst gefertigt. Und zwar wurde, wenn man ein Rind schlachtete oder wenn ein Fohlen verendete, von dessen Beinen — vom Knie bis zu den Hufen — die Haut

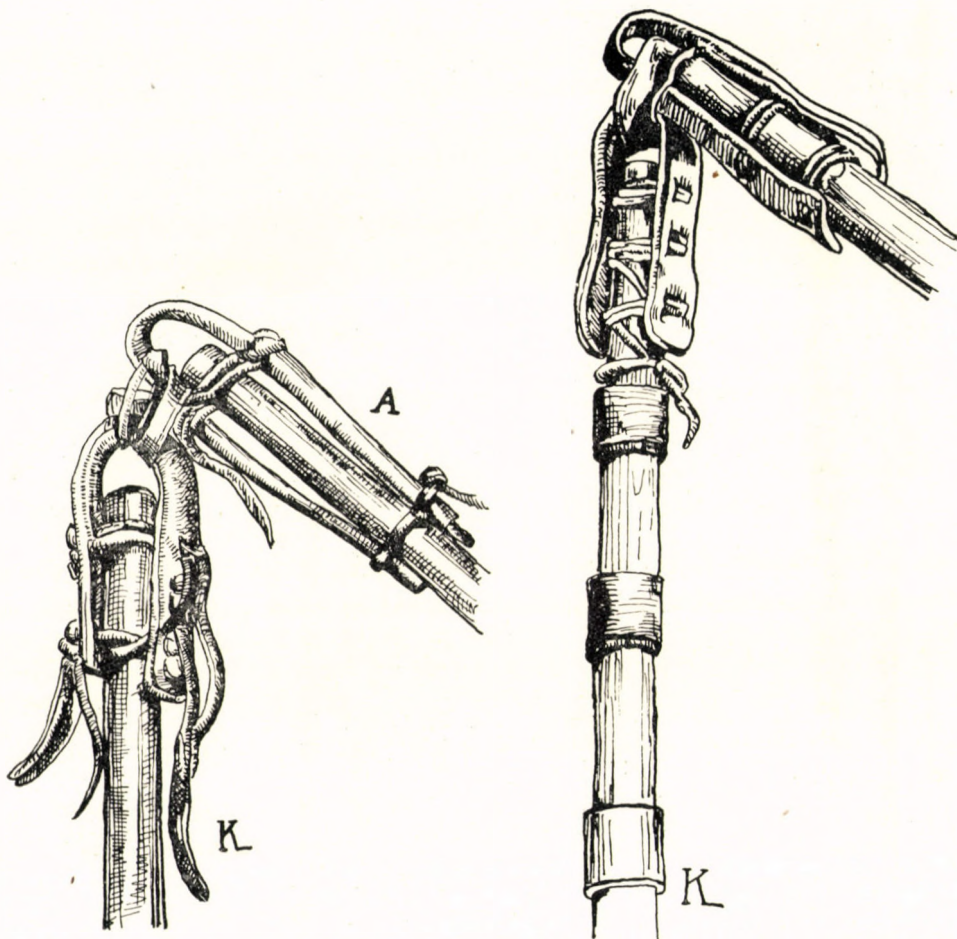

Abb. 8. Dreschflegel mit Kappe. Aus Holzverfertigte Kappe. Muraszentes (Komitat Vas). Museum, Szombathely. Inv. Nr. 1361/1948.

Abb. 9. Dreschflegel mit Kappe. Szentelek (Komitat Vas). Museum, Szombathely. Inv. Nr. 1364/1948.

abgezogen, womöglich so, dass sie an der Seite nicht aufgeschlitzt wurde. Die so erhaltene röhrenförmige Beinhaut wurde dann über ein dickes, zylindrisches Holz gezogen, auf das es noch gerade passte, und wurde sodann getrocknet. Die Haut trocknete fest an das Holz an. Nach dem Trocknen wurde sie dick mit breiartigem, gelöschtem Kalk bestrichen, um das Haar abzuätzen. Der Kalk wurde so lange auf der Haut gelassen, bis er trocknete, dann wurde die Haut mit einem keilförmigen, spitzen Holzstück glattgeschliffen. Zusammen

mit dem Kalk wurde auch das abgeätzte Haar von der Haut entfernt. Die enthaarte Haut wurde dann ins Wasser gelegt, damit sie weich werde und vom

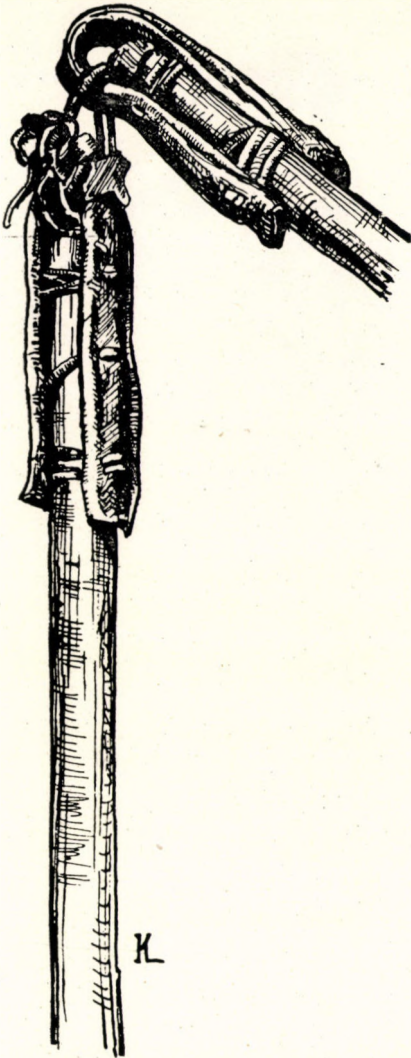

Abb. 10. Dreschflegel mit Kappe. Rábátótfalu (Komitat Vas). Museum, Szombathely. Inv. Nr. 1366/1948.

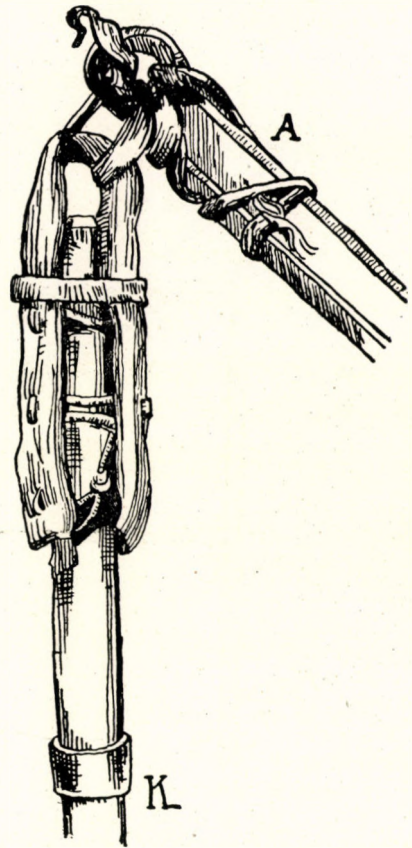

Abb. 11. Dreschflegel mit Kappe. A) Aus Holz verfertigte Kappe. Németszentgrót (Komitat Zala). Museum, Szombathely. Inv. Nr. 1365/1948.

Holz abgezogen werden könne. Das so erhaltene Leder wurde dann in noch feuchtem Zustand der Länge nach zusammengefaltet (Abb. 13 A) und den Stiel-, bzw. den Schwengelkerben entsprechend durchlöchert, um die Riemen durchziehen zu können, mit welchen die Kappen an den Stiel und an den Schwen-

gel befestigt werden (Abb. 2, 4, 9, 10, 11). Das an den Stiel und Schwengel gebundene Rohleder wird nach dem Trocknen so hart wie Holz. Das war es, was mit dieser Art der Lederzubereitung erreicht werden sollte. Diese Kappe

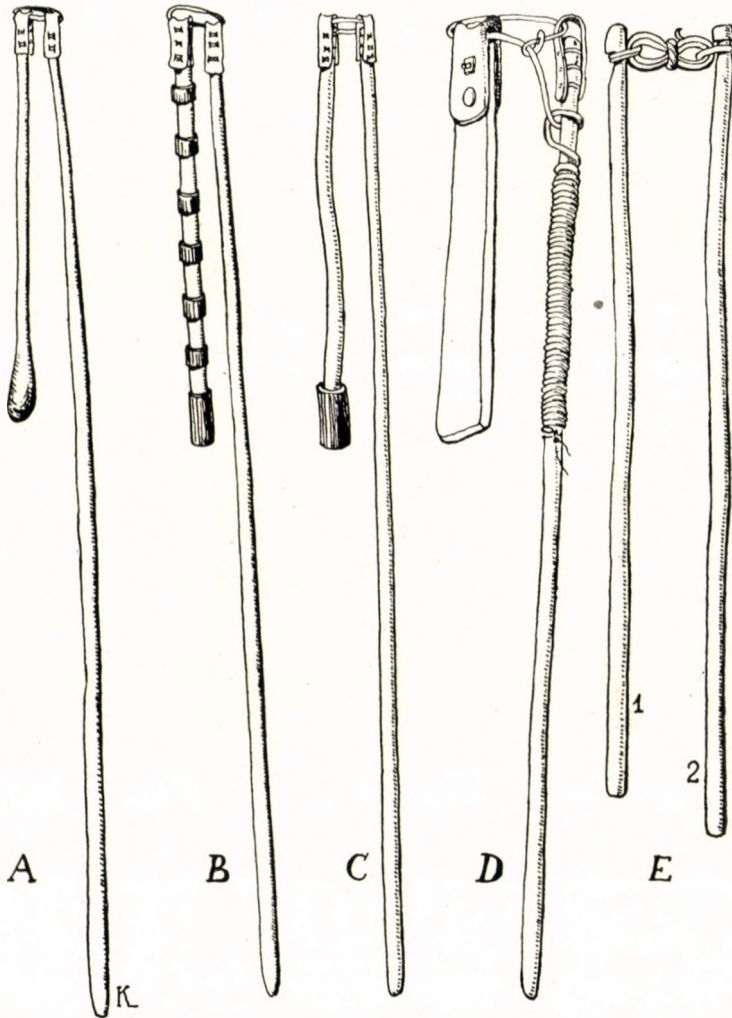

Abb. 12. A) Dreschflegel mit Kappe mit keulenförmigen Schwengel. Rábatótfalu; B) Dreschflegel mit Kappe. Der Schwengel ist mit Eisenringen versehen. Sentelek; C) Dreschflegel mit Kappe, am Ende des Schwengels ist eine Eisenhülse. Sopronkerezstur; D) Dreschflegel mit Kappe mit flachem Schwengel und auf den Stiel gewickelten, regulierbaren Verbindungsriemen. Váralja; E) Dreschflegel mit Zwischenring. 1. Schwengel, 2. Stiel, Rábakeresztés.

drehte sich nämlich sehr gut am Stiele und war auch äusserst dauerhaft. Auf den Schwengel — nachdem sie straff draufgebunden wurde — trocknete die Haut dermassen an, dass sie sich auch ohne Verkeilung nicht lockerte. Das Bein eines Rindes oder eines Fohlens gab gerade genug Leder für eine Kappe.

Wenn die Beinhaut so abgezogen wurde, dass man sie an der Seite aufschlitzte, dann wurde sie so getrocknet, dass man in ihren Rand dicht nebeneinander Nägel einschlug und sie über ein Brett spannte. Sobald sie getrocknet war, wurde sie mit gelöschtem Kalk bestrichen und dem weiter oben beschriebenen Verfahren gemäss enthaart. Nach dem Enthaairen wurde sie vom Brett abgenommen und in Wasser aufgeweicht. Das weiche Leder wurde in noch nassem Zustande drei- oder viermal der Länge nach zusammengedreht (Abb. 13 B), zur Aufnahme der Bänderiemer durchlöchert und sofort — noch nass — auf den Stiel bezw. auf den Schwengel des Dreschflegels gebunden. Diese beim

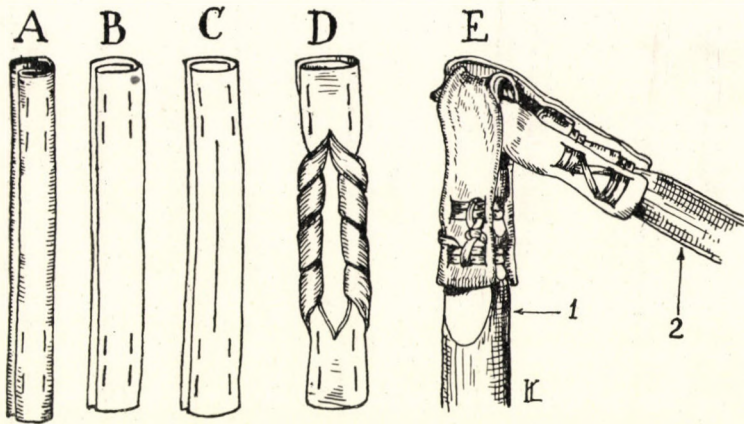

Abb. 13. A) Kappenleder, B) Zusammenfalten des Lederstückes zum Verfertigen der Kappe. C-D) Einschnneiden und Durcheinanderziehen des zur Kappenverfertigung zusammengefaltenen Lederstückes. E) Zwei ineinander verschlungene Kappen. 1. Schwengel, 2. Stiel des Flegels.

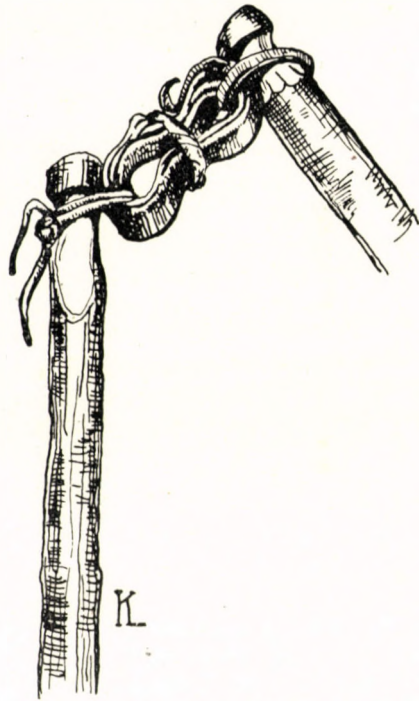
Abziehen aufgeschlitzte Haut wurde aber sehr oft auch in der Weise verarbeitet, dass man sie nach dem Zusammendrehen in der Mitte der Länge nach einschneid (Abb. 13 C) und das eine Ende des Leders mehrmals durch diese Öffnung hindurchzog, wodurch das Leder in zwei Teile zusammengedreht (Abb. 13 D) und so bedeutend dauerhafter wurde. Durch dieses Durchziehen und Drehen wurde nicht nur der Nachteil des beim Enthäuten durchgeführten Aufschlitzens wettgemacht, sondern das Leder wurde auch zur Erfüllung seines Zweckes geeigneter. Die gewundenen zwei Teile geben nämlich eine gut sitzende Kappe (Abb. 3). Das Leder wurde auch in diesem Falle in noch nassem Zustande auf den Stiel, bezw. auf den Schwengel gebunden⁷.

An verschiedenen Orten wurde als Kappe auch der Ochsenziemer (ung. *bikacsök*) benützt und wegen seiner Dauerhaftigkeit auch sehr gelobt. Aus dem Ochsenziemer wurde die Kappe so verfertigt, dass der Penis des geschlachteten Stieres herausgeschnitten und getrocknet, dann in Wasser aufgeweicht und der so aufgeweichte Penis auf einem harten flachen Klotz mit dem Rücken

einer Axt ungefähr auf dreifingerbreit geklopft wurde. Dann wurde er auf das für die Kappe nötige Mass zerstückelt (in 25—30 cm lange Stücke) und in noch nassem Zustande mit Riemen an den Dreschflegel gebunden. Die nasse Ochsenziemer-
kappe wurde nach dem Trocknen so hart wie ein Knochen. Eine solche

Abb. 14. Dreschflegel mit Zwischenring.
Rábakeresztur (Komitat Vas). Museum,
Szombathely, Inv. Nr. 1363/1948.

Vbb. 15. Dreschflegel mit Zwischenring.
Rábakeresztur (Komitat Vas) Museum,
Szombathely. Inv. Nr. 1362/1948.

Kappe war nicht nur sehr dauerhaft, sondern sie drehte sich infolge ihrer Härte auch sehr gut am Stiele⁸.

Fast so gute Kappen wie aus dem Ochsenziemer wurden aus der Genickhaut des Zugochsen hergestellt. Die Zubereitung und das Befestigen geschah ähnlich wie die Zubereitung und das Befestigen der Beinhaut. Eine ziemlich dauerhafte Kappe wurde auch aus der Haut des Kalbes hergestellt. Auch das Hundsleder war als Kappe sehr gut verwendbar, denn in feuchtem Zustand

war es weich und in getrocknetem Zustande wurde es sehr hart. Auch dieses wurde so zubereitet wie die Beinhaut des Rindes.

An einigen Orten — hauptsächlich in den westlichen Teilen Transdanubiens — benützte man auch aus Holz hergestellte Kappen (Abb. 5, 8, 11). Der grössten Beanspruchung war die Kappe des Stieles ausgesetzt, denn diese wurde in den meisten Gegenden so befestigt, dass sie sich am Stiele drehen konnte. Deshalb wetzte sie sich auch bei der Arbeit schnell ab, sie dehnte sich aus, lockerte sich dadurch und flog beim Schlagen leicht vom Stiele. Wenn sie

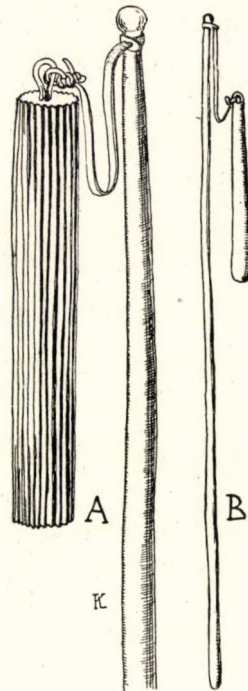

Abb. 16. Durchlöcherter Dreschflegel A) Kiskunmajsja (Komitat Bács-Kiskun); B) Luzsok (Komitat Baranya).

fest, d. h. straff angebunden wurde, dann drehte sie sich nicht gut. Diese Gründe führten schliesslich dazu, dass man die Kappe des Stieles aus Holz, d. h. aus festerem, dauerhafterem Material anfertigte. Die aus Holz hergestellte, drehbare Kappe wurde auf zweierlei Art befestigt. Die eine Art ist die sich unmittelbar an den Stiel anschmiegende Kappe (Abb. 5 A). Die andere ist die abstehende Kappe (Abb. 8 A). Häufig kam es vor, besonders in der letzten Zeit und an solchen Orten, wo man am Stiele fixe Kappen verwendete, dass die aus Holz hergestellte Kappe einfach an den viereckig geschnitzten Stiel angenagelt wurde (Abb. 11 A). Natürlich wurde nur der Kopf des Stieles viereckig geschnitzt. Der Griff wurde rund gelassen und er wurde sogar stark abge-

Abb. 19. Einbetten. Gagybátor (Komitat Abauj). Foto: F. Béres, 1949.

Abb. 20. Dreschen vierreihig gebetteter Schichten mit 2 Dreschflegeln. Nach Györffy, Takarás és nyomtatás az Alföldön. S. 36.; Abb. 17.

schliffen, weil der mit einer fixen Kappe versehene Stiel während der Arbeit bei jedem Schlag in der Hand gedreht werden musste. Hier muss auch erwähnt werden, dass die Kappe des Schwengels in jedem Falle aus Leder hergestellt

wurde, auch dann, wenn hie und da auf den Stiel schon eine eiserne Kappe befestigt wurde.

Es muss besonders hervorgehoben werden, dass abgesehen von einigen Gegenden Transdanubiens und den von ungarischen Schwaben bewohnten Gegenden die Kappe immer so auf den Stiel befestigt wurde, dass sie sich am Stiele drehen konnte. Beim Dreschen konnte daher der Stiel dieses Dreschflügels fest in die Hand genommen werden, der Stiel musste also beim Schlagen nicht immer dem Schwengel entsprechend gedreht werden.

Bei Dreschflügeln, bei denen die Kappe fix befestigt war, wurde auch ein Langriemen (ung. *telekszij*) zur Verbindung der zwei Kappen verwendet. Das Ende dieses Langriemens wurde in vielen Windungen um den Stiel gewickelt (Abb. 6, 7, 12 D). Mit diesem Langriemen wurde die Entfernung zwischen dem Stiel und dem Schwengel entsprechend der mit dem Dreschflügel verrichteten Arbeit geregelt und so das Drehen des Stieles erleichtert. Wenn nämlich die gelösten, am Boden ausgebreiteten Garben gedroschen wurden, so wurden die Riemen länger gelassen, wenn aber auf die auf den Halmenden stehenden Garben geschlagen wurden die Riemen kürzer gezogen.

Auch die Binderriemen wurden von den Bauern selbst gefertigt und zwar so, dass vom Bauchteil der abgezogenen Rindshaut in der ganzen Länge ein 15—20 cm breiter Streifen abgetrennt und dieser Streifen in noch rohem Zustande auf ein Brett zum Trocknen aufgespreizt wurde, ebenso wie es mit der Beinhaut für die Kappe geschah. Die Haut wurde auch jetzt getrocknet und dann breiartiger, gelöschter Kalk auf sie aufgetragen. Nach dem Trocknen wurde der Kalk samt der Haaren mit einem scharfen Holzstück abgeschürft. Die enthaarte Haut wurde dann mit entsprechenden Schneidewerkzeugen zu ungefähr 1 cm breiten Streifen zerschnitten wurden mit Schmer oder Öl weich gemacht und so zur Befestigung der Kappe benützt. Später wurden zu diesem Zweck in Geschäften gekaufte Riemen benützt.

Die Befestigung der Kappe mittels Binderriemen geschah so, dass man die Kappe hufeisenförmig gebogen in die Hand nahm, den Binderriemen in die nach den Kerben des Stieles, bzw. des Schwengels angefertigten Löcher rundherum einzog, dann die Kappe über das Ende des Stieles bzw. des Schwengels zog, den Riemen in die Kerben einlegte und ihn dann straff zog (Abb. 1). Die Enden des Riemens wurden durch Knoten oder durch Ineinanderstecken befestigt. Die Binderriemen der auf den Stiel befestigten Kappe wurden nur so stark angezogen, dass sie die Kappe am Stiele festhielten, denn sonst hätte sich die Kappe während der Arbeit nicht gedreht.

Der Stiel und der Schwengel werden mit dem schon öfters erwähnten, 2—3 cm breiten Langriemen (ung. *telekszij*) verbunden⁹. Früher wurde auch dieser Riemen zu Hause hergestellt, gerade so wie der Binderriemen. Später wurde auch der Langriemen in Geschäften gekauft. Dieser Riemen wurde, damit er nicht reisse, mehrfach verwendet (Abb. 4) und entweder durch einen

Abb. 19. Betten in zwei Reihen. Niederlegen der Garben. Zalavár (Komitat Veszprém).
Foto: L. K. Kovács, 1950.

Abb. 20. Ausbreiten der zum Schichten niedergelegten gelösten Garben mit der Gabel.
Zalavár (Komitat Veszprém). Foto: L. K. Kovács, 1950.

Knoten oder aber — was viel häufiger der Fall war — durch einen kleinen Holzstift zusammengehalten (Abb. 1 E).

Wie schon oben erwähnt, wurden in jenen Gegenden, wo die Stielkappe fix angebracht war, Langriemen verwendet (Abb. 6, 7, 12 D), deren eines Ende um den Stiel gewunden und je nach der Art der zu verrichtenden Arbeit kürzer oder länger gelassen wurde.

Es kam auch vor, dass kein besonderer Riemen benützt wurde, sondern dass die zwei Kappen unmittelbar ineinander gezogen wurden¹⁰ (Abb. 13 E). Die an den Stiel befestigte Kappe drehte sich auch in diesem Falle. Die Praxis hat gezeigt, dass die so verfertigten Dreschflegel zwar nicht länger hielten, aber während der Arbeit musste der Arbeiter nicht fürchten, dass der Langriemen riss.

Es muss auch noch erwähnt werden, dass die Kappe nach der Befestigung mit Talg, Schmer oder Öl eingerieben wurde, damit sie länger halte. Die ungeschmierten Riemen hätten sich nämlich gegenseitig schnell abgewetzt. Der Talg erleichterte ausserdem wesentlich das Drehen der Kappe am Stiele.

2. Dreschflegel mit Zwischenring.

Dieser Dreschflegeltypus (ung. *közgyűrűs csép*) ist heute nur noch im westlichen Teil Transdanubiens und südlich des südwestlichen Teils des Balaton (Plattensee) bekannt. Im westlichen Teil Transdanubiens wird er grösstenteils von der wendischen Bevölkerung benützt, aber von den Wenden übernahmen ihn auch die Magyaren, besonders in Gegenden, wo die Bevölkerung gemischt ist¹¹. Charakteristisch für diesen Dreschflegel ist der verhältnismässig kurze Stiel (107—115 cm) und der verhältnismässig lange Schwengel (97—118 cm). Der Stiel ist gewöhnlich aus Hartholz, seine Dicke wechselt zwischen 2,5—4 cm, er wurde geschält oder ungeschält benützt. Am dünneren Ende ist eine ungefähr 2,5 cm breite Rinne. Der Schwengel ist ebenso dick und wird ebenfalls aus Hartholz angefertigt, der Unterschied besteht nur darin, dass er geschält ist. Auch beim Schwengel befindet sich die Rinne am dünneren Ende, aber diese unterscheidet sich von der Rinne des Stieles dadurch, dass sie nicht rings um den Stiel verläuft, sondern dass nur an der einen Seite des Schwengels ein 2,5 cm breiter Einschnitt besteht. Diesem Einschnitt gegenüber befindet sich eine längliche, flache Einkerbung (Abb. 12 E, 14, 15). Diese Rinnen dienen zur Aufnahme der Verbindungsriemen. Der Stiel und der Schwengel sind so verbunden, dass aus einem ungefähr 2 cm breiten Riemen ein dreifacher Ring geformt wird, dieser Ring wird dann zusammengepresst und in der Mitte mit einem schmäleren Riemen vielfach abgebunden, wodurch die Form eines Achters entsteht. Der eine Teil dieses achterförmigen, verbindenden Riemenringes wird mit einem ungefähr anderthalb cm breiten Riemen an den Stiel gebunden, aber so, dass er sich um den Stiel drehen kann. Der andere Teil des achterfö-

Abb. 21. Dreschen zu dreien. Zalavár (Komitat Veszprém). Foto : L. K. Kovács, 1950.

Abb. 22. Dreschen zu dreien. Zalavár (Komitat Veszprém). Foto : L. K. Kovács, 1950.

migen Riemenringes wird an die längliche, flache Einkerbung des Schwengels angelegt und mit dem durch die Öffnung geschnürten Riemen fest an den Schwengel gebunden. Der Bänderriemen liegt in der auf der anderen Seite des Schwengels befindlichen Rinne (Abb. 12 E/1 oben) und sichert damit auch, dass der Schwengel während der Arbeit nicht aus der Bindung herausfällt. Während des Dreschens dreht sich der Schwengel samt dem achterförmigen Riemenring rings um den Stiel. Der Schwengel selbst dreht sich aber in der eigenen Bindung nicht.

Die Ungarn näherliegenden Verbreitungsgebiete dieses Typus sind: die wendischen, slowenischen und tiroler Gebiete — wahrscheinlich brachten Drescher von diesen Gegenden einstmals diese Methode mit sich nach Ungarn — weiterhin sind in polnischen Gegenden ähnliche Dreschflegel bekannt¹².

3. Durchlöcherte Dreschflegel.

Dieser Dreschflegeltypus (ung. *lyukas csép*) ist gleichfalls nur in wenigen Orten bekannt. J. JANKÓ erwähnt ihn aus der Gegend des Balaton und schreibt darüber: »Das Dreschen geschieht in Vierergruppen: der Dreschflegel hat einen Stiel und einen Schwengel, beide haben einen Kopf und in diesem ist je ein Loch (ung. *lik*) für den die beiden Köpfe verbindenden Mittel- (ung. *köz-*), Schnür- (ung. *fűző-*) oder Schlagriemen (ung. *csapósíj*).«¹³ Leider gibt JANKÓ nicht nur gar keine nähere Beschreibung dieses Flegeltypus, sondern er erwähnt nicht einmal, wo er solche Dreschflegel gesehen hat, denn dass diese Art des Dreschflegels nicht die allgemeine und ausschliessliche Form des Dreschflegels am Balaton sein konnte, ist auch daraus ersichtlich, dass ich diesen Typus am Balaton nicht vorfand, den Dreschflegel mit der Kappe jedoch in mehreren am Balaton liegenden Orten angetroffen habe¹⁴. Über sicherere Angaben verfügen wir aus Luzsok (Komitat Baranya), wo B. GUNDA dieses Gerät auffand, und aus Kiskunmajsa (Komitat Pest), wo I. TALASI ein solches Gerät in Gebrauch sah (Abb. 16 A). Das Interessante an dem in TALASIS Notizen erwähnten durchlöcherten Flegel ist, dass der Schwengel der Länge nach mit Rillen versehen war. Der Schwengel und der Stiel sind durch einen Riemen miteinander verbunden und zwar so, dass das schmälere Ende des beiläufig 2 m langen Stieles kugelförmig abgerundet ist und hier, unterhalb dieser Kugel, ist das eine Ende des Riemens herumgeschlungen. Das andere Ende des Riemens ist an den Ring gebunden, welcher am Ende des Schwengels befestigt ist. Dieser Flegel ist also nicht mehr die wahre Form des durchlöcherten Dreschflegels, insofern als nicht das verdünnte Ende des Schwengels durchbohrt ist, sondern statt dessen wurde am Schwengel ein Ring befestigt. Aus TALASIS Sammlungen wissen wir, dass in Kiskunmajsa dieser Dreschflegel — wie alle Dreschflegel in ganz Kiskunmajsa überhaupt — »Fohlen« (ung. *csikó*) genannt wurde. Damit soll gewissermassen angedeutet werden, dass der Handflegel neben dem Austreten nur eine solche Rolle spielt, wie das Fohlen neben dem Zugpferd¹⁵.

3.

Nach der Beschreibung der einzelnen Dreschflegeltypen ist es angebracht, zu untersuchen, wie man die Handflegel bei der Arbeit gebrauchte, wo und wie mit ihnen das Dreschen vor sich ging.

Der Schauplatz des Dreschens konnte zweierlei sein : 1. In solchen Gegenden, wo Scheunen waren, also in den Hügel- und Berggegenden, aber auch in manchen an Niederschlag reicheren Gebieten der Ebene, wurde in der Mitte

Abb. 23. Dreschen zu fünfen. Szalafő (Komitat Vas). Foto : I. Tálasi, 1941.

der Scheune, auf dem sogenannten »Scheunenplatz« (ung. *csűrpiac*) gedroschen. 2. Wo keine Scheune war oder wo in Anbetracht der Grösse der Ernte und der Anzahl der Drescher der Raum in der Scheune zu eng war, dort wurden im Freien Tennen (ung. *szérű*) erstellt.

An einigen Orten war der Scheunenplatz mit Brettern belegt. Ein solcher war ohne jegliche vorherige Vorbereitung zum Dreschen geeignet. Wenn aber der Boden des Scheunenplatzes nur aus Erde bestand, dann musste er zuerst geglättet werden. Das Glätten bestand darin, dass man den ganzen Scheunenplatz mit Wasser begoss, etwaige Löcher mit Lehm zustopfte, dann den Boden mit Streu bedeckte, mit Keulen gut feststampfte und ihn dann trocknen liess. Nach dem Trocknen wurde die überflüssige Spreu weggekehrt. Danach folgte das Einlassen oder Bohnen (ung. *beeresztés* oder *felhajtás*), das darin bestand,

dass man Rindermist in einen Bottich tat, darauf Wasser goss und das Ganze mit einer Schaufel gut umrührte. Der so erzeugte dünnflüssige Brei wurde dann mit Eimern auf den Scheunenplatz geschüttet, dort mit einem Besen dünn ausgebreitet und dann trocken gelassen. Wenn er getrocknet war, war er wie Filz oder Löschpapier, aber hart, und staubte während der Arbeit nicht. An vielen

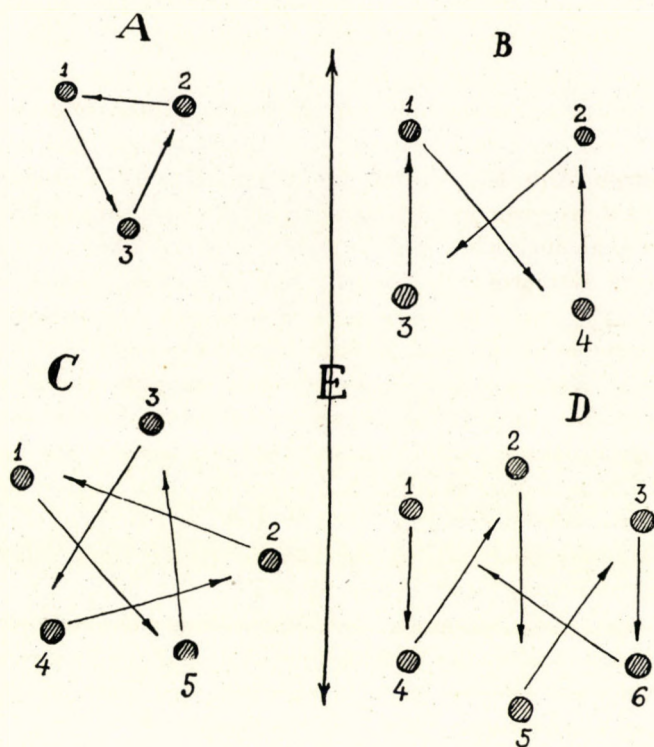

Abb. 24. Aufstellung der Drescher während der Arbeit. A) Dreschen zu dreien; B) Dreschen zu vieren; C) Dreschen zu fünfen; D) Dreschen zu sechsen; E) Bewegungsrichtung der Drescher während der Arbeit nach vorne und nach rückwärts. Die Nummern bezeichnen die Reihenfolge der Schläge bei den einzelnen Dreschern, die Pfeile die Richtung der Schläge. Die Halme des Getreides liegen rechtem Winkel zur Achse E.

Orten wurde der Scheunenplatz mit Spreu und Schweineborsten zusammengeknetetem Lehm festgestampft, dies war noch dauerhafter⁽¹⁶⁾. Das Einlassen mit Rindsdünger musste wöchentlich zweimal wiederholt werden, denn der Boden nützte sich während der Arbeit ab.

Wo es keine Scheune gab, dort errichtete man unter freiem Himmel eine Tenne. Diese Tenne hatte der Natur des Dreschens entsprechend den Grundriss eines länglichen Rechtecks und wurde im Hofe des Hauses, eventuell in dessen Garten, an vielen Orten in gesonderten, sogenannten Tennengärten

(ung. *szérűskert*) errichtet. Der Boden der Tennen im Freien wurde genau so vorbereitet wie bei den Scheunenplätzen.

Nach Errichtung der Tenne wurde mit der Dreschen begonnen¹⁷. Es fing damit an, dass von dem vom Acker schon in die Scheunen eingebrachten oder in den Tennengärten in Feime oder Schober (ung. *asztag* oder *kazal*) gelegten Getreide zwei Reihen von Garben auf den Boden des Scheunenplatzes oder auf die im Freien errichtete Tenne gelegt wurden. Die Garben wurden nicht losgebunden. Das Verfahren des Niederlegens der Garben wurde »Einbetten« (ung. *beágyazás*) genannt. Die Reihen wurden so niedergelegt, dass die Seiten der gebundenen Garben nebeneinander zu liegen kamen und die Ähren der beiden Reihen sich berührten (Abb. 17). In machen Gegenden pflegte man 4 Reihen einzubetten (Abb. 18). Auf das Einbetten folgte das Dreschen der gebundenen Garben. Es droschen immer mehrere Personen zusammen. Einer Person wäre die Arbeit sehr unergiebig und langweilig gewesen. Deshalb wurden immer ein oder mehrere Gefährten eingeladen. Zwei Personen kamen schon etwas besser vorwärts. Es wurde meistens in Gruppen von 4 Personen gedroschen, aber auch in Gruppen von 3, 5, 7, 8, und sogar 9 Personen.

Wenn zwei Männer droschen, so stellten sie sich einander gegenüber auf und schlugen das Getreide abwechselnd mit ihrem Flegel. Beim Dreschen war es eine ausgesprochene Regel, dass der Drescher nie auf ein- und denselben Platz schlagen dürfe, denn dann bricht das Stroh. Hier muss erwähnt werden, dass das Dreschen verschiedenartig vor sich ging, je nachdem ob man Schüttstroh gewinnen wollte oder nur im allgemeinen drosch. Jetzt soll die Methode der Schüttstrohgewinnung beschrieben werden.

Im Falle, dass drei Personen droschen, stellten sie sich folgendermassen auf: einer von ihnen stand in der Mitte auf den Ähren, die beiden anderen stellten sich im gegenüber auf, aber sie standen nicht auf den Garben, sondern rechts und links an den Garbenenden (Abb. 21, 22, 24 A).

Das Dreschen konnte von jedem begonnen werden, die Regel ist aber immer die, dass dem zuerst zuschlagenden Flegel der gegenüberbefindliche antwortet. Wenn also das Dreschen zu dreien vor sich geht und der Einser anfängt, dann schlägt nach ihm der Dreier und als Dritter der Zweier. So schlagend schreiten sie die Reihe entlang. Der in der Mitte Stehende schreitet mit dem Gesicht nach vorn, die beim Halmende der Garben Stehenden weichen zurück. Wenn sie an das Ende der Reihe angekommen sind, dann geht der in der Mitte Stehende nach rückwärts, die beiden anderen schreiten nach vorne.

Wenn zu vieren gedroschen wird, ist die Aufstellung folgende: in diesem Falle geht niemand auf den Garben selbst, sondern an den beiden Seiten der Reihen arbeiten je zwei Drescher (Abb. 24 B). In dieser Aufstellung gehen sie die Reihe entlang und am Ende angekommen, gehen sie der Reihe entlang zurück. Die vorher nach rückwärts geschritten waren, gehen jetzt mit dem Gesicht nach vorne. Den ersten Schlag kann wer immer tun. Den nächsten

Schlag führt der Gegenüberstehende oder sein Nebenmann aus. So z. B., wenn Nr. 1 mit dem Schlagen beginnt, dann antwortet Nr. 4, dann kommt Nr. 2 und dann Nr. 3. Dann wieder Nr. 1 usw. Wenn man zu fünfen drischt, dann stehen drei Dreschern zwei gegenüber. Von den dreien steht der Mittlere mehr rückwärts und — abweichend von dem Dreschen zu viere — schreitet diese fünfte Person auf den Reihen der Ähren (Abb. 23). Eine Abweichung besteht auch darin, dass die zwei Drescher, die neben dem Mittleren stehen, jetzt mehr nach innen, gegen die niedergelegten Garben gekehrt sind (Abb. 24 C). Mit dem Schlagen kann auch hier wer immer anfangen, es antwortet immer der Gegenüberstehende auf den Schlag. Nehmen wir an, Nr. 3 fängt an, so antwortet ihm Nr. 4, dann Nr. 2, dann Nr. 1 und endlich Nr. 5. Natürlich kann auch ein anderer den Anfang machen. Die Regel ist nur die, dass das Schlagen in derselben Reihenfolge fortgesetzt werden muss, in welcher es begonnen wurde.

Wenn in Sechsergruppen gedroschen wird, dann stellen sich die Drescher so auf, dass an den beiden Seiten der Reihe je zwei ein wenig nach innen gewendet stehen, während zwei einander gegenüber auf den Ähren weiterschreiten (Abb. 24 D). Wenn Nr. 1 den ersten Schlag führt, dann setzen die anderen das Dreschen in folgender Reihenfolge fort : 4, 2, 5, 3, 6.

Es dreschen, wie gesagt, auch Gruppen, die aus 7, 8, 9 Personen bestehen. Ihre Aufstellung ist eine Variation der bisher beschriebenen Gruppenaufstellungen und die Schläge folgen auch hier nach der obigen Regel. Wenn die Zahl der Personen in der Gruppe unpaar ist, dann steht auf der einen Seite immer um eine Person mehr. In diesem Falle stellt sich der eine oder der andere auf der einen Seite mehr nach rückwärts (Abb. 23). Die Regel wird aber auch dann eingehalten, denn immer diejenigen antworten einander, die am weitesten von einander stehen, sich halb oder ganz einander zuwendend. Je mehr Personen dreschen, desto flinker und schneller müssen die Drescher sein. Zwei Dreschflegel dürfen nie auf einmal den Boden berühren. Wenn unter den Dreschern auch Linkshändige vorhanden sind, dann stellt sich ein Linkshändiger und ein Rechtshändiger nebeneinander.

In den Tagen nach der Ernte war in Gegenden, wo in Scheunen gedroschen wurde, das ganze Dorf von knatternden, rhythmischen Tönen erfüllt. Aus dem einen Hause hörte man mehr, aus dem anderen weniger, aus dem einen langsamere, aus dem anderen schnellere Rhythmen. Aber immer so gleichmässig, so im Takt, als ob von Musik oder Tanzschritten die Rede wäre. Beim Dreschen ist nämlich der gleichmässige Rhythmus die Hauptsache, also die gleiche Pause zwischen den Schlägen des einzelnen Dreschers. Im Durchschnitt kann ein Drescher in 5 Sekunden dreimal zuschlagen. Daraus ergab sich der Rhythmus, der die Arbeit der Zusammenarbeitenden bestimmte. Wieviele auch nämlich immer in einer Gruppe arbeiteten, so schlug jeder Drescher dreimal in fünf Sekunden. Wo also ein Mann arbeitete, dort trafen 3 Schläge, wo zwei, dort 6 Schläge, wo drei, dort 9 Schläge und wo vier, dort 12 Schläge in fünf Sekunden

Abb. 25. Wenden des auf der einen Seite gedroschenen Roggens auf die andere Seite mit Dreschflegelstielen.

Abb. 26. Wenden mit Dreschflegelstielen. Zalavár. (Komitat Veszprém). Foto: L. K. Kovács, 1950.

die niedergelegten Garben. Wenn neun Personen zusammen arbeiteten, dann fielen die Schläge wie ein wahres Trommelfeuer. Beim Volke sind die Sprüchlein, die man seiner Auffassung nach aus dem Niederprasseln der Flegel heraushört, landläufig allgemein und fast gleichlautend. Die meisten Sprüchlein haben aber einen Text, den die Druckerschwärze nicht verträgt. In mehreren Orten konnte ich folgende Rhythmisierung feststellen: Der Dreschflegel von einem Drescher macht: ti.

Die Flegel von 2 Dreschern machen: ti-ki

»	»	»	3	»	»	ti-ki-ti
»	»	»	4	»	»	ti-ki-ti-ki
»	»	»	5	»	»	ti-ki-ti-ti-ki
»	»	»	6	»	»	ti-ki-ti-ki-ti-ki-ti-ki
»	»	»	7	»	»	ti-ki-ti-ti-ti-ki-ti
»	»	»	8	»	»	ti-ki-ti-ki-ti-ki-ti-ki

usw.¹⁸

Es kommt vor, dass ein Drescher faul ist und mit den anderen nicht Takt halten kann. Dieser wird, wie man sagt »flottgemacht« (ung. *megugratni*). Dies besteht darin, dass die übrigen Drescher versuchen, seinen Schwengel mit ihren Dreschflegeln in dem Moment zu schlagen, wenn er am Boden liegt. Wenn dies gelingt, so fliegt (ung. *elrepül*) der Dreschflegel samt der Stiel aus der Hand des Dreschers, wobei ihm der Stiel einen gehörigen Schlag auf die Hand versetzt. Jeder Drescher muss sehr auf den Rhythmus achten, was aber keine grössere Mühe verursacht, wenn es sich um eine gut eingearbeitete Gruppe handelt. Eine solche Gruppe geht manchmal zum puren Vergnügen in ein Schlagen zur gleichen Zeit über. Alle schlagen auf einmal und auf einen stärkeren Schlag des einen, wie auf ein gegebenes Zeichen, fahren sie wieder in rhythmischer Reihenfolge, im alten Takt fort. Das simultane Schlagen wird gewöhnlich dann angewendet, wenn das Dreschen sich dem Ende nähert, also wenn die niedergelegten Garben in einer Schicht schon gut durchgedroschen sind, wenn das Wenden der Garben zu erfolgen hätte und besonders, wenn die Drescher schon die letzte Runde dreschen.

Das Dreschen mit dem Dreschflegel geht so vor sich, dass beim Schlagen der Schwengel im Kreise nach vorn geschwenkt wird, indessen der Stiel in die Höhe gehoben wird. Der Schwengel dreht sich also auf diesem oberen Punkt herum und schlägt von da auf die Garben. Es ist leichter, mit einem Dreschflegel zu arbeiten, dessen Kappe sich am Stiele dreht. Dieser Flegel wird während der Arbeit fest in der Hand gehalten und mit einer geschickten, unmerklichen Bewegung wird der Schwengel in der Luft herumgedreht und so auf die Garben geschlagen (Abb. 28). Wo die Kappe am Stiele fix befestigt ist, dort dreht der

Drescher den Stiel selbst in der Hand. Dies verlangt eine noch grössere Geschicklichkeit. Wie schon erwähnt, schlagen die sich gegenüberstehenden Drescher das Getreide nicht am selben Fleck stehend, sondern sie schreiten so lange nach vorne und nach rückwärts, bis eine Runde beendet ist. Im jetzt beschriebenen Falle dreschen sie die zusammengebundenen, niedergelegten Garben. Dieses Verfahren wird in den meisten Gegenden »Von-der-Seite-schlagen« (ung. *oldalazás*) genannt (die Garben werden von der Seite geschlagen), in anderen

Abb. 27. Sammeln des Schüttstrohs. Aus dem gedroschenem Roggenstroh wird das Kurzstroh ausgewählt, die hervorstehenden Halme werden herausgezogen und das Schüttstroh in Garben gebunden. Zalavár (Komitat Veszprém). Foto: L. K. Kovács, 1950.

Gegenden »vorbereitende Arbeit« (ung. *előzés*) (die erste Arbeit beim Dreschen), Schlagen aus *öre* (das erste Dreschen, Schlagen) oder »grobe Bearbeitung« (ung. *kinagyolás*). Auch das Von-der-Seite-schlagen besteht aus zwei Teilen: die niedergelegten Garben müssen nämlich gewendet und auch von der anderen Seite in der oben beschriebenen Weise gedroschen werden.

Wenn das Von-der-Seite-schlagen beendet ist, d. h., wenn die Garben auf beiden Seiten durchgedroschen sind, so werden sie weggelegt. Dies wird so bewerkstelligt, dass jede Garbe einzeln aufgehoben, durchgeschüttelt, mit den Händen ausgeklopft wird, damit die Körner herausfallen. Dann werden sie in einen Haufen zusammengelegt. Insofern man später endgültig dreschen wird, werden die Garben zu Feimen zusammengelegt oder Schober errichtet,

damit sie durch den Regen keinen Schaden erleiden. Sie werden auch mit Stroh zugedeckt.

Nach dem Beenden der groben Bearbeitung folgt das »Strohdreschen« (ung. *szalmázás*), bei welchem auch der letzte Rest der Körner ausgedroschen wird. Hier wird eine gewisse Menge von den grob bearbeiteten Garben aufgebunden und die aufgebundenen Garben werden so auf den Boden geschichtet (ung. *teríteni*), dass die Schicht ungefähr fingerdick ist. Das Schichten wird in vielen Gegenden auch »Betten« (ung. *ágyazás*) genannt.

Auch das Schichten wird in zwei Reihen gemacht, gerade so wie auch zur groben Bearbeitung die gebundenen Garben in zwei Reihen niedergelegt werden. Die Ähren befinden sich auch hier auf der Innenseite. Die Ähren der beider Reihen berühren sich. Auch das Strohdreschen geschieht so, wie das grobe Bearbeiten. Zweimal, dreimal werden die geschichteten Reihen gedroschen. Wenn das Getreide nicht genug trocken ist, so wird es auch 4—5 Runden hindurch gedroschen. Es ist am besten, bei trockener Witterung zu dreschen. Wenn im Winter gedroschen wird, so tut man es in der strengsten, trockensten und kalten Zeit, denn dann fallen die Körner am leichtesten aus der Ähre. Die Drescher leiden trotz der schweren Arbeit sehr unter der grossen Kälte. Sie helfen sich so, dass sie auf einer von der Tenne entfernten Platze aus Stroh Feuer machen und dort von Zeit zu Zeit die erfrorenen Hände und Füsse wärmen.

Wenn die Schicht auf der einen Seite schon gründlich durchgedroschen ist, dann folgt das Wenden, also der zweite und beendende Teil des Strohdreschens. Das Wenden wurde bei der groben Bearbeitung, wenn man zu fünf drosch, gewöhnlich durch den »unpaaren« Drescher bewerkstelligt, d. h. es trat derjenige unter den gegenüberstehenden Dreschern heraus, der kein Gegenüber hatte und wendete während der Arbeit die Garben einfach von der einen Seite auf die andere. Beim Strohdreschen geschieht das Wenden gewöhnlich anders. Es wurde durch mehrere Drescher ausgeführt und es wurde so lange nicht gedroschen als das Wenden dauerte. Das Wenden ging so vor sich, dass die Drescher den einen Arm unter das geschichtete Stroh legten, das Stroh über ihren Kopf wendeten und auf denselben Platz niederlegten. Dies machten sie so geschickt, dass das Stroh ohne jede Verwicklung oder Knotung auf die andere Seite zu liegen kam. Das Wenden geschah auch so, dass sie den Arm wie vorher unter das Stroh legten, es über den Kopf hoben und — während sie sich selber umdrehten — es hinter sich wieder niederlegten.

Das Wenden geschieht auch so, dass sich je zwei Drescher gegenüberstellen, jeder fasst den Schwengel mit dem Stiel zusammen, dann steckt der eine den Stiel seines Dreschflegels unter das Stroh, ungefähr an die Stelle der Ähren der andere Drescher legt seinen Flegel von oben auf das Stroh. Die zwei Dreschflegel werden jetzt zusammengefasst und mit dem eingeklemmten Stroh zusammen aufgehoben, aber so, dass das Halmende am Boden bleibt, dann wird das Ganze zur Seite gezogen und ungewendet niedergelegt. Bei diesem Wenden

kommt die Ährenseite der beiden Reihen nach aussen, das Stroh berührt sich in beiden Reihen mit den unteren Halmenden. Dies wird aber an verschiedenen Orten auch so durchgeführt, dass ein oder zwei Drescher das Getreide allein umwenden, ohne Hilfe eines daraufgelegten Dreschflegels (Abb. 25, 26). Das

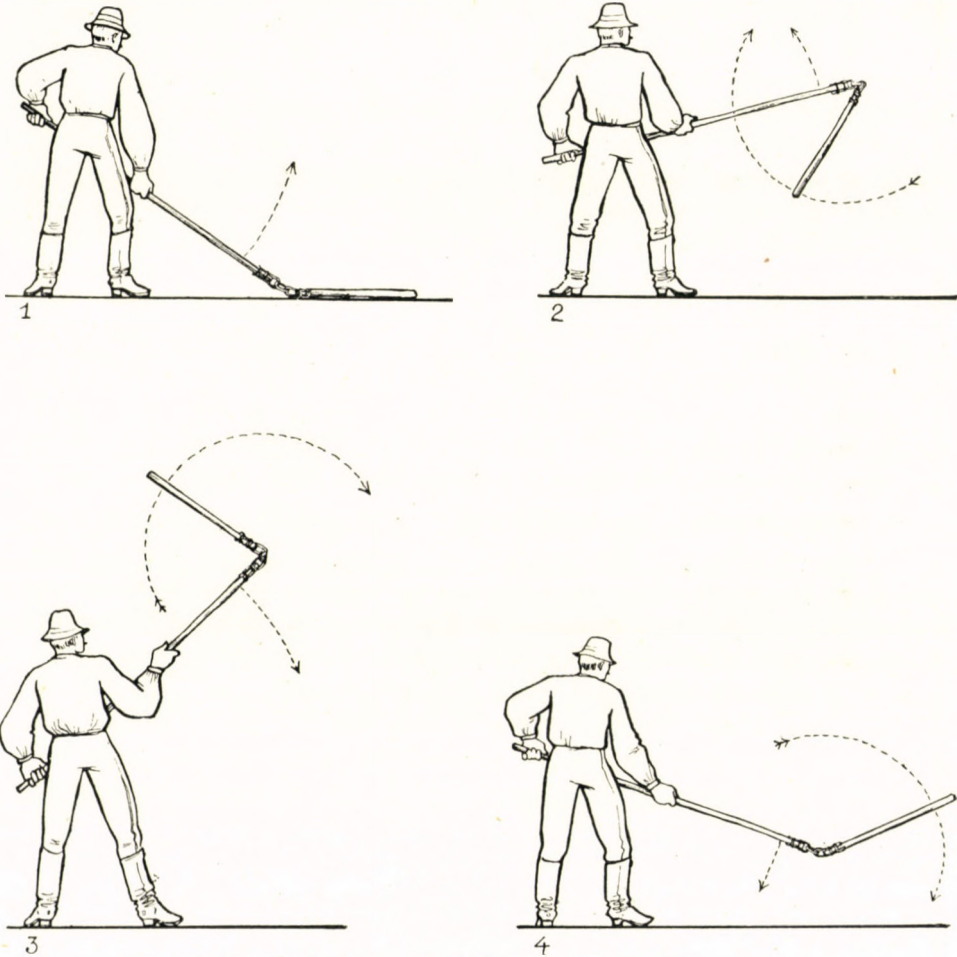

Abb. 28. Die Drehung des Schwengels während der Arbeit.

umgeworfene Stroh wird zwei, drei Runden gedroschen und dann folgt das »Zusammenklauben« (ung. *felszedés*) der Schütte.

Die Bereitung der Schütte aus dem ausgedroschenen Stroh geschieht so, dass die Drescher sich an die Enden der niedergelegten, ausgedroschenen Reihen stellen und zwar an der Seite, wo die Ähren sind. Dann packen sie mit beiden Händen eine handvoll Stroh bei den Ähren und heben die Handvoll plötzlich in die Luft, damit das gebrochene Stroh zurückfalle (Abb. 27). Dann lassen sie das

mit loser Hand gefasste Stroh mit den Halmenden auf den Boden fallen, damit es sich gerade richte. Dieses Verfahren wird zweimal, dreimal wiederholt. Die herausstehenden Halme werden entweder von einem anderen Drescher aus dem von der Hand gefassten Strohbündel herausgezogen oder vom Schütteleser (ung. *zsuppszedő*) selbst entfernt, indem er auf die herausstehenden Halme tritt. So ein gereinigter Teil wird eine Handvoll Schütte (ung. *zsuppmarok*) genannt. Aus 8—10 Handvoll Schütte wird eine Schüttgarbe zusammengestellt, deren Gewicht 20—25 kg. beträgt. Die gereinigten Handvoll Schütte werden gewöhnlich zwischen zwei in die Erde gestampften Stangen gelegt, damit sie nicht auseinanderfallen. Wenn genügend Handvoll für eine Garbe beisammen sind, werden sie mit einem gleichfalls aus Schüttstroh gedrehtem Seil zusammengebunden und zur Seite gelegt. Die Garben werden entweder in Scheunen eingelagert oder zu kleinen Schobern aufgeschichtet und mit Stroh zugedeckt, damit sie vor jeder Schädigung geschützt sind.

Das gebrochenen Stroh, welches auf der Tenne oder auf dem Dreschplatz zurückblieb, das sogenannte »Kurzstroh« (ung. *zila*) wurde mit einer Holzgabel gut durchgeschüttelt, damit die Körner herausfielen, und dann seitwärts der Tenne hingeworfen, von wo man es mit der Gabel oder mit einem spitzigen Pfahl, dem sogenannt Spiess (ung. *nyárs*), hinaustrug und in Schober legte. Wenn das Stroh entfernen war, strich der eine Drescher, gewöhnlich der Älteste, mit einem langstieligen Birkenrutenbesen, dem sogenannten »Teilerbesen« (ung. *felező*) mit schwingenden Bewegungen nach beiden Seiten über die Körner, diese nur leicht berührend, um das »Bruchstroh« (ung. *törek*) durch den Luftzug auszukehren, ohne aber die Körner dabei zu berühren. Die Körner wurden mit den Kopf des Rechens oder mit einer Schaufel, der sogenannten »Streuschaufel« (ung. *szórolapát*) in die eine Ecke der Tenne zu sogenannten »Haufen« (ung. *garmada*) zusammengeschoben. Dann wurde eine neue Schicht auf die Tenne gelegt und die Arbeit auf die obige Weise fortgesetzt.

Wenn keine Schütte gewonnen wurde, dann wich der Gang der Arbeit teilweise vom obigen ab. Das Dreschen fing auch jetzt damit an, dass zwei Reihen Garben aufgeschichtet wurden, d. h., dass sie auf die Tenne gebettet und in gebundenem Zustand in obiger Weise grob bearbeitet wurden. Das grobe Bearbeiten geschah auf beiden Seiten der Garben. Deshalb mussten inzwischen die Garben umgewendet werden. Sowohl vor dem Wenden, als auch nachher wurden nicht nur die Ähren gedroschen, sondern auch die Halmenden stark geschlagen.

Wenn das Von-der-Seite-schlagen beendet war, wurden die Garben aufgehoben, geschüttelt, mit der Hand ausgeklopft, damit die Körner herausfallen. Wenn die Bindung einer Garbe sich lockerte oder auflöste, wurde diese wieder gebunden. Dann wurden die Garben seitwärts der Tenne aufeinander gelegt. Wenn die Arbeit bei Tagesanbruch begonnen wurde, konnten bis 6—9 Uhr 5—6 Runden grob bearbeitet werden. Dies war die Menge die an einem Tage gedroschen werden konnte : 16 Hocken à 18 Garben, das sind 288 Garben,

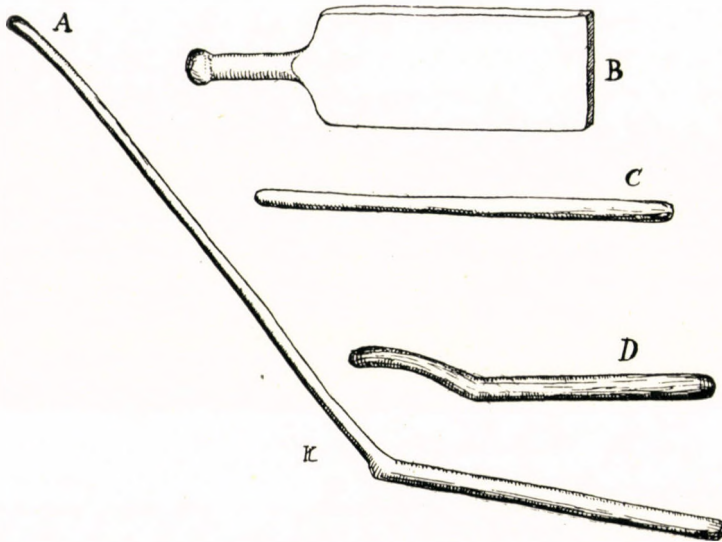

Abb. 29. Dreschgeräte. A) Der Dreschstock zur Arbeit mit beiden Händen. B) Wasch-Schlegel, der auch zum Dreschen der Hülsenfrüchte oder zum Dreschen von wenig Getreide benützt wird. C) Dreschstock zur Arbeit mit einer Hand. Man drischt damit meistens in der Hand gehaltene oder übers Knie gelegte Sonnenblumenteller. D) Dreschflegel zur Arbeit mit einer Hand. Man drischt damit gleicherweise Hülsenfrüchte, Getreidearten, Sonnenblumen usw.

Abb. 30. Dreschtisch. Hajduhadház (Komitat Hajdu). Nach. I. Györfy, Takarás nyomtatás az Alföldön. S. 38. Abb. 18.

wenn vier Männer arbeiteten. Das grobe Bearbeiten war also eine vorbereitende Arbeit. Deshalb wurde es an vielen Orten »vorbereitende Arbeit« oder »grobe Bearbeitung« genannt (ung. *előzés* oder *kinagyolás*). Oft war es der Fall, besonders auf Grossgrundbesitzen, dass das Dreschen in zwei Abschnitten durchgeführt wurde. Zuerst wurde das ganze Getreide grob bearbeitet und die grob bearbeiteten Garben wurden wieder zu Schobern zusammengelegt. Das Dreschen dieser Garben wurde erst dann wieder fortgesetzt, wenn die grobe Bearbeitung beendet war, also nur im Herbst, und es dauerte oft während des ganzen Winters an.

Bei kleineren Landwirten oder bei Kleinbauern wurde diese Art des Dreschens nicht geübt. Dort wurde das grob bearbeitete Korn noch am selben Tage gedroschen. Die Arbeit ging folgendermassen vor sich: nach der groben Bearbeitung wurden die Körner von der Tenne zu Haufen zusammengeschoben. Dann wurden von den grob bearbeiteten Garben zwei Reihen mit der Halmenden nach unten in die Mitte der Tenne gestellt, sodass die beiden Reihen sich mit den Ähren aneinanderlehnten. Dann stellten sich die vier Drescher — wenn vier arbeiteten — neben die Garbenreihe (auf jede Seite je zwei, die von derselben Seite einander gegenüber) und fingen an, die Ähren von oben nach unten zu schlagen. Dieses Verfahren wurde überall im Lande »Kopfeinschlagen« (ung. *agyalás*) genannt. Das Kopfeinschlagen, d. h. das Schlagen wurde so lange fortgesetzt bis die Ähren bis an die Bindung herunter abgeschlagen waren. Es kam auch vor, dass je zwei Männer das Kopfeinschlagen an beiden Enden der Reihe begannen und so vorwärtsschritten. In der Mitte trafen sie sich. Die Garben wurden jetzt nur in einer Reihe geschlagen; sie wurden so lange gedroschen, bis das Stroh bis zum Seil gebrochen war.

Als das Kopfeinschlagen beendet war, wurden die Garben in drei Teile geteilt. Zwei Teile wurden beiseite gestellt und ein Teil wurde auf den Boden geschichtet — oder wie man es an vielen Orten nannte: »niedergebettet« (ung. *leágyazni*) — diesmal nur in einer Reihe. Die Ähren waren schon gebrochen. Dann stellten sich die Drescher an das eine Ende der Reihe, auf jede Seite der Schicht je zwei. Jetzt standen nicht die, die auf derselben Seite waren, einander gegenüber, sondern sie stellten sich den auf der anderen Seite Stehenden gegenüber auf. Das Dreschen ging jetzt folgendermassen vor sich: das eine Paar der einander gegenüberstehenden Drescher fing an, das Getreide zu dreschen, und zwar droschen sie so, dass sie mit dem Schwengel gleichzeitig das gedroschene Stroh vor das neben ihnen stehende Paar kehrten. Das andere Paar stand ein wenig weiter von ihnen entfernt, wendete das zu ihm »hingeschlagene« (ung. *hadarni*), mit einem Schlag hingekehrte Stroh, sobald eine gewisse Menge beisammen war, mit dem Stiel des Flegels um, drosch es stark und schlug zum Schluss das ausgedroschene Stroh gleichfalls weiter zur Seite. Wenn sie so die ganze Reihe durchgedroschen hatten, war das Dreschen auch schon zu Ende. Das gedroschene, zu Kurzstroh (ung. *zila*) geschlagene Stroh wurde mit

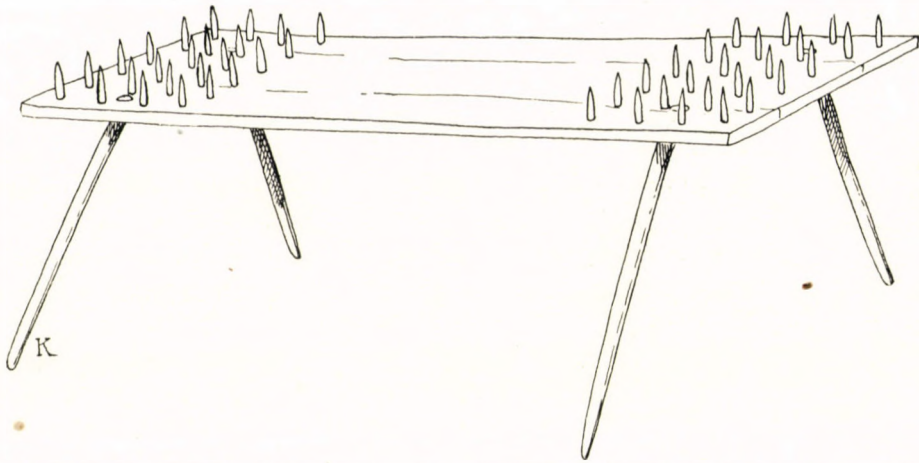

Abb. 31. Dreschstuhl. Tard (Komitat Borsod). Nach I. Györfly, Takarás és nyomtatás az Alföldön. S. 40. Abb. 20/b.

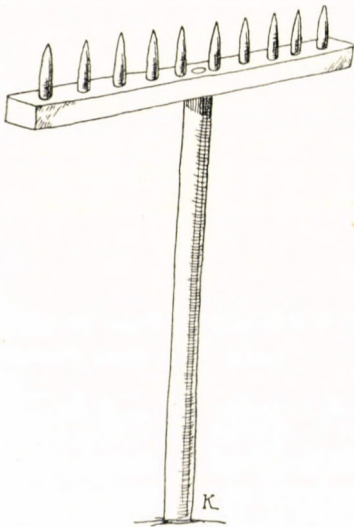

Abb. 32. Dreschbalken Szeged (Komitat Csongrád). Nach I. Györfly, Takarás és nyomtatás az Alföldön. S. 40. Abb. 20/a.

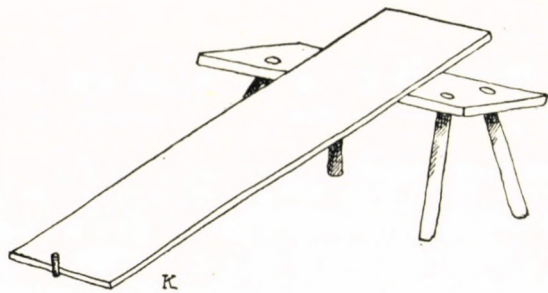

Abb. 33. Dreschbrett.

Holzgabeln aufgeschüttelt und zum Strohschober hinausgetragen. Dann wurde der zweite Teil der beiseitegelegten, kopfeingeschlagenen Garben in gleicher Weise gedroschen und endlich der dritte Teil. Dann wurde eine frische Reihe zum Kopfeinschlagen aufgestellt. So wurde dies fortgesetzt, bis die ganze grob aufgearbeitete Menge gedroschen war.

Das andere Verfahren bestand darin, dass die Garben mit »eingeschlagenem Kopf« nicht in drei Teile geteilt wurden, sondern dass Strohseil aller Garben aufgelöst wurde. Die gelösten Garben wurden in eine Reihe, aufeinander gelegt. Dann stellten sich je zwei Drescher einander gegenüber auf, das eine Paar an das eine, das andere an das andere Ende der Garbenreihe. Sie hoben an beiden Enden ein wenig vom niedergelegten Stroh mit dem Flegelstiel auf und warfen es um (ung. *kibukatni*). Dieses Stroh wurde so lange gedroschen, bis es gebrochen war, also zu Kurzstroh wurde. Dann schlugen sie das gebrochene Stroh mit dem Flegel so, dass es vom Dreschplatz zur Seite folg, also hinausgewirbelt wurde (ung. *kihadaródni*).

*

Mit dem Handflegel wurde im ganzen Lande sowohl das Dreschen des Schüttstrohs als auch das Dreschen im allgemeinen auf obige Weise durchgeführt. Natürlich ergaben sich kleinere Abweichungen, oft wurden auch die obigen Methoden kombiniert und variiert.

In der allerletzten Zeit und an solchen Orten, wo dem Dreschen mit Handflegeln ohnehin nur eine sekundäre Rolle zufiel, kam es vor, dass der für Schütte bestimmte Roggen einfach nur mit den Gabelzacken gedroschen wurde. Die alten Flegel waren nämlich schon zu Grunde gegangen, — in vielen Orten, wo man noch mit Handflegeln drischt, sind diese bereits 25—30 Jahre alte Geräte — neue werden nicht mehr hergestellt. Deshalb wird das Dreschen entweder mit Gabeln durchgeführt oder es werden 2,5—3 m lange, schmale, gerade (ungefähr 2 cm dicke) Stöcke geschnitten und mit diesen werden die Ähren jener geringen Getreidemengen gedroschen, aus welcher man Schütte machen oder welches man aus anderen Gründen nicht dreschen will. Mit dem Stocke wird so gedroschen, dass das dickere Ende des Stockes in die Hand genommen wird und die Drescher sich einander gegenüber aufstellen und das Getreide (in gleichmässigen Rhythmus oder durcheinander) schlagen.

Es sind solche Stöcke bekannt, welche nicht gerade sind, sondern bei denen der Stiel mit dem Flegelteil einen stumpfen Winkel bildet (Abb. 29 A). Diese werden gewöhnlich aus einem dünnerem Baumstamm gefertigt — für eine Gelegenheit — aus dessen dickerem Ast ein als Griff geeigneter dünnerer Ast entspringt. Gewöhnlich drischt man mit diesen Stöcken Hülsenfrüchte, wie auch mit den geraden Stöcken meistens Hülsenfrüchte gedroschen werden.

Eine ganz alte Methode des Ährenausschlagens, vor allem der auf den abgeernteten Feldern (Stoppelfeldern, ung. *tarló*) aufgelesenen Ähren, ist das Dreschen mit dem Waschflegel (Abb. 29 B). Das machen gewöhnlich arme Frauen und zwar so, dass sie die zum Lasttragen am Rücken verwendeten Tischtücher am Boden ausbreiten und auf diesen die Ähren Dreschen. In vielen Gegenden, wo man noch Hirse anbaut, wird auch diese so gedroschen. Der Wasschlegel spielt auch beim Dreschen der Hülsenfrüchte eine grosse Rolle.

In der letzten Zeit werden in Ungarn Sonnenblumen in grossen Mengen angebaut. Die abgeernteten Sonnenblumenteller werden mit einem ungefähr 45—50 cm langen Stocke (Abb. 29 C, D) gedroschen. Diese Art des Dreschens geht so vor sich, dass man sich neben den Haufen der zu dreschenden Sonnenblumenteller setzt, gewöhnlich auf einen aus ausgedroschenen Sonnenblumentellern verfertigten Sitz, den zum Dreschen bestimmten Teller in die Hand nimmt, halb an das Knie gestützt ihn entweder auf der Kernseite oder auf der Rückseite mit dem Stocke schlägt. Heute wird auch die Sonnenblume mit der Dreschmaschine gedroschen.

4.

»Das Dreschen des Getreides durch Anschlagen an irgendeinen harten Gegenstand« — schreibt *Györffy* — »ist in denselben Gegenden üblich, wo der Flegel in Gebrauch war oder ist. Diese zweifellose uralte Dreschmethode ist aber auch in der Gegend zwischen Donau und Theiss nicht unbekannt.«¹⁹

Diese Art des Kornausschlagens geschieht z. B. in Hajduhadház (Komitat Hajdu) folgendermassen: es wird ein entsprechender Platz für die Tenne ausgesucht, aufgehackt, mit der Schaufel gereinigt und mit einem Holzblock glattgestampft. Wenn die Tenne hergerichtet ist, dann werden in der Mitte vier Pfeiler in die Erde geschlagen, so dass sie 90 cm hoch aus der Erde hervorstehen. Auf die vier Pfeiler wird eine Tür — gewöhnlich eine Stalltür — gelegt und auf die Pfeiler aufgenagelt, damit sie während der Arbeit fest stehe. An die eine Seite des Tisches wird ein grosser Stoppelrechen gebunden und zwar so, dass der Kopf des Rechens sich an den Rand des Tisches anlehnt und der Stiel sich unter dem Tische befindet. Die so zusammengestellte Vorrichtung wird »Dresch- oder Ausschlagetisch« (ung. *cséplő-* oder *verőasztal*) genannt (Abb. 30).

Das Dreschen geschieht auf diesem Tisch in der Weise, dass die vorbereiteten Roggenarben losgebunden werden und daraus eine gute Handvoll herausgenommen wird. Die Drescher umwickeln diese mit ein paar Roggenhalmen, damit sie sich nicht während des Dreschens zerzause. Dann packt der Drescher die Handvoll Roggen mit beiden Händen, und zwar am unteren Drittel der Halme, tritt zum Tisch und schlägt die Ähren mit nicht zu starken Schlägen an den Tisch (Abb. 30). Während des Schlagens dreht er auch das Ährenbündel in der Hand. Wenn die Körner aus der Ähren herausgefallen sind, dann schlägt er auch die Halmenden an den Tisch, damit die während des Schlagens dorthingeratenen Körner auch von dort hinausfallen. Dann lässt er die Halme mit den Enden nach unten öfters nacheinander auf den Tisch fallen, damit sich die Handvoll Schütte gleichmässig ordne. Der Drescher tritt dann an das Ende des Tisches, kämmt die gebrochenen Halme an dem dort bereitgelegten Rechen aus dem Bündel aus und schlägt öfters die Schütte mit den Enden der Halme auf ein Brett, damit sie gleich lang werden. Die etwas herausstehenden

Halme entfernt er mit der Hand und legt das Bündel weg. Wenn genug Bündel für eine Garbe da sind, dann bindet er sie zusammen.

Auf dem Dreschtisch dreschen auf einmal eine, höchstens zwei Personen. Diese Dreschweise ist ziemlich langsam, aber bei weitem nicht so ermüdend wie das Dreschen mit dem Dreschflegel. Gerade deshalb dreschen auf dem Dreschtisch gewöhnlich Frauen, während der Dreschflegel sozusagen ausschliesslich das Gerät der Männer ist.

Die während des Dreschens zerstreuten und die mit dem Rechen zusammengeharkten Teile werden auch hier mit dem Handflegel ausgedroschen oder von Pferden ausgetreten.

Das Dreschen durch Anschlagen an den Tisch wird für die Dreschmethode der Armen Leute gehalten und weil in der Hand nicht das Dreschgerät, sondern das zu dreschende Getreide gehalten wird, wird diese Methode des Dreschens »Handdreschen« (ung. *kézi cséplés*) genannt.

Das Dreschen mit dem Handflegel, d. h. mit dem Schwengel wird einfach »Dreschen« (ung. *cséplés*) genannt. Mit dem Handdreschen, d. h. mit dem Auf-den-Tisch-schlagen erhält man eine viel schönere Schütte, als wenn das Getreide mit dem Dreschflegel ausgeschlagen wird. Diese Schütte ist besonders zum Hut- und Korbflechten geeignet und deshalb wertvoller. So konnte der Arme die mit dieser langwierigen Arbeit verbrachte Arbeitszeit teilweise wieder wettmachen.

Die jetzt beschriebene, aus Hajduhadház stammende Dreschvorrichtung war in vielen Gegenden verbreitet. Doch gab es viele Variationen bezüglich der Form. Das Wesentliche war immer das Brett, dann das Gestell, welches aus vier Pfählen, aus zwei Stühlen oder aber auch aus zwei Fässern bestand, oder was man gerade vorfand. Die Vorrichtung selbst war ja auch nur gelegentlichsmässig, wurde nur für die Zeit des Dreschens aus solchen Geräten oder Gegenständen zusammengestellt, die vorher und auch nachher anderen Zwecken dienten. Es gab aber auch Hand-Dreschvorrichtungen, die ständigen Charakter hatten und direkt für diesen Zweck hergestellt wurden. Auf Abb. 31 ist eine solche Vorrichtung aus der Gemeinde Tard (Komitat Borsod) dargestellt. Das Gerät wird auch »Dreschstuhl« (ung. *cséplőszék*) genannt. Die Länge dieses Dreschstuhles beträgt 1,5 m, die Breite 35 cm, die Höhe 90 cm und er hat vier Füße. Eigentlich ist er wie eine Bank, aus der 20—25 cm von den beiden Enden in den ganzen Breite rechenartige Zähne herausstehen. Die an den Dreschstuhl geschlagenen Halme werden zwischen diesen Zähnen ausgekämmt. Das Dreschen auf diesem Dreschstuhle ging gerade so vor sich, wie auf dem aus Hajduhadház beschriebenen Dreschtisch. Die Abfälle wurden auch hier mit dem Dreschschwengel gedroschen oder ausgetreten.

Einen ständigen Charakter hat auch der »Dreschbalken« (ung. *cséplőgerenda*) aus Szeged, der hier dargestellt wird (Abb. 32). Diese Vorrichtung sieht einem Rechen ähnlich, dessen Stiel in einer Linie mit den Zähnen ist und

dessen Stiel in den Boden geschlagen ist, so dass sich der mit den Zähnen versehene Balken ungefähr ein Meter hoch über dem Boden befindet. Der Balken ist gewöhnlich viereckig und eine Seite ist 10—15 cm breit. Die Länge des Balkens beträgt ungefähr 1 m. Die Länge der Zähne beträgt 25 Zoll und ihre Entfernung von einander 10—12 cm. Das Dreschen geschieht an diesem Balken so, wie an den oben beschriebenen zwei Dreschgeräten. Die Ähren der in der Hand gehaltenen Roggenbündel werden an den Balken geschlagen und gleichzeitig auch ausgekämmt. Die erhaltene Schütte wurde — nach *Györffy* — in der Gegend von Szeged zum Auslegen der in die Erde gegrabenen Getreidegruben benützt.²⁰

Häufig waren auch gelegentliche Vorrichtungen, wo man einen kleinen Stuhl auf die Tenne stellte, manchmal sogar zwei oder drei in einer Reihe, je nach der Anzahl der Drescher. An den Stuhl wurde jetzt ein ungefähr 1—1,5 m langes Brett gelenkt (Abb. 33). Der Drescher stand an der Seite des Stuhles und schlug die Ähren an das in einer Richtung leicht ansteigende Brett. Über diese Dreschart veröffentlicht *TROTZIG*²¹ eine gute photographische Aufnahme aus der Gemeinde Sztára, Komitat Somogy (die Aufnahme wurde in 1942 von *B. GUNDA* gemacht). Man drosch also damals in der Gemeinde Sztára den für Schütte bestimmten Roggen noch auf diese Art.

Der einzeln dastehende Stuhl ohne Brett ist beim Dreschen des Hanfes allgemein gebräuchlich²². Er wird sowohl im Hause als auch auf dem Acker benützt. Der körnige Hanf wurde nämlich nach der Ernte in Garben gebunden und auf dem Acker in Kegelform zum Trocknen aufgestellt oder er wurde sofort heimgebracht und zu Hause getrocknet. Der aus der Boden ausgerupfte, körnige Hanf trocknet sehr schnell und lässt die Körner in einem solchen Ausmass fallen, dass man ihn kaum transportieren kann. Deshalb werden die Garben gewöhnlich draussen auf dem Acker gedroschen. Zum Dreschen wird eine kleinere Plache hinaus aufs Feld genommen und neben die kegelförmig aufgestellten Garben ausgebreitet. Der mitgebrachte kleinere Stuhl wird auf die Plache gestellt und die kleinen, gebundenen Hanfgarben werden an dem Stuhl ausgeschlagen (Abb. 34). Wenn ein Kegel ausgedroschen ist, dann werden die 4 Ecken der Plache zusammengefasst und die Plache zum nächsten Kegel getragen. Dieser wird wieder auf die vorherige Art gedroschen und die ausgedroschenen Hanfgarben werden wieder zu Kegeln aufgestellt.

Der heimgebrachte körnige Hanf wird gerade so gedroschen wie der auf dem Acker. Es kommt aber häufig vor, dass im Hause keine Plache benützt wird, sondern dass die Körner auf den rein gefegten Boden fallen. Im Hause ist es auch üblich, den körnigen Hanf nicht an einen Stuhl zu schlagen, sondern an eine, auf zwei Stühle (gewöhnlich Waschbänke) gestellte kurze Leiter. Es muss auch noch erwähnt werden, dass dieses Dreschen des Hanfes fast ausschliesslich die Arbeit der Frauen ist. Männer beschäftigen sich selten mit dem Dreschen von körnigem Hanf. Am ehesten verrichten die Männer diese Arbeit

noch auf dem Acker, aber auch dann besteht ein Unterschied zwischen der Arbeit des Mannes und der Arbeit der Frau, insofern die Männer den Hanf nicht an einem Stuhl ausschlagen, sondern die auf die Plache gelegten, gebundenen Garben mit einem Stock oder mit den Gabelzacken dreschen.

Nach *Györffy* pflegt man nur den Roggen oder den Hanf nach einer der oben angeführten Methoden — nämlich durch das Anschlagen an einen Gegenstand — zu dreschen. Nach *Györffys* Beobachtungen ist diese Methode des Dreschens nicht von grosser Bedeutung — ihr Zweck ist nur die Gewinnung von Schütte; als ausschliessliche Dreschmethode kann sie nirgends angesprochen werden. Gegenwärtig verbreitet sie sich jedoch auf Kosten des Dreschens mit dem Dreschflegel. Dies können wir durch unsere eigene Beobachtungen nur bekräftigen²³.

Der Fall liegt hier genau so, wie beim Austreten. Das Austreten bedeutete in der Produktion vor dem Erscheinen der Dreschmaschine die Form des Grossbetriebes. Die Dreschmaschine drang auch in solche kleinbäuerliche Verhältnisse vor, wo vorher das Austreten gebräuchlich war. In diesen Gegenden benützten zwar die Kleinbauern die Dreschmaschine nicht, doch liessen sie auch vom Austreten ab und droschen ihr geringes Getreide mit dem Dreschflegel.

Es ist noch zu erwähnen, dass auch bei dieser Dreschmethode in letzter Zeit die einfachsten und provisorischsten Lösungen benützt werden. An vielen Orten z. B. werden die Roggenähren oder der zu dreschende Hanf an den Boden des in die Mitte der Tenne gestellten Fasses geschlagen. In anderen Gegenden werden die Ähren an die Wand der Scheune oder einfach nur an den Boden geschlagen und so die Körner gewonnen. Eigentlich ist nicht das Gewinnen der Körner die Hauptsache, sondern die Gewinnung von mehr oder weniger Schütte, zu welchem Zweck man aber keine besondere Vorrichtung aufstellen will.

5.

Die Drescharbeit kann je nach den Arbeitsgebern oder den Arbeitnehmern in mehrere Gruppen geteilt werden: die Grossgrundbesitzer und Grossbauern (Kulaken) liessen dreschen und die Kleinbauern, die mittellosen Kötner droschen selbst.

Die Arbeitsnehmer sind: 1. die mittellosen Kötner²⁴ und Zwergbesitzer, 2. die Drescharbeiter, die von einer anderen Gegend, hauptsächlich vom Felvidék (der gebirgige nördliche Teil des alten Ungarn) kamen.

Die Kleinbauern bewirtschafteten ihren 1—2 Joch grossen Boden und droschen ihre Erzeugnisse mit dem Dreschflegel. Die mittellosen Kötner besaßen kein eigenes Land, aber verdingten sich zur Erntearbeit und droschen ihren Ernteanteil entweder selbst (was seltener vorkam) oder in Gemeinschaft mit anderen Köttern, eventuell auch mit Kleinbauern. Es muss hier erwähnt werden, dass in Ungarn die Ernte des Getreides in drei, scharf von einander abge sonderte Arbeitsabschnitte geteilt wurde. Der erste Arbeitsabschnitt

umfasste das eigentliche Ernten (früher mit der Sichel, später mit der Sense), das Garbenbinden und in Hocken (ung. *kereszt*) oder Doppelhocken (ung. *kalangya*) stellen. Der zweite Arbeitsabschnitt bestand im Einbringen des Getreides in die Scheunen oder Tennengärten und das dort in Feime legen. Dies war nicht mehr die Aufgabe der Schnitter. Diese Arbeit liessen die Herrschaftsgüter und Mittelgrundbesitzer durch die eigenen Knechte oder durch gedungene Tagelöhner verrichten. Die Kulaken lagerten ihr Getreide in Gemeinschaft miteinander ein, natürlich auch die Arbeitskraft ihrer Dienstleute benützend, und die Kleinbauern taten es, indem sie sich miteinander zusammentaten. Der dritte Arbeitsabschnitt umfasste das Dreschen oder das Austreten. Diese Arbeit wurde von eigens zu diesem Zweck um einen gewissen Ernteanteil gedungenen Dreschern oder Austretern ausgeführt, sowohl auf den Grossgrund- und Mittelbesitzen als auch bei den Kulaken. Die Kleinbauern und die für ihren Anteil Arbeitenden verrichteten die Dresch- oder Tretarbeit in Gemeinschaft miteinander.

Die Schnitter, die sich auf Grossgrundbesitzen, Mittelgrundbesitzen oder auf kleineren oder grösseren Bauernbesitzen zur Erntearbeit verdingten — auf Grossgrundbesitzen in einer Rotte oder Bande unter Leitung des sogenannten »Erntewirten« (ung. *aratógazda*), in den kleinen Bauernbesitzen allein oder zu dreien und viere — bekamen nach Beendigung der Ernte ihren elenden Anteil an geringem Getreide. Dieser betrug je nach der Gegend und von Fall zu Fall — kontraktgemäss — $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{9}$, im allgemeinen $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{12}$ der Ernte. Von jeder abgeernteten Frucht bekamen sie ihren Anteil ungedroschen, wo man austreten liess, unausgetreten. Die Erntearbeiter droschen dann ihren Ernteanteil — wenn sie nicht aus der Gegend waren — in Drescherbanden (Kompanien) zu vier Mann (ung. *banda*) einen nach dem anderen gemeinsam aus. Wenn sie in der Gegend ansässig waren, dann formten sie entweder untereinander Dreschkompanien oder bildeten mit den Kleinbauern zusammen Drescherbanden. Bei solchen Vereinigungen wurde das Getreide der Mitglieder nacheinander gedroschen. In diesem Falle hatte die Drescherbande gewöhnlich keinen Führer. Sie droschen ihren eigenen Anteil und da trachtete jeder, die beste Leistung zu erzielen. Jeder verköstigte sich bei der Arbeit selbst. Häufig kam es aber auch vor, dass immer dasjenige Mitglied die ganze Bande verköstigte, bei welchem man eben drosch. Wenn sie auf ihren Wohnsitzen droschen, übernachtete jeder zu Hause, aber bei Tagesanbruch waren sie schon alle beisammen und begannen mit der Arbeit. Gewöhnlich machten sie eine einstündige Mittagspause, eine viertelstündige Frühstück- und eine halbstündige Vesperpause. Zum Abendessen gingen sie nach Hause. Die Arbeit wurde bis zum Einbruch der Dunkelheit fortgesetzt. Die Bande ging so lange nicht zu einem anderen Mitglied dreschen, bis sie bei dem einen nicht jede Arbeit (also auch das Aufhäufen in Schober und das Reinigen der Körner durch Worfeln oder später durch Sieben) verrichtet hatte.

Wenn sich eine aus 4—5 Mitgliedern bestehende Bande in kleineren Landwirtschaften zur Drescharbeit verdingte — und in solchen Fällen droschen sie nicht nur in ihrem eigenen Dorfe, sondern suchten auch weitabgelegene Gegenden auf — dann besass die Bande bereits ein Haupt, einen Führer. Z. B. in Kemence (Komitat Nógrád) — und dies war auch in anderen Gegenden häufig der Fall — wandelte sich die Erntebande in mehrere Drescherbanden um²⁵, und die einzelnen Banden wählten einen Führer, gewöhnlich einen älteren Mann, der dann die Arbeit leitete. Er war es, der mit der Landbesitzern das Übereinkommen abschloss, und wenn eine Uneinigkeit oder ein Streit zwischen den Mitgliedern der Bande vorkam, so war er es, der Gerechtigkeit übte. Wenn von einem grösseren Grundbesitz die Rede war, wo auf einmal mehrere Drescherbanden arbeiteten — und diese aus einem Dorfe stammten oder vielleicht schon bei der Ernte gemeinsam gearbeitet hatten — dann wählten die Drescherbanden gemeinsam einen »Stuhlrichter« (ung. *szolgabíró*), dessen aufgabe es war, alle Streitigkeiten, Meinungsverschiedenheiten, Zänkereien usw. zwischen den Banden zu schlichten und die Schuldigen zu bestrafen. Zur Vollstreckung der Strafe wählten sie unter sich eine besondere Person — einen Älteren — den sogenannten »Polizeikommissar« (ung. *csendbiztos*).

Zu den begangenen Fehlern zählte es auch, wenn ein Drescher bei Tagesanbruch nicht beim ersten Weckruf aufstand, sondern liegen blieb und wieder einschlief, oder wenn er während der Mittagspause einschlief. Dafür erlegte ihm der Stuhlrichter die Strafe auf, dass die anderen mit dem Dreschflegel rundherum um ihn herumhauerten (ung. *körülcsapni*) und ausserdem schlug ihn (ung. *rácsapni*) auch der Polizeikommissar mit einem hartgebundenen Strohstrick auf den Hintern. Das Rundherumhauen mit dem Dreschflegel bestand darin, dass die Drescher mit ihrem Schwengel rings um den schlafenden Mann — in unmittelbarer Nähe von seinem Körper — auf den Boden schlugen. Der Schlafende schreckte von den starken, auf einmal rund um ihn niederprasselnden Schlägen empor, aber er wusste gar nicht, wohin zu springen, denn die Schläge fielen fortwährend rings um ihn nieder. Mit dem Strohstrick bekam er 6—12 starke Schläge auf der Hintern, indem er sich niederbeugen musste, während der eine Drescher seinen Kopf zwischen die Füsse nahm. Diese Strafe war eine grosse Schande und man suchte sie deshalb auch zu vermeiden. Die Aufgabe des Bandenführers bestand darin, die Arbeit zu lenken und zu leiten, sowie die Disziplin aufrecht zu erhalten. Vor allem wurde darauf acht gegeben, dass niemand lässig arbeite. Wenn jemand dabei ertappt wurde, dann schlug derjenige, dem es gerade am leichtesten fiel, auf den Dreschflegel des Betreffenden, wenn der Schwengel gerade am Boden war. Davon bekam der Faulenzer entweder einen grossen Schlag in die Handfläche, oder es flog ihm sogar der Dreschflegel aus der Hand, wofür ihm eine Extra-Strafe gebührte. Es kam auch vor, dass sein Dreschflegel einen solchen Schlag erhielt, dass dieser beim Zurückprall

ihn gründlich auf die Nase oder auf den Kopf schlug. Ebenso wurde auch der bestraft, der aus Nachlässigkeit öfter nacheinander auf dieselbe Stelle schlug.

Das Dreschen war eine sehr schwere Arbeit. Es verlangte eine grosse Körperkraft und grosse Aufmerksamkeit. Eben deshalb wurde nicht jeder ein guter Drescher. Der Anfänger wurde zuerst unterrichtet und an die regelmässige, mit gebundenem Rhythmus ausgeführte Arbeit gewöhnt. Wenn er eingelernt war, so wurde er zum Mitglied der Bande geweiht. Die Weihe (ung. *avatás*) bestand darin, dass der Betreffende ganz selbständig alle Arbeiten des Einbettens — gleichsam als eine Prüfung — durchführen musste. Bei dieser Gelegenheit übernahm er die Führung der Bande. Er schlug als Erster mit dem Dreschflegel. Zum Anfangen stellten sich die Drescher gewöhnlich in zweierlei Arten auf: entweder so, dass sie den Dreschflegel in solcher Höhe vor sich hielten, dass das Ende des Schwengels den Boden berührte, oder so, dass sie den Schwengel auf das zu dreschende Getreide legten, als ob er vom vorherigen Schläge dortgeblieben wäre. Als jeder seinen Platz eingenommen hatte, fing der Bandenführer oder irgend ein anderer, der ein gutes Taktgefühl hatte, das Schlagen an. Auch die anderen schlugen dann gemäss den oben beschriebenen Regeln mit dem Dreschen ein. Wenn die Drescher eine Schicht in mehreren Runden zu Ende gedroschen hatten, dann schlugen zu Beginn der letzten Runde, oder gegen Ende derselben, auf den lauten »héj« Ruf des Bandenführers — indessen er mit seinem Dreschschlegel einen kräftigen Schlag führte und seinen Schwengel unten an der Stelle des Schläges liess — auch die anderen der Reihe nach nieder und nachdem der letzte Schwengel gefallen war, schlugen alle auf einmal im bisherigen Rhythmus weiter. So, alle auf einmal schlagend, droschen sie die ganze Runde zu Ende. Sobald das Schlagen beendet war — und auch der letzte Schlag am Boden war — rief der Bandenführer wieder »héj«, worauf alle die Dreschflegel in die Höhe schwenkten. Sie fassten mit der linken Hand den schwingenden Schwengel mit dem Stiel zusammen und lehnten den Dreschflegel entweder an die Wand der Scheune — wenn sie nicht mit dem Stiel des Dreschflegels das Stroh wendeten — oder legten ihn in einem Teil der Tenne nieder. Nach dem Wenden fingen sie das Dreschen, wie vorher beschrieben, wieder an, setzten es fort und beendigten es. Wenn der Anfänger eine Schicht selbständig und gut führend zu Ende gedroschen hatte, dann belobten ihn die anderen und reichten ihm die Hand. Bei diesem Vorgang waren auch der Stuhlrichter und Polizeikommissar zugegen. Der Stuhlrichter bestimmte die Menge des Schnapses — gewöhnlich 2—3 l Schnaps — die der Neuling für seine Aufnahme unter die Drescher zu entrichten hatte (ung. *magát beválthatja* = dass er sich in die Bande einlösen könne). Wo nur eine Bande arbeitete, dort bestimmte der Bandenführer die Schnapsmenge. Der Neuling übergab den Preis des Schnapses dem Polizeikommissar und dieser besorgte den Schnaps. So eine Weihe wurde gewöhnlich für den Samstagabend aufgespart, wenn die Arbeit beendet war. Der Schnaps wurde noch am selben Tage oder am Sonntag gemeinsam getrunken.

Bei solchen Gelegenheiten kam das Spiel zu seinem Recht, das Scherzen und der bravourhaft vorgeführte Dreschertanz (ung. *cséptánc*)²⁶.

Das Dreschen war nicht nur eine schwere Arbeit, sondern — weil es langsam vor sich ging — dauerte es auch lange. Deshalb, obwohl schon das Ernten im Lande eine wahre innere Völkerwanderung, Arbeiterwanderung auslöste, setzte das Dreschen eine noch grössere in Bewegung. Infolge der Kapitalisierung des Grossgrundbesitzes, sowie der Flussregulierung und der Entwässerung der Binnengewässer wurden zur Zeit der sogenannten Weizenkonjunktur (an der Wende des vorigen Jahrhunderts) immer grössere Gebiete landwirtschaftlich bebaut. Diese Bodenflächen wurden auch durch das allmähliche Beackern der Weiden vergrössert. Die Bewohnerschaft vermehrte sich sprunghaft, aber bei der damaligen Ernte und Dreschtechnik konnten die ansässigen Arbeitnehmer die auf sie wartende Arbeit nicht bewältigen. In den Hügel- und Berggebieten hingegen, welche das Tiefland umgaben, gab es diese rasche Entwicklung nicht (es gab hier keine un bebauten Gebiete mehr), deshalb zeigte sich dort ein Überschuss an Arbeitern. Es begann also ein Abströmen dieses Arbeiterüberschusses in die Gegenden des Alföld (Siehe Karte I.). Die ruthenischen Arbeiter wurden schon in der Mitte des XVII. Jahrhunderts im Alföld erwähnt, aber — wie aus den neueren Forschungen bekannt ist — kamen diese nicht nur zum Ernten, sondern sie droschen auch auf den Grossgrundbesitzen und bei den Kulaken. Überhaupt war es die Gewohnheit dieser ruthenischen Erntearbeiter, dass sie in die sandigen Ebenen der nördlichen und nordöstlichen Teile des Alföldes herunterkamen und dort das Getreide mit Sicheln abernteten. Wenn sie mit dieser Arbeit fertig waren, dann reifte gerade das Getreide in den nördlicher gelegenen Komitaten (Ung, Bereg) und dann gingen sie dorthin zur Ernte, oder wenn sie sich wegen der in die Länge ziehenden Arbeit in den südlichen Gegenden verspäteten, dann zum Dreschen. Zum Ernten, da das Getreide mit der Sichel geschnitten wurde, kamen grösstenteils Frauen; nur auf 5—6 Frauen kam ein Mann als Garbenbinder. Diese Schnitter kamen bis zum Nagykunság herunter.

Aus meinen an Ort und Stelle aufgenommenen Sammlungen geht hervor, dass zu Anfang des Jahrhunderts auch aus Galizien sogenannte Polaken kamen, die bei den Magyaren im Komitat Bereg ernteten und droschen. Auch von dort kamen hauptsächlich Frauen und es kamen nur einige Männer mit, die die Garben banden. Die Magyaren im Komitate Bereg nannten sie »kremplige Russinen« (ung. *karikás ruszka*) nach dem Kranzbund auf ihren Kopfe. Ein Teil von ihnen ging bis in das Komitat Szabolcs hinunter. Als die Ernte zu Ende gekommen waren, droschen sofort ihren Ernteanteil und überliessen das zurückbleibende Stroh oder Kurzstroh den Magyaren aus Bereg oder Szabolcs, die dafür die gedroschenen Körner des Ernteanteils an die nächste Eisenbahnstation transportierten. Ein Teil der erntenden Männer brachte den Ernteanteil in die Heimat, der andere Teil formte eine Drescherbande und ging

nach Süden, nach Szabolcs, wo das abgeerntete Getreide schon von den Feldern eingebracht war und das Dreschen anfang. Drescher kamen auch nach Bereg und Ung, aber dorthin kamen sie ein paar Wochen später, als auch dort das Getreide schon eingebracht war. So richteten sie sich nach den Reifezonen.

Sowohl die ruthenischen, wie die galizischen, polnischen und ukrainischen Schnitter und Drescher wurden vom Landwirt verköstigt, in dessen Diensten sie ernteten oder droschen. Wohnen taten sie in den Scheunen, Speichern oder in den leeren Ställen der auf die Weide getriebenen Tiere. Auf Herrschaftssitzen verdingten sie sich so, dass sie ihre Verpflegung in Rohmaterial bekamen, aus welchem dann die aus ihrer Heimat mitgebrachten Koch-Frauen für alle zusammen, in einer gemeinsamen Küche kochten. Sonst waren in den Drescherbanden keine Frauen mit ihnen. Frauen, ausgenommen die hiesigen Schwaben, droschen in Ungarn kein Getreide mit Handflegeln.

Ähnlicherweise kamen aus Gömör, Zólyom, Trencsén, Árva, Liptó, Turóc usw. slowakische Schnitter und Drescher. Ihre Arbeitsmethode, wie auch die Umstände ihres Verdingens waren gerade so, wie bei den oben genannten Ruthenen. Die slowakischen Drescher aus Trencsén kamen in Gruppen von 300 Mann z. B. in den westlichen Teil des Komitates Vas, in die Gegend von Csajta und Rohonc auf die dortigen Grossgrundbesitze. Aber wie es auch einer aus dem Jahre 1855 datierten Statistik²⁷ festzustellen ist, kamen auf die Grossgrundbesitze von Sopron und Mosonmagyaróvár (z. B. nach Lébény) auch slowakische, mährische und tschechische Drescharbeiter. In den westlichen Teil des Komitates Vas kamen Drescher aus den östlichen Alpen, aus der Steiermark; die dort ansässigen Bauern hingegen gingen in die Komitate Zala, Veszprém, Somogy, um zu ernten, zu dreschen und auszutreten. Ähnlicherweise gingen die Wenden aus dem Komitate Zala, die lutheranischen Goričanen²⁸ aus dem Komitat Vas auf Grundbesitze des Komitates Somogy, um zu ernten.

In Vizsoly (Komitat Abauj) ernteten gewöhnlich wandernde Slowaken vom Felvidék, aber schon die oben angeführte Wirtschaftsstatistik aus dem Jahre 1855 hebt hervor: Das Unglück ist, dass sie im Spätherbst ankommen, »zur zweiten Runde«, wenn sie dort, wo sie ernteten, wenn nötig auch das Dreschen beendet hätten. Auch nach Rimaszombat kamen die Slowaken aus dem Oberland, um zu dreschen. Nach Ungvár und auf die Grundbesitze der Umgebung Ungvárs kamen Russen aus den höher gelegenen Gegenden, vom sogenannten Krajna (vom Fusse des Uzsoker Passes). Nach Nagyszöllös kamen die sogenannten Werhowiner (aus der Gegend von Verecke) zum Ernten und zum Dreschen. Diese gingen auch weiter nach dem Süden, besonders um zu mähen, denn sie waren berühmte Schnitter²⁹.

In Siebenbürgen kamen Rumänen aus dem Hochgebirge z. B. vom Gyaluer, vom Radnaer und Máramaroser Gebirge, die sogenannten Mokanen, um zu ernten und zu dreschen, hauptsächlich auf die Grossgrundbesitze des Mezöség. Die Umstände ihrer Arbeit waren dieselben wie bei den Ruthenen und Slowaken.

Geräte, also Sense, Sicheln, Dreschflegel, Gabeln, spitzige Spiesse zum Strohtragen, Rechen, Worfelschaufeln zum Worfeln des Getreides (das Reinigen der Körner von der Spreu durch Auslüften, durch einen Luftzug) brachten sowohl die ruthenischen, slowakischen, wendischen, steierischen, wie die rumänischen Drescher mit sich. Die Dresch- und Worfelmethode dieser Fremden war der der Ungarn gleich, überhaupt wurde ja die Arbeit, die Arbeitsmethode, ob man Schütte machen oder nur die Körner ausschlagen soll und wie man den Strohschober und den Kurzstroh-Schober (ung. *tőrekkazal*) legen soll, immer vom Arbeitsgeber vorgeschrieben. Was aber die Technik des Dreschens betrifft, so stand es ihnen immer frei, die in ihrer Heimat üblichen Methoden anzuwenden. Dadurch beeinflussten sie dann die ungarischen Dreschmethoden. Die Magyaren merkten es sich übrigens immer und erwähnten es überall, wenn die aus der Fremde gekommenen Drescher eine andere Dreschmethode anwendeten als die in der Gegend übliche. Einen solchen Fall beobachtete ich im Jahre 1940 auf meiner Studienreise in Nagybégány (Komitat Bereg). Die Ungarn erzählten mir, dass bis zur Jahrhundertwende auch auf die mittelgrossen Gutsbesitze der Bauern Russen aus Galizien dreschen kamen, aber diese legten die Garben nicht in langen Reichen zum Dreschen nieder, sondern in der Form eines völlig geschlossenen Kreises. Dem Scheunenplatz entsprechend war der Kreis grösser oder kleiner. Die Mitte des Kreises war leer³⁰. Die Drescher droschen, während sie im Kreise rundherum schritten.

Die Arbeit des Dreschens und des Austretens löste auch bei den Magyaren eine lebhafte Wanderung aus. Auf der Karte Nr. I. werden die Daten der schon erwähnten Wirtschaftsstatistik aus 1855 illustriert. Von den angewandten Zeichen bedeutet der ausgefüllte Kreis, dass dort das Austreten und nicht das Dreschen die Methode des Körnerausschlagens war, aber dass dort als sekundäre Methode auch das Dreschen möglich war. Die Karte Nr. II., welche teils auf Grund der ungarischen ethnographischen Literatur und teils auf Grund meiner eigenen Sammlung die Verbreitung des Dreschflegels darstellt, zeigt klar, dass der Handflegel auch an solchen Orten benützt wurde, wo das Austreten die primäre Methode des Korndreschens war. Diese Erscheinung war eine Folge der wirtschaftlichen Klasse der Einwohner. Der arme Kleinbauer oder der besitzlose Kötner, der kein Pferd hatte, drosch das wenige eigene oder das als Ernteanteil bekommene Getreide mit dem Handflegel.

Es sind aber auch Fälle bekannt, wie z. B. aus dem Komitat Szabolcs, wo auf Grundbesitzen von über 1000 Joch Arbeiter mit Handflegeln droschen, denn diese Güter hatten genug Taxenkötner (ung. *taksás zsellér*) — auch nach der Befreiung der Leibeigenen — oder wenn nicht genug vorhanden waren, so wurden zu ihrer Ergänzung Ruthenen und Slowaken gedungen. Auf den kleineren (100 Joch grossen) Gütern hingegen wurde das Getreide ausgetreten. Die Zwergbauern und Kötner wiederum droschen mit Handflegeln³¹.

Auf den Grossgrundbesitzen dauerte das Dreschen oft bis in den Winter

hinein, ja sogar den ganzen Winter hindurch. Es wurde in den Scheunen oder draussen auf den gefrorenen Tennen gedroschen. Die Regel war, wie bereits oben erwähnt, dass zuerst das Getreide grob bearbeitet wurde und die grob ausgedroschenen Garben wieder in Feime gelegt wurden. Diese wurden dann während des Winters gedroschen. Die auf diese Weise vorsichgehende Abwicklung des Dreschens war die logische Folge des kapitalistischen Charakters des Grossgrundbesitzes. Bei der groben Bearbeitung schlug man nämlich $\frac{1}{3}$ der Körner aus. Diese konnte der Grossgrundbesitzer noch während des Herbstes auf den Markt bringen. Wenn die Ernte reichlich ausgefallen war und man jede Arbeitsphase des Dreschens zur Gänze hätte verrichten wollen, so hätte man dazu sehr viele Drescher gebraucht. Leute dazu wären schon zu bekommen gewesen, aber dann hätten die Grossgrundbesitzer mehr Getreide als Dreschanteil hergeben müssen, weil sonst die Drescher pro Kopf weniger verdient und die Arbeit nicht angenommen hätten. So aber übernahm eine gewisse Anzahl der Drescher die Arbeit. Die grobe Bearbeitung wurde bis zum Herbst beendet und hievon bekamen die Drescher ihren Anteil. Für den weiteren Teil der Arbeit stand reichlich Zeit zur Verfügung. Aber mit ihrem später erhaltenen Anteil konnten sie im Winter gerade noch ihr Leben fristen, weil sie dabei ihren Teil nur noch aus dem einen Drittel verdienten, denn die Garben waren ja schon grob bearbeitet worden. Der Verdienst wurde also zum grössten Teil aufgezehrt.

Es kam aber auch vor, dass die Drescher den ganzen Winter hindurch unberührte Garben droschen und dass sogar für den nächsten Winter Feime übrigblieben. Die aus dem Felvidék kommenden Drescher blieben im Winter nur selten hier. Ausser vielen anderen Umständen war der eine Grund dafür auch der, dass für sie kein Winterquartier vorhanden war. Das Vieh kehrte von der Weide in die Ställe zurück, jedoch wären diese ohnehin nicht heizbar gewesen.

Die Magyaren gingen zwar auch zum Dreschen in andere Gegenden, aber sie überliessen diese Arbeit daheim gewöhnlich den Fremden. Sie selbst, z. B. die Magyaren aus den Komitaten Gömör, Nógrád, Heves und Ober-Borsod oder aus dem westlichen Teil des Komitates Vas droschen ihr eigenes Getreide zu Hause grösstenteils mit dem Handflegel aus und anstatt auf den Grossgrundbesitzen in der Nähe ihres Wohnortes zu dreschen, spannten sie ihre Pferde vor den Wagen, gingen in entferntere Gegenden und traten dort das Getreide mit den Pferden aus. Dies war eine leichtere und ergiebigere Arbeit als das Dreschen mit dem Dreschflegel. Auf die hiesigen Grossgrundbesitze hinwieder kamen die Wenden, Steirer, Slowaken usw. Auch die Bewohner des Csallóköz droschen grösstenteils ihr Getreide zu Hause. Das Austreten gewann bei ihnen erst in den Jahren um 1850 an Boden, doch gingen auch sie in die benachbarten Komitate Győr und Esztergom, um das Getreide auszutreten.

Ähnlich liegt der Fall auch in jenen Gegenden, wo das Getreide ausgetreten wurde. Die Kleinbauern aus Nagykőrös (Komitat Pest), die 1—2 Pferde besaßen, taten sich zusammen, nahmen als Gabler noch ein paar solche arme Leute mit,

die kein Pferd hatten, und gingen mit dem Wagen nach Szolnok oder hinunter nach dem Südosten, in die Komitate Csongrád oder Békés auf die dortigen Grundbesitze, um das Getreide auszutreten. Auf die Grundbesitze der Nagykovácsi Gegend kamen hingegen Austreter aus den Gegenden der Mátra und des Bükk. Die Bauern von Kiskunhalas (Komitat Pest), aus der Gegend von Kalocsa (Komitat Pest) und Kopács (Komitat Baranya) gingen wieder nach der Bácska, um das Getreide auszutreten. Die Kleinbauern aus Dévaványa (Komitat Szolnok) vereinigten sich zu zweien mit je zwei Pferden zu einer »Kumpaneic« (ung. *cimbora*), nahmen noch je einen armen Mann als Gabler mit, und um den 15. August herum, als sie mit dem Austreten des eigenen Getreides fertig waren, gingen sie mit dem Wagen in das Komitat Bihar (bis Cséfa), manchmal sogar nach Siebenbürgen bis in die Mezőség, um das Getreide auszutreten. Zu dieser Zeit war dort das Getreide bereits eingebracht. Sie nahmen Lebensmittel und Unterwäsche mit sich, denn sie blieben 3—4 Wochen lang dort. Das Austreten übernahmen sie um den zehnten Teil. Ausserdem bekamen sie beim Messen jeden dreissigsten Scheffel, als sogenannten Mittagsscheffel (ung. *ebédvéka*). Das war die Ablöse der Arbeitsgeber für ihre Verpflegung. Das als Mittagsscheffel erhaltene Getreide liessen sie sofort mahlen und die dortigen Frauen buken ihnen daraus Brot, wobei sie als Entgelt für das Backen die Kleie erhielten. Sonst kochten sie sich nur zu Mittag und zum Abendessen. Sie schliefen in einer Scheune, wenn eine solche vorhanden war, oder aber unter einem aus mitgebrachten Binsenmatten verfertigtem Dach. Den Anteil, den sie für das Austreten bekamen, luden sie in Säcken auf den Wagen, spannten die 4 Pferde davor und kehrten nach Hause zurück. Im Komitat Bihar und auf der Mezőség gab es wenig Pferde, deshalb gingen viele Bauern zum Austreten dorthin. Das Austreten war nämlich eine ergiebiger Arbeit als das Dreschen — und befriedigte daher die Ansprüche der kapitalistischen Grossgrundbesitze besser. Aus dem Hajduság und Nagykunság, wo man viele Pferde hielt, gingen die Bauern aus den gleichen Gründen nach dem Nyírség, Érmellék, Kraszna, das Getreide auszutreten.

Man kann beobachten, dass die Arbeiterwanderung eine ausgeprägte Richtung von Nordwesten nach Südosten aufweist. Dies drückt zugleich die örtliche Gestaltung des einstigen Einheitspreises des Weizens (um 1850) aus. Zum Beispiel kostete ein Pressburger Getreidemass (ca. 64 l) in Pozsony (Pressburg) im Jahre 1845 5,13, in Budapest 4,34, in Kassa 5,44, in Sopron 5,08, in Debrecen 4,42, in Pécs 4,34, in Zólyom 5,77, in der Bácska 4,09 und in Temesvár 3,99 Gulden³². Diese Gestaltung des Weizenpreises erklärt auch, warum die Drescher, bezw. die Austreter immer von ihrem Heimatsorte in südöstlicher Richtung auf 1—2 Tagesreisen Entfernung oder auch noch weiter gingen, um Arbeit zu übernehmen. So kamen sie zu einem grösseren Verdienst, als wenn sie daheim Teilarbeit übernommen hätten. Hingegen war es nicht der Mühe wert, auf sehr grosse Entfernung zu gehen, denn dann hätten die Transportkosten des erhaltenen Anteils den erreichten Nutzen kompensiert.

ANMERKUNGEN

1. Hier denke ich natürlich an diejenigen Bauern, die par excellence in den Gegenden lebten, wo ausgetreten wurde. In jenen Gegenden, wo das Dreschen mit dem Handflegel die einzige Arbeitsmethode war, musste man auch den Frondienst mit dem Handflegel leisten. In Übergangsgebieten kam es vor, dass der zum Frondienst verpflichtete Bauer seinen Teil sowohl beim Austreten als auch beim Dreschen mit dem Dreschflegel abarbeiten musste. In jenen Gegenden hingegen, wo das Austreten die primäre Arbeitsmethode war, kamen die Drescharbeiter von anderswo — hauptsächlich aus dem nördlichen und nordöstlichen Felvidék (der nördliche, gebirgige Teil des alten Ungarn).

2. Mit der Frage der Genesis der Dreschflegel und ihren geschichtlichen Problemen, also mit der Frage, seit wann und in welcher Form die Magyaren den Dreschflegel benützten, befasse ich mich jetzt nicht.

Die Verwandtschaften der ungarischen Dreschtypen finden wir übrigens im Buche von *Trotzig*: *Slagan och andra tröskredskap*. Stockholm, 1943. Wenn wir Paul *Scheuermeiers* Buch: *Bauernwerk in Italien, in der italienischen und rätomanischen Schweiz* (Eine sprach- und sachkundliche Darsellung landwirtschaftlicher Arbeiten und Geräte, Erlenbach-Zürich, 1943. dazu nehmen, so haben wir die vollständigste sich auf den Dreschflegel beziehende Literatur beisammen, der man die Genetik und das Formenproblem der ungarischen Dreschflegel entnehmen kann.

3. Ich wende die Typeneinteilung und Nomenklatur von *Trotzig* an, welcher die Dreschflegel auf Grund der Verbindung des Stieles und des Schwengels in 7 Typen teilte. Vergl. *Trotzig* op. cit. S. 12—61. Ich übernehme auch die Benennung der Typen von *Trotzig*: die Benennung Flegel mit Kappe (*Kappslaga*) und durchlöcherter Flegel (*Hälslaga*) halte auch ich für richtig; anstatt Flegel mit Rinne (*Ränslaga*) würde ich im Ungarischen den Namen Halsriemen-Flegel oder Zwischenring-Flegel (ung. *nyaklós-* oder *közgyűrűs csép*) vorziehen.

4. *I. Györffy*: *Földművelés* (= Ackerbau). A Magyarorságnéprajza (= Die Ethnographie des Magyararentums). Budapest, 1943. II. S. 185.

5. Deshalb nennt das Volk z. B. in Siebenbürgen den Dreschflegel »Anderthalb-Holz« (ung. *másfél-fa*). Vgl. *Ö. Beke*: *Másfélfa, a csép eredeti magyar neve.* (= Anderthalbholz, der ursprüngliche ungarische Namen des Dreschflegels) *Nyelvör.* LXXIII, 1949. S. 28—29. und *B. Gunda*: *A csép régi magyar elnevezése* (= Die alten ungarischen Bezeichnungen für den Dreschflegel). *Erdélyi Múzeum* 50: 234.

6. Zum Beispiel sind auf den 70 cm langen Schwengeln der Flegel auf Abb. 9 und 11 in gleicher Entfernung voneinander 7 Eisenringe gezogen. Auf den Schwengel des Flegels auf Abb. 11 wurde an dessen Ende auch eine Eisenröhre von ungefähr 10 cm Länge befestigt. Die Schwengel der Dreschflegel des Csallóköz haben nur am Ende eine Eisenröhre von ungefähr 9—10 cm Länge. Was die keulenförmigen, bzw. am Ende mit einem Gewicht versehenen Dreschflegel anbelangt, erwähne ich, dass man 1815 auf dem Herrschaftsgut in Keszthely (am Balaton) mit Schwengeln drosch, welche am Ende schwere Bleikugeln hatten. (*I. Szerecz*: *Angol szemmel Keszthelyen százhusz évvel ezelőtt.* *Szemelvények Richard Bright M. D. 1815 útleírásából.* (= Mit englischen Augen in Keszthely vor 120 Jahren. Ausschnitte aus dem Reisebericht von Richard Bright vom Jahre 1815. *Keszthely* 1935. S. 31.)

7. Der Dreschflegel auf Abb. Nr. 3. wurde von *G. Csermák* beschrieben. Der Flegel stammt von aus dem bukowinischen Dörfchen Istensegits nach dem transdanubischen Dorf Hidas angesiedelten Szeklern. Diese Art der Herstellung der Kappe habe ich auch selbst beobachtet, gleichfalls bei Szeklern, in Andrásfalva in der Bukowina; auch die Palowzen aus dem Komitat Nógrád kennen diese Art der Herstellung der Kappe.

8. Die Magyaren nennen die Kappe Dreschkopf (ung. *csépffej*) in anderen Gegenden Steigbügel (ung. *kengyel*), Dreschhals (ung. *csépnnyak*), Sattel (ung. *nyereg*), *kámva*, die Kappe des Schwengels: *tuka*, Nagel (ung. *köröm*). Aus der Tatsache, dass an vielen Orten des ungarischen Sprachgebiets das Volk die Kappe Dreschkopf nennt (ung. *csépffej*), drängt sich die Hypothese auf, dass das Wort *kápa* nicht aus dem Wort Kapuze, sondern aus dem lateinischen »caput«, stammt.

9. Der Binderriemen hat auch mehrere Namen: *nyakló*, *csipköz*, *közszij*, *nyaklósziój*, *nyelve*, *cséptelek*.

10. Aus Tiszántúl, Sárrét und aus Siebenbürgen besitze ich hierfür Angaben.

11. Ich bemerke hiebei, dass auch die Wenden nicht tausschliesslich diese Form benützen, sondern auch die Flegel mit Kappe. Südlich des südwestlichen Teil des Balaton, auf rein magyarischen Sprachgebiet, wird der Zwischenringflegel natürlich ausschliesslich von der magyarischen Bevölkerung benützt. Wieso dieser Typus in diesem Teil ein inselartiges Vorkommen bilden konnte, ist zur Zeit noch unaufgeklärt.

12. Kazimierz *Moszyński*: Kultura ludowa Stowian, I. Kraków 1929. fig. 185 B; *Trotzig*: Z. W. S. 50.

13. *Jankó*: A Balaton-melléki lakosság néprajza (= die Ethnographie der Anwohner des Plattensees). Budapest 1902. S. 247; *Trotzig*: op. cit. S. 50.

14. Ich hege den Verdacht, dass diese kurze Beschreibung von *Jankó* sich gar nicht auf die durchlöchernten, sondern auf die Dreschflegel mit Kappe bezieht.

15. Im Rétköz (Komitat Szabolcs) nannte man den Dreschschwengel Fohlen (ung. *csikó*). Siehe *L. Kiss*: Földművelés a Rétközön (= Ackerbau im Rétköz). Budapest, 1929. 23—24. S.

16. In einem am Anfang des vorigen Jahrhunderts erschienenen landwirtschaftlichen Fachbuch lesen wir folgendes über die Errichtung der Tenne: »Die Alten errichteten sie (die Tenne) so, dass sie sie mit Lehm — in welchen sie Häckerling und Öltreber mengten — stampften und so hielten sie sie durch viele Jahre hindurch in gutem Zustand. Das können auch wir nachahmen, wenn wir den Lehm anstatt mit Öltreber mit Rindsblut oder Rindshaar vermengen. Wenn keines vorhanden ist, so lasse ich den Boden zuerst aufhacken, mit Wasser begiessen, mit Lehm bedecken, mit Spreu überschütten, wieder mit Wasser begiessen, zwei Tage lang lasse ich die Schafe dort übernachteten, dann lasse ich den Boden wieder mit Spreu bestreuen und mit Keulen feststampfen. Wenn der Boden nach einer Zeit Sprünge bekommt, muss man ihn wieder herrichten.« *J. Nagyváthy*: Magyar Practicus Termesztó (= Praktischer ungarischer Pflanzler). Pest, 1821. S. 120—121.

17. *I. Gyutay*: Cséplés Magyarszerdahelyen (= Dreschen in Magyarszerdahely). Néprajzi Értesítő XXVI. 1934. S. 35—40. In der ungarischen ethnographischen Literatur gibt dieses jetzt angeführte Werk von *Gyutay* die beste Beschreibung. Im nachstehenden nenne ich jene Werke, in welchen wir brauchbare Daten oder sogar ausführliche Beschreibungen über unseren Gegenstand bekommen. *I. Györffy*: Takarás és nyomtatás az Alföldön (= Ernten und Austreten im Alföld). Néprajzi Értesítő XX. 1926. S. 1—46.; *Ders.*: A matyók mezőgazdasága (= Die Landwirtschaft der Matyós). I—II. Népünk és Nyelvünk VI. 1934. 1—8., 63—71 SS.; *Ders.*: Földművelés (= Landwirtschaft). A magyarság Néprajza (= Die Ethnographie des Magyarentums). II. S. 183—246.; *M. Nyárády*: Az őszi rozs termelése Ramocsaházán (= Der Anbau des Herbstroggens in Ramocsaháza). Néprajzi Értesítő XXII. 1930. S. 84—101. I.; *Zs. Bátky*: Útmutató Budapest, 1906.; *Ders.*: A magyarországi gyűjtemény (Magyar Nemzeti Múzeum Néprajzi Osztály) (= Die Sammlung Ungarns) (Ethnographische Abteilung des Ungarischen Nationalmuseums). Budapest, 1902.; *E. Fél*: Kocs 1936-ban. Néprajzi monográfia (= Kocs im Jahre 1936. Eine ethnographische Monographie). Budapest, 1941.; *H. Schuchardt*: Sachwortgeschichtliches über den Dreschflegel. Zeitschrift für romanische Philologie. 1910 (enthält Daten über die ungarischen, slowakischen und rumänischen Flegel mit Kappe), *B. Gunda*: Népi mezőgazdálkodás a Boldva völgyében (= Völkische Landwirtschaft im Boldvatal). Néprajzi Értesítő 1937. S. 45—70. Ausser den hier angeführten Werken ist weitere Literatur in nachfolgender Studie aufgezählt: *L. K. Kovács*: A magyar földművelő gazdálkodás kutatása (= Die Erforschung der ungarischen landwirtschaftlichen Bebauung). Budapest, 1948.

18. Die kursiv gedruckten Silben sind betont.

19. *I. Györffy*: Takarás és nyomtatás az Alföldön, S. 37.

20. *I. Györffy*: Takarás és nyomtatás az Alföldön, S. 40.

21. *Trotzig*: op. cit. S. 126—128.

22. *I. Györffy*: Takarás és nyomtatás az Alföldön, S. 37.

23. *I. Györffy*: Takarás és nyomtatás az Alföldön, S. 40.

24. Vor der Aufhebung der Leibeigenschaft waren die Leibeigenen verpflichtet, den Frondienst in jener Arbeit zu leisten, zu welcher sie befohlen wurden. Deshalb mussten sie zur Zeit des Erntens, Einbringens oder Dreschens für der Herrn arbeiten. Ihre eigene Arbeit mussten sie im Stich lassen oder durch bezahlte Arbeiter verrichten lassen, wenn sie nicht grossen Schaden erleiden wollten.

25. Die Schnitterbande — wenn mit der Sense gearbeitet wurde, denn mit der Sichel arbeiteten grösstenteils Frauen, während die Männer nur die Garben banden — bestand aus 20—30 Mähern und aus ebensoviele Garbenbindern. Gedroschen wurde meist in Banden zu viert.

26. 3—4 Burschen tanzten diesen Tanz auf einmal, indem sie einen Dreschschwengel am Boden rasch im Kreise drehten, während sie ihn im Rhythmus der Musik in Tanzschritten übersprangen. Einen solchen Tanz filmte ich im Jahre 1949 in der Ortschaft Szil (Komitat Vas). Siehe auch *V. Seemayer*: Adatok népi táncaink ismeretéhez (= Daten zur Kenntnis unserer Volkstänze). Ethnographia XLVI, 1935. S. 111—112.

27. K. Galgóczi : Magyarország, a szerb vajdaság, a temesi Bánság Mezőgazdasági Statisztikája (= Die landwirtschaftliche Statistik Ungarns, der serbischen Vajdaság und der Temeser Bánság). Pesten, 1855. — Diese Statistik spricht noch ausschliesslich von Arbeitern, doch konnte ich bei meinen dortigen Forschungen im Jahre 1947 feststellen, dass nicht nur zum Heumähen, sondern auch zum Ernten und Dreschen Tschechen, Mähren und Slowaken nach Lébény und Magyaróvár, sowie auf die Grossgrundbesitze im Komitat Sopron kamen.

28. Nach den Angaben von B. Gunda.

29. Galgóczi : op. cit. S. 219—221.

30. Das könnte jener Dreschmethode gleichen, welche auf einem aus dem Jahre 1500 stammenden flämischen Kalenderbild dargestellt ist, das auch von Trotzig veröffentlicht wird (Trotzig, op. cit. S. 111.). Ob diese Dreschmethode in Galizien üblich war oder nur hier angewendet wurde, kann ich mangels Angaben nicht entscheiden. Bei den Esten ist sie aber bekannt. Siehe J. Mark : Über das Roggendreschen bei den Esten, Ber. d. Gel. Estn. Ges. 1931. S. 340—344, Abb. 21—22.

31. L. Kiss : op. cit. S. 22.

32. Galgóczi : op. cit. S. 146.

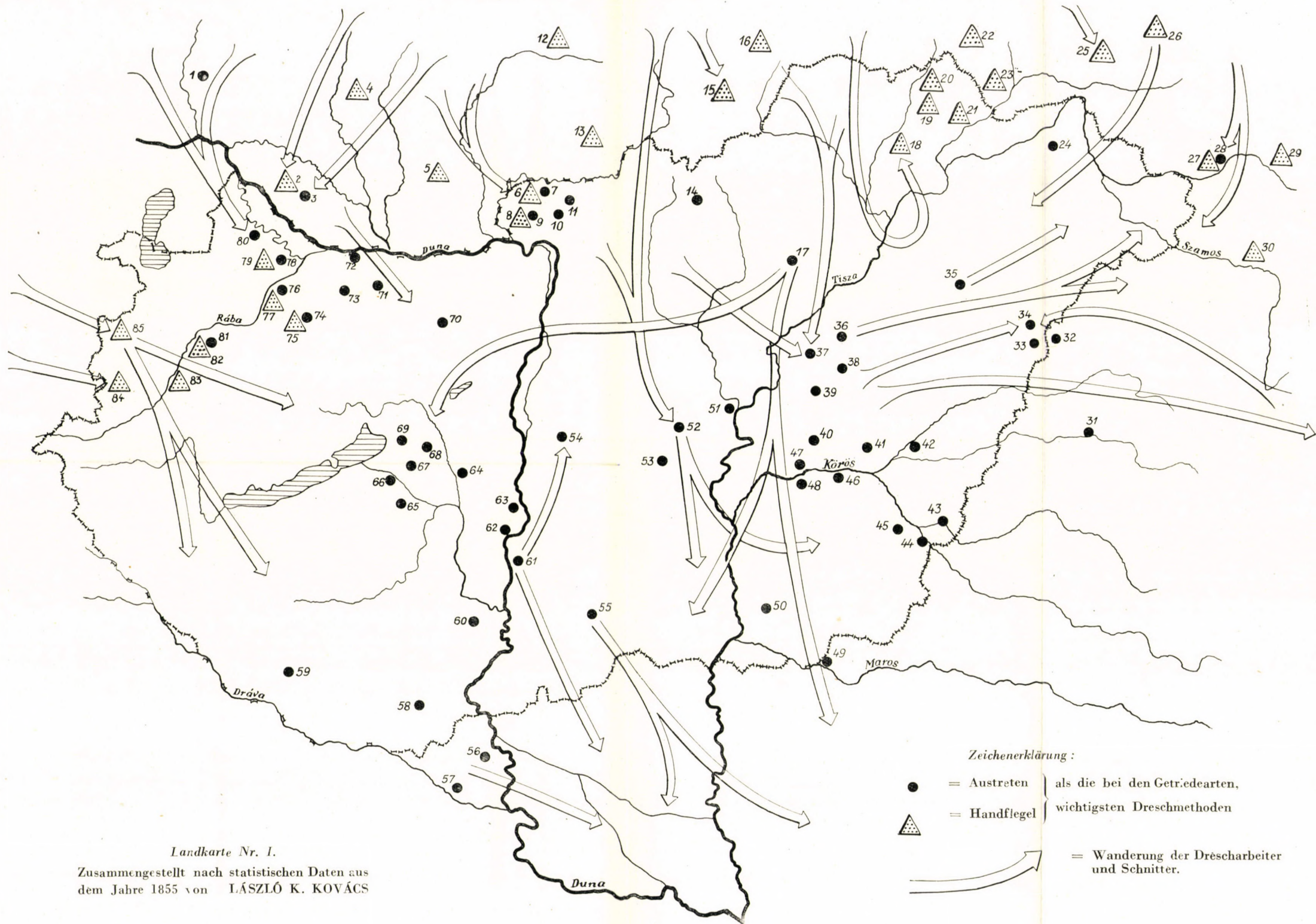
Bemerkung : Während des Klischierens der Landkarte Nr. II. kamen die folgenden Druckfehler vor: neben dem Zeichen Nr. 70 ist nicht 68, sondern 67 zu lesen; über dem Zeichen Nr. 68 soll Nr. 69. Tiszavárkony stehen.

Abb. 34. Dreschstuhl. Gagybátor (Komitat Abaúj). Foto: F. Béres, 1949.

ANFÜHRUNG DER AUF DER LANDKARTE Nr. I. VORKOMMENDEN DATEN
NACH ORTSCHAFTEN.

1. Malacka	21. Sátoraljaújhely	41. Dévaványa
2. Csallóköz	22. Gálszécs	42. Szeghalom
3. Csallóköz	23. Velejt	43. Sarkad
4. Nemeskosztolány	24. Kisvárda	44. Gyula
5. Fájkürt	25. Ungvár	45. Békéscsaba
6. Vámosmikola	26. Nagyberezne	46. Gyoma
7. Vámosmikola	27. Nagyszöllős	47. Mezőtúr
8. Ipolypásztó	28. Nagyszöllős	48. Szarvas
9. Ipolypásztó	29. Huszt	49. Nagylak
10. Szokolya	30. Színerváralja	50. Hódmezővásárhely
11. Diósjenő	31. Élesd	51. Szolnok
12. Farkasfalva	32. Érkeserű	52. Nagykőrös
13. Kékkő	33. Nagyléta	53. Kecskemét
14. Pétervására	34. Álmosd	54. Kunszentmiklós
15. Rimaszombat	35. Hajduböszörmény	55. Kiskunhalas
16. Csetnek	36. Kunmadaras	56. Vörösmart
17. Mezőkövesd	37. Kunhegyes	57. Kopács
18. Vizsoly	38. Karcag	58. Nagyharsány
19. Gönc	39. Kisujszállás	59. Istvándi
20. Zsujta	40. Túrkeve	60. Öcsény

Landkarte Nr. I.
 Zusammengestellt nach statistischen Daten aus
 dem Jahre 1855 von LÁSZLÓ K. KOVÁCS

Zeichenerklärung:

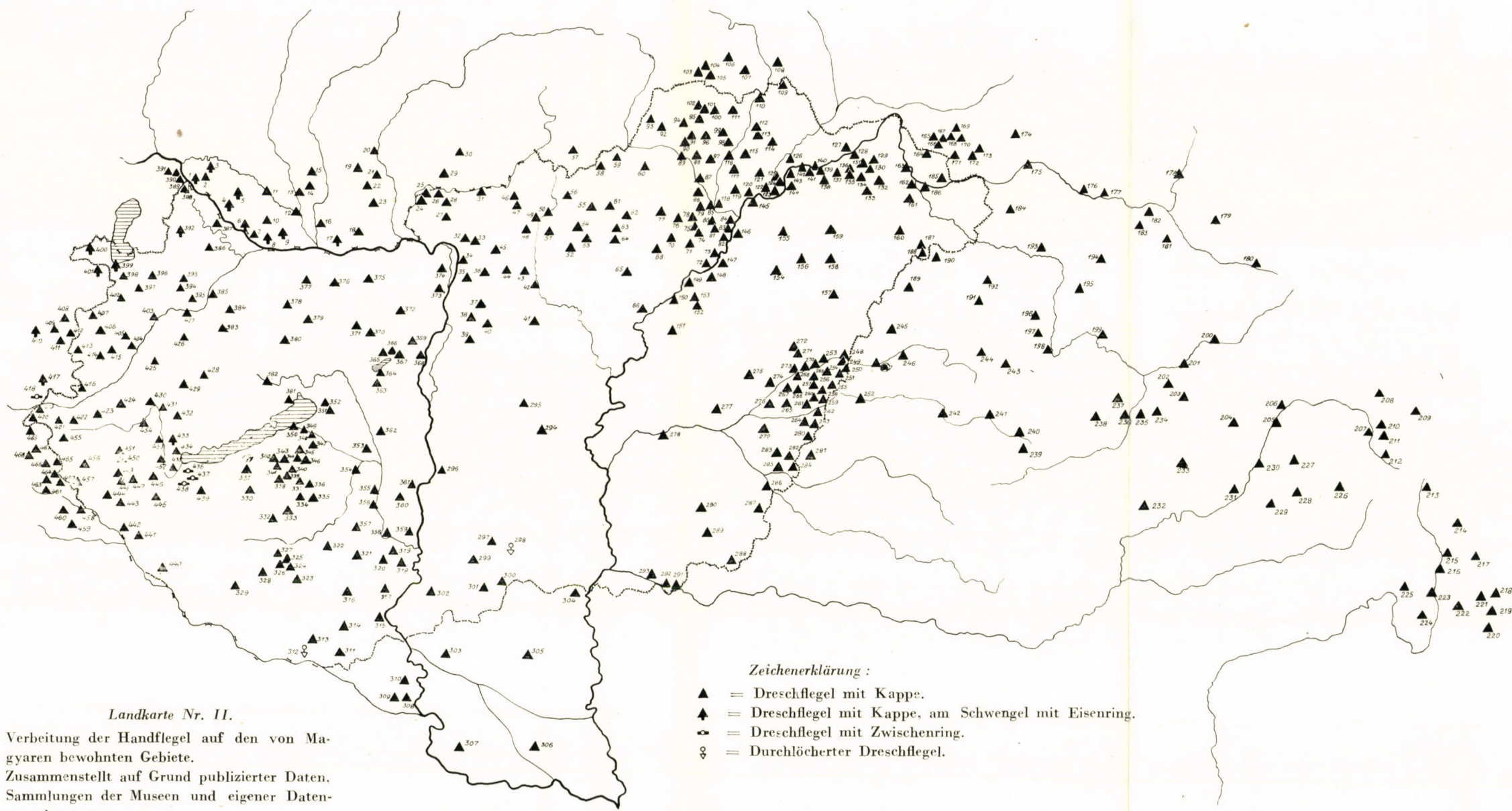
- = Austreten } als die bei den Getr.eidearten,
 } wichtigsten Dreschmethoden
- ▲ = Handflegel
- = Wanderung der Drescharbeiter
 und Schnitter.

61. Foktó	70. Csákvár	79. Rábaköz
62. Madocsa	71. Kocs	80. Lébény
63. Böleske	72. Ács	81. Kemenesalja
64. Sárbogárd	73. Mezőörs	82. Kemenesalja
65. Nagyszokol	74. Kispéc	83. Ikervár
66. Városhídvég	75. Kispéc	84. Egyházaradóc
67. Enying	76. Tét	85. Herény
68. Lepsény	77. Tét	
69. Balatonfőkajár	78. Rábaköz	

ANFÜHRUNG DER AUF DER LANDKARTE Nr. II. VORKOMMENDEN DATEN
NACH ORTSCHAFTEN.

1. Gutor	49. Mátraszöllös	97. Szikszó
2. Úszor	50. Mátraverebély	98. Forró
3. Fél	51. Gyöngyöspata	99. Fancsal
4. Csallóköznádas	52. Karácsond	100. Gygyvendégi
5. Dunaszerdahely	53. Ludas	101. Gygybátor
6. Szap	54. Markaz	102. Alsógagy
7. Medve	55. Recsk	103. Szádelő
8. Csicsó	56. Kazár	104. Áj
9. Ekel	57. Ajnácskő	105. Torna
10. Nagymegyér	58. Domaháza	106. Jászó
11. Vásárút	59. Hangony	107. Buzinka
12. Guta	60. Nagyvisnyó	108. Beszter
13. Szimó	61. Sirok	109. Kéked
14. Tótmegyér	62. Ostoros	110. Hidasnémeti
15. Tardoskedd	63. Kerecsend	111. Szemere
16. Martos	64. Kál	112. Vizsoly
17. Marcelháza	65. Átány	113. Arka
18. Bátorkeszi	66. Kisköre	114. Baskó
19. Barsbese	67. Füzesabony	115. Abaujszántó
20. Újbars	68. Szolnok	116. Ináncs
21. Nagysalló	69. Tiszavárkony	117. Monok
22. Cseke	70. Mezőkövesd	118. Sajóhídvég
23. Nagyölvéd	71. Szentistván	119. Taktaharkány
24. Kemence	72. Tiszadorogma	120. Taktakenéz
25. Bernecebaráti	73. Ároktó	121. Mezőzombor
26. Drégelypalánk	74. Gelej	122. Báj
27. Diósjenő	75. Mezőkeresztes	123. Csobaj
28. Érsekivádkert	76. Tard	124. Tiszaladány
29. Ipolyfödemes	77. Cserépfalu	125. Tokaj
30. Szud	78. Mezőnyárad	126. Viss
31. Órhalom	79. Vatta	127. Cigánd
32. Kosd	80. Igrici	128. Dombrát
33. Rád	81. Mezőcsát	129. Rétközberencs
34. Alsógöd	82. Tiszakeszi	130. Pátroha
35. Fót	83. Tiszatarján	131. Gégény
36. Szada	84. Tiszapalkonya	132. Laskod
37. Isaszeg	85. Ónod	133. Ramocsa
38. Ecsér	86. Borsodgeszt	134. Demecser
39. Ócsa	87. Felsőzsolca	135. Kék
40. Monor	88. Boldva	136. Beszterce
41. Nagykáta	89. Sajószentpéter	137. Nagykalász
42. Boldog	90. Edelény	138. Ibrány
43. Kartal	91. Balajt	139. Paszab
44. Galgamácsa	92. Szuha	140. Gáva
45. Püspökhatvan	93. Szuhafő	141. Vencsellő
46. Nagylóc	94. Szendrő	142. Balsa
47. Hollókő	95. Irota	143. Timár
48. Buják	96. Felsővadász	144. Rakamaz

145. Tiszadob	208. Bélbor	271. Tépe
146. Polgár	209. Gyergyótölgyes	272. Derecske
147. Tiszacsege	210. Ditró	273. Berettyóujfalu
148. Egyek	211. Szárhegy	274. Bihartorda
149. Tiszafüred	212. Gyergyóujfalu	275. Biharnagybajom
150. Tiszaderzs	213. Csikszentdomokos	276. Csökmő
151. Kunhegyes	214. Csikmenaság	277. Dévaványa
152. Tiszaörs	215. Csikverebes	278. Szarvas
153. Tiszaigar	216. Tusnád	279. Vésztő
154. Balmazújváros	217. Kászon	280. Mezőgyán
155. Hajdunánás	218. Bereck	281. Nagyszalonta
156. Hajduböszörmény	219. Gelence	282. Méhkerék
157. Mikepércs	220. Csomakőrös	283. Sarkadkeresztur
158. Hajduhadház	221. Kézdivásárhely	284. Kötégyán
159. Ujfehértó	222. Dálnok	285. Sarkad
160. Gebe	223. Málnás	286. Gyula
161. Ópályi	224. Árkos	287. Elek
162. Vitka	225. Barót	288. Battonya
163. Nagyvarsány	226. Korond	289. Kaszaper
164. Barabás	227. Nyárádremete	290. Csorvás
165. Kisgút	228. Kibéd	291. Magyarcsanád
166. Kisbégány	229. Nagykend	292. Apátfalva
167. Gát	230. Gernyeszeg	293. Makó
168. Dercen	231. Mezőpanyit	294. Kecskemét
169. Fornos	232. Harasztos	295. Lajosmizse
170. Bárdháza	233. Sármás	296. Harta
171. Makkosjánosi	234. Cege	297. Kiskunhalas
172. Nagybereg	235. Szék	298. Kiskunmajsa
173. Beregújfalu	236. Válaszút	299. Jánoshalma
174. Szajkófalva	237. Kecsed	300. Kelebia
175. Királyháza	238. Ördögkeresztur	301. Bácsalmás
176. Técső	239. Magyarvalkó	302. Vaskut
177. Taracköz	240. Bánffyhunjad	303. Kerény
178. Rahó	241. Csucsá	304. Horgos
179. Havasmező	242. Rév	305. Topolya
180. Borsa	243. Kraszna	306. Okér
181. Szurdok	244. Szilágysomlyó	307. Bács
182. Rónafő	245. Éradony	308. Belye
183. Máragyulafalva	246. Micske	309. Dárda
184. Turterebes	247. Szalárd	310. Laskó
185. Tarpa	248. Pocsaj	311. Magyarboly
186. Olesvaapáti	249. Kismarja	312. Luzsok
187. Mérk	250. Nagykeréki	313. Vajszló
188. Vállaj	251. Bedő	314. Pécsdevecser
189. Piskolt	252. Váradszöllős	315. Mohács
190. Börvely	253. Hencida	316. Pécsvárad
191. Krasznabéltek	254. Bojt	317. Bátaszék
192. Erdőd	255. Biharkereszttes	318. Decs
193. Szinérváralja	256. Vánecsod	319. Mőcsény
194. Felsőbánya	257. Mezősas	320. Majos
195. Nagysomkút	258. Beregböszörmény	321. Váralja
196. Szilágycseh	259. Körösszegapáti	322. Bikal
197. Désháza	260. Magyarhomorog	323. Somogyviszló
198. Zsibó	261. Komádi	324. Bőszénfa
199. Nagyilonda	262. Biharugra	325. Zselickisfalud
200. Naszód	263. Geszt	326. Patca
201. Bethlen	264. Zsadány	327. Szenna
202. Bálványosváralja	265. Vekerd	328. Szilvásszentmárton
203. Ketel	266. Furta	329. Kadarkút
204. Teke	267. Zsáka	330. Somogyvár
205. Magyaró	268. Berettyószentmárton	331. Lengyeltóti
206. Déda	269. Gáborján	332. Mezőcsokonya
207. Gyergyóremete	270. Szentpéterszeg	333. Magyarocs

Landkarte Nr. II.

Verbreitung der Handflügel auf den von Magyaren bewohnten Gebiete.
 Zusammenstellt auf Grund publizierter Daten,
 Sammlungen der Museen und eigener Datensammlung von

LÁSZLÓ K. KOVÁCS

Zeichenerklärung :

- ▲ = Dreschflügel mit Kappe.
- ▲ = Dreschflügel mit Kappe, am Schwengel mit Eisenring.
- ⊕ = Dreschflügel mit Zwischenring.
- ⊙ = Durchlöcherter Dreschflügel.

334. Somogyacsa	379. Csatka	424. Andrásfa
335. Kánya	380. Zirc	425. Káld
336. Koppányszántó	381. Káptalanfüred	426. Celldömölk
337. Törökkoppány	382. Szentgál	427. Magyargencs
338. Karád	383. Pápa	428. Túskevár
339. Andocs	384. Gecse	429. Megyer
340. Nágócs	385. Mórchida	430. Zalavég
341. Kötese	386. Lébény	431. Zalaszentgrót
342. Kapoly	387. Darnózseli	432. Zalaszántó
343. Zala	388. Rajka	433. Cserszegtomaj
344. Tap	389. Dunacsuny	434. Keszthely
345. Torvaly	390. Oroszvár	435. Zalavár
346. Zics	391. Horváthjárfalu	436. Vörs
347. Somberény	392. Mosonszentpéter	437. Tikos
348. Ádánd	393. Szilsárkány	438. Főnyed
349. Jut	394. Szil	439. Marcali
350. Siófok	395. Szany	440. Somogyudvarhely
351. Lepsény	396. Kapuvár	441. Nemespátró
352. Balatonfőkajár	397. Csapod	442. Murakeresztur
353. Mezőszilas	398. Sopronkövesd	443. Eszteregnye
354. Pincehely	399. Nagycenk	444. Valkonya
355. Sárszentlőrinc	400. Ágfalva	445. Zalaszentjakab
356. Kölesd	401. Sopronkeresztur	446. Garabonc
357. Tevel	402. Szakony	447. Magyarszerdahely
358. Sióagárd	403. Répcelak	448. Bocska
359. Bogyiszló	404. Pecöl	449. Börzönce
360. Dunaszentgyörgy	405. Alsószeleste	450. Hahót
361. Paks	406. Gencsapáti	451. Zalatárnok
362. Sárbogárd	407. Kőszeg	452. Zalaapáti
363. Seregélyes	408. Rohonc	453. Zalacsány
364. Agárd	409. Felsőőr	454. Vöckönd
365. Sukoró	410. Szentelek	455. Bajánsenyé
366. Velence	411. Alsóőr	456. Mumor
367. Kápolnásnyék	412. Csajta	457. Lendvadédes
368. Ercsi	413. Felsőcsatár	458. Muraszentkereszt
369. Martonvásár	414. Ják	459. Csáktornya
370. Vértesacsa	415. Balognyom	460. Szentmargithey
371. Csákvár	416. Pinkamindszent	461. Battyánfalva
372. Etyek	417. Németszentgrót	462. Mezővár
373. Solymár	418. Rábakeresztur	463. Muraszombat
374. Pomáz	419. Rábatótfalu	464. Gesztenyész
375. Tardos	420. Rifkaháza	465. Felsőszentbenedek
376. Kocs	421. Szalafő	466. Muraszentcs
377. Csép	422. Ispánk	467. Sándorvölgy
378. Bakonybánk	423. Vaspor	468. Vaskorpád
		469. Seregháza

ВЕНГЕРСКИЕ СПОСОБЫ МОЛОТЬБЫ И ВЕНГЕРСКИЕ МОЛОТИЛЬНЫЕ ЦЕПЫ

Л. К. Ковач

Резюме

Венгерский народ в прошлом снятую жатву зерновых обмолачивал различными способами. Один из самых древних способов, это расстиланье урожая по гумну и выбивание зерна из колосьев копытами животными, чаще всего лошадей, которых для этой цели гоняли по гумну. Другой способ — выбивание зерна из колосьев при помощи цепов. Существовал и такой способ, при котором захватывали охапку зерновых, особенно ржи, руками и выбивали зерна из колосьев, ударяя ими о специальные молотильные приспособления.

Молотьба при помощи животных, которой не занимается эта статья, была особенно распространена в землях Венгерской низменности (см. карту I.). Но и в тех краях это не был единственным исключительным способом молотьбы, рядом с ним всегда употреблялась и цеп (см. карту II.). Однако, употребление молотильных цепов в этих краях было вызвано, главным образом, неблагоприятными землевладельческими отношениями. Повсеместное распространение крупных феодальных и церковных поместий, более или менее обширных владений бывшего дворянства, — все это, наряду с поместьями захваченными банками и землями кулачества, с одной стороны, и карликовые лоскутные наделы крестьянства, живущего в условиях крепостничества, с другой стороны, представляли весьма пеструю картину. Эта последняя категория крепостного крестьянства, среди которых было большое количество безземельных, служила источником рабочей силы для первой категории. На больших поместьях способы молотьбы, в условиях 18 и 19 веков отвечали требованию крупных производительных предприятий, т. е. эти способы соответствовали техническому уровню того времени. В областях Венгерской низменности молотьба производилась при помощи животных (*вытаптыванием*), а в краях холмистой и гористой части Венгрии, при помощи различных цепов в больших амбарах. Бедное крестьянство, за пользование крепостной землей, должно было выплачивать помещику так называемую «барщину» т. е. отработать безвозмездно известное количество дней. Это обыкновенно производилось во время молотьбы, на которую крестьянин должен был являться со своей лошадей. Способ молотьбы, при помощи лошадей (*вытаптыванием*), удовлетворял требования крупных капитализирующихся поместий того времени. Бедное крестьянство, хотя и было знакомо практически со способом молотьбы при помощи лошадей, однако оно, в большинстве случаев, обмолачивало урожай со своих маленьких земельных наделов при помощи ручных цепов, и способ молотьбы на гумне с лошадьми практиковался ими только в исключительных случаях. В отношении Венгерской низменности, употребление ручного цепа обуславливалось тем обстоятельством, что для покрытия крыш и в других целях (вязка, плетение корзин и соломенных шляп и т. д.) необходима была целая солома, которую можно было получить, обмолачивая урожай только этим последним способом. Солому для покрытия крыш, употребляли и в тех местах, где было достаточно камыша. Интересно упомянуть, что с появлением молотильных машин (молотилок), употребление ручного цепа расширилось временно за счет молотбы при помощи лошадей. Это явление было вызвано экономическими и общественными обстоятельствами.

2.

В отношении формы, ручной цеп в Венгрии имел несколько разновидностей, начиная с обыкновенной молотильной палки, через молотильный валик и кончая двухдельным ручным цепом (*цепник и молотило*). Нам известны три типа двухдельного ручного цепа:

1. *Цеп с петлявой привязью*, который имел наибольшее распространение (см. карту II.).

2. *Цеп с промежуточными кольцами*, который встречался в отдельных местах западных областей страны и на юге от Балатона.

3. *Цеп с подвесным отверстием*, который был распространен в местностях около Балатона, в южной области Бараньи и в южной части Бач-Кишкунского комитата.

Цеп с петлявой привязью имеет следующие конструктивные элементы:

Цепник, который в большинстве случаев имеет длину в 1.50 м. и обыкновенно выделывается из бузины. *Молотило* из твердого дерева 70—80 см. длины. На краях цепника и молотила имеются две вырезанные выемки, к которым прикрепляются при помощи *подвязочных кожаных ремней* по одной петлявой привязи. Эти подвязочные ремни стягивают при помощи *деревянных клин*. Для прикрепления молотила к цепнику, соединяющий *ремень* закручивают несколько раз, продевая в петли (см. рис. 1.). Петлявая привязь, которая прикрепляется к цепнику, во время работы вращается на цепнике, и таким образом облегчает работу. На само молотило часто набивают железные кольца, или молотилу придает форму дубинки с утолщением (см. рис. 10, 11 и 12). Этим способом они повышают продуктивность работы цепа. Но молотила этой формы ломают солому и поэтому непригодны для выработки кровельной соломы. В краях, населенных немцами, употребляют молотила, вырезанные из одного цельного куска дерева, и которые имеют угловую форму (см. рис. 6, 7 и 12.). Петли выделывают обыкновенно из кожи, однако, встречаются и деревянные петли (см. рис. 5, 8 и 11.).

Цеп с промежуточными кольцами отличается от предыдущего тем, что нет петель для привязи, и тем, что концы ручки и цепа имеют вырезки. Цеп зарезают только с одной

стороны, тогда как ручка вырезана вокруг (см. рис. 12 Е.). По этим вырезкам проходит ремень, который через промежуточное кольцо связывает цепник с молотилом (см. рис. 12 Е., 14 и 15.) Характерно для этого цепа, что его молотило только немного короче ручки. Ручка, в среднем, 110—120 см. длины.

Цеп с подвесным отверстием имеет длинный цепник, как и цеп с петлявой привязью. Длина цепника в среднем 170 см. а длина молотила 70—80 см. Конец цепника выделывают в форме шарика, на который надевают ремень, которым молотило привязывают к цепнику. Один конец молотила делают более тонким и в нем просверливают отверстие, в которое вдвигают ремень, или же в молотило вбивают гвоздь, который затем загибают (см. рис. 16.).

3.

Молотьба при помощи ручного цепа производилась или в *амбарах*, или на открытом воздухе на *гумне*. Способ укладки снопов при молотьбе зависит от того, для какой цели предназначается солома. Существуют два способа укладки снопов:

1. Для получения кровельной соломы снопы складываются параллельно в два, или четыре ряда. Затем обмолачивают снопы при помощи цепа с обоих концов, не развязывая их, после чего снопы развязывают и вилами расстилают солому в ряды и снова обмолачивают колосья, при чем развязанные снопы вилами переворачивают (см. рис. 17—28.).

2. Если же солома не идет на покрытие крыш, или же на выделку соломенных изделий, то снопы сначала ставят вертикально и обмолачивают цепями сверху вниз. Когда солома до самой повязки снопа будет сломана, сноп развязывают, расстилают и обмолачивают до конца. Когда обмолачивание закончено, солому вилами встряхивают и затем складывают в стога. Кровельную солому встряхивают руками и снова связывают в снопы (см. рис. 27.). Эти снопы складывают в кошны, или оставляют в амбаре до употребления. Очистка обмолоченного зерна от мякины и других примесей, производится путем *пересыпания*. Это пересыпание производится следующим образом: зерна сыпанные в большую кучу, в одной части гумна подбрасывают вверх с подветренной стороны. Таким образом ветер выдувает полову и другие примеси. Кроме этого употреблялись метелки из березы с длинными ручками, которыми махали над падающими зернами, чтобы отстранить более крупные примеси.

4.

Известны также и такие способы молотьбы (особенно бобовых и подсолнуха) при которых урожай обмолачивают валиками, которые крестьянки употребляют при стирке белья, или же прямыми и кривыми палками разной длины (см. рис. 2.). Этот способ молотьбы еще в настоящее время является довольно распространенным, тогда как в прошлом он имел повсеместное распространение. Для молотьбы зерновых и конопли употреблялись специальные приспособления, изображенные на рисунках 30—33. Молотьба при помощи последних производилась таким способом, что в руки брали охапку зерновых, или конопли, и ею ударяли о *молотильный стол*, или *молотильный стул*, или *молотильное бревно* (см. рис. 30 и 34.).

5.

После освобождения крепостных крестьян, молотьба производилась наемным трудом. Молотильщики получали в виде награды за труд $\frac{1}{10}$ обмолоченного зерна. Там, где молотильщикам выдавали еду, их заработок составлял $\frac{1}{11}$, или $\frac{1}{12}$ часть обмолоченного зерна. Молотильщики объединялись в специальную артель. Эти артели обыкновенно формировались из артелей жнецов. Каждая артель имела своего старшину.

Молотильщики спали во время молотьбы в амбарах, если же таковых не имелось, тогда на конюшне. Жатва и молотьба еще в конце прошлого столетия вызывала большое передвижение рабочих внутри государства. Особенно из горных местностей стекались жнецы и молотильщики (см. карту I.). В отношении образования цен и расположения зон урожая возникло передвижение, которое имело направление с северо-востока на юго-запад. Несмотря на двухнедельный переход, стоило идти в направлении юго-запада, так как, даже принимая во внимание дорожные издержки, они в этих краях зарабатывали больше, чем при работах на своих местожительствах. Это и послужило причиной тому, что на места, откуда избыток рабочих уходил на юго-запад, приходили на их место молотильщики из других местностей.

ВЕНГЕРСКИЙ НАРОДНЫЙ КАФТАН-НАКИДКА «ЦИФРАСЮР»

М. Кресс.

«Сюр» представляет собой верхнее одеяние венгерских крестьян из толстого, грубого войлочного сукна. Он часто бывает украшен цветными шерстяными вышивками. Его обыкновенно изготовляли так называемые «сюрные портные» и даже вышивки на нем сделаны руками мужских ремесленников. Богато разукрашенный «цифрасюр» является одним из выдающихся произведений венгерского народного творчества.

Понятие «цифрасюр» для венгерской этнографии тесно связано с именем Иштвана Дьерффи. Этот выдающийся венгерский этнограф сам был сыном «сюрного» портняжного мастера. Дед его Ференц Дьерффи много способствовал внедрению «цифрасюра» в городе Карцаге, центре области Надь Куншаг. Обладая большим художественным вкусом он в значительной степени влиял на развитие орнаментики надькуншагского «цифрасюра».

Иштван Дьерффи своим двадцатилетним трудом осветил с такой основательностью проблемы, относящиеся к венгерскому «сюру», что его сочинение¹ еще до сих пор служит примером для исследования венгерской народной орнаментики. При разработке вопросов, относящихся к «цифрасюру», Дьерффи впервые применил историческую точку зрения при изучении венгерского народного искусства. Исчерпывающее практическое знание ремесла венгерского «сюрного» портняжества, помогло ему в исследовании различных экономических и социальных причин, которые создали условия для возникновения «сюра». Своими объективными исследованиями орнаментики он, таким образом, положил основы для изучения эстетики венгерского народного искусства. Вместе с тем, результаты его исследования во многом опровергли националистическое, и в своей сути романтическое мнение, согласно которому. «Тысячелетняя историческая непрерывность... вопреки редким сохранившимся следам не подлежит сомнению». Это означает, что наша и поныне существующая орнаментика зародилась одновременно с появлением нации...², и может быть поставлена в непосредственную связь например, с персидскими сассанидскими узорами, из эпохи до поселения венгерцев на их теперешней родине в конце десятого века.

«Сюр» или «сюрпосто», «абапосто» были названия толстого грубого, валенного сукна, которое изготовлялось из натуральной шерсти овец венгерской породы «пуржа» или «рацка». Цвет сукна был обыкновенно белый, реже черный, бурый или сероватый. Предполагают что венгерское слово «сюр» произошло от слова «сер», которое обозначает общее понятие для шерсти разных животных. Первоначально наименование накидки изготовленной из «сюрного» сукна было «сюркепенег», но со временем название материи перешло и на саму одежду сшитую из этого материала. В свое время одежды бедных крестьян были главным образом из «сюрного» сукна, тогда как одежды более состоятельных людей изготовлялись из тонкого, хорошего сукна, преимущественно синего цвета. Одежды из этих двух различ-

ных материй, изготовлялись разными портняжными мастерами. Сюрные портные, или как их иронически называли «толстые портные» работали с «сюрным» или «толстым» сукном, а так называемые «тонкие портные», или просто портные, работали с «тонким» сукном.

В первой половине прошлого столетия в Венгрии бедные крестьяне носили «меден» и «сюрдолмань» (иначе «сюрканко» «сокман» «дароц» «цондра») которые играли роль нынешней куртки. Зажиточные люди также носили две одежды: суконные «долмань» и «менте». Верхней одеждой крестьян были «шуба» «сюр» и «губа», а у более состоятельных людей суконный «кепенег». В одном описании одежд, которое носили в городе Сентеш в периоде между 1800 и 1825 годами, приводится следующее: «В дождливую или холодную погоду носили широкий «долмань» или «канко» из белого «сюрного» сукна, а сверх этого надевали «сюр» из подобной же материи.³ «Сюр» прежде всего служил верхней одеждой и именно это отличает его от «сюрного долманя», однако и покрой этих двух одежд был различен. По официальному установлению цен, — «Тарифу области Шомодь, в 1812 году самым большим размером «сюра» считался «сюр», изготовленный из 8 «шинг»⁴ сюрного сукна, цена которому устанавливалась в 4 форинта,⁵ тогда как самым большим размером «долманя» был таковой изготовленный из 4 «шинг», «сюрного» сукна и цена его назначалась в 2 форинта.⁶ В описаниях одежд того времени часто упоминают об обоих этих одеяниях и даже иногда одно называют «длинным сюрном» а другое «коротким сюрном». Очевидно в этом случае под «коротким сюрном» нужно понимать «сюрный долмань». В одном из документов того времени стоит следующее: «В некоторых местностях «сюрный кафтан» называют длинным, а «сюрное канко» коротким «сюрном».⁷

Значительная разница между этими двумя одеждami существует и в отношении их покроя, т. к. бок «сюра» выкраивается из двух равных параллельных кусков сукна, тогда как бок «долманя» книзу расширяется.

Сюрном пользовались преимущественно в прохладную погоду, а главным образом как дождевиком и это считали летней одеждой. Описание «сюра» как типичного дождевика, мы находим в одном документе из области Нитра, относящимся к 1810 году, написанном на немецком языке. Об этом «сюре» из грубой, белой, «сюрной» материи изготовленном портным «кепенегов» сказано следующее: «Такого наименования длинного кафтана, совершенно особого покроя который в дождь носят обыкновенно в накидку на плечах, а когда очень холодно надевают в рукава.» В одной из заметок о городе Кечкемете, говорится о том что белый «сюр» в дождливую погоду является излюбленной одеждой даже среди зажиточной части населения.⁸ Во всяком случае «сюр» легче чем шуба. Многочисленные описания относящиеся к тому времени, указывают на то что «сюр» прежде всего был одеждой бедного крестьянства, а шуба более зажиточных слоев населения. У бедного не было шубы, поэтому он и зимой носил «сюр». В записках области Фейер приводится следующее: «Земледельцы нашего города могут слыть за бедных и в отношении их можно применить поговорку, что «ни шуба не отягощает их» потому что у них только «сюр». В Кечкемете 1840 годов «зажиточные хозяева носят шубу из хорошо выдубленных шкур, мехом внутрь, снаружи украшенную богатыми шелковыми вышивками, в то время, как простой народ, как верхнюю одежду, употребляет «цифрасюр» или же шубы из овчин, собственной выделки»⁹. По всей вероятности «сюр» был особенно распространен в южной области задунайской Венгрии, а также и

среди палочев в «верхней» т. е. северной Венгрии, которые в свое время были экономически отсталыми краями. Среди жителей области Хевеш, «сюр» также являлся типичной зимней одеждой. В суровую, холодную погоду — пишет монографист области —¹⁰ бедные жители северной части этой области Палоцы, носят только простой белый «сюр» в то время как жители города Эгер, хотя по занятию относятся главным образом к сельскохозяйственным наемным рабочим, которые однако имеют хороший

1. „Сюр-долмань.“ Сюр-долмань изготавливается из того же материала, как и „сюр“, но он имеет другой покрой, меньшие размеры и кроме-того дешевле последнего.

2. Шуба или „бунда“. Впереди большой воротник из овчины. Она представляет более теплую, но и более дорогую одежду.

побочный доход от перепродажи, носят тот же белый «сюр» сверху до низу покрытый вышивками и богато украшенный, преимущественно розами. Однако более состоятельная часть населения южной части области предпочитают носить шубы. Характерной подробностью является и то, что сами палочы, с течением времени все более перенимают одежды низовых краев, а между ними „губу“.

Иштван Дьерффи доказывает, на основании данных из XVI—XVIII веков, что „сюр“ уже в то время был символом бедности: „Снявши с него дорогие одежды, его одевали в „сюр“¹¹ „Как под „сюрор“ сказывается благодарная кровь, так и испод бархатной одежды мужицкая натура.¹² „ — Цена шубы много раз выше цены „сюра“. В Ходмезе-

вашархель в 1812 году „сюр“ стоил 2—6 форинтов, тогда как цена шубы была 20—26 форинтов.¹³ Итак шуба являлась более знатным платьем нежели „сюр“ и была достойна даже того, чтобы пройтись, в ней в церковь! Как в 1821 году известный писатель, в Научном Сборнике („Тудоманьош Дьюйтемень“) жалуется, в статье: «мужики ходят в церковь в шубах, смазанных маслом, потому что в Солноке крестьяне считают, что даже грязная шуба еще все же праздничная одежда, тогда как порядочный белый «сюр» унижительная одежда. Точно также в Эршекуйвар в 1837 году: «Женатые мужчины даже самым жарким летом ходят в длинной пудовой шубе, торжественно следуя по парам в церковь».¹⁴

3. Губа. Она изготовлена из ткани в которой вплетены грубые пряди шерсти. Она теплее чем сюр и дешевле чем шуба.

4. Литография из 1859. года, изображающая рыбаков на реке Тиссе. Сюр являлся в первую очередь одеждой бедных людей.

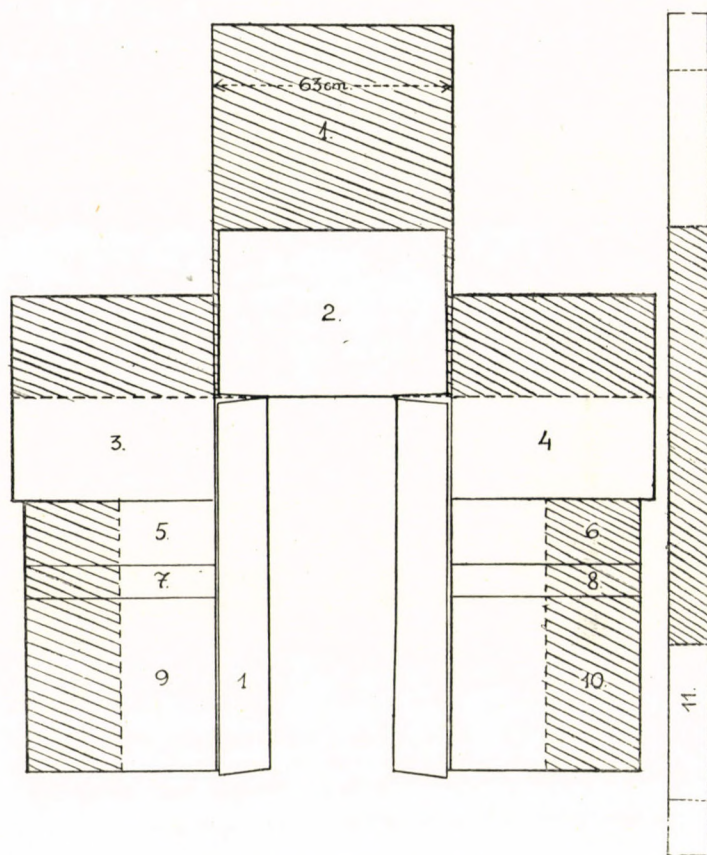
Многочисленные данные указывают тоже на то, что «сюр» был главным образом платьем молодежи, в то время, как женатые мужчины предпочитали шубу. Это отвечает тому обычаю, что крестьянская молодежь ходила вообще в более легких и дешевых одеждах, нежели пожилые крестьяне, так как считали, что «дело молодежи — не простужатся».¹⁵

«Цифра сюр» прежде всего был типичным одеянием пастухов, т. е. той части населения, которая принадлежала к так называемым бобылям, т. е. бедному безземельному крестьянству; в некоторых местностях они носят его до сих пор.

Еще более знатной одеждой чем шуба был «кепенег» который изготовлялся из синяго или зеленого сукна¹⁶, тогда как бедное крестьянство носил «сюр». Наши источники упоминают «кепенег» как одежду средняго дворянства, ремесленников и имущих крестьян. Данные относительно «кепенег» происходят главным образом из тех местностей, где само крестьянство было в экономическом отношении более развитым, к этим относятся область Шоп-

рон, и вся Малая Венгерская равнина, которые являлись районами венского рынка, а также и некоторые провинциальные города Большой Венгерской Равнины. В одной из частей области Шопрон, вдоль берега реки Репце, где население было особенно зажиточное и вело сельское хозяйство на передовых началах: «и простой народ носит «жепенег» и даже покрой «сюра» у него точно такой же, как «жепенег» пишут о них в 1823 году.¹⁷

Что касается так называемой «губа» то известный английский путе-

5. Кройка для „сюра“

шественник и писатель пишет о ней следующее: «это дешевое, но нищенское подобие шубы».¹⁸

«Губа» только по внешнему виду напоминала шубу из овечьих шкур, на самом же деле она изготовлялась из тканной материи к которой были притканы с одной стороны клочья или пучки натуральной овечьей шерсти. Во всяком случае она была теплее чем «сюр» и дешевле чем шуба. «Губу» носили главным образом в беднейших местностях северо-восточного края Большой Венгерской равнины, а ее изготовлением занимались преимущественно в городах Мункач, Бергсас, Сатмарнемети, Мишколц, в области Гемер и в Дебрецене. Как указывают документы того времени, около 1738

года, когда вообще «Одежда Народа Земли» начала изменяться, ношение «губы» стало распространяться и в окрестностях богатого города Дебрецена. В тех областях, где постепенно укоренялась «губа» она там начала вытеснять ношение «сюра» итак именно в тех областях где «губа» получила повсеместное распространение «цифрасюр», почти совершенно вышел из употребления.

Прежде чем перейти к выяснению происхождения и смысла украшений «цифрасюра» необходимо ознакомиться с его покроем, именно потому, что на примере «цифрасюра» наглядно выражено то общее правило народной орнаментики, что орнаменты возникли и существовали в большинстве случаев в связи с необходимостью укрепления, т. е. орнаменты подчеркивают конструкцию, а в отношении шитья, они подчеркивают покрой. «Сюрный» портной знал, что одежда около швов гораздо слабее, чем в других местах и поэтому укреплял швы суконными полосами. При соединении двух кусков «сюрной» материи он накладывает ярко красную суконную полосу, которая уже одновременно является украшением. В позднейших стадиях развития он нашивает все более и более широкие суконные полосы поверх швов и украшает их зубчатыми вырезками, вышивками и кисточками. Но при всем этом эти украшения всегда подчеркивают конструктивные элементы покроя.

Как выше сказано, ширина «сюр-сукна» один «шинг» равный 63 сантиметрам. К этой ширине «сюрному» портному нужно было применяться при кройке «сюра». «Сюр» вообще шьется из 11 кусков. (см. 1-й рисунок). Передняя и задняя части «сюра» выкраиваются из одного куска, во всю ширину «сюрного сукна». «Сюрный портной» разрезает по середине переднюю часть снизу, вверх до шеи, потом вырезывает вырезку для шеи, в самой середине отреза и пришивает кругом воротник на обратный край вырезки. Итак, спереди «сюр» не закрывается, потому что оба куска его передней части не сходятся следовательно он спереди не имеет пуговиц, и только ремень на шее соединяет эти два куска. Прежде всего бросается в глаза главное отличие «сюра» — это его большой и широкий прямоугольный воротник. На углах задней части воротника висят суконные кружки, первоначально с их помощью могли застегивать эту часть воротника под подбородком и пользоваться им как клобуком, т. е. капюшоном. На некоторых чабанских сюрках клобок остался в оригинальном своем виде и не превратился в воротник. — «Сюрный портной» брал бок «сюра» поперек из ширины «сюрного сукна», составлял его из двух или трех кусков, сообразуясь с ростом. Верхний кусок подмышкой называется на венгерском языке специальным выражением: «палха», под ним находится так называемый «асай», и только самый нижний кусок «сюрный портной» называет боком. Эти три куска «сюрный портной» может выпускать шире или уже, и таким образом регулирует ширину «сюра». «Сюр» кроится настолько широким, насколько это нужно, чтобы руки могли уместиться под ним, так как — как уже известно — его носят обыкновенно только в накидку на плечах не пользуясь рукавами. Часто даже зашивают рукава: «дают им дно». Чтобы нижний край полы «сюра» не бахромился, его снизу подрубливают длинной полосой, которую кроют из края куска «сюрного сукна».

Если «сюр» намокнет, то он становится очень тяжелым и сильно оттягивает книзу швы. Поэтому, главным образом, нужно укреплять горизонтальные швы. Такие горизонтальные швы находятся там, где пола, вернее самый кафтан, пришит к воротнику, на шивках разных частей обоих боков и кру-

гом по нижнему краю полы. Особенно там, где эти места видны, применяют цветные борта и цветистые нашивки, вышивки и другие узоры.

Итак, украшение «сюра», отчасти зависит от его покроя. Однако богатая орнаментика на «сюре» развилась большей частью под влиянием сходства с кожаными одеждами. У нас имеются сведения об украшенном кожаном венгерском «жедмен» уже из XVII-го века,¹⁹ хотя мы не знаем, какого вида были их украшения, были ли это кожаные нашивки или вышивки. Дьерффи считает, что нашивки являются очень старинным украшением и могут указать даже на древнюю связь с востоком, но с другой стороны, видит появление кожевышивательного ремесла среди венгерцев только в конце XVIII-го века. Вышивки на коже, без сомнения позднейшее и западное влия-

6. „Кэдмен“ украшенный вышивками и кожными узорами. Швы расширены и украшены узорами.

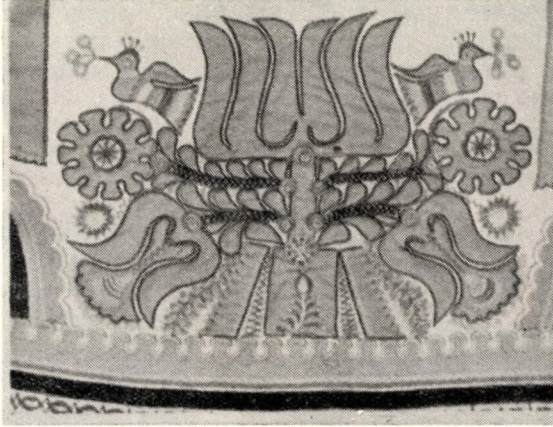

7. Задунайский свинопасный „цифрасюр“ Картина Михаила Семлера из 1861 года.

ние, влияние стила Бидермейера, как это доказывают и рисунки рукописных образцовых книг скорняков начала XIX века.²⁰

«Цифрасюр», вероятно, впервые появился в задунайском городе Веспрем, который был значительным центром «сюрного» портняжного ремесла. Высокую степень развития задунайского скорняжного ремесла доказывают нарядные «жедмен» и «шуба». Особенно изготовленный в Веспреме так называемый «свинопасный сюр» из лесистой местности Баконь-недалеко от Веспрема, обнаруживает в большой мере сходство с украшениями меховых одежд. Красные кожаные полосы, служащие для укрепления швов — называемые скорняками на венгерском техническом языке «воц» — «сюрные» портные заменяли суконными полосами. Главное украшение задунайского «сюра» его широкие красные суконные дорожки, однородные с широкими нашивками из красных кожаных кусков на кожаных одеждах. Основной орнаментики меховых изделий этих местностей в то время были нашивки из красных кожаных кусков с цветочными узорами. Мы находим подобные

же основы в украшении «свинопасного сюра» из Баконя, с той лишь разницей, что нашивки не из кожи, а из красного сукна. Нашивки обшиты черным шнурком, точно так же, как на кожаных одеждах. Вышивки в обоих

8. Нашивные украшения из красного сукна на веспремском „сюре.“

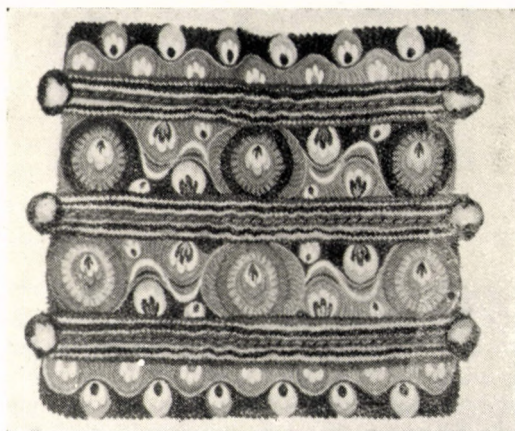
9. Модная картина барского „цифра-сюра,, 1830—х годов.

случаях имеют только второстепенное значение по сравнению с нашивками, так как и на «свинопасном сюре из Баконя», и на кожаных одеждах, мы находим вышивки только на дорожках и других нашивках, но не на самой материи, или коже. Это может быть одним из доказательств что вышивки имеют более позднее происхождение. Согласно мнению Дьерффи, о происхождении орнаментики кожаных одежд, самым веским доказательством

является полукруглый орнамент на нижней части полы «свинопасного сюра». По предположению Дьерффи — этот специальный орнамент и вызвал происхождение самого наименования «цифрасюр». Ибо в популярном наре-

10. Расшитый воротник бихарского сюра

11. Ритмические краски и формы. Одно из боковых украшений куншагского „сюра“

чий известных местностей Венгрии глагол «цифрашаш» значит наряжать, вернее украшать кружками. Во всяком случае это устанавливает непосредственную связь между орнаментикой кожаных одежд и орнаментом современных шуб, с одной стороны, и полукруглыми украшениями, самой характерной чертой «свинопасного сюра» из Баконь, с другой стороны. Шуба изготавливается из нескольких овчин и обычно промежутки между обеими

передними ногами овец заполняют другими шнурами. Из швов этих вставок и происходят те полукруглые линии, которыми скорняки пользовались для своих полукруглых орнаментов. Согласно вышеупомянутому правилу народной орнаментики, следовать линиям конструкции, Дьерффи устанавливает связь даже между суконными розетками, украшенными кисточками над полукруглыми гирляндами украшений и обтянутыми пуговицами кругом на полях шубы, служащими для застегивания пола шубы. По его мнению с помощью этих подробностей, аркообразного украшения и розеток, «сюрный портной» хотел подражать орнаментике дорогих шуб. С этим мнением Дьерффи мы не можем согласиться, так как ему противоречит тот

12. „Сюр“

факт, что на шубе одновременно не встречаются гирлянды и розетки, затем, если «сюрный портной» хотел бы действительно подражать шейной вставке шубы, он положил бы эти орнаменты на верхней, а не на нижней части «сюра», и гирлянды были бы открыты книзу, а не наверху. С другой стороны, нам знаком другой орнамент, очень похожий на тот «свинопасного сюра», находящийся именно на нижней части кожаного «кедмен», который должен подчеркивать его оборки. Мы предполагаем, что скорее всего этот орнамент послужил примером «сюрным портным» для схожего украшения. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что орнаментика «цифрасюра» исходит от орнаментики кожаных одежд.

Но «сюр», подрубленный суконным бортом, не является только простым подражением шубы, подшитой красным кожаным бортом. В этом кажется, играла важную роль высокая цена суконной материи. Мы уже заметили, что одеяния из «сюрной» материи, так же как и «сюр», т. е. «сюрный кафтан», были одеждой бедняков, которые не были в состоянии приобрести себе настоящих суконных одежд. Уж если настоящая суконная одежда не по

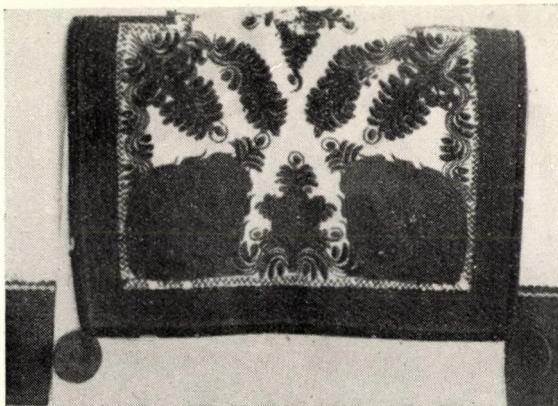
карману, так пусть хоть борта будут из сукна! Очевидно, что эта мысль послужила поводом для того, чтобы носить окаймленный сукном «сюр». Наши данные относительно обшивок «сюра» суконным бортом сравнительно давние, более давние, нежели те, в которых упоминаются о вышивках «сюра». Власти часто запрещали продажу окаймленного сукном «сюра». Мы имеем сведения из XVII-го века, из 1627 г., о коложварском «сюре», воротник которого был обрублен сукном. В Трансильвании «сюр» в конце XVII-го века вышел из

13. Образец вышивки в стиле бидермейера из книги образцов „сюрного“ портного 1824. года.

моды и удержался только среди тамошнего немецкого населения, (саксонцев). Только после нижеописанного возрождения «сюра» в 1880-х годах, он опять проник в Трансильванию из Большой Венгерской равнины. Самые старые данные из города Дебрецена, относительно украшения «сюра» относятся к 1795 году, когда один портняжный мастер, вопреки уставу цеха тайком продавал на ярмарке подрубленный красным сукном «сюр». Запрещение изготовления и продажи подрубленных красным сукном «сюров» повторяют в 1815 году, однако в этом указе нет ни слова о вышивках «сюре». В 1825 году наказывают одного «сюрного» портняжного мастера из Кечкемета, за продажу на рынке на заказ изготовленного подрубленного сукном «сюра». «Сюр», как правило был одеждой бедняков, пастухов и свинопасов и неудивительно, что портные старались вознаградить себя за дешевую одежду, различными украшениями на ней. Однако богато украшенный «цифрасюр» стоил дорого. Не имея возможности приобрести

себе «цифрасюр», или заработать себе честным путем денег на его покупку, некоторые легкомысленные парни не стеснялись добывать деньги для его покупки кражей или разбоем, благодаря чему сравнительно часто случа-

14. 14. Вышивки уже потерявшие свою живиспичность

лось, что молодые парни становились «бетярами» (разбойниками). Для ограждения молодежи на рынке разукрашенного «сюра». Власти области Шомодь, в своем докладе, представленном намесической власти в Буде в 1812 году,

15. Задунайский веспремский сюр с суконными украшениями и похожими узорами.

пишут дословно следующее: «— простой народ, особенно некоторые суетные и тщеславные парни стремятся к тому, чтобы их обычные, простые одежды а именно их «сюр», был бы украшен, бросающимся в глаза, роскошным, даже бесстыдным образом, и они способны добывать себе такие одежды, или деньги для их покупки, даже разбоем и кражей — —». В 1833 году

«сюрные» портные подали прошение властям, чтобы разукрашенные «сюры» были бы строже запрещены, приводя, что: «некоторые сельские, «сюрные» портные не боятся и продолжают продавать пастухам и «бетьярам» богато украшенные красным сукном, «сюры» . . . и «совершенно безденежные люди заказывают себе «цифрасюр» и поныне приказывают нашивать зеркальца на плечи». ²¹

Преследования еще усиливались после революции 1848 года, в период национального угнетения, когда в «цифрасюре» видели не только порицаемую страсть к роскоши простого народа, но и признак столь преследуемого национального чувства. Его белый цвет, красные борты и цветочки, и зеленые листья стали символами венгерских красно-бело-зеленых нацио-

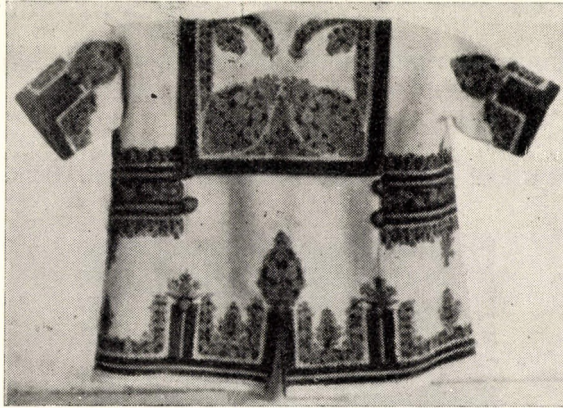

16. дебреценский „сюр“ из Хайду.

нальных цветов. Жандармы чожом соскабливали с «цифрасюра» это украшения. Итак, в задунайской части Венгрии вошел в моду новый тип «сюра» на котором были только изображены контуры нашивок. Это был так называемый «Гарибальди сюр», но о нем говорилось, с известной иронией, как о «общипанном» «плешивом», даже «ободранном» «сюре». «Сюрные» портные работали над настоящими «цифрасюрами» тайком, ночью в погребках, а днем дремали над простыми «сюрами» без украшений, чтобы сбивать с толку жандармов. Один из последних «сюрных» портняжных мастеров рассказал лично Дьерффи, что одного старого «сюрного мастера жандармы увели в тюрьму за шитье «цифрасюра» в Веспреме. За то время, пока старик сидел в темнице, «бетьяры» не забыли его семейства и ночью приносили его родным продовольствие и когда его освободили, его двор был полон поросятами и свиньями.

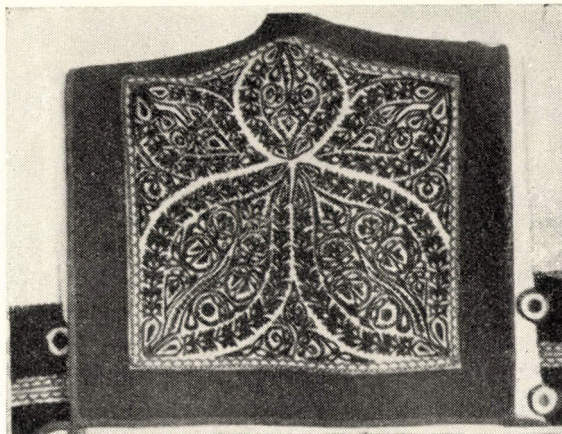
Эпоха расцвета задунайского «цифрасюра», относится к временам до 1848 года т. е. перед освобождением крепостных крестьян. Уже в 1812 году «Тариф» области Шомодь содержит следующее установление: да не найдется никакое другое украшение кроме единого борта и простых шнурков ни на длинных «сюре», ни на «сюрных долманах» ²². Также в 1815 году запрещается «ношение вышитого красным, бетьярского, цифрасюра». Первое известное нам изображение «задунайского свинопасного сюра» мы находим

на картине повешенного в 1836. г. в Веспреме «бетьяра», по имени Ференц Мильфайт. Это доказывает, что «задунайский свинопасный сюр» уже тогда достиг того вида, который нам известен из второй половины XIX-го века по

17. Бихарский „сюр.“

современным картинам и сохранившимся экземплярам этого типа «сюра». С другой стороны, в задунайской части Венгрии, особенно в ее северных местностях, вся мода на «цифрасюр» прошла раньше чем в остальных местах.

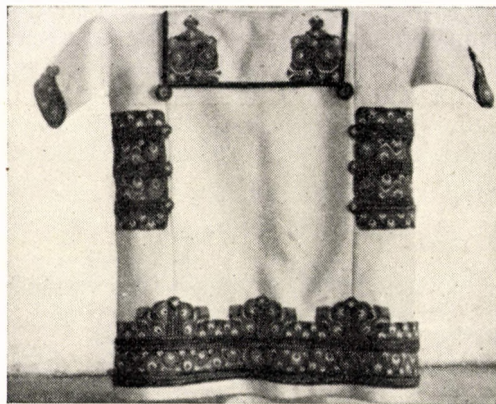

18. Воротник бихарского „сюра“,украшенный нашивками, нашитыми при помощи машины

В 1825—30-х годах еще 32 «сюрных» портных работали в Веспреме, а в 1869 году только 7.

По воспоминаниям старых «сюрных» портных обычай украшать «сюр» вышивками распространился из задунайского города Веспрем на Большую венгерскую равнину. Это случилось приблизительно около 1842—44 годов. Одним из обстоятельств которые указывают на это, является тот

факт, что дед Иштвана Дьерффи, Ференц Дьерффи в 1842 году поступил на службу, как подмастерье, в «сюрную» портняжную мастерскую, именно в Дебрецене, чтобы научиться недавно вошедшему в моду «сюрному» выши-

19. Куншагский „сюр.“

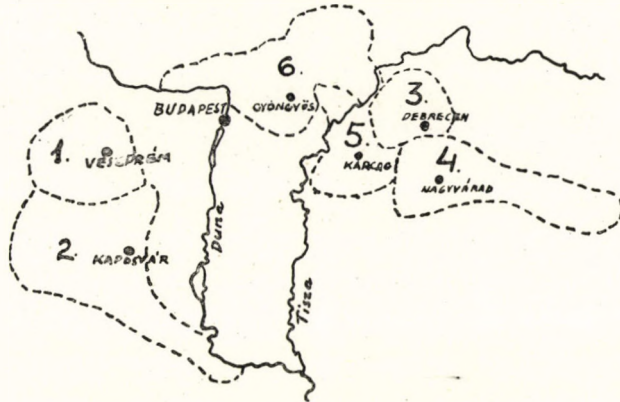
ванию, так как в Надькуншаге и в самом городе Карцаге, местожительстве Дьерффи, стали поступать заказы на такие «сюры». Это время совпадает с тем, когда простое «сюрное» сукно начало распространяться даже среди

20. „Сюр“ палочев гористой местности.

более широких слоев народа. Наверно, это обстоятельство было в конце концов причиной и началом распространения моды «цифрасюр» на Большой Венгерской равнине. Ремесло «сюрного» портняжества находилось сначала в тесной связи с производством «сюрного» сукна. Это последнее было ремеслом, так называемых «сюрных чапо». Эти портные и ткачи были объединены в одном и том же цехе. Самый первый цех такого рода в Венгрии основался

в городе Дебрецене, и получил привилегию в 1935 году. В течение многих столетий дебреценские «сюрные» «чапо» поставляли громадное количество «сюрного» сукна для потребности рынков всей Большой Венгерской равнины. Однако во время турецкого господства, во всей центральной Венгрии в XVI и XVII-х веках, это старинное венгерское ремесло пришло в упадок, вероятно вследствие значительного уменьшения овцеводства. Непосредственной причиной прекращения «сюрного» портняжного ремесла в Дебрецене были чума, военные времена, и другие несчастья около 1738 года, вследствие которых народ обеднел и в этих местностях распространилось употребление дешевой «губа». Таким образом первоначальный цех распался надвое: на

21. Типичное распространение „сюра“.

так называемых «чапо» и на «сюрных» портных. С тех пор «чапо» не ткали больше «сюрного» сукна, а только нам уже известную специальную материю для «губа» и вместе с тем шили эту одежду, тогда как «сюрные» портные имели право производить «сюрное» сукно, но они не пользовались своим правом ткать метарию, а предпочитали ввозить «сюрное» сукно, как это отчасти было и прежде, из более сохранившейся от разорения Трансильвании. Как исключение дебреценские и надьварадские «сюрные» портные имели позже монополию, дарованную им правителями Трансильвании — с целью сохранения внутренних цен, — покупать в Трансильвании и вывозить оттуда известное количество «сюрного» сукна. Они там доставали себе нужное количество сукна определенного качества среди немецкого населения, саксонцев, особенно в их главном городе Надьсебене, а также и в городе Надьдиснод. Саксонцы в Трансильвании снабжали в XVII веке, при этом посредничестве, всю Большую Венгерскую равнину «сюрным» сукном. При таких обстоятельствах в Кечкемете, например, «сюрное» портняжное ремесло в то время не могло процветать, потому что там трансильванское «сюрное» сукно тяжело обременяло прибыль дебреценских «сюрных» портных, а с другой стороны, «сюрное» сукно из Веспрема или Дьендьеши было значительно худшего качества. Поэтому в местностях между Дунаем и Тиссой народ предпочитал шубу, так как вновь расцветшее овцеводство в этой местности поставляло в достаточной мере лохматые овчины, самые

лучшие для шуб. Люди носили также и «сюр», но в сравнении с разукрашенной шубой, разукрашенный «сюр» не был настоящей модой.

Монополия дебреценских «сюрных» портных, обеспечивала им, в течение двух столетий, огромный заработок. Закупали «сюрное» сукно не только для себя и для «сюрных» портных других городов, но и для непосредственной потребности крестьянства, которое изготовляло свою одежду частью домашним способом, как то: «сюрные» брюки, «сюрные» дольманы и т. п. Насколько велик был размер их торговли, свидетельствуют следующие данные: они ввезли в течение одного года в 1816—17 гг. 101.900 штук «сюрного» сукна из Трансильвании, в цене 2,649.400 форинтов, количество, достаточное для изготовления 407.600 «сюрков».

Однако, с началом XIX века, все более и более распространялись среди всего населения настоящие суконные одежды, изготавливаемые из заграничного сукна, обыкновенно синего цвета и, как это само по себе резумеется, фабричного производства. Распространение синего сукна в такой степени, было большей частью последствием экономической политики Австрии, которая в большой степени способствовала развитию овцеводства в Венгрии для покрытия потребностей в шерсти текстильной промышленности в Австрии и Моравии.

Венгерское шерстяное производство достигло самого высокого развития после большой хлеботорговой конъюнктуры наполеоновских походов, с 1818 года. Соответственно этому возрастала шерстяная текстильная промышленность в Австрии. Вывоз венгерской шерсти удвоился в 1846—47 годах, по сравнению с средним экспортом 1816—1827 годов. Но в то же время усилился и наш ввоз сукна. Итак, наше крестьянство, постепенно переходящее к товаропроизводству, имело все больше возможностей покупать себе суконную одежду. Вследствие этого, венгерское крестьянство перестало носить одежды из грубого дешевого «сюрного» сукна. Благодаря этому, дебреценские «сюрные» портные лишились своей прежней прибыльной торговли «сюрным» сукном. — Они старались вознаградить себя за те значительные убытки, которые они потерпели, другим способом, а именно, продавая более роскошные, а следовательно и более дорогие «сюрные» кафтаны. Во всяком случае они старались богатыми украшениями сделать «сюр» более привлекательным и более ходким. Поэтому им весьма кстати пришлось воспремские вышивки сороковых годов. Оригинального украшения «сюра», т. е. нашивок они не знали, итак возникла вариация украшений «цифрасюра» Большой Венгерской равнины, которая была более удаленной от западных натуралистических цветных вышивок и гораздо более стилизована.

«Сюр», который до сих пор был символом бедности и служил, главным образом, практическим целям, становится модной, даже парадной одеждой. В то время уже перестали носить все другие одеяния из «сюрного» сукна, за исключением самого «сюра». Однако, между 1848 и 1867 годами вышивок на «сюре» еще сравнительно немного. Даже в Большой венгерской равнине долго еще, вплоть до 1853 года, начальство запрещает продажу «цифрасюра» на рынках. И сами «сюрные» портные в Дебрецене, еще в 1870 году, сообща принимают резолюцию против них. И только в 1873 году, после прекращения ремесленной системы цехов и введения свободного экономического хозяйства, разрешается изготовление «цифрасюра», не только на заказ, но и на рынок.

Расцвет «цифрасюра» на Большой Венгерской равнине относится, безусловно, ко времени после национальной революции 1848 года, в период национального угнетения. В то время, например, в Надькуншаге парень не мог итти венчаться без «цифрасюра». В задунайских местностях, где мода на «цифрасюр» была уже в упадке, она снова восстанавливается. Конечно, этому способствовал тот факт, что среди буржуазии, с началом 60-х годов, ношение национальных одежд становится модой. «Сюрного» типа пальто, или кафтан, с вышитым четырехугольным воротником, но из тонкой материи в темных цветах, носит теперь и буржуазия, и не только мужчины, но и женщины, как свидетельствует об этом современные модные журналы. Эта новая мода не осталась без влияния и на моду среди крестьянства. В некоторых местностях, главным образом в так называемых «сельских городах», крестьяне начали носить «сюр» из бурой, серой, а особенно из черной тонкой суконной материи. Дебреценские «сюрные» портные изготавливали в то время для «граждан сельских городов», называемых по их коренным жителям «городами гайдуков», черные «сюры» с бурыми и белые «сюры» с серыми вышивками и называли последние «жемчужными сюрами». Одновременно продолжалось шитье и вышивание «сюра» для хортобадских пастухов в прежних ярких цветах. Под влиянием и по моде, так называемых «барских сюра», в Надьварад и Дебрецене кроили маленькие стоячие воротники на «сюре». Такой «сюр» был известен под именем «Сечени сюра».²³ Возможно, что обычай носить национальной одежды повлиял и иным образом на моду украшения «сюра», а именно, вместо вышивок и нашивок, его украшали только шнурками, этим общепринятым украшением венгерских одежд, особенно парадных. После периода национального угнетения, главное место среди украшений «цифрасюра» часто занимает старинный венгерский государственный герб, как символ, выражающий национальное чувство.

Одним из обстоятельств, которые способствовали новому расцвету «цифрасюра» было то, что в то время производились значительные осушения болот на Большой Венгерской равнине, и одновременно с этим отделили и отдавали в личную собственность крестьян бывшие крепостные земли. Таким образом, бывшее крепостное крестьянство, перешедшее к производству пшеницы, имело больше средств, чтобы приобрести себе «цифрасюр», эту в то время очень дорогую, почти парадную одежду. Условиям его распространения, как моды, в высшей степени способствовало распространение швейных машин в 80-х годах, что давало новую возможность промышленного изготовления «цифрасюра» в некоторых больших городах. В городе Надьварад все ремесло принадлежало трем мастерам, которые работали сообща в одной мастерской с 12—16 подмастерами. Вместо с кустарями, которые работали на дому, они имели около 80 работников. В Дебрецене разделение труда было более развито; мастера делали только кройку, подмастерья шивку, тогда как рисунки вышивок налагались на «сюра», так называемыми «вышивальщиками», которые работали с помощью «вышивальщиц», т. е. кустарных ремесленниц, от вкуса, ловкости и добросовестности которых, зависела красота вышивок и всего «цифрасюра». В Карцаге изготовление красивого «цифрасюра» длилось 9 дней, при ежедневной работе с 4 утра до 9 вечера. Цена «сюра» была 26—30 форинтов, но подмастерье получал только стол и 20 «крайцаров» в день. «Сюрные» портные, особенно в Дебрецене, старались экономить даже на нитках, поэтому заставляли вышивать только поверху одну сторону материи. Вышивальщицы, которым

мало платили за кропотливую работу, стали небрежно к ней относиться и неумело подбирали цвета. Это мануфактурное производство «сюра», привело к упадку его украшений. Но распространение швейных машин, главным образом в Надьварад, привело к изобретению еще одного нового типа украшения: вместо трудной вышивки вырезали цветы и узоры из сукна и нашивали их швейной машиной. С помощью этой действительно современной техникой, достигли поразительно красивых эффектов. Нашивки, которые нашивались при помощи швейных машин, нельзя смешивать с нашивками, которые произошли из орнаментики скорняков и из которых возникли украшения «сюра». Нашивки надьварадского и бихарского «цифрасюра», следуют узором более ранних вышивок. Этот тип «цифрасюра», происходящий из Надьварад, распространился даже в Трансильвании, хотя там с XVII века больше не носили «сюра», до самого Коложвара, а также и среди венгерцев в Калотасеге. Этот «сюр» проникает даже в некоторые районы с румынским населением.

После смены столетий, вследствие пролетаризации крестьянства, ношение «цифрасюра» постепенно прекратилось в народе и с тех пор ремесло «сюрных» портных все более опадает. Самая глубокая причина упадка моды «сюра» и «цифрасюра» — и вместе с тем «сюрного» портняжного ремесла — это затруднения доставать соответствующее сырье. Действительно, после первой мировой войны трансильванское «сюрное» сукно обложили высокими пошлинами, а венгерские овечьи породы — «пуржа» и «рацка» — из шерсти которых изготовлялось самое лучшее «сюрное» сукно, почти совсем исчезли.

Вышивки были подготовлены, прежде чем суконные части были сшиты для облегчения работы при изготовлении. В дальнейшем развитии «сюрного» портняжного ремесла, мастера начали, для того чтобы легче производить вышивки, разрезать куски для боков «сюра» еще на некоторые меньшие куски, которые затем необходимо было опять сшивать и украшать — эти новые горизонтальные швы — полосами. Особенно характерными для дебренсенского «сюра» были широкие полы, так называемые «асаи», составленные из нескольких частей. Подобным же образом возник «сюр», полы которого были сшиты из нескольких полос. Точно также, с помощью швов, развился и «сюр», нижний край полы которого был украшен гирляндами, расположенными друг над другом.

Другой способ расположения вышивок — это кусты цветов. Куст цветов служит орнаментом для больших поверхностей, поэтому воротник особенно подходил для этого украшения. Вообще можно сказать, что на «цифрасюре» отдельные крошечные, в большие узоры соединенные вышивки и совершенно пустые места, гармонично чередуются. На характерность этой композиции, первый исследователь «сюра», Иोजеф Гуска, обратил внимание еще в 1885 году и определил ее как венгерскую особенность. С этим мнением Дьерффи вполне согласен. Толстая и крепкая материя «сюрного» сукна, дает возможность «сюрному» портному густо вышивать частыми стежками отдельные подробности образца, соответственно венгерскому народному вкусу. Этот способ менее возможен при вышивках на коже, так как трехугольная игла скорняка рвала бы кожу, если стенки были бы слишком часты. Эта причина того, что кожаные вышивки не удалились настолько от натуралистических образцов стила Бидермайера. Натуральные листья розы нельзя уместить близко друг к другу. Поэтому «сюрный»

вышивальщик предпочитает заполнять промежутки стройным и гибким розмарином.

(Впоследствии «сюрно-суконная» вышивка обратным образом повлияла на кожаную вышивку, которую также стали стилизовать). При «сюрно-суконных» вышивках, стежки большей частью плоские. Но «сюрный» вышивальщик, благодаря более подходящему материалу, может пользоваться, в общем, более разнообразными стежками, чем скорняк.

«Сюрный» портной придумал, как термин для употребления в мастерской, вместо простого глагола: «вышивать», более живописное выражение, которое на венгерском языке гласит: «вирагозни», что означает: «украшать цветами». Он предварительно вырисовывает главные линии, кладет бумагу с рисунками на места узоров, чтобы вышивальщики могли вышивать по этим рисункам, но листья и другие подробности они обыкновенно вышивают от руки. «Сюрные» портные употребляют только следующие цветы: главным образом розы, сверху и в профиль, бутоны роз, тюльпаны (в сущности перестилизованные бутоны роз), гвоздики, незабудки, а также и ландыши. Но все эти цветы они крайне стилизуют. На основании украшений «цифрасюра», Дьерффи установил некоторые основные характерные черты венгерской народной эстетики. Относительно ритма форм характерно, что иногда цветы расположены симметрично, в другой же раз узор повернут в обратную сторону и таким образом повторяется первая половина узора, иногда же ритмически чередуется в форме гирлянды те же самые части узора.

Кроме того ремесленник может повышать эффекты форм эффектами красок, т. е. соответствующим разнообразием красок, ритмом цветов. Например, листья на одной стороне стебля светлозеленые, на другой стороне темнозеленые и наоборот. Если при одном цветке наружные лепестки ярко красные, то на цветке возле него, внутренний бутон будет ярко красным и так попеременно. «Сюрный» портной вышивает свои цветы обыкновенно самыми разнообразными оттенками красного цвета, но употребляет и зеленые, белые, черные, бурые и коричневые цвета. Эти являются самыми излюбленными цветами эго красочной скалы. Он пользуется и дополнительными цветами, один подле другого и таким образом увеличивает живой эффект «сюра». Синий цвет он применяет редко, а желтый еще реже. (Интересно, что оба эти цвета, синий и желтый, часто употреблялись на задунайском «сюре»; очевидно, что они только с течением времени вышли из моды, вследствие приспособления вышивок к народному вкусу). Если среди одноцветно зеленых листьев попадает хотя один другого цвета, ритм красок нарушен и это нарушение красок испортит также и ритм форм, вследствие чего вся композиция разрушена. Когда богатая цветная скала становится более монотонной, это означает уже упадок «цифрасюра». Эта перемена произошла в мастерских разных местностей уже в конце прошлого столетия. Вместо дополнительных цветов, стали употреблять только родственные цвета, и вместо одноцветных красок, смешанные цвета, или же один цвет только в разных оттенках. Потом все украшение становилось совсем одноцветным, бурым или черным, и только кое-где сверкнет светлое пятно. Наконец все украшение становится черным. «Черный цвет знак траура — говорит Дьерффи — он означает близкую смерть всего украшения.» Если где нибудь вышивки на «сюрной», или кожаной одежде сделались черными, они никогда больше не станут снова цветными, даже очень вероятно, что они в скором времени

совершенно исчезнут». Этот процес, как уже упомянуто, мы объясняем частично тем, что крестьянство постепенно перенимает вкусы буржуазии и поэтому отдает предпочтение более темным краскам, а частично необрежным отношением эксплуатируемых вышивальщиц к краскам.

* * *

Дьерффи различает разные типы «цифрасюра» в разных местностях Венгрии. Вкратце резюмируем их характерные черты.

Задунайский свинопасный «сюр» очень короткий, он доходит только до колен, так как свинопас, сторожа в лесу свое свиное стадо, должен был постоянно входить в чащу и кустарник за свиньями, которые искали там желуди и ясно, что слишком длинный подол «сюра» мог разорваться. Свинопасный «сюр» чрезвычайно широкий, его рукава короткие, длиной не более одной пяди и зашиты. Они на самом деле служили карманами, в которых свинопас держал свой кисет, карманный нож, свою солонку и т. д. Характерным для свинопасного «сюра» является его огромный воротник. Для его украшения знаменательны чрезвычайно широкие борта, нашивки и арковидные гирлянды на нижнем крае вокруг полы. Но в задунайской части Венгрии носили также и иные типы «сюра». «Сюр» земледельцев в селах походил на «сюр» палочев, или «сюр» Большой Венгерской равнины.

«Сюр» Большой Венгерской равнины сохранил гораздо более первоначальный покррой, нежели задунайский свинопасный «сюр». Он длиннее, его воротник меньше, рукава не зашиты.

На дебrecенском «цифрасюре» есть только три богато вышитых узора: на чрезвычайно пространной средней части обоих боков, на плечах и на полах над разрезами. Углы воротника и нижний край обыкновенно не украшают. Вышивки небрежны, потому что в Дебрецене эту работу исполняли плохо оплачиваемые вышивальщицы.

На бихарском, иначе надъварадском «цифрасюре» характерны особенно мелкие вышивки. Здесь же образовались нашитые швенной машиной суконные, но подражающие вышивкам украшения. Другая характерная черта надъварадского «цифрасюра» это стоячий воротник, который потом переняли и дебrecенские «сюры».

Применение гирлянд, как образец украшения, характеризует «цифрасюр» Надькуншага. На нем ритм форм и красок проявляются особенно красиво, при сравнительно небольшом числе элементов украшений.

«Цифрасюр» палочев является переходом между задунайским «сюр» и «сюр» Большой венгерской равнины. В отношении размеров, т. е. длины и ширины, он занимает срединное положение между этими двумя «сюр»ми. Его воротник больше, а рукава короче, чем у «сюра» Большой Венгерской равнины, но зашиты, как и на задунайском «сюре». Его «сюрное» сукно самое грубое, грубее, чем где либо во всей стране, поэтому и узоры украшены крупнее. Палочы называют «сюр» на своем специальном венгерском наречии «чуха». То же самое старинное название «сюра» употребляют и в южных краях Задунайской области.

На основании исследований профессора Дьерффи и новых, более усовершенствованных, мы можем установить нижеследующее. Обычайшивать суконные борты на «сюр» начался уже в XVII веке. Борты и нашивки указывают на восточные связи и источники, эпоха которых, однако, нам определенно еще неизвестна. Во всяком случае парадный «сюр», т. е. «цифра-

сюр», появился только в начале XIX века. Украшение его образовалось по аналогии украшений кожаных одежд, с одной стороны, подражая старинным кожаным нашивкам, с другой же стороны, под влиянием также кожаных, но не нашивок, а натуралистических вышивок стиля Бидермейеру. Все это появилось впервые в задунайских областях Венгрии в начале XIX столетия, но распространилось уже до 1848 года на Большой Венгерской равнине, где «сюрные» портные, потерпевшие большой убыток, вследствие распространения настоящих суконных одежд, старались вознаградить себя, разукрашивая, как можно богаче «цифрасюр». Оформление и развитие «цифрасюра» объясняется нарастающими требованиями венгерского крестьянства еще до 1848 года. Эти требования были вызваны переходом крестьянства к товаропроизводству для рынка. (Распространение суконных одежд). Среди бедных крестьян эти требования выявлялись в желании не отставать от других. (Добывание «цифрасюра» ценой разбоя.)

Итак, «цифрасюр», первоначальный символ бедности, становится парадной одеждой и переживает все другие одеяния из «сюрного» сукна. Под влиянием моды носить национальные одежды, ставшие общей в то время, и состоятельные сельские жители, например «граждане сельских городов гайдуков» носят «сюр».²⁴

«Цифрасюр» достиг невиданной роскоши на Большой Венгерской равнине после 1867 года, после прекращения системы цехов и предшествовавшего освобождения крепостных. Тогда экономическое положение крестьянства уже улучшилось, но вкус его оставался народным. Орнаментика «цифрасюра», все больше богатеющая во второй половине столетия, доказывает, что крестьянство, привыкшее к феодальным формам жизни, находило даже в новых условиях капиталистического развития возможность творчества и оно действительно творило новое и в области искусства. Наоборот, дальнейшее капиталистическое развитие, а вместе с ним повышение общего уровня культуры крестьянства и одновременное пробуждение его пролетарского самосознания, также как и переход всего производства к капиталистическим методам — а вместе с этим и «сюрного» портняжного мастерства — были причинами упадка «сюрного» вышивательного искусства и даже исчезновения самого «цифрасюра».

¹ И. Дьерффи: «Цифрасюр» Будапешт, 1930.

² И. Хуска: Венгерская орнаментика, Будапешт, 1898, стр. 3.

³ Л. Шима: История города Сентеш. Сентеш 1914, том I, стр. 388—393.

⁴ «Шинг» старинная мера длины, равная 63 сантиметрам, употребляемая в Венгрии, немного короче русского аршина.

⁵ Старинная монета, кроме наименования не имеет никакого отношения к современному форинту в Венгрии.

⁶ Ф. Генци: Установление цен «сюр» и «кедмен» в 1812 году, Этнография, 1944, стр. 40.

⁷ «Тудоманьш Дьюйтемень» (Научный Сборник), 1819 г., том VI, стр. 34. Рисунок того времени с изображением «сюрдолманя». (Рис. 1.) «Крестьянское население в селе Погрань в области Нитра». См. тоже Этнография Венгрии, 3-е издание, том I, стр. 349—352.

⁸ Чаплович: Архив. Ф. Кубини и И. Вахот: «Мадьяр еш Эрдельорсаг (Венгрия и Трансильванская область) в картинах» 1853, том I стр. 100. Сочинение французского социолога Ле Пле: «Реформа рабочих условий. Будапешт 1903, стр. 505. Этот писатель описывая гардероб венгерского крепостного крестьянства из места Гатван упоминает, что кроме двух зимних шуб, новой выходной и ветхой будничной у него было два летних белосуконных, краснорбтных кафтана, выходной и будничной.

⁹ «Вашарнапи Уйшаг» — (Воскресная газета). 1859 г. стр. 117, затем статья: «Кечкемет в действительности», в «Таршалкодо» (Беседа) 1840 г. стр. 75.

¹⁰ Ф. Алберт.

¹¹ «Казинци Кодекс», 1526—1541.

¹² И. Дьендьеш, Д. Хариклия, 1763, 427.

¹³ Ш. Серемлеи: История города Ходмезевашархель, 1911, том IV. стр. 228—232.

¹⁴ («Регеле») (Рассказчик или Сказатель), 1837, стр. 717.

¹⁵ И. Чорба: Описание области Шомодь, Пешт, (восточная часть Будапешта на левом берегу Дуная), 1857, 89—92 стр. Однако решительнее всего указывал на это Аладар Ковач в описании одежд задунайского села Шаркеза: «считали неприличным, чтобы молодежь была одета теплее или также тепло как старшие, особенно как старики...» Холостой или молодожен не мог носить шубы, если только он не был болен, это было исключительное преимущество старших. Даже парень получал «цифрасюр» только тогда, когда стал женихом. «Эртекезешек», (Вестник), 1907, стр. 76.

¹⁶ Мы уже упомянули, что суконный «кепенег», или вкратце «кепенег», не идентичен с «сюр-кепенег», т. е. с «сюром», точно также как суконный «долмань», или просто «долмань» не идентичен с «сюр-долмань». Сукно гораздо тоньше и дороже, чем «сюр-сукно». Разница между этими одеждами была и в воротнике и в покрое. Одевания из толстого «сюрного» сукна сохраняли в покрое старинные простые образцы, тогда как суконные применялись к новым западным образцам.

¹⁷ «Сеплитатураи Айандек» (Беллетристический Подарок.) 1823, стр. 10.

¹⁸ Ж. Пажет, Венгрия и Трансильвания... Лондон, 1839, том II.

¹⁹ Я. Сендрей: Историческое развитие венгерских одежд, Будапешт, 1905, стр. 40 и 107, см. и картину «пьяный цыганский воевода».

²⁰ Дьерффи, вышеупомянутое произведение, стр. 38, Один из рисунков известного скорняка от 1819—1825 годов из области Чонград. Также Д. Малоньай, Искусство Венгерского Народа, Искусство Палочев, 1922, знакомит нас с книгой образцов от 1824—1826 годов от И. Фюлепа и Д. Нитраи.

²¹ Ф. Генци: Запрещение ношения и изготовления «цифрасюр», Эртешите (Вестник), 1942, стр. 268—292.

²² Ф. Генци: Установление цен «сюр» и «кедмен» в 1812 году, «Ертешите» (Вестник) 1944, стр. 40.

²³ И. Сечени был одним из самых выдающихся людей венгерской исторической эпохи национальных реформ еще до 1848 года. Он представлял, особенно в глазах венгерской буржуазии, гражданский прогресс и национальную независимость.

²⁴ Мы однако считаем вероятным, что сами «кулаки» и так называемые «дивши» — как в Венгрии называется типичная сельская провинциальная буржуазия — никогда не носила «цифрасюр». Но, к сожалению, в исследованиях этого предмета до сих пор не обращали особого внимания на классовые точки зрения. Итак, мы на заданный вопрос еще не можем дать удовлетворительного ответа.

THE EMBROIDERED «SZÜR»

by

M. KRESZ

(S u m m a r y)

The «szür» is a rough, generally white, cloth coat, often embroidered in many colours. The embroidery of the «szür» is one of the finest achievements of Hungarian folk-art. The history of the embroidered «cifraszür», the «fancy szür» was written by the noted Hungarian ethnographer, I. Györfly.

Originally the «szür» was a raincoat, a summer coat, worn by poor peasants all year round, whilst the well-to-do peasants wore large fur cloaks.

The decoration of the «szür» derives from coloured cloth strips strenghtening the seams, thus the ornament stressing the structure of the coat. The embroidery of the «szür» only began at the beginning of the XIXth century, partly under the influence of the similarly decorated fur-jackets. Fur-jackets decorated with coloured leather application were worn possibly already in the XVIIth century and in the XIXth century the application was further decorated with gay embroidery influenced by Biedermeyer flower patterns. In the first part of the XIXth century the fashion of the fancy «szür» spread rapidly. This was the time when the peasants began to capitalise, to produce for the market, and began to wear clothes made of finer manu-

factured materials. Formerly the »szűr«-tailors also traded with the rough white »szűr« cloth which was used for many other pieces of clothing, but now the tailors lost this trade and had to recompensate themselves by making the more expensive embroidered »szűr«. The fancy »szűr« remained the only piece of clothing made of rough white cloth which did not cease to be worn. The fashion of the embroidered »szűr« flourished in the second half of the XIXth century, when, after liberation from serfdom more peasants could afford it, and, especially, during the suppression after the war of Liberty as a sign of national opposition. In these years even the patriotic bourgeois wore the embroidered »szűr«. Thus, the art of »szűr« embroidery flourished during the progressive stage of capitalism, when a certain class of peasants began to rise economically, but their taste had not yet departed from the traditionally peasant. The decline of art of »szűr« embroidery was caused by the further differentiation of peasant society and the spread of an urban bourgeois and proletarian way of life. The gay colours of the »szűr« embroidery shrunk to a few faded colours, later only black was used, finally the »szűr« ceased to be worn at all.

An aesthetic analysis of the embroidery as well as a description of the different types of »cifraszűr« is also given.

SOME MORE DATA ON THE SPREADING OF THE BLOWGUN IN SOUTH-AMERICA

by

L. BOGLÁR

Our original plan was to publish a detailed study on the role and spreading of the blowgun in South-America. This plan had, however, to be abandoned because in 1948 a study was published by *JENS YDE* in the »Journal de la Société des Américanistes« (No. 37), entitled »The Regional Distribution of the Blowgun in South America.« This publication contains a good deal of the material suggested in our plan and it also raises the relevant problems; thus in our present study we will confine ourselves only to the publication of supplementary data, not known to *YDE*. *YDE* studied an enormous quantity of literature and it is no wonder that a few data escaped his attention, i. e., that he was unable to study all the literature pertaining to this subject.

The main chapters of *YDE*'s work are: Archeological Occurrences, Notes by Old Authors (of the Conquista Age), Types of Blowgun, The Tribal Distribution of Blowgun. A Separate Survey of Each of the Four Types of Blowgun, and Summary. We will comment only on the chapters concerned with the types and their spreading.

While compiling and studying the material, a few questions — especially methodological ones — have arisen sufficiently important to be discussed here.

*

The tasks of the science concerned with the investigation of the life and history of primeval societies are very complex. Besides the more strictly defined modes of production, also the complex phenomena of social life and innumerable aspects of economic life determining and governing these phenomena have to be included in the sphere of our investigations. We cannot fail to consider the influence exercised by nature upon evolution — justified in the case of peoples in the stage of gathering economy — nor the ideology, which though the product of material reality, nevertheless often reacts upon it. If the scientist does not examine all these phenomena, his work will fail to be complete and the picture gained of the society under examination cannot be objective, one which corresponds to the reality. Should he, e. g., examine a hunting tribe, he will have to take into account the fact that the hunting tribe is not a fix formation, a restricted organization, but in the course of its evolution it is exposed to countless (historic) factors, which may futher or obstruct evolution. In the same way the very complex interactional effects, the relation of societies towards each other and towards nature, have to be taken into consideration as well.

For the subject of his study *YDE* chose a most complex production means, the blowgun. The fundamental deficiency of his study is the superficial formalism which is manifested when discussing the blowgun he metaphisically almost detaches this production means from its real connections. Besides grouping the blowgun into four types (based only on its cross-section) it seems as if in his view all blowguns were the same at all times and at all places. For this truly typological aspect it is of little importance to ascertain by whom, for what purpose, under what circumstances this production means is used and why at all; it does not take into account its relation to other production means and its objective role played in production.

When *YDE* writes about the blowgun used by the Chayawita and Yamorai tribes we come across a characteristic example of what has been said afore. He gives a full description of the Chayawita tribe's blowgun. On p. 295 when he discusses the Munich tribe he mentions »Yamorai, a sub-tribe of the Chayawita«. However, he does not deal with the blowgun of the Yamorai tribe at all, does not even show it on his map, because the Yamorai is merely a sub-tribe! The view he takes here is fundamentally wrong. It seems as if he were only concerned about the existence or the non-existence of some invented »conception« of the blowgun with these tribes, and just as in the case of other occurrences here too he leaves out of consideration the function of the instrument itself. Close examination proves that the Chayawita hunt medium — and small-size game with blowgun, while big game is hunted with bow and unpoisoned arrow. Their sub-tribe, the Yamorai, on the other hand possess neither bow nor arrow, only spears (*TESSMANN*, 1930, p. 386). This is a decisive difference. The blowgun itself plays a different role with each of these tribes; with the Yamorai (who do not possess either (bow or arrow) the blowgun is the most important of all hunting weapons, its destination is necessarily quite different and thus it is produced in a different way.

An other example demonstrating the mechanical method of *YDE* is the Campa tribe and its sub-tribe, the Ungonino. About the former *TESSMANN* writes (1930, p. 89): »Kein Blasrohr«; its subtribe, the Ungonino, however, possess it (see below: Ungonino).

A small sub-tribe of the Jivaro tribe is the Huambiza; both have blowguns. *YDE* mentions only the Jivaro, but not the Huambiza. The blowgun is the main (moreover, the only) hunting weapon of the Jivaro tribe (see Notes); on the other hand the Huambiza tribe have also bow and arrow, etc. (see Notes). It is needless to overemphasize that in such different conditions the role of the blowgun, its use, but even its making and shape must be different. It should be added that f. i. in the case of the Jivaro and Huambiza tribes the difference can be established even in the way of making.

It is *NORDENSKIÖLD* (1918, p. 24) who approaches in a sufficiently correct manner the problem of the role played by the blowgun and its relation to other

hunting instruments : »Es fragt sich jedoch, ob nicht Pfeile mit verdickter Spitze ziemlich unnötig bei Stämmen sind, die Blasrohre haben.« Nevertheless, we have to bear in mind that blowguns are not only used for hunting birds (for these blunt-pointed arrows are used) and for small-size mammalia, but in some places they are also used for hunting peccary, deer and even tapir (*TESSMANN* 1930, p. 271 : Bora ; p. 195 : Coto).

Further, the fact cannot be overlooked that the number and quality of the game hunted also affects the use or the discontinuance of the use of the blowgun. About the natural conditions of production *TESSMANN* (1930, p. 737) gives some account in connection with what is called by him »Subandine Kulturgruppe« : »Die Jagd, das Vorrecht des Mannes, wird wie gesagt, sehr eifrig und erfolgreich getrieben. So kommt es, dass an gewissen Stellen im Chiwaro-Lande das Wild, mit Ausnahme der von den Chiwaro nicht gegessenen Arten, meilenweit ausgerottet ist. Das ist z. B. der Fall an der Mündung des Santiago. Als Jagdwaffe kommt nur das Blasrohr und für das Grosswild der Speer in Betracht«. In this context we can mention that the blowgun of these tribes has a peculiar shape, namely a peccari bone is mounted on the mouthpiece.

On the basis of the cross-sections *YDE* ascertains four types of blowguns. This seems to be reasonable enough, though when determining the period to which the blowgun belongs it is to be used only with great care, because e. g. both types II, & III exist with the Macú Indians (*YDE*, p. 294), and with the Tucano, types I & II (*YDE*, p. 298). We should like to add that the various types do not necessarily mean different stages of evolution, they may be only local variations. The cross-section of the blowgun depends on the type of wood it was made of. According to *KOCH-GRÜNBERG* (1917, p. 276) : »Auf dem Gipfel des Maschiádi wüchse in Menge das lange, knotenlose Schilf zu den berühmten Blasrohre der Majonggóng und die Indianer kämen weitlos, um es dort zu holen«. Thus it is natural, that the knot-free wood made possible the making of the blowgun of *YDE*'s type II, therefore, the tribes coming to fetch this kind of wood are very likely to manufacture blowguns of this type.

The determination of the first historic appearance of the blowgun presents difficulties since the authors of the Conquista age hardly ever mention it. They mention it only later in the 17th and 18th century as a much used hunting instrument. It is just this insufficiency of initial data that gave the impetus to *STIRLING* (1938, p. 80) to create his bold theory on the post-Columbian importation of the blowgun. There is, however, sufficient evidence against his absurd hypothesis. First of all, there are numerous archeological founds which support the theory that this instrument was used also in pre-Columbian America ; further, it was proved that the blowgun was used by several Indian tribes already in the first half of the 16th century (*YDE*, p. 312). *STIRLING* himself is aware of the archeological founds, but he maintains that these were probably blowguns with clay-bullets. *YDE* is right in stating that the reason why the old

authors did not write about the blowgun is because the first contact between the Conquistadors and the Indians was that of fighting and the Indians used only their weapons of war. They could not possibly see the blowgun which is a special hunting instrument. *STIRLING*'s greatest weakness is his inability to see that this production means developed independently in America. He fails to perceive that a far-reaching technical perfection of the blowgun was greatly instrumental in the rapid spreading of this production means (in the 17th and 18th century), i. e., the application of the deadly *curaré* poison. It was the *curaré* used for production purposes which gave a decisive push to the development of the blowgun operated with bullet — hitherto rarely used and unimportant. By means of this sudden qualitative change this became an important hunting instrument and it spread rapidly in a great part of South America. With his limited scope of imagination *STIRLING* is unable to see that a production means, existent yet having but a slight productive capacity — either because of its technical structure, or because of the prevailing system of production conditions — suddenly, almost spontaneously can free itself from its state of »latency«. The Indians in possession of the *curaré* could develop the blowgun into an important and effective hunting instrument such is e. g. the blowgun of the Jivaro or the Yagua (see Notes).

The decisive part played by the poison is also proved by what *SIMSON* (1886, p. 167) writes about the Záparo Indians. This tribe hunts with blowgun, but if the poison, procured through barter from great distances, runs short, they give up the blowgun and go on hunting with spears! The fact that the Záparos from time to time are compelled to return to a less developed way of hunting — to hunting with spear — proves that without poison the blowgun loses its importance almost entirely. This fact has to be taken into consideration as well in cases when certain tribes »degrade« the blowgun to toy; the blowgun without poison is indeed hardly more than a mere toy.

Since the *curaré* decisively determines the existence or the non-existence of the blowgun, in our opinion the starting points and the centres of spreading of the *hunting with blowgun* (and definitely not the abstract, fake *idea* of the blowgun) must be looked for in the centres where *curaré* is manufactured: Yagua (*FEJOS*, 1943), Tucun-Dyapa (Mangeroma) (*LANGE* 1912), Tucuna (*NIMU-ENDAJÚ*, 1948), Lama (*TESSMANN*, 1930), Piaroa (*REICHEL-DOLMATOFF*, 1944), etc.

It is still an open question as to which grade of development of the hunting production means blowgun should be attached after or before bow and arrow period. Generally speaking it is natural that it came after the bow and arrow had already been in use, surely the bow and arrow had been used for hunting before the discovery of *curaré*. From what has been said above, it is obvious that many factors influence the role played by the blowgun. There are tribes where next to hunting with spear the blowgun was introduced and then it became the main instrument. This is the case with the Paumary Indians (*STEEER*, 1903,

p. 391) where it is quite certain that (beside the spear) the blowgun is the only ancient hunting instrument. The name of the blowgun is : $k\bar{a}r\bar{a}b\bar{o}h\bar{a}'$ (n) ; to hunt : $k\bar{a}r\bar{a}b\bar{o}h\bar{a}'$ (n), thus the idea of hunting is identical with that of the blowgun. Again there are tribes where the use of the blowgun ousted that of the bow and became the main weapon. An example is the Jivaro Indians (STIRLING, 1938, p. 79) who in the 16th century used spear, spear-thrower, bow and arrow. In the second part of the 17th century they more and more abandoned these and the blowgun equipped with a poisoned arrow came into prominence. When we examine the problem of the spreading of this instrument, the abundance in game of the hunting territory as well as the quality of the stock of game must, of course, be taken into account, — as already mentioned — since the blowgun can generally be used only for shooting small game. Where big game is in abundance the blowgun alone will not prove sufficient. There are many examples that tribes in possession of bow and arrow use these only for, fishing after having adopted the blowgun. (Western Tucanoan, Mayoruna Panoan tribes in the Ucayali area).

Further, it should be mentioned that the Tucun-Dyapa (Mangeroma) tribes use the blowgun also for traps. This, however, is the only instance when the blowgun is not used only for hunting but also against the enemy (see Notes : Mangeroma).

*

The following are the tribes which have been ascertained by us to possess the blowgun and which are not mentioned by YDE in his study. We will also enumerate tribes which though mentioned by YDE should be mentioned here as well since this will help to clarify some new aspects.

The tribes are in alphabetic order. Next to the names figure synonyms or other specific names if any ; then follow the group of languages or the subgroup to which the tribe belongs, finally the regional determination and literary references. (In order to set up a uniform classification of names, wherever it was possible the names found in the Handbook of South American Indians were used).

Abbreviations : L = language, R = region, Bg = blowgun.

Auaké — (oewaku, uakys, aoaqui).

L : RIVET (1924, p. 651) : »Les Auaké, réduits à une très petite tribu, peut-être à une famille . . .«

R : lat. 5° N., long. 63°—64° W.

Bg : KOCH-GRÜNBERG (1913, p. 456) : see Notes.

KOCH-GRÜNBERG (1917, p. 175) : see Notes.

MÉTRAUX (1948a, p. 862) : »Hunting was done mainly with the bow and arrow, and very rarely, with the blowgun.«

Culina — (kolina, kulina, kulino, kollina, kurina).

L : RIVET (1924, p. 647) : Arawakan linguistic family, arauá sub-group.

R : lat. 8°—9° S., long. 71°—72° W. (see Notes).

Bg : *VERNEAU* (1921, p. 271) : »Ils doivent, pour la chasse, se servir de l'arc, mais nous savons qu'ils lancent également de petites flèches à l'aide de la sarbacane.«

MÉTRAUX (1948b, p. 673) : »The blowgun was used by the Yamamadi, Tucun-Dyapa (Mangeroma) and Culina.«

Guaharibo — (uariba, iaribu, uajaribo, uaharibo).

L : Uncertain, probably independent.

R : lat. 3° N., long. 65° W.

Bg : *MÉTRAUX* (1948a, p. 864) : »There are no blowguns, except those obtained in trade from the Yecuaná and Taulipáng.« (see Notes).

Maracaná — (maracaña).

L : probably independent.

R : lat. 3°30' N., long. 62°—63° W.

Bg : see Notes.

Nonuyas — (achote, achiote).

L : *TESSMANN* (1930, p. 583) : »Die wenigen Wörter, die ich zufällig hörte, schliessen die Nonuya eng an die Bora an.«

STEWART (1948b, p. 750) : The Bora and the Nonuya groups speak a Witoto dialect.

DOMVILLE-FIFE (1926, p. 218) : They form a branch of the Andoke.

R : *TESSMANN* (1930) shows them on his map approx. in lat. 1° S., long. 72° W.

DOMVILLE-FIFE (1926) : Northwards from the Ocaina tribe, along the Rio Igara-Paraná.

Bg : *DOMVILLE-FIFE* (1926, p. 218) : »Ihre Bewaffnung besteht aus einer Art Holzschwerter, Blasrohren und Lanzen.«

Shirianá — (shiliana, shilianaidya).

L : *KOCH-GRÜNBERG* (1913, p. 454) : »Die Schirianá... sind... identisch mit den gefürchteten Guaharibos...«

SCHOMBURGK (1847—48, p. 410. I.) : identifies the two tribes.

PINTO (1935, p. 141) independent language.

R : lat. 3° N., long. 64° W.

Bg : *KOCH-GRÜNBERG* (1917, p. 172) : »Ein langes Blasrohr, das einer mit sich führt, stammt von den Majonggóng...«

Sioni — (cioní, siona, ceño).

L : *STEWART* (1948a, p. 741) : Tucanoan linguistic family.

R : lat. 0°, long. 75° W.

Bg : *HARDENBURG* (1912, p. 81) : »Their arms, which are now used only for hunting, consist merely of machetes and shot-guns, obtained from the Colombians, and the bodoquedas or cerbatanas, already described, which they get, in exchange for their hammocks, from the Indians of the Napo.«

Trumai —

L : *PINTO* (1935, p. 142) independent language.

R : lat. 12° 30' S., long. 54° W.

Bg : *LÉVI-STRAUSS* (1948a, p. 335) : »Arrow poison and the blowgun are wholly unknown, although *QUAIN* saw the blowgun as a child's toy among the Trumai.« (cf. Notes).

STEINEN (1894) : makes no mention of it.

Uaupé — (uaupe).

L : *SCHMIDT* (1913, p. 1096) : Arawakan linguistic family.

R : approx. lat. 2° N., long. 74° W.

Bg : *SCHMIDT* (1913, p. 1096) : Mus. Wien 1564, 1565, Smlg. Natterer.

DOMVILLE-FIFE (1926, p. 184) : »Die Waffen der Uaupés bestehen aus Lanzen, Blasrohren, Bogen, vergifteten Wurfspießen, Wurf Pfeilen, Pfeilen und Keulen.«

Ungonino — (unconino, ugonino).

L : *TESSMANN* (1930) : They belong to the Campa group of the Arawakan linguistic family.

R : approx. lat. 11° 15' S., long. 74° 15' W.

Bg : *DOMVILLE-FIFE* (1926, p. 255) : »Alle die klein gewachsenen Wilden trugen mit Wiederhaken versehene Speere, ausser einigen, die mit Bogen oder fast 3 Meter langen Blasrohren bewaffnet waren, zu deren Pfeilen sie das Gift in Kürbissen bei sich führten.«

TESSMANN (1930, p. 89) : »Kein Blasrohr«. (see Notes).

*

Notes

This chapter deals more elaborately with the recent data published above as well as with data concerning some tribes mentioned in the preface. We should like to clarify here some errors occurring in the literature and in *YDE*'s study and we will add a few remarks concerning the map illustrating the spreading.

Acue-Cherente — *SCHMIDT* (1912, p. 1097) mentions the fact that blowguns were found with this tribe : »Ganz auffallend erscheint das Vorkommen bei den *Akuä-Serente* (Rio Tocantins), welcher in einem Exemplar belegt wäre.« It does not seem to be very probable that it originates from them. Firstly, they are much too southwards and at a great distance from the next tribe in possession of blowguns to enable them to get hold of it from outside. Secondly the material required to manufacture and use the blowgun — the *curaré* in the first place — is not available here. Further, no authors, modern or old, mention it. (*SAINT-HILAIRE*, 1830—51 ; *MARTIUS*, 1867 ; *SNETHLAGE*, 1931).

Auaké — Apart from *MÉTRAUX*'s (1948a, p. 862) data no other reliable data are available about the existence of the blowgun. *KOCH-GRÜNBERG* (1917,

p. 175) mention that a great number of Auaké lived together with the Shirianá, from which it may follow that the blowgun used by the Shirianá (see above) may have been adopted also by the Auaké. KOCH-GRÜNBERG add that there is no essential difference between the two tribes. The Auaké carry on a lively barter trade with the Camaracoto (KOCH-GRÜNBERG, 1913, p. 456), who also have blowguns (GILLIN, 1948, p. 845). The article of MÉTRAUX quoted above speaks in general terms about the tribes in the Rio Negro basin and the two quotations cited from his article refer to the Auaké, the Guaharibo, the Maracaná etc. respectively. We could not get hold of more relevant literature. The Auaké, the Guaharibo and the Maracaná are farmers; who hunt also with bow and arrow besides the blowgun.

The **Boro** (Miranha) tribe is included by YDE (p. 289) in the Tupian linguistic family. MÉTRAUX (1928, p. 289) writes: »... nous nous croyons autorisés à les exclure pour l'instant de la famille tupi-guarani.«

Chayawita — According to YDE (p. 289) it is a sub-tribe of the Cahuapana and therefore he does not show them on his map separately. They, in fact, belong there; they constitute, however, two easily separable tribes (STEWART-MÉTRAUX, 1948a, pp. 605—607); TESSMANN (1930) on his map also shows a separate Chayawita group (Rio Paranapua, Upper Sillay, Balsapuerto) and a Cahuapana group (Rio Cahuapana).

Esmeraldeños — According to YDE (p. 291) this tribe is very likely identical with the Cayapá tribe and therefore he shows them together. This is wrong. The Cayapá belong to the chibcha barbacoa group, while the Esmeraldeños form a separate linguistic family. (RIVET 1924, p. 655). MURRA (1948a, p. 807; 1948b, p. 277) also discusses them separately and does not mention that they belong together.

Chama — TESSMANN (1928) on the basis of his own investigations used this common name for the Setebo, Shipibo and Conibo tribes. This led YDE to record only the Chama. According to TESSMANN (1928, p. 138), the Chama themselves manufacture the blowgun, while the Conibo, according to FARABEE 1922, p. 83) import it from the Jivaro. TESSMANN (1928, p. 226), however, considers this erroneous: »Falsch ist... dass die Tschama das Blasrohr durch Tausch mit den Chiwaro bekämen...« These tribes do not live in the same area and do not live in one group. We have shown them separately on our map.

Chébero instead of Jébero.

Culino instead of Culina.

Culina — According to MÉTRAUX (1948b, pp. 660—661) there are two groups belonging to the Arawakan linguistic family: 1. Culino (Colina) on the right bank of Rio Juruá, along the Rio Marary and at the Upper Tapaua. These are closely related to the Araua group. 2. Culina or Curina between the Rio Erú and Rio Gregorio are not to be confound with the Curina, who belong to the Panoan linguistic family and who live between the rivers Jutahý and Javahý.

(RIVET, 1924, p. 674) Both tribes have blowgun. On our map we show a Culino and a Culina tribe. The Culina are farmers ; they hunt also with bow and arrow besides the blowgun.

Huambiza — a sub-tribe of the Jivaro. According to STEWARD-MÉTRAUX (1948a, p. 618) they are to be found on the right bank of the rivers Morona and Mangosia and on the left bank of Rio Santiago from Cuticu Cordillera as far as Marañon. DOMVILLE-FIFE (1926, p. 201) says : »Die gebräuchlichen Waffen sind lange, dünne Speere aus Punaholz, Bogen, Blasrohre und vergiftete Pfeile«. The blowgun of the Huambiza differs in one single respect from that of the Jivaro. DOMVILLE-FIFE (1926, p. 202) : »Sie (the arrows) werden in einem Köcher getragen, in dem Affenzähne dergestalt ausgebracht sind, dass die vergifteten Pfeilspitzen sich beim Herausziehen zur Hälfte abspalten.« The Jivaro have nothing of the kind, at least no mention of it is made by STIRLING (1938) who gives a detailed description of this tribe's blowgun. We have shown the two tribes separately, reasons given above.

Huari — MÉTRAUX (1942, p. 68) mentions while discussing the Mojo : »The Mojo blowgun was like that of the Huari, a long bamboo tube straightened by heating it over a fire«. From this logically follows that also the Huari have blowguns. But this statement is unique. It is neither mentioned by LÉVI-STRAUSS (1948b) when discussing the Huari's area, nor by SNETHLACE (1936—37) who is very well acquainted with this area indeed. We will not deal with it independently and it does not figure on our map either.

Javahé — DOMVILLE-FIFE (1926, p. 70) writes : »... unter den Javahés, die geschickt mit dem Blashrohr und vergifteten Pfeilen umzugehen wissen...«. It is obvious that only the Javahé belonging to the Carajá linguistic family can come into consideration ; so far as we know there is no other Javahé tribe in South America. However, neither the Carajá nor the Javahé ever had or do have blowguns. DOMVILLE-FIFE's statement is not based on observation on the spot either (cf. work mentioned p. 70) This case bears close resemblance to that of the Acue-Cherente, no mention of it having been made either by former or more recent authors. (KRAUSE, 1911) (SEKELJ, 1948).

Lama instead of Lamista.

Mangeroma — The Tucun-Dyapa tribes set up traps in order to protect their villages from possible attacks. These traps were equipped with blowguns and these automatically discharged the arrows. LANGE (1912, p. 345) states : The blowgun was directed towards the footway in a horizontal position. At the back-part (mouth) of the blowgun a young shoot of a branch was placed which held the tube in a position of 1,5 m height. To this was fixed a wide, straight piece of inner bark which entirely covered up the mouth-part when the shoot of branch was in a normal, vertical position. A long, thin and supple liana was tied to the various shoots bent to their extremes. Then the liana passed over the branches — which operated like pulleys — and all across the path,

and it was finally tied to a root covered with leaves. If the enemy advanced along the path, he necessarily had to break the liana, which on its part released the expansive force of the shoots. This suddenly pulled the hanging bark piece which in its turn hit the mouth-part of the blowgun so violently that enough air got pressed into the tube to make the arrows shoot out.

Mainatari — *YDE* (p. 293) does not show them on his map; all he says about them is that they are a Venezuelan tribe. On our map they appear in the Notes.

Mundurucú — *SCHMIDT* (1913, p. 1097) assumes that this tribe possesses blowgun. In the notes he refers to Martius (1867, I. p. 394), however, Martius does not write a single word about it in the quoted passage.

Nonuyas — *TESSMANN* (1930) distinguishes the Nonuyas tribe from the Andoke tribe on his map. *STEWART* (1948, p. 750) treats them as a different group who speak a »differentiated dialect« (Witotoan). The Nonuyas hunt with both spear and blowgun.

Peba — *YDE* (p. 299) treats them together with the Yagua tribe. *STEWART-MÉTRAUX* (1938, p. 728) treat them separately, within the »Peban« tribes. Consequently we have also treated them separately.

Quechua — *YDE* (p. 297) does not show them on his map, the only thing he writes about them is: on the Rio Sarayacu, Oriente, Ecuador. We could not find any Quechua tribe on the Rio Sarayacu. On our map they appear in the notes.

Quijo — *YDE* (p. 293) incomprehensibly separates the Quijo and the Kicho. »Kicho, *TESSMANN* 1930, p. 241« and when he comes to discuss the Quijo he again cites *TESSMANN* (1930, p. 241). *TESSMANN* himself writes that the two are identical: »Die Schreibart der Kichos im Spanischen ist Quijos and Quixos« (237). The idea of *YDE* to treat them separately is quite wrong. *STEWART-MÉTRAUX* (1948a, p. 652): Quijo (Kicho, Quixo, Napo, Santa Rosino), lat. 0°—1° S., long. 75° 30,—77° W., this is identical with *TESSMANN*'s Kicho tribe. We on our part, only show the Quijo.

Suchichi — *YDE* forgot to include them on his map. The Suchichi (Suchiche, Suriche) live at the middle course of the river Huallaga, in the vicinity of the village Tarapoto. On *TESSMANN*'s map (1930) they figure in lat. 6° 30' S., long 76° 30' W. Their language is unknown.

Trumai — We borrowed our data from the quotation of *LÉVI-STRAUSS* (1948a, p. 335), who had learned them from *QUAIN*. *QUAIN* investigated the spring district of Xingu in 1938: his report is in manuscript. The Trumai are farmers. They use, besides the blowgun bow, arrow and spear for hunting.

Tuyuca — *YDE* (298) mentions only that they are situated eastwards from the Bará tribe. Their territory is in lat. 0°, long. 70° 30' W. They figure on our map.

Tucuna instead of Tikuna. It is not an Arawakan tribe as YDE states (p. 298), but it is an independent language. (*NIMUENDAJŪ* 1948).

Umáua, Hianácoto-Umáua, Rio Macaya, Upper Cayary-Uaupés. Also YDE knows about the presence of the blowgun. Here we confine ourselves to the publishing of a few linguistic data. *KOCH-GRÜNBERG* (1908, pp. 115—116) : blowgun = *lādxa*, (e) *lādxa* ; quiver = *lādxālii ho* ; poisoned arrow = *lādxáñi* ; sight = *lādxonāli* (*lādxa ónāli* = blowgun nose) ; blowgun cleaner = *lātxa atxiloho* ; arrow-poison = *kułáñi* ; Samauma cotton (lana samauma) *máñlu* (= woodcotton) ; pot holding poison = *kułāñiyēné*.

Ungonino — Contrary to the statements of *TESSMANN* (1930) and *STEWART-MÉTRAUX* (1948a,) according to *DOMVILLE-FIFE* (1926) they possess blowgun. Domville-Fife visited this area. He gives an accurate description of the area and he also prepared a map of it, marking the Ungonino tribe on it. This spot coincides with the area marked on *TESSMANN*'s map as being inhabited by the Campa tribe. The Ungonino belong to the Campa linguistic group.

Urarina instead of Chimaku. *STEWART-MÉTRAUX* (1948a, p. 557) : Urarina (Itukale, Itucale, Ytucale, Singacuchusca, Cingasuchusca, Arucui, Arucuye, Ssimaku, Shimacu, Chimacu, Chambira, Chambirino).

Yabahana — Not recorded by YDE (p. 299), because they are a Yahuna sub-tribe. They figure separately on our map.

Yagua — As has been said above, YDE in his study does not give a full account of the blowgun and its manufacture and hints only briefly at the way, it is manufactured, when he discusses the four types (at the cross-sections). We believe, therefore, that it is important to publish here the best description of the blowgun and its manufacture after *FEJOS* (1943). (Hunting with Blowgun) : Each hunter carries hanging from his neck a bundle of poisoned arrow, fish-jawbone to cut the arrow round, a little knitted hand-bag with wild-cotton for cleaning and twisting it round the blunt point of the arrow. When he comes across the game he starts preparing the ammunition of the blowgun. He takes an arrow from its quiver and winds a little wild-cotton on its blunt point. Then he sticks the arrow thus prepared with the poisoned end downwards in the fibre-tassel of his headgear. More arrows are prepared in this way and are fixed in the tassel near the temples. Then the hunter approaches his victim in a zig-zag line, so to camouflage his approach. He proceeds till he gets within shooting range. This differs according to the skill of the hunter, the size of the game and the direction of the wind. Small birds like f. i. the tucano are killed from about 25 m. and one shot suffices to bring them down the very moment. Bigger birds, like wild-turkey, require 3—5 arrows. If the animal gets wounded, more arrows are quickly shot into it to prevent escaping. Before charging — immediately before using — the cotton on the stem of the arrow is moistened with saliva to ensure its sticking in the tube. If the arrow is left in the tube, the cotton gets dry and sticks to the side of the tube. They never blow directly

from the chest because the movement of the chest and shoulder may hinder the hunter at aiming. The hunter fills his mouth with air up to the point of bursting, letting it out again by the sudden opening of the lips. Thus the shot is very quick and its course entirely straight.

How the blowgun is made : The blowgun is made of the inside of the *pucuna caspi* tree. Often as many as two or three dozen trees are felled and examined before the most suitable kind is chosen which must be quite erect and of even texture. First a deep ring is cut — infra cambium — into the tree and then it is dried. When the tree is dead and dry, it is cut out. Blocks of 8—10 cm. diameter are chopped off the trunk. These are split diagonally so that each piece forms a triangle of equal size. The edges are carefully rounded off till they take the shape of two equal semi-cylinders. This will be the tube of the gun. Next follows the scraping of the inside of the tube. For this a small, sharp, triangle-shaped piece of flint is used. The line first carved determines the straightness of the tube. When one side of the cylinder is marked, the other half is smoothed and prepared for the marking of the tube-line. The part of the cylinder already marked is then smeared with achotte paint and pressed against the other finely polished part of the cylinder. So the polished part of the cylinder becomes coated with paint and the line marked for the hollow is now ready for scraping. The small, triangle-shaped flint is moved to and fro in order to get an even hollow all along the stem. When the hollow reaches a depth of 2—3 mm a somewhat bigger flint is used until the hollow is smooth enough. When this is completed a square hole of about 5 mm runs along the two joined parts of the cylinder. The mouth-piece of the blowgun is appr. 10 cm long, of the shape of a sand-glass. It is carved from a flawless piece of *guinilla* tree so that the thick end of the tube can fit into it. According to FARABEE (1922, p. 116) : »The mouth-piece of the Yagua blowgun is like a spoon, slightly bent for the lip, while on the Jivaro mouth-piece there is a bone . . .«

For the polishing and cleaning of the inner tube of the stem a rod of 4—5 mm diameter is used. This strong and elastic rod is made of the inner part of the *chonta* palm-tree, carefully selected for this purpose. In order to facilitate polishing the strongly tied up stem is laid on two forked sticks sunk in the earth ; they are about 1,5 m long. The tube is smeared with achotte paint and then filled with fine-grained washed sand. The rod is also smeared and sprinkled with sand. After 25—30 pullings to and fro the tube is refilled with fresh sand and also the rod is sprinkled with fresh sand. This process is carried on till the hole becomes round. This requires apprx. six weeks work at the rate of 4—6 hours of polishing daily. Much too quick polishing may hurt the wood which then bends and gets warm. If previously it did not get dry enough or if it gets wet during the process, the stem will bend and becomes useless. If the tube is perfectly smooth, the cylinder is taken apart and the inner surfaces are again polished with cotton and grease. When they get a mirror-like sheen, the parts

of the cylinder are fitted together again and the outer part of the tube is scraped to the shape of a cone. Finally the entire outer surface is coated with the sap of the chicle-tree and wound round with aradijo inner bark. This winding is polished with a mixture of grease, sand and achotte for several days. Sometimes it is also coated with rubber tree latex. This is then followed by the fitting of the hardened latex-sights on the ends of the blowgun. It takes about two weeks to get them properly adjusted. The blowgun is kept very clean and dry. When it is not used, wild-cotton is stuck in the ends so that no sand can get into it. After a longer hunt it is cleaned with a sandy tube-cleaner rod. Then it is tied to two sticks and the rod is pulled to and fro as long as the heat created by the rubbing dries the sand. The dry sand is then blown out of the tube. This process is carried on till a mirror-like surface is attained. Generally, it is repeated 4—6 times. Finally several arrows are shot in still weather in order to controll the exactness.

The arrows are 16—18 cm long and of a 2 mm diameter. They are always made by the mature male members of the tribe even if only used by children for their toy blowguns. As a rule some 500—1000 arrows are made at a time and this takes approximately three days. 80—100 pieces are tied together with a chambira thread (just like a screen) and their points are poisoned by the Shaman. They are kept in a conic case made of palm-leaves with the poisoned points downwards so as to avoid any danger when taking them out of the case. A part of the lower jaw of piranha (*Salmonidae*) is tied round the case with a short chambira thread. This has 3—6 triangle shaped tooth, which is used to cut a small ring near the point of the arrow. This device is to ensure that the point sticks even if the animal breaks the arrow. It is an important factor especially when hunting monkeys, since they always try to pull out the arrow when they get wounded.

The poison is a concoction of the inner bark, fruit, seeds and young shoots of the irno (*Strychnos toxifera*). It is cooked very slowly so as not to exceed boiling-point. After about six days of cooking, the twigs, inner bark and leaves are removed and the remaining broth is cooked into a light syrup. This is then poured into a small earthenware vessel and condensed in hot ash until it becomes a jelly-like substance. Finally the vessels are tightly covered with banana-leaves. It is believed that certain Shamans can increase the intensity of the poison by adding scorpion tail-fibres, the body of sauba ant and the venom of serpents. This latter is, however, very dubious since only the poison-fang of the serpent and not the poisonland is added (pp. 40—41, 47—50, 52).

Yamorai — Not treated by YDE (p. 295), because it is a Chayawita sub-tribe. Marked on our map.

Yulámaua — shown on Rio Querari.

Záparo — They obtain the poison from the Tucuna. (Záparo in lat. 2° 30' S., long. 76° W. ; Tucuna in lat. 3° 30' S., long. 68° 0'—71° 15'.)

List of Tribes

Below we publish a complete list of the tribes in possession of blowgun dealt with and found correct by YDE, in which our supplementary list is included. These tribes all figure on our map.

1. Acawoi	54. Coregúaje	107. Paumary
2. Acuria	55. Corocoro	108. Peba
3. Agoas	56. Corocoro	109. Pemeno
4. Aguano	57. Coto	110. Piapoco
5. Amuesa	58. Culina	111. Piaroa
6. Andoa	59. Culino	112. Pioche
7. Andoke	60. Cumanagoto	113. Porocoto
8. Araicú	61. Cuna	114. Puinave
9. Arawak	62. Desana	115. Quechua
10. Arecuna	63. Emerillon	116. Quijo
11. Ataroi	64. Esmeraldeños	117. Setebo
12. Auaké	65. Guaharibo	118. Shipibo
13. Bahuna	66. Guahibo	119. Shirianá
14. Baniva	67. Guarauno	120. Sioní
15. Bará	68. Guinau	121. Siusi
16. Baré	69. Huambiza	122. Ssábela
17. Betomas	70. Huanyam	123. Suchichi
18. Bobures	71. Huhúteni	124. Tama
19. Boro	72. Ipuriná	125. Tamanaco
20. Buhágana	73. Iquito	126. Tariana
21. Cágaba	74. Jibito	127. Taruma
22. Cahuapana	75. Jivaro	128. Taulipang
23. Camaracoto	76. Jumana	129. Torondoy
24. Canelo	77. Jurí	130. Trumai
25. Capanahua	78. Lama	131. Tsahátsaha
26. Caraib	79. Macú	132. Tucano
27. Caramanta	80. Macuna	133. Tucuna
28. Caripuna	81. Macusí	134. Tuyuca
29. Carútana	82. Mainas	135. Uainuma
30. Cashibo	83. Mainatari	136. Uarekena
31. Catapolitani	84. Manaié	137. Uaupé
32. Catauishi	85. Mandauaca	138. Uiriná
33. Catauishi	86. Mangeroma	139. Umáua o
34. Catio	87. Maracaná	140. Ungonin
35. Catuquina	88. Marawá	141. Urarina
36. Caua	89. Maué	142. Waica a
37. Cauishana	90. Mayoruna	143. Wainamari
38. Cauyarí	91. Mojo	144. Wapishina
39. Cayapá	92. Muinane	145. Witoto
40. Chaima	93. Munichí	146. Yabahana
41. Chama	94. Mura	147. Yagua
42. Chamicuro	95. Muzo	148. Yahuna
43. Chayawita	96. Nonuyas	149. Yamamadi
44. Chébero	97. Ocaina	150. Yameo
45. Chiricoa	98. Omagua	151. Yamorai
46. Chocó	99. Omurana	152. Yavitero
47. Cholón	100. Paez	153. Yecuaná
48. Cobeua	101. Panares	154. Yucuna
49. Cocama	102. Panche	155. Yulámaua
50. Cocamilla	103. Panobo	156. Záparo
51. Coeruna	104. Paravilhana	Two archaeological finds :
52. Colorado	105. Passé	157. Pachacamac
53. Conibo	106. Patamona	158. Trujillo

List of Works used for the preparation of our map :

- Bates, W. H. : (1892) *The Naturalist on the River Amazons*. London.
- Bolinder, G. : (1925) *Die Indianer des Tropischen Schneegebirges*. Stuttgart.
- Bolinder, G. : (1936) *Ethnographical Researches in Colombia*. Ethnos 6.
- Chandless, W. : (1866) *Ascent of the River Purús*. Journal of the Royal Geographical Society, vol. 36. pp. 86—118.
- Domville-Fife, Ch. W. : (1926) *Unter Wilden am Amazonas*. Leipzig.
- Eder, F. X. : (1791) *Descriptio Provinciae Moxitarum in Regno Peruano*. Buda.
- Ehrenreich, P. : (1891) *Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens*. Veröffentlichungen aus dem Königlichen Museum für Völkerkunde. Berlin, B. II.
- Ernst, A. : (1886) *Ethnographische Mitteilungen aus Venezuela*. ZfE, B. 18.
- Farabee, W. C. : (1922) *Indian Tribes of Eastern Peru*. Papers Peabody Museum, Harvard University, vol. X.
- Fejos, P. : (1943) *Ethnography of the Yagua*. Viking Fund, Publications in Anthropology, N. 1.
- Friederici, G. : (1911) *Die Geographische Verbreitung des Blasrohres in Amerika*. Petermanns Mitteilungen, B. 57.
- Giglioli, E. H. : (1891) *La Cerbottane*. Archivio per l'Antropologia e l'Etnologia, vol. 21.
- Gillin, J. : (1936) *The Barama Rivers Caribs of British Guiana*. Papers, Peabody Museum, Harvard University, vol. 14.
- (1948) *The tribes of the Guianas and the Left Amazon Tributaries*. Handbook of South American Indians, vol. 3. pp. 799—860.
- Hardenburg, W. E. : (1910) *The Indians of the Putumayo, Upper Amazon*. MAN, vol. 10 ; pp. 134—148.
- (1912) *The Putumayo, The Devil's Paradise*. London.
- Heimann, M. : (1931) *Die Cayapa Indianer*. ZfE, B. 63. P. 281—287.
- Hernandez de Alba, G. : (1946) *The Highland Tribes of Southern Colombia*. Handbook of South American Indians, vol. 2. pp. 915—916.
- Herndon and Gibbon : (1853—54) *Exploration of the Valley of the Amazon, Made under the Direction of the Navy Department, I-II*. Washington.
- Jimenez Seminario, A. : (1924) *Bemerkungen über den Stamm der Bora oder Meamuyna am Putumayo, Amazonas*. ZfE, B. 56. pp. 83—93.
- Kirchhoff, P. : (1948) *Food-gathering Tribes of the Venezuelan Llanos*. Handbook of South American Indians, vol. 4. pp. 445—468.
- Koch-Grünberg, Th. : (1906) *Die Makú*. Anthropos, B. 1. pp. 877—906.
- (1906) *Die Indianerstämme am oberen Rio Negro und Yapurá und ihre sprachliche Zugehörigkeit*. ZfE, B. 38. pp. 166—205.
- (1908) *Die Hianákoto-Umáua*. Anthropos, vol. 3. pp. 83—124, 297—333, 952—982.
- (1909—10) *Zwei Jahre unter den Indianern*, 2. B. Berlin.
- (1913) *Abschluss meiner Reise durch Nordbrasilien zum Orinoco, mit besonderer Berücksichtigung der von mir besuchten Indianerstämme*. ZfE, B. 45. pp. 448—474.
- (1917—28) *Vom Roroima zum Orinoco*. I-III. Stuttgart.
- (1922) *Die Völkergruppierung zwischen Rio Branco, Orinoco, Rio Negro and Yapurá*. Fettschrift Eduard Selser, Stuttgart.
- Krause, F. : (1911) *In den Wildnissen Brasiliens*. Leipzig.
- Krickeberg, W. : (1922) *Amerika*. Buschan, Illustrierte Völkerkunde. I. Stuttgart.
- Lange, A. : (1912) *In the Amazon Jungle*. New-York, London.
- (1914) *The Lower Amazon*. New-York, London.
- Lévi-Strauss, C. : (1948a) *The Tribes of the Upper Xingu River*. Handbook of South American Indians, vol. III. pp. 321—348.
- (1948b) *Tribes of the Right Bank of the Guaporé River*. Handbook of South American Indians, vol. III. pp. 371—379.
- Markham, C. : (1910) *List of Tribes of the Amazon Valley*. Journal Anthropological Institute of G. B. and Ireland, vol. 40. pp. 73—140.
- Martius, F. : (1867) *Beiträge zur Ethnographie and Sprachenkunde Amerikas zumal Brasiliens*. vol. I. Leipzig.
- Métraux, A. : (1928) *La civilisation matérielle des tribus Tupi-Guarani*. Paris.
- (1942) *The Native Tribes of Eastern Bolivia and Western Matto Grosso*. Bureau of Am. Ethnology. Bull. 134.
- (1948a) *The Hunting and Gathering Tribes of the Rio Negro*. Handbook of South American Indians, vol. III. pp. 861—867.
- (1948b) *Tribes of the Juruá-Purús Basins*. Handbook of South American Indians, vol. III. pp. 657—686.

- (1949) Weapons. *The Comparative Ethnology of South American Indians*, Handbook of South American Indians, vol. 5. pp. 248—253.
- Murra, J. : (1948a) *The Historic Tribes of Ecuador*. Handbook of South American Indians, vol. II. pp. 785—821.
- (1948b) *The Cayapa and Colorado*. Handbook of South American Indians, vol. IV. pp. 277—290.
- Nimuendaju, C. : (1930) *Besuch bei Tukuna Indianern*. *Ethnologischer Anzeiger*, B. IV. pp. 188—194.
- (1948) *The Tucuna*. Handbook of South American Indians, vol. III. pp. 713—725.
- Nordenskiöld E. : (1918) *Eine Geographische und Ethnographische Analyse der materiellen Kultur zweier Indianerstämme in El Gran Chaco*. Göteborg.
- Ochoa Sierra, B. : (1945) *Los Panche*. *Boletín de Arqueología*, Bogotá, Julio-Agosto.
- Pinto, E. : (1935) *Os Indígenas do Nordeste*. Sao Paulo. vol. I.
- Quain, B. : *The Trumai*. MS. 2. vols.
- Reichel-Dolmatoff, G. : (1944) *La cultura material de los Guahibo*. *Revista del Instituto Etnológico Nacional*, Bogotá, t. I.
- Rivet, P. : (1924) *Langues de l'Amérique du sud et des Antilles*. Meillet-Cohen : *Les Langues du Monde*, Coll. Ling., Société Linguistique Paris, vol. 16. pp. 639—712.
- (1948) *La famille linguistique Guahibo*. *Journal de la Société des Americanistes*, t. XXXVII. pp. 191—240.
- Roth, W. E. : (1924) *An Introductory Study of the Arts, Crafts and Customs of Guiana Indians*. 38. Annual Report, Bureau of American Ethnology, for 1916—17.
- Saint-Hilaire, A. : (1847—48) III. p. : *Voyage aux sources du Rio S. Francisco et dans le province de Goyaz*. (São Paulo, 1937 : *Viagem ás nascentes do Rio S. Francisco e pela provincia de Goyaz*. Com. Edit. Nac. 2. vols.)
- Schmidt, W. : (1913) *Kulturkreise und Kulturschichten in Südamerika*. *ZfE*, B. 45. pp. 1017—1124.
- Schomburgk, R. (1847—48) *Reisen in British-Guiana in den Jahren 1840—44*. I-III. Leipzig.
- (1841) *Reisen in Guiana und am Orinoco, 1835—1836*. Leipzig.
- Sekelj, T. : (1948) *Excursion a los Indios del Araguaya*. Runa, vol. I. Buenos-Aires.
- Simson, A. : (1879) *Notes on the Piojes of the Putumayo*. *Journal Anthr. Inst. Gr. Brit. and Ireland*, vol. 8. pp. 210—222.
- (1886) *Travels in the Wilds of Ecuador, and the Exploration of the Putumayo River*. London.
- Snethlage, H. : (1931) *Unter nordostbrasilianischen Indianern*. *ZfE*, 62. pp. 111—205.
- (1936—37) *Übersicht über die Indianer des Guaporé-Gebietes*. *Tagungsbericht der Ges. für Völkerkunde*. II. Tagung, 1936. pp. 173—180.
- Шпринцин, Н. Г. : *Стрелометательная трубка в Америке, Индонезии и Океании*, p. 302—313. *Сборник музея антропологии и этнографии*. VIII. Ленинград, 1929. (The Blowgun in America, Indonesia and Oceania.)
- Staden, H. : (1557) *Wahrhaftige Historia und Beschreibung einer Landschaft der Wilden*. Marburg.
- Steere, J. B. : (1903) *Narrative of a Visit to Indian Tribes of the Purús River*. Report, U. S. National Museum for 1901. pp. 359—393.
- Steinen, K. : (1894) *Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens*. Berlin.
- Steward, J. : (1948a) *Western Tucanoan Tribes*. Handbook of South American Indians, vol. III. pp. 737—748.
- (1948b) *The Witotoan Tribes*. Handbook of South American Indians, vol. III. pp. 749—762.
- Steward-Métraux : (1948a) *Tribes of the Peruvian and Ecuadorian Montana*. Handbook of South American Indians, vol. III. pp. 535—656.
- (1948b) *The Peban Tribes*. Handbook of South American Indians, vol. III. pp. 727—736.
- Stirling, M. W. : (1938) *Historical and Ethnographical Material on the Jivaro Indians*, Bureau of American Ethnology. Bull. 117.
- Stout, D. B. : (1947) *San Blas Cuna Acculturation : An Introduction*. New-York, 1947, Viking Fund Publications in Anthropology. nr. 9.
- Tessmann, G. : (1928) *Menschen ohne Gott*. Stuttgart.
- (1930) *Die Indianer Nordost-Perus*. Hamburg.
- Verneau, R. : (1921) *Contribution a l'étude ethnographique des Indiens de l'Amazone*. *L'Anthropologie*, vol. 31. pp. 255—278.
- Wallis, G. : (1886) *Die Paumarys*. *Das Ausland*, vol. 59. pp. 261—266.
- Whiffen, T. : (1915) *The North-West Amazons*. London.
- Yde, J. : (1948) *The Regional Distribution of the Blowgun in South-America*. *Journal de la Société des Américanistes*, XXXVII.

ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ДУХОВЫХ ТРУБОК ДЛЯ СТРЕЛЬБЫ
У ИНДЕЙЦЕВ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ.

Л. Боглар.

Резюме

В статье о духовых трубках Иэнс Иде, которая была опубликована в 1948 году, приведена большая часть материалов. Настоящая статья дает в дополнение несколько данных, которые не были известны Иэнс Иде. При подборе материалов возникло несколько вопросов, главным образом методических.

Основной недостаток статьи Иде, это поверхностный формализм, с которым он это орудие производство метафизически выделяет и в связи окружающей среды. Для этого типологического буржуазного воззрения не играют большую роль те обстоятельства, кто, для каких целей и при каких условиях пользовался этим инструментом. Он не принимает во внимание это отношение к другим орудиям производства и это объективную роль в производстве. Характерным примером для этого является описание духовых трубок, обнаруженных им у племен чаявита, яморай и кампа. У тех племен, где духовая трубка была главным охотничьим оружием, она играла совсем другую роль, чем у племен, где она являлась лишь второстепенным средством для охоты (где существовали лук со стрелами и копье.)

При обследовании духовой трубки мы должны принять во внимание, что на сохранение этой трубки, как орудия производства, или ее выход из употребления, влияют природные условия производства (вид и число животных, которые являлись предметом охоты). Большим затруднением для определения времени, в котором выступала духовая трубка, как орудие охоты, является то, что более старые авторы из эпохи конквиста, не упоминают это оружие. Это обстоятельство побудило *Стирлинга* на создание его смелой теории о ввесе духовой трубки, который он относил ко времени после Колумба. Самая главная ошибка в толковании Стирлинга это то обстоятельство, что он не мог себе представить, что это орудие производства могло самостоятельно развиваться в Америке. Он не видел того, что быстрому распространению этого орудия (в XVII и XVIII веках) решающим образом содействовало употребление смертельного яда кураре. Решающее влияние яда доказывает, между прочим, пример индейцев запаро, которые, когда запас яда истекает, оставляют эту трубку и возвращаются к более первобытному способу охоты копьем.

Центры распространения охоты при помощи духовой трубки мы должны искать в центрах производства яда (кураре).

С широким обобщением можно сказать, что появлению духовой трубки предшествует употребление лука со стрелами. Встречаются и такие племена, у которых употребление духовой трубки появилось наряду с охотой при помощи копья и впоследствии стало главным оружием для охоты (например у индейцев Паумари). Существуют и такие племена, где духовая трубка вытеснила стрелы и стала главным охотничьим оружием (напр. индейцы Живаро).

После изложенного введения в статье приводятся пространные объяснения тех явлений, о которых Иде не упоминает, а кроме того сообщаются некоторые данные о племенах, которых были упомянуты в введении. В статье освещаются некоторые ошибочные представления, которые появились в литературе и в статье Иде. В конце помещены отдельные заметки к карте распространения.

ИССЛЕДОВАНИЕ ХУТОРНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Е. Варабаш

I.

Почти на всей территории большой венгерской равнины замечается особая система поселений, т. н. хуторная система, которая среди других форм поселений играет первенствующую роль. Венгерские ученые неоднократно выражали убеждение, что эта форма поселений чисто венгерская и она вне Венгрии нигде неизвестна, но, правда, никто еще не подверг восточные и западные аналогии подробному изучению.¹ Не считаясь с отсутствием обследования внешних связей, сведения, относящиеся к отечественным хуторам, составляют одну из наилучше разработанных глав дисциплины, занимающейся вопросами поселений в Венгрии и хотя некоторые из них и остались неразрешенными, результаты, достигнутые в связи с исследованием вышеназванной системы, являются немаловажными. Дивергенции, проявившиеся в мнениях отдельных исследователей возникли главным образом от различного толкования понятия хутора. Но до разбора этих дивергенций необходимо рассмотреть условия, сыгравшие значительную роль в развитии хуторной системы.

Общественный строй венгров, осевших в бассейне Дуная, был военно-демократическим. Хотя они и занимались земледелием, но более важное значение в их жизни играло скотоводство.

В первых столетиях, последовавших по завоевании страны, значение скотоводства снизилось, и, наоборот, важность земледелия повысилась и строй общества, постепенно развиваясь, стал феодальным.² Это развитие до некоторой степени тормозилось нашествием татар, равно как и иммиграцией куманов-кочевников, поселившихся на равнине междуречья Дуная-Тиссы и на территории за Тиссой. В конце среднего века, когда мы уже имеем более точные сведения о поселениях, картина, обрисовывавшаяся перед нами, показывает частые, мелкие, недалеко отдаленные друг от друга поселки с прилегающими к ним небольшими участками земли, расположенные как на равнине, так и на холмистых местностях.³ Эта картина резко изменяется вследствие разрушительного влияния наступившего турецкого ига, продолжавшегося полтора века (от 1526 до 1686 г.). В местностях, занятых турками, население частью было уничтожено, частью же бежало. Исключения составляли только такие крупные места, как Кечкемет, Дебрецен, Сегед, Надькереш, которые, будучи владением турецкой казны, обеспечивали для населения сравнительно спокойное и обороненное существование. Эти места — хотя и разорялись несколько раз — не только пережили турецкое иго, но и укрепились: отчасти приобретением пастбищ, примкнувших к ним деревень, отчасти же бежавшим населением, нашедшим убежище в них.⁴

В начале XVIII века, после изгнания турок политическое положение

консолидировалось и заселения продолжались без особых препятствий. Поселенческая картина большой венгерской равнины в то время производила своим разрушенным видом удручающее впечатление. Область, лежащая к югу от линии Калоча—Марош, была — за исключением нескольких городов — почти безлюдна, а северная часть равнины была крайне редко населена. К северу и востоку от этой территории, с приближением к гористым местностям, поселения встречались все чаще и чаще, имея все же немногочисленное население. Целые комитаты пустовали. С этой точки зрения интересным является сопоставить цифры, относящиеся к населению и местностям трех разрушенных турками комитатов с данными, взятыми из комитатов, подвергшихся не столь большому разорению.

Число населения трех разрушенных комитатов :

	в 1720 г.	в 1787 г.	в 1850 г.	в 1910 г.
комитат Бекеш	6.230	—	165.665	298.710
комитат Чанад	2.508	167.607	86.984	145.248
комитат Чонград	9.701	—	156.629	325.568

Число населения трех комитатов менее разрушенных :

комитат Шопрон	83.277	158.919	203.196	283.510
комитат Ваш	119.606	224.899	293.183	435.793
комитат Ноград	30.423	148.084	172.371	261.517

Число населенных пунктов в 1720 году было

в комитате Бекеш	13
в комитате Чанад	3
в комитате Чонград	8
в комитате Шопрон	226
в комитате Ваш	615
в комитате Ноград	247.

Территория, лежащая к югу от линии Калоча—Марош, заселялась в XVIII веке по грандиозному плану. Этот план, предусматривавший экономические цели, созданием поселков с различными народностями, способствовал выявлению поселенческих условий, сохранившихся и до наших дней. К северу от вышеупомянутой линии никакой планомерности не было, эта область заселялась без всякой особой системы. Переселение населения происходило из деревень северных частей страны, переполненных беженцами-крестьянами, которые, стремясь освободиться от феодальных уз, направились на свободные земли пустовавших областей. В конце XVIII века была заселена и эта часть большой венгерской равнины вновь образовавшимися густо населенными пунктами с обширными земельными угодьями.⁵

Как следствие этих переселений, на территории большой венгерской равнины создавались общественные и экономические условия, отстававшие во многом от условий, существовавших в остальных частях страны. В названную территорию входили большей частью районы, оснащенные различными привилегиями юридического, экономического и общественного характера. Города, обладавшие значительными угодьями и освобожденные ранее от помещичьего гнета, в XVIII веке, но во всяком случае до 1848 г., вновь откупились от крепостной зависимости.⁶

Многие местности пользовались правом откупа, вследствие чего постепенно развивался мелкобуржуазно-крестьянский строй, открывший своим феодал-капиталистическим характером для населения более широкие возможности, нежели более консервативный строй, господствующий в других частях страны. Власть помещиков на большой венгерской равнине в общем была не слишком угнетающей, так как деревни с многочисленным населе-

Рис. 1. Поселенческий вид г. Хайдубесермень в 1782 году.

нием — вследствие обилия земель и недостатка рабочей силы — могли приобрести для себя значительно больше облегчений, нежели крепостные, проживавшие в глухих местечках.⁷ Этому процессу способствовала и отсталость государственной администрации. Эти возможности и облегчения, конечно, не изменили феодальный характер общественного строя, но безусловно подготовили путь для развития капитализма.

После изгнания турок (1686—1699) сильно чувствовался избыток земель в редко заселенных пунктах большой венгерской равнины.

Обновлялись поземельные общины, которые в других областях уже находились в состоянии упадка. Земли распределялись каждые 5—7 лет

равными участками.⁸ Характер общины, количество земель и принципы распределения нигде не были одинаковы. Например, в местожительствах гайдучков поземельные общины были еще мало известны в XVII веке, зачатки их проявлялись там только около 1685—90 гг. В первой половине XVIII века они находились в полном расцвете, но в начале XIX века уже прекратилось их существование. В то же самое время началось развертывание хуторной системы.⁹ Земли были распределены по качеству участками, соответствующими числу претендентов. В поземельных общинах не проводилась система трехполья и поля были бессистемно разбросаны вокруг деревень.¹⁰ В противоположность этому, в районе г. Сегед в начале XVIII века процветали поземельные общины, обрабатывавшие свои земли в общем по системе трехполья.¹¹

Земли в комитате Чанад — после получения их — обрабатывались в течение 3—5 лет подряд, а затем засеивались новые участки.¹² Здесь не было еще постоянных земельных участков, принадлежавших определенным усадьбам, как в Трансданубии в то время. С точки зрения хуторной системы наибольшее значение имел факт, что обрабатываемые участки часто меняли свой вид и повторяющиеся распределения земель, равно как и обязательство трехполья препятствовали расселению крестьян по участкам и не допускали возведения постоянных построек.¹³

II.

Проблемы венгерских хуторов были изучены различными специалистами. Помимо исследований теоретического характера накопилось множество работ, посвященных практическим сторонам вопроса.¹⁴ Большинство авторов, исходя не из фактического положения, а из туманных соображений, придуманных в кабинетах, предложило свои планы для реформы хуторов, для преобразования той или иной детали, а иногда даже и всей системы. Вопросы здравоохранения, путей сообщения, древонасаждения, школ, мелиорации, защиты младенцев, религии, питания, кустарничества, государственной администрации, водоснабжения не раз обсуждались в этой литературе, но без всякой планомерности и без внимания к фактическому положению. В 30-ых годах нашего столетия вопрос хуторов стал злободневным, все считали себя компетентными в этом вопросе.¹⁵ Опубликованные работы не были лишены некоторой мотивировки, ибо предложенные реформы сводились в конце концов к продлению существования капитализма. Но так как основные проблемы общества и экономики не были затронуты в них, авторы, не дойдя до сущности вопроса, не могли решить поставленные им задачи. Заниматься же здесь более подробно этой литературой не входит в нашу задачу.

Основоположники сведений, относящихся к вопросам хуторов, были ученые, занимающиеся этнографией, историей, географией, социологией, администрацией государства и статистикой, которые, будучи досконально знакомы с положением, с правильной оценкой подошли к фактам. За первой солидной обработкой¹⁶ вопроса последовали дополнения с подробной разработкой деталей, авторы которых поставили себе целью верно описать эту форму поселения, условия, приведшие к ее возникновению, равно как и жизнь в них. Эти обработки имели в большинстве случаев монографический характер. Они посвящены изучению хуторов одного только пункта (деревни или города) и в этом узком кругозоре рассматривается лишь одна из сторон

проблемы (вопрос возникновения, развития, колебания численности населения, способов производства и т. п.). Но есть и работы, которые освещают общие проблемы хуторов, не по отдельным местностям, а в совокупности, Третья возможность, монографическая обработка хуторов целой области, не нашла у нас представителей.¹⁷ Самые точные сведения накопились о

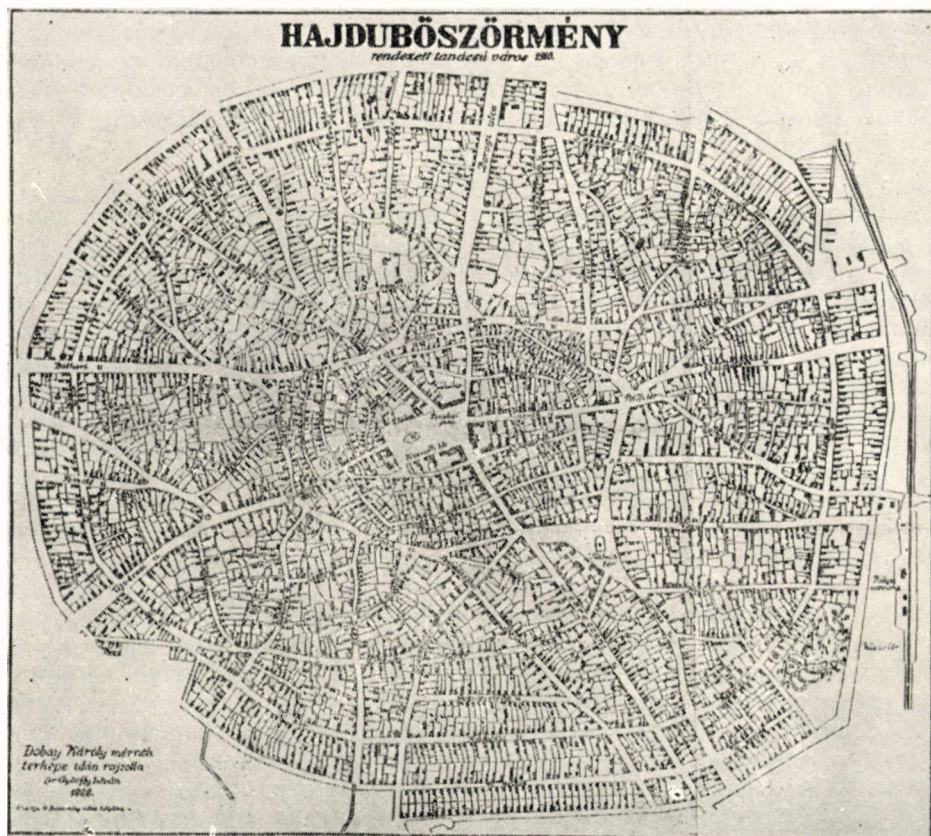

Рис. 2. Поселенческий вид г. Хайдубесермень в 1910 году.

хуторах, создавшихся в районах привилегированных городов междуречья Дунай—Тисса.¹⁸ О хуторах, находящихся на левом берегу Тиссы, мы имеем только морфологические, административные и социологические сведения, так как вопросы возникновения и развития здесь были оттеснены на задний план и развертывание соотношений крупных имений и смежных с ними хуторов осталось невыясненным.¹⁹ Из местных монографий наибольшую ценность имеют сочинения, посвященные хуторам городов Дебрецен и Ниредьхаза, равно как и хуторным поселениям яссов.²⁰ Для выяснения хуторного вопроса фундаментальное значение имеют труды покойного профессора И. Дьёрффи.²¹ Они основываются на наблюдениях, лично произведенных на территории Надькуншаг, и его выводы в немалой мере способ-

ствовали решению общих проблем хуторных поселений. Особую ценность трудам Дьёрффи придал факт, что они оплодотворяюще повлияли на исследователей, которые приблизились к вопросу хуторов, не будучи этнографами. Например, социолог Ф. Эрдеи в полной мере использовал его доводы при составлении своего синтеза.²² Обработки исторического характера, относящиеся к более обширным территориальным единицам производились только в связи с изучением средневековых корней хуторной системы.²³

Географы приняли во внимание прежде всего морфологические характеристики хуторных поселений.²⁴ Выводы из исследований, касающихся администрации хуторов,²⁵ равно как и статистические сведения, содержащие данные хуторов²⁶ до сих пор не были еще использованы в достаточной мере исследователями.

III.

„Под хуторами подразумеваются разбросанные отдельные поселки на большой венгерской равнине, которые сейчас являются активными пунктами сельско-хозяйственных работ и хозяйства, а ранее они были зимними скотными дворами. Хутор не представляет собой особенную единицу поселений, так как он вместе со всеми своими уютными причислен к какому-нибудь селу или городу“.²⁷ Это короткая и ясная, но в то же время обнимающая все детали формула Дьёрффи содержит положения фундаментального значения. Прежде всего она подчеркивает, что хутор, рассматриваемый в данное время как активный пункт сельскохозяйственного производства, образовался из зимних скотных дворов и что он является не самостоятельной формой поселения, а принадлежностью какого-нибудь села или города. По формуле видно, что хутор служит не постоянным, а только временным местожительством, так как в нем помещаются люди только на время летних сельскохозяйственных работ, а зимой он пустует. Но если хозяин и проживает в нем постоянно, на склоне лет он все же возвращается в город, считая свой хутор только местом временного пребывания.²⁸ Эрдеи приводит три признака, характерные для понятия хутора: 1. хутор является обособленным поселением или жилищем, находящимся вне черты деревни или города, 2. он служит для целей сельского хозяйства, 3. как населенный пункт имеет временный характер.²⁹ Эрдеи называет этот вид поселения дифференцированным, общий характер которого не изменяется даже в том случае, если хутор служит постоянным местом жительства для хозяина и утверждает, что в отношении хуторов нельзя говорить о рассеянии поселений, а только о дифференциации их по различным функциям.³⁰ Оба автора подчеркивают, что хутора по происхождению восходят к принципу двоякого табора кочевников. В противоположность им Мендел считает отнюдь не важным, кто живет на хуторе и каким по существу является хутор, постоянным или временным местожительством, важно лишь то, что хутор представляет собой самостоятельный вид поселения.³¹ С чисто морфологической точки зрения это не подлежит никакому сомнению.

Вопросы происхождения и развития являются самыми спорными в области исследования хуторов. В связи с вопросом о происхождении было изучено отношение хуторов к городам с т. н. «садами». Среди местностей, находящихся на большой венгерской равнине, было много таких, в которых владельцы имели по два различных землевладения. Этот вид поселения, тесно связанный с скотоводством кочевых племен, когда-то имел господствующее значение на большой венгерской равнине, но в рудиментах отме-

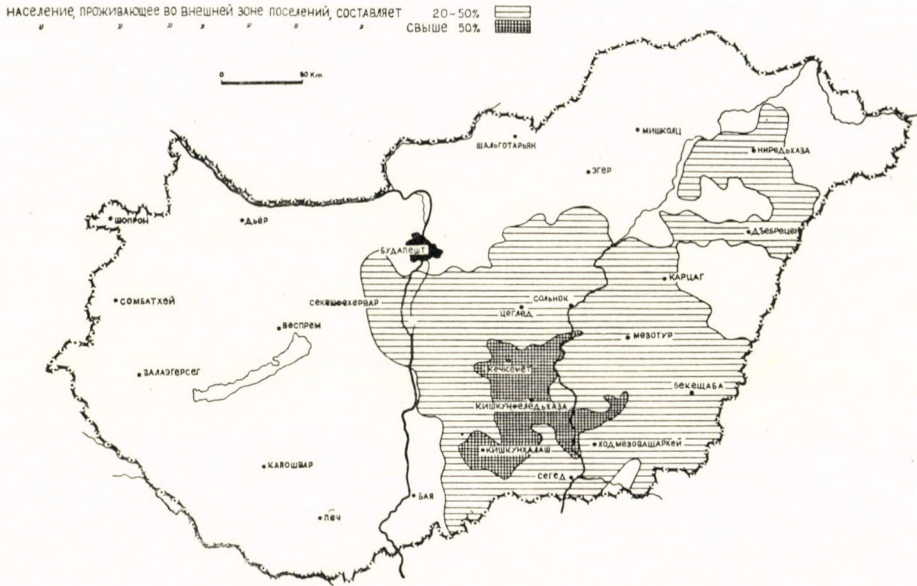

Рис. 3. Распределение населения по хуторам.

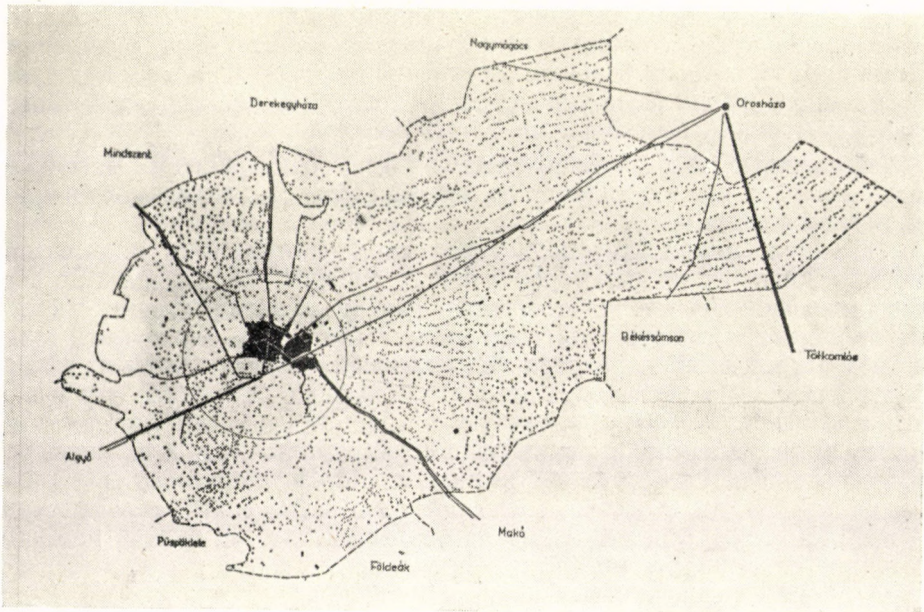

Рис. 4. Поселения во внешней зоне г. Ходмезевашархей.

чается и теперь. Его сущность наилучше проявляется из сопоставления его с зимними стоянками каракиргизов. Они состоят из двух частей: из внутренней зоны, где находятся юрты и из внешнего аула, т. е. местопребывания скота, обычно обнесенного изгородью.³² До завоевания теперешней страны венгерский народ вел — подробно каракиргизам — кочевой образ жизни и, перейдя к оседлости, сохранил привезенный с собой с Востока вид поселения там, где условия жизни разрешили это, как, например, на большой венгерской равнине. Эта форма поселения сохранилась и позже, когда первобытная юрта уступила свое место избе и дому.³³ Основную часть поселения составляли тогда уже жилдома с небольшими дворами. К каждому дому прилегало угодье, т. н. «сад», который, находясь во внешней зоне поселения, служил для зимовки скота. Вместе со скотом проживал в хлеве и один из мужчин семьи.³⁴ С развитием сельского хозяйства солома переносится в «сад», который параллельно с сокращением роли скотоводства приобретает все большее и большее значение с точки зрения сельско-хозяйственного производства. С увеличением численности населения внутренняя зона оказалась недостаточной для постройки жилдомов, вследствие чего еще в XVIII веке началось возведение построек в «садах».³⁵ По прекращении поземельных общин и образовании частных имений «сады» с хлевами переместились на окраины деревни или города, на поля, ставшие частной собственностью владельца и с тех пор стали называться хуторами.³⁶

Таким образом, форма поселения изменилась, но в сущности не произошло ничего нового, так как поселение с двумя землевладениями представляли собой то же самое, как и хутора: дифференциацию местожительства (дом в деревне или городе) и места работы («сад» с хлевом = хутор).³⁷ Иначе говоря, можно установить, что система хуторов выросла из традиций скотоводства, создавших форму поселения с отдельными «садами», превратившимися — с изменением основного принципа хозяйства — в хутора.³⁸ Можно предположить, что поселения с «садами» раньше были распространены на всей территории большой венгерской равнины, но во время турецкого ига много из них было уничтожено и только на немногих «спокойных» местах сохранились некоторые до XVIII века.³⁹

Поселения с «садами» были созданы — по общепринятому мнению не с целью обороны, как это кажется на первый взгляд, а для разведения крупного рогатого скота.⁴⁰

По линии возникновения хуторов роль скотоводства и сельского хозяйства является до некоторой степени спорной. По мнению авторов, подчеркивающих значение скотоводства, начало развития хуторной системы было положено много столетий тому назад.⁴¹ Оригинальный кочевой принцип двояких шалашей укрепился под влиянием куманов. Затем из зимних таборов развивались деревни, а летние превратились в хутора. Это совпадает с мнением Дьёрффи, провозгласившего, что венгерские хутора существовали и до появления турок, только с той разницей, что в их характере господствовали не сельскохозяйственные, а скотоводческие черты.⁴² Таким образом, хутор XIX столетия, имеющий ясно выраженный сельскохозяйственный характер, берет свое начало с средневековья и, будучи потомком тогдашних пастушеских поселений, представляет собой последовательное развитие того же самого поселенческого принципа.⁴³

Однако, с углублением исторических исследований проявлялись точки зрения, которые учитывали помимо скотоводства и другие обстоя-

Рис. 5. Специальный вид групповых хуторов («bokortanya») в окрестностях Ниредьхаза.

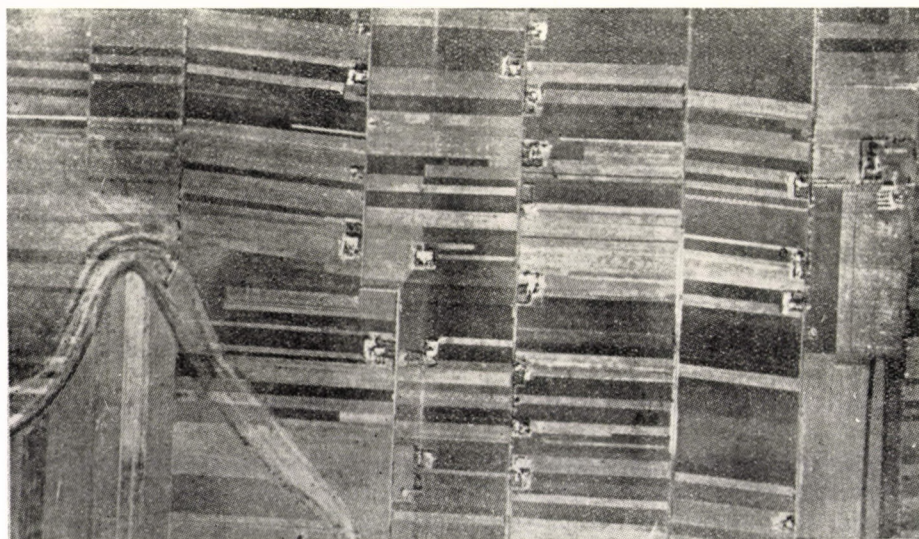

Рис. 6. Систематическое расположение хуторов на большой венгерской равнине (авиасъемка).

тельства. Историки доказали, что крепостные в средние века не имели права иметь участки, подобные хуторам.⁴⁴ При распределении земель отдельным крепостным предоставлялись всегда различные участки для обработки, но, кроме того, обрабатываемые земли изменялись и вследствие трехпольной системы полеводства. Исключения составляли только нови — но их было сравнительно мало на интересующей нас территории — и виноградники, на которые крепостные имели более обоснованные права.⁴⁵ Таким образом, в таких местностях, в которых проживали крепостные и находились крупные имения, равно как и в местах, где практиковалось трехполье, хуторной системы не было.⁴⁶ Кроме того, в слободах, жители которых имели различные привилегии и не были подчинены помещикам, а помещичьи правами над ними пользовался близлежащий город, или если и были раньше крепостными, то откупились от крепостных повинностей до 1848 г., тоже не могла возникнуть система хуторов ранее XVIII века. В районе Кечкемет, где жители города свободно торговали земельными собственностями и не знали никаких принудительных полеводческих распоряжений, значит, образованию хуторов ничего не препятствовало, до названного периода тоже не могла укорениться система хуторов.⁴⁷ Здесь, равно как и в других местах были приняты меры, строго запрещающие хозяевам переселение в «сады», находящиеся во внешней зоне города. Эти запреты мотивировались интересами общественной безопасности. Власти боялись, что постройки при внешних угодьях представляют удобное убежище для нежелательных и ненадежных элементов, воров и т. д., а хуторянам легче уклоняться от выполнения своих повинностей, так как контроль их несколько затруднялся. Последнее обстоятельство оказалось повидимому более веским, нежели первое, ибо переселение батраков во внешние зоны не наткнулись ни на какие препятствия.⁴⁸ Как видно из этого, помимо юридических и полеводческих обстоятельств на форму поселения могут повлиять и государственно-административные мероприятия. Но запреты властей все же не могли парализовать действия экономических сил. Города, находящиеся на большой венгерской равнине, урегулировали условия жизни на хуторах, всячески стараясь затруднять положение хуторян. Но для бедных жителей, стремящихся переселиться в город и вместе с тем попасть в более свободные условия жизни развивающегося капитализма, хутор оказался важным промежуточным этапом, где можно было вести незаметную, уединенную жизнь. Запреты, кажется, имели также и целью препятствовать просачиванию нежелательных элементов в город, чтобы пропорциональное отношение привилегированных сословий в угоду аграрно-пролетарного населения не изменилось. Эти запреты были действительны от середины XVIII века вплоть до второй половины XIX века.

Но можно наблюдать и другого рода процессы при возникновении хуторной системы. Одна часть земель внешней зоны г. Дебрецен еще в 1774 году перешла в частное владение, но сельско-хозяйственные хутора образовались уже и раньше, несмотря на то, что перемены, происшедшие в земельных собственностях, оказывали вообще тормозящее влияние на образование хуторов. Так как на этих участках тоже встречаются хутора, можно предполагать, что они имели не особенно ценные постройки, а представляли собой лишь примитивные конструкции.⁴⁹ Но это свидетельствует и о том, что перемены, происшедшие в отношении средств и способов производства, имели решающее значение в возникновении хуторов. Переход с скотоводства

Рис. 7. Рассеянные хутора (авиасъемка).

Рис. 8. Хуторные постройки в комитате Сольнок.

на земледелие вызвал создание хуторов и способствовал соответствующему изменению юридического положения. С проникновением новых мероприятий в жизнь препятствия устранились и темпы развития ускорились.⁵⁰

Но неправильно было бы утверждать, что все хутора до XVIII века служили только целям скотоводства. Был довольно долгий промежуточный период, когда обе функции существовали совместно. «Сады» в районе Надькереш были летним местожительством для земледельцев еще до турецкого ига, и остались зимними скотными дворами и в то время, как земледелие уже достаточно прогрессировало. Но как местожительство они приобрели постоянный характер только с середины XVIII века.⁵¹

Как ни различны были мнения о возникновении и развитии хуторов, факт, что этот процесс вылился в определенную форму только в прошлом столетии, не подлежит сомнению. Хутора существовали и раньше, но говорить о хуторных поселениях, о хуторной системе является еще преждевременным. Лишь в XIX веке начинаются постройки хуторов в более крупном масштабе, а «система» в данном случае оправдывается только наличием определенного количества. Как иллюстрацию к этому приводим здесь цифровые данные, относящиеся к численности населения г. Кечкемет.

	Численность населения города	В том числе жители внешней зоны
в 1784 году	22.626	1.308
» 1840 »	37.081	1.518
» 1890 »	49.693	17.414
» 1910 »	67.306	33.173
» 1920 »	73.109	37.532
» 1930 »	79.467	44.679

Из неполных данных периодических переписей, относящихся к городу Дебрецен, вырисовывается та же самая картина. В 1833 году число лиц, проживавших там на хуторах, составляло 797, в 1838 же году — 3000, а повышение, во второй половине века шло уже скачками.⁵³ По данным переписи в г. Ясберень в 1785 году было 1659 домов, но только 22 из них находились во внешней зоне. В 1933 году из населения города, составлявшего 30.101 человека, уже 10.429 проживали за чертой города.⁵⁴ Надо заметить, что вышеприведенные сведения исходят из привилегированных территорий, не знавших крепостных повинностей, поэтому образование хуторной системы там началось раньше, нежели в деревнях, где население было закрепощено.

Во второй половине XIX века земледелие приобрело первенствующее значение в Венгрии и это дало могучий толчок к развитию хуторов. Количественные перемены именно в это время стали качественными. Хутора, бывшие до тех пор только временным местожительством для населения, все больше и больше становились постоянными местами жительства. До середины названного столетия на хуторах проживали преимущественно батраки, а хозяева оставались в городах.⁵⁵ Но местами в этом отношении замечались различия. В области Надькуншаг — судя по данным 1909 года — семьи хуторян на время уборки урожая переселялись на хутор со всем живым инвентарем, а осенью возвращались обратно, сперва женщины, а по окончании уборки кукурузы и мужчины.⁵⁶ В районе г. Кечкемет хутора в

это время были уже постоянными местожительствами.⁵⁷ В районе Бекеш хозяева постоянно проживали на хуторах, но каждый из них оставлял для себя собственную или же наемную комнату в городе, чтобы иметь пристанище в дни посещения церкви.⁵⁸ Это было уже типично переходное явление, за которым следовала заключительная фаза, с отсутствием воскресного пристанища в городе, когда хуторяне только в экстренных случаях, как то свадьбы, родов, болезни, похорон, посещая город, останавливались у родственников.⁵⁹

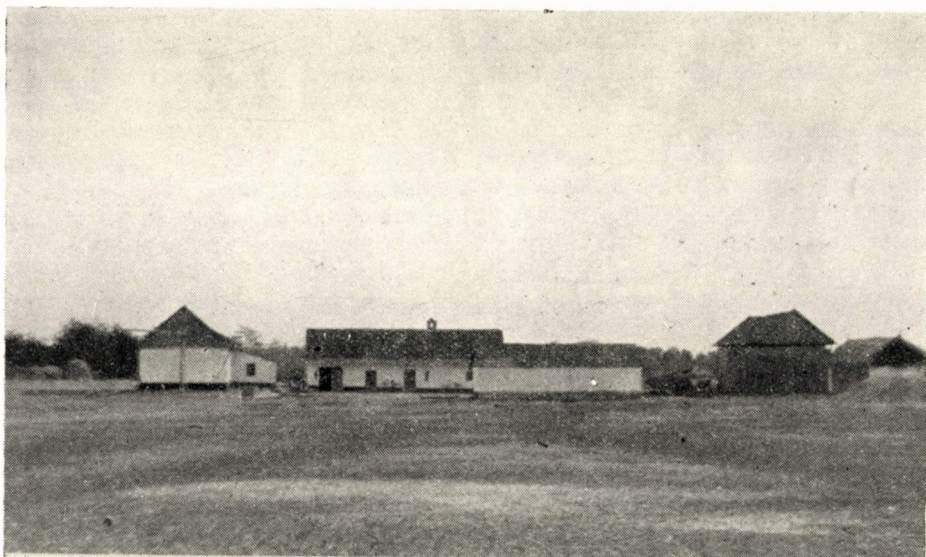

Рис. 9. Хуторные постройки в комитате Бекеш.

Но все это свидетельствует об ослаблении связи между городом или деревней с одной стороны и хутором с другой, которое привело к прекращению значения хутора как дополнительного поселения. Поэтому географы считают хутора спорадическими поселениями, в которых местожительство соединяется с местом работы и которые, как отдельные поселенческие пункты, являются независимыми между собой. Они создавались в процессе разложения громадных деревень, стихийно образовавшихся во время турецкого ига.⁶⁰ Но социологи видят в хуторах своеобразные поселения дополнительного характера, которые представляют собой неоднородные единицы, подобно городам или деревням, а лишь частицы их, состоящие из разнородных элементов.⁶¹

Географы различают разные формы хуторных поселений, а именно: разбросанные, групповые и придорожно-групповые хутора.⁶² Среди групповых хуторов существует еще и особый тип (*bokortanya*), встречающийся только возле Ниредьхаза.⁶³

Венгерская этнографическая литература посвятила свое внимание не только поселенческим вопросам хуторов, но и всему, относящемуся к их миру. Особенно приковали к себе внимание типичные хуторные постройки.

Они сохранили — по мнению специалистов — свой первоначальный примитивный зодческий стиль более, нежели деревенские или городские. Так, например, отопливаемые хлева, находящиеся в области Надькуншаг, являются памятниками эпохи, когда очаги еще занимали центральное место в зданиях.⁶⁴ Помимо архитектуры изучались и другие стороны вопроса, интересующие этнографию, содержащие специальные хуторные вариации материальной культуры и фольклора.⁶⁵

IV.

При переходе к критике литературы о хуторах, прежде всего бросается в глаза почти полное отсутствие изучения зарубежных параллелей. Это является весьма ощутительным недостатком, так как сопоставление с параллельными иностранными явлениями наверно осветило бы много неясных проблем. Этот недостаток был естественным последствием стремления к изоляции, столь характерного для венгерской науки между двумя мировыми войнами. Вследствие названного стремления, относящегося в первую очередь к соседним народам, исследователи преминули обследовать именно те территории, на которых общественно-экономические условия образования хуторов были идентичны с венгерскими в XIX веке: они не подвергли изучению положение ни на равнинах Румынии, ни на низменностях Польши, ни в европейских областях СССР.⁶⁶ Правда, венгерские хутора имеют уже по происхождению совершенно другой характер, нежели подобные обособленные и спорадические поселения северной Европы⁶⁷, но сопоставление их с заграничными аналогиями все же пополнило бы сведения, относящиеся к их особенностям. Иностранные ученые тоже проявляли большой интерес к вопросу⁶⁸, но сравнительное изучение его все же не было произведено вследствие шовинизма некоторых венгерских ученых, которые с пренебрежением относились к научным достижениям соседних народов.

Некоторое стремление к изоляции отмечалось и в другом направлении. Ученые, пренебрегая достижениями смежных дисциплин, взаимно не принимали во внимание свои утверждения.⁶⁹ Историки, географы, этнографы, социологи, равно как и теоретики государственной администрации в большинстве случаев учитывали только свои собственные точки зрения и поэтому их кругозор в немалой мере сузился. Этот упрек не относится к трудам, в которых постановка темы требовала применения лишь единственной точки зрения. В то же время он не может относиться и к трудам, открывшим широкие перспективы.⁷⁰

В литературе вообще господствовал статический подход к вопросу. Этот недостаток замечается даже у таких авторов, как Эрдеи и Дьёрффи, которые оказались впрочем наиболее склонными рассматривать дела в их диалектическом движении. Оба они правильно оценили развитие хуторов, но, дойдя до известного пункта, остановились и не заметили, что количество перешло в качество и получившееся явление уже приняло совершенно другой характер. На различные периоды, отмечаемые в развитии хуторов, впервые указал Эрдеи.⁷¹ Для других авторов диалектика была более или менее недоступна.

В работах не выясняются ни ход развития, ни отношение хуторов к экономическому основанию. Не только роль скотоводства является слишком выдвинутой на первый план,⁷² но и при правильной оценке значения

земледелия не обсуждается много важных вопросов. Исследователи часто игнорировали освещение юридических отношений хуторных имений, роли земельных общин, влияния трехполья, ликвидации чересполосицы и значения качества земли.⁷³ Намеки часто встречаются на эти вопросы, но они в большинстве случаев неудовлетворительны и иногда вводят читателя даже в заблуждение. Интересно было бы узнать и общественные условия заселения хуторов, обращая внимание при этом на роль хозяев и батраков⁷⁴, но число этих данных еще очень невелико. В некоторых случаях обычные методы этнографии не в состоянии довести нас до удовлетворительных результатов. Поэтому сильно чувствуется необходимость хуторных раскопок, которые бесспорно дополнили бы наши познания относительно хуторов XVIII века.⁷⁵

Хуторные центры, создавшиеся в последнее время, характеризуют новейшую фазу развития хуторов. Они являются продуктами отчасти естественного процесса, отчасти же искусственного образования. Далеко от города или деревни, на местах, лежащих близ хороших путей сообщения, создаются магазины, трактиры, устраиваются дома управления, школы, церкви. Дома вокруг центра с течением времени множатся и поселению присваивается название когда-то бывшего на том месте села, разоренного во время турецкого ига. Деревни, находящиеся в окрестностях г. Калоча, образовались подобным путем, но аналогичные примеры встречаются и на берегах р. Тиссы в южных частях страны.⁷⁶

Освобождение страны от фашистского режима вызвало совершенно новую ситуацию и в отношении хуторов. Вследствие аграрной реформы крупные земельные имения были разделены, благодаря чему исчезло главное препятствие образованию хуторов. От 1945 до 1948 г. было создано множество хуторов немущими до тех пор батраками и бедными мужиками, получившими участки из экспроприированных земель. Этот процесс — последствия которого не все были благоприятны для страны — приостановился в 1948 году и правительство — спустя год — приняло меры для медленного сокращения числа хуторов. Планомерное распределение мест поселений и хуторных центров, равно как и создание производственных земледельческих кооперативов дали дальнейший толчок в этом направлении и способствовали решению экономических и культурных проблем, которые были неразрешаемыми для феодалкапиталистического строя при слишком рассеянных пунктах поселений. Таким образом, начался новый период в истории хуторов, период регресса, изучение которого составляет актуальную задачу исследователей, занимающихся поселенческими проблемами.

¹ *Fél Edit*: „A népkutatás kultúrföldrajzi feladatai a pannóniai térben“ (Культурно-географические задачи этнологии в паннонийской области): *Népr. Ért.* (Этногр. Изв.) 1939, 66.

² *Molnár Erik*: A magyar társadalom története az őskortól az Árpádokig (= История венгерского общества с доисторического периода до эпохи Арпадов) 1949, 86—87.

³ Подробная картина по этому вопросу набросана в труде *Csánki D.*: Magyarország történeti földrajza a Hunyadiak korában (= Историческая география Венгрии в эпоху Гуньядицины) I—III, 1890—1913.

⁴ Демографические условия Венгрии в XVI—XVII. веках еще мало известны. Из относящейся литературы приводим здесь следующие работы общего характера: *Szabó István*: A magyarság életrajza (= Биография венгерского народа); от того же самого автора: *Ungarisches Volk*. Budapest—Leipzig, 1944; *Kalmár Gusztáv*: A török uralom hatása a Dunántúl népességére (= Влияние турецкого ига на население Трансданубии): »Föld

és Ember» (= «Мир и Человек») 1929, 49—64; *Szamota István*: Régi utazások Magyarországon és a Balkán félszigeten (= Древние путешествия по Венгрии и по Балканскому полуострову) Budapest, 1891, 559. Монографии: *Szabó István*: Ugocsa megye (= Комитат Угоча) Budapest, 1937, 615; *Győrffy István*: A hajdúk eredete (= Происхождение гайдуков) Hajdúnánás, 1938, 24; *Pataki József*: Adatok a Sárköz népességének történetéhez (= Материалы к истории населения района Шаркез) Pécs, 1937; *Mezősi Károly*: Bihar vármegye a török uralom megszűnése idején (= Комитат Бихар во время прекращения турецкого ига) Budapest, 1943, 370; *Karácsonyi János*: Békés vármegye története (= История комитата Бекеш) I—III; *Takács Sándor*: Telepítések Esztergom vidékén a XVI. század végén (= Заселения в районе Эстергом под конец XVI века): «Századok» (= «Столетия») 1903; *Taba István*: Baranya megye népessége a XVII. század végén (= Население комитата Баранья в конце XVII века) Pécs, 1941. Относительно г. Дебрецена см. работы Л. Золтаи: *Települések... Debrecen város... területén a XI—XV században* (= Поселения на территории г. Дебрецена в XI—XV столетиях) Debrecen, 1925, 70; *Ismeretlen részletek Debrecen multjából* (= Неизвестные эпизоды из прошлого г. Дебрецена) Debrecen-1936, 230; *Vidékiek beköltözése Debrecenbe 1564—1640 között* (= Иммиграция провинциального населения в г. Дебрецен от 1564 до 1640 г.) Debrecen, 1902.

⁵ Относительно этого заселения см. ук. соч. Сабо и Секфю, равно как и следующие сочинения: *Acsádi Ignác*: Magyarország népessége a Pragmatica Sanctio korában (= Народы Венгрии во время Pragmatica Sanctio): *Magy. Statisztikai Közl.* (= Венг. Статистические Ведомости) XII (1896); *Domanovszky Sándor*: Magyar Művelődéstörténet (= История венгерской культуры) III—IV; *Kovács Alajos*: Magyarország népességének fejlődése a török uralom megszűnté óta (= Развитие населения Венгрии после турецкого ига). Интересные сведения имеются и в брошюре *Fodor Ferenc*: A jázság demográfiája a XVII. században (= Демографические данные, относящиеся к племени яссов в XVII веке) Budapest, 1934, в которой приводится доказательство, что преобладающая часть (54,9%) населения ясских сел в 1699 году состояла из беженцев, прибывших из смежных северных комитатов. См. еще *Thirring Gusztáv*: Magyarország népessége II. József korában (= Население Венгрии во время Иосифа II) Budapest 1938, 192.

⁶ В этом отношении характерным является случай с населением местностей Миндсент и Альдьё. Названные села заселялись крепостными, прибывшими из разных мест страны. Они долгое время не были подвластны помещикам, но в 1733 году — по смыслу декрета короля — земли, находящиеся под названными селами, перешли во владение фамилии Эрдеди и вместе с ними и крестьяне, населявшие их, подпали опять под власть нового владельца земель. См. *Reizner János*: A mindszent-algyői uradalom történetéből (= Из истории имения в Миндсент-Альдьё): *Magyar Gazdaságtörténeli Szemle* (= Венгерское Экономикоисторическое Ревю) 1895, 326.

⁷ Вновь образовавшиеся деревни стали жилищами крепостных, работавших по контракту. Повинности, фиксированные в контрактах, были не столь тяжки, как нерегулированные, а возможности злоупотребления властью были почти исключены. См. *Szabó István*: *Tanulmányok a magyar parasztság történetéből* (= Этюды по истории венгерского крестьянства) Budapest, 1948, 344.

⁸ *Tagányi Károly*: A földközösség története Magyarországon (= История поземельных общин в Венгрии): *Magy. Gazdaságtört. Szemle* (= Венг. Эк.-истор. Ревю) 1894, 205—206.

⁹ *Császár Edit*: A hajdúság kialakulása és fejlődése (= Происхождение и развитие гайдуков) Debrecen, 1932, 39.

¹⁰ *Tagányi*: ук. соч. там же.

¹¹ *Reizner János*: Szeged mezőgazdasági története (= История сельского хозяйства в районе г. Сегед): *Magy. Gazdaságtörténeli Szemle* (= Венг. Эк.-историч. Ревю) 1900, 55.

¹² *Tagányi* ук. соч. 209.

¹³ Ясские поселения после откупа — по мнению Фодор — были поддержаны поземельными общинами, а хуторная система развивалась только по прекращению общин. См. работу названного автора: *A jázság* (= Яссы) Budapest, 1942, 340.

¹⁴ Из надлежащей литературы приводим только сочинения, содержащие ценные сведения относительно венгерских хуторов: *Czettler Jenő*: Tanyai település és tanyai központok (= Поселения хуторной системы и хуторные центры) Budapest, 1913; *Czettler Jenő*: Tanyai kérdés (= Вопрос хуторов): *Magyar Gazdák Szemléje* (= Ревю Венг. Хозяев) 1921; *Kaán Károly*: Az Alföld (= Великая Венгерская равнина) Budapest, 1925; *Kaán Károly*: A magyar alföld (= Венгерская равнина) Budapest, 1927; *Gesztelyi Nagy László*: Az Alföld (= Великая венгерская равнина) Kecskemét, 1927; *Kaán Károly*: Az Alföld

problémái (= Проблемы великой венгерской равнины) Pécs, 1929; *Gesztelyi Nagy László*: A tanyavilág élete (= Жизнь хуторов) I—II. Kecskemét, 1930; *Csergő Károly*: Az Alföld problémái (= Проблемы великой венгерской равнины) Szentés, 1931.

¹⁵ В этом отношении характерным является сочинение «великой княгини» ЭТЕЛЬКИ, написанное о мире венгерских хуторов. В предисловии автор искренно признается, что он не имел возможности заняться изучением этого вопроса на месте.

¹⁶ *Simkó Gyula*: Nyíregyháza és tanyáinak települése (= Г. Ниредьхаза и хутора в его окрестностях): Földrajzi Közlemények (= Географические Известия) 1910. Отдельно: Kolozsvár, 1909, 78.

¹⁷ Труд *Györfly I.*: A nagykún tanya (= Великокуманский хутор): Néprajzi Értesítő (= Этногр. Изв.) 1910, 129—148 не представляет собой исключения, так как он посвящен в сущности только хуторам одной местности, Карпага.

¹⁸ См. *Szabó Kálmán*: Kecskeméti tanyák (= Хутора в окрестностях г. Кечкемет) Kecskemét, (1936), 55; *Papp László*: A kecskeméti tanyatelepülés kialakulása (= Возникновение хуторов в окрестностях г. Кечкемет) Szeged, 1936, 89—127; *Papp László*: A kiskunhalasi tanyatelepülés kialakulása (= Возникновение хуторных поселений в окрестностях г. Кишкунхалаш): Népr. Ért. (= Этногр. Изв.) 1940; *Márkus István*: Kertek és tanyák Nagykőrösön a XVII—XVIII. században (= Сады и хутора в Надькереш в XVII и XVIII веках) Kecskemét, 1943, *Krudy Mária*: A szegedi tanyarendszer kialakulása (= Возникновение хуторной системы в окрестностях г. Сегед) Budapest, 1931, 26; *Thirring Lajos*: Kecskemét, mint tanya-város (= Кечкемет как город хуторов): Magy. Stat. Szemle (= Венг. Стат. Вед.) 1935, 394—419.

¹⁹ Работы, сами по себе ценные, только мимоходом касаются вопроса возникновения. Из них можно привести следующие: *Mendöl Tibor*: Néhány szó az alföldi város kérdéséhez (= Несколько слов о возникновении городов на большой венгерской равнине): Földrajzi Közlemények (= Географ. Изв.) 1939; *Mendöl Tibor*: Alföldi városaink morfológiája (= Морфология наших городов на большой венгерской равнине) Debrecen, 1936, 44; *Mendöl Tibor*: Szarvas földrajza (= География г. Сарваш) Debrecen, 1928, 70; *Erdei Ferenc*: A makói tanyarendszer (= Хуторная система в Мако): «Népünk és Nyelvünk» (= «Наш Народ и Язык») 1932; *Kiss István*: Csongrád megyei város közigazgatása (= Администрация г. Чонград) Budapest, 1935.

²⁰ См. *Szabó István*: A debreceni tanyarendszer kialakulása (= Возникновение хуторной системы в окрестностях г. Дебрецен): «Föld és Ember» (= «Мир и Человек») 1929. Одна из самых ценных обработок данного вопроса в венгерской литературе. *Balogh István*: A debreceni tanya (= Дебреценский хутор) Debrecen, 1937, 16; *Simkó Gyula*: Nyíregyháza és tanyáinak települése (= Заселение г. Ниредьхаза и его хуторов) Kolozsvár, 1909; *Márkus Mihály*: A bokortanyák népe (= Народ групповых хуторов) Budapest, 1943; *Fodor Ferenc*: A Jászság (= Земля яссов) Budapest, 1942; *Fodor Ferenc*: A tanyarendszer kialakulása a Jászságban (= Возникновение хуторной системы на территории, населенной яссами): Magyar Gazdák Szemléje (= Ревю Венгерских Сельских Хозяев) 1937.

²¹ Magyar tanya (= Венгерский хутор): Földr. Közlemények (= Геогр. Изв.) 1937; La fattorie solitarie dell Ungheria, там же. A kertés városokról. Az alföldi kertés városok (= Города с «садами» на большой венгерской равнине): Népr. Értesítő (= Этногр. Изв.) 1926, 105—136; Hajdúböszörmény települése (= Заселение г. Хайдубесермень) «Föld és Ember» (= «Мир и Человек») 1926. Die grosskunitische Tanya: Anzeiger der Etnographischen Abteilung des Ung. Nationalmuseums, 1910; Az alföldi tanyák (= Хутора на большой венгерской равнине): «Föld és Ember» (= «Мир и Человек») 1923; *La Tanya*: Nouvelle Revue de Hongrie, 1933.

²² Magyar tanyák (= Венгерские хутора) Budapest, 1943, 200.

²³ *Belényesi Márta*: Adatok a tanyakialakulás kérdéséhez (= К вопросу возникновения хуторов) Budapest, 1948, Работа содержит много новых и поучительных данных.

²⁴ См. *Mendöl* ук. соч., далее *Mendöl*: Stadt im Karpatenbecken: Földr. Közl. (= Геогр. Изв.) 1943; *Prinz Gyula*: Magyarország településformái (= Формы поселения в Венгрии) Budapest, 1922; *Prinz*: Die Siedlungsformen Ungarns: Ung. Jahrbücher 1924; *R. Rungaltidier*: Kecskemét, Landschaft und Wirtschaft im Mittelpunkt der ung. Flugsandkultur: Mitteilungen der Geogr. Ges. Wien, 1931. Kurt Trcibet: Wirtschaftsgeographie des ungarischen Grossen Alfölds. Kiel. 1934.

²⁵ *Alsó-Benisch-Mártonffy*: A tanyái közigazgatás rendezése (= Упорядочение администрации хуторов) Budapest, 1937; *Kiss István*: Adalék a magyar tanyakérdéshez

(= К вопросу венгерских хуторов) Csongrád, 1929; *Kiss István*: A magyar tanyai közigazgatás (= Администрация венгерских хуторов) Budapest, 1932; *Alsó László*: Tanya-községek rendezése (= Преобразование хуторных сел): «Magyar Közigazgatás» (= Журнал Венг. Гос. Адм.) 1926.

²⁶ В этом отношении можно указать на статьи Л. Тирринга: A tanyák, puszták és egyéb külterületi lakott helyek népessége 1930-ban (= Численность населения хуторов и подобных же внешних местожительств в 1930 году): *Magy. Statisztikai Szemle* (= Венг. Статист. Вед.) 1932, 1044 — 62; Alföldi városaink bel- és külterületi lélekszámának alakulása (= Численность населения в городских районах и окраинах городов на большой венгерской равнине): *Magyar Statisztikai Szemle* (= Венг. Статист. Вед.) 1933, 852—856; Községeink terület, lélekszám, népsűrűség és a külterületi lakosság hányadosa szerint (= Наши села по обширности территории, численности и густоте населения и квоциенту жителей, проживающих вне черты сел): *Magyar Stat. Szemle* (= Венг. Статист. Вед.) 1935, 265—278.

²⁷ См. вышеприведенную статью Дьёрффи: *Földrajzi Közl.* (= Геогрф. Изв.) 1937. 70.

²⁸ Там же стр. 71.

²⁹ Эрден ук. соч. 15.

³⁰ Там же стр. 79.

³¹ *Mendöl Tibor*: Néhány szó az alföldi város kérdéséhez (= Несколько слов о вопросе городов на венгерской равнине): *Föld. Közl.* (= Географические Известия) 1939. (оттиск) 7.

³² *Győrffy István*: Magyar tanya (= Венгерский хутор) 78.

³³ Там же стр. 79.

³⁴ *Győrffy István*: Az alföldi kertes városok (= Города с т. н. «садами» на большой венгерской равнине) 172. *Vargha László*: Tilalmasi tanyák népi építkezése (= Народные постройки хуторов в районе Тилальмаш) Budapest, 1940.

³⁵ *Győrffy István*: Hajdúböszörmény települése (= Заселение г. Хайдубесермень) 205.

³⁶ *Győrffy István*: Takarás és nyomtatás az Alföldön (= Уборка и молотья лошадьми на венг. равнине): *Népr. Ért.* (= Этнограф. Изв.) 1928, 11.

³⁷ *Erdei Ferenc*: Magyar tanyák (= Венгерские хутора) 32—3.

³⁸ *Győrffy István*: Magyar tanya (= Венгерский хутор) 92.

³⁹ Там же стр. 79.

⁴⁰ Ук. соч. Маркуша стр. 124.

⁴¹ *Szabó Kálmán*: Kecskeméti tanyák (= Хутора в районе г. Кечкемет) Kecskemét 1936, 47.

⁴² A nagykún tanya (= Великокуманский хутор): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1910, 131.

⁴³ Вообще этнографы были склонны согласиться с этим мнением. См. *Ecsedi István*: A pomád pásztorhelyek a Hortobágy pusztán (= Временные места пребывания пастухов кочевников в пустоше Хортобады): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1913, 211—218.

⁴⁴ *Szabó István*: A hanyatló jobbágyság a középkor végén (= Упадок крепостничества в конце средневековья): «Századok» (= «Столетия») 1938.

⁴⁵ *Szabó István*: A jobbágy birtoklása az örökös jobbágyság korában (= Право на землю крестьян во время крепостничества) Budapest, 1944, 19.

⁴⁶ *Győrffy István*: Takarás és nyomtatás az Alföldön (= Уборка и молотья лошадьми на венгерской равнине): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1928, 11.

⁴⁷ *Papp László*: A kecskeméti tanyatelepülés kialakulása (= Образование хуторных поселений в районе Кечкемет) 92, 94, 123.

⁴⁸ *Papp László*: A kiskunhalasi tanyatelepülés kialakulása (= Возникновение хуторных поселений в Кижкунхалаш): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1940, 285—310.

⁴⁹ *Szabó István*: A debreceni tanyarendszer kialakulása (= Возникновение хуторной системы в г. Дебрецен): «Föld és Ember» (= «Мир и Человек») 1929, 223.

⁵⁰ Поэтому утверждение Велényесу (ук. соч. 67), будто изменения поселений привели к изменению экономических условий, не соответствует истине. В действительности же произошло противоположное.

⁵¹ *Márkus* ук. соч. 125.

⁵² *Thirring Lajos*: Kecskemét mint tanyaváros (= Кечкемет как город хуторов): *Magy. Stat Szemle* (= венг. Стат. Ведомости) 1935, 399—403. Надо отметить, что понятие «внешняя зона» не идентично с понятием «хутор». Во внешней зоне проживают и люди, не входящие в состав населения хуторов. Тем не менее приведенные данные показательны для характеристики в общих чертах положения.

⁵³ *Szabó István*: A debreceni tanyarendszer kialakulása (= Возникновение хуторной системы в г. Дебрецен) 242—43.

⁵⁴ *Thirring Gusztáv*: Jászberény népessége és társadalmi viszonyai II. József korában (= Численность населения и общественные условия в г. Ясберень во время царствования Иосифа II): *Magy. Stat. Szemle* (= Венг. Статист. Ведомости) 1935, 3. См. еще *Fodor Ferenc*: II. József-féle népszámlálás eredményei a Jászságban (= Данные по переписи, произведенной по приказу Иосифа II в ясских областях): там же 1934, 907—916.

⁵⁵ *Márkus Mihály*: A nyíregyházi taliga (= Ниредьхазская тачка): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1938, 215. — Из описаний невозможно определить роль отдельных классов. Очень интересно было бы знать, когда именно переселились на хутор различные слои крестьянства, но — к сожалению — этот вопрос не разбирается в надлежащей литературе. Сведения, встречаемые порой у некоторых авторов, скорее затушевывают, нежели освещают положение.

⁵⁶ *Győrffy István*: A Nagykúnság és környékének népies építkezése (= Народные постройки в области Надкуншаг и ее окрестностях): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1909, 78.

⁵⁷ *Kéler Gyula*: Kecskemét pusztáinak néprajzához (= К этнографии пустошей возле Кечкемета): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1900, 79.

⁵⁸ *Banner János*: A békési magyarság népi építkezése (= Народные постройки венгров из Бекеша): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1911, 130.

⁵⁹ *Erdei Ferenc*: Egy parasztváros társadalmi szerkezete (= Общественный строй крестьянского города): «Népünk és Nyelvünk» (= «Наш народ и язык») 1934, 96.

⁶⁰ *Mendöl Tibor*: Az új település rendje (= Порядок образования новых поселений): *Magyar Művelődéstörténet* (= История Венгерской Культуры) IV, 180.

⁶¹ *Erdei Ferenc*: *Magyar tanya* (= Венгерский хутор) 37.

⁶² *Alsó-Benisch-Mártonffy* ук. соч. 86.

⁶³ *Márkus Mihály* ук. соч. 110; *Simkó* ук. соч.

⁶⁴ *Bartucz Lajos*: Adatok a nagy magyar Alföld népi építkezéséhez (= К народной архитектуре большой венгерской равнины): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1910, 32—55; *Bierbauer Virgil*: Adatok a magyar tanyavilág építészetéhez (= К архитектуре венгерских хуторов): *Magyar Mérnök és Építész Egylet Közlönye* (= Журнал Общества Инженеров и Архитекторов) 1938, 333—338, 350—356; *Erdei Ferenc*: A makói városi és tanyai parasztház (= Городские или хуторные крестьянские дома в районе г. Мако): «Tér és Forma» (= Пространство и форма) 1937, 174—6; *Győrffy István*: A Nagykúnság és környékének népies építkezése (= Крестьянские постройки в области Надкуншаг и ее окрестностях): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1908, 1—18, 153—166; 1909, 30—40; 65—78; *Győrffy István*: A nagykún tanya (= Великокуманский хутор): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1910, 129—148; *Miskolczy László-Vargha László*: A Nagykúnság vidék népének építésze (= Народное зодчество в области Надкуншаг) Budapest, 1943, VLVII. 138; *Vargha László*: A tilalmi tanya építkezése. Adatok a Nagykúnság népi építkezéséhez (= Хуторные постройки в районе Тилальмаш. К вопросу народных построек в Надкуншаг) Budapest, 1940, 66; *Cs. Sebestyén Károly*: Szegedi napsugárdíszes házvégek (= Дома в г. Сегед, украшенные узорами, изображающими луги солнца): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1904, 268—276.

⁶⁵ *Benkő László*: Szeged Felsőtanya népe (= Народ одного хутора в окрестностях г. Сегед): *Etnográfia* (= Этнография) 1939, 347—358; *Kéler Gyula*: Kecskemét pusztáinak néprajzához (= К этнографии пустошей г. Кечкемет): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1900, 74—77; *Tömörkény István*: A tanyai világból (= Из мира хуторов): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1904, 253—265, 309—315; *Tömörkény István*: Temetések rendje a szegedi határban (= Похороны в окрестностях г. Сегед): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1905, 169—179; *Tömörkény István*: Tanyai orvosok (= Лекарства хуторян): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1907, 238—245; *Gunda Béla*: Kenyérsütés Orosháza környékén (= Печенье хлеба в окрестностях Орошхаза): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1932 2. 102—11; *Márkus Mihály*: ук соч.; *Novák József Lajos*: Homokmégy népi művészete (= Народное искусство с. Хомокмедь): *Népr. Ért.* (= Этногр. Изв.) 1909, 153—166.

⁶⁶ Результаты польских исследований по поселениям были известны в Венгрии, но они не вызвали особого отклика несмотря на то, что Труд Заборского (O kszaltach

Polisce i ich rozmieszczeniek, Kraków, 1927) был доступен и в немецком переводе Über Dorfformen in Polen und ihre Verbreitung. Breslau, 1930).

⁶⁷ *Bán Aladár*: Falvak, épületek és temetők Karjala végvidékein (= Деревни, постройки и кладбища в окраинах Карелии): Népr. Ért. (= Этногр. Изв.) 1906, 69—74, 138—151, 263—275.

⁶⁸ Об этом свидетельствуют работа голландского ученого Den Hollander (Nederzettingvormen en problemen in de groote Hongarsche Laagvlakte Amsterdam 1947, 187 содержащая рассматривает венгерских исследований с специально голландской точки зрения равно как и труд немецкого историка К. Шюнеманна (Die Entstehung des Städtewesens in Südost-Europa, Breslau 1930), ошибочные утверждения которого были опровергнуты венгерским историком И. Сабо в «Föld és ember» (= Мир и Человек) 1930; см. еще R. Mayer: Die Alföldstädte: Abh. d. Geogr. Ges. Wien Bd XIV, Heft 1, 1940.)

⁶⁹ С этой точки зрения очень характерным является труд A debreceni tanya (= Дебреценский хутор), в котором автор (Balog István) не упоминает о работе И. Сабо, написанной 8 лет ранее на ту же самую тему (A debreceni tanyarendszer kialakulása = Возникновение хуторной системы в Дебрецене).

⁷⁰ Такими являются прежде всего работы Ф. Эрдеи (Magyar tanyák = Венгерские хутора, Budapest, 1942) и И. Дьёрффи (A magyar tanya = Венгерский хутор: Földr. Közl. = Географ. Изв. 1937, 70—93).

⁷¹ См. его статью Területi csoportok egy mezőváros társadalmában (= Территориальные группы в обществе местечка): «Népünk és Nyelvünk (= «Наш народ и язык») 1935, 250—252. См. и ук. соч. Маркуша.

⁷² Правильно указал на это И. Талаши в своей статье Az Alföld néprajzi kutatásának kérdései (= Вопросы этнографического обследования большой венгерской равнины) Alföldi Tud. Int. Évkönyve (= Анналы Инст. по изучению Венгерской Равнины) 1944—45, 20]

⁷³ *Szabó Kálmán*: Kecskeméti tanyák (= Хутора в районе г. Кецкемет) Kecskemét, 1936, 50—51. Автор указывает на влияние продвижения песков на развитие хуторов.

⁷⁴ *Fél Edit*: Adatok Dunapataj néprajzához (= К этнографии с. Дунапатай): Népr. Ért. (= Этногр. Изв.) 1937, 363. Так как автор надлежащим образом принял во внимание общественные точки зрения, его труд может служить исходным пунктом для дальнейших исследований.

⁷⁵ Раскопки для раскрытия памятников нового века не производились еще до сих пор, а раскопки, относящиеся к памятникам средневековья, также довольно немногочисленны. При хуторных раскопках можно было бы пользоваться опытами, приобретенными при раскрытии средневековых памятников. См. *Szabó Kálmán*: Az Alföldi magyar nép művelődéstört. emlékei (= Культурно исторические памятники венгерского народа на большой венгерской равнине) Budapest, 1938 и *Papp László*: Ásatások a XVI. században elpusztult Kecskemét-vidéki falvak helyén (= Раскопки в районе Кецкемет на месте разрушенных в XVI веке деревень): Népr. Ért. (= Этногр. Изв.) 1931, 137—152.

⁷⁶ Относительно хуторных центров см. *Alsó—Benisch—Mártonffy* ук. соч. и *Kiss István* ук. соч.

RECHERCHES DES „TANYA“ (HAMEAUX) HONGROIS.

par

J. Barabás

(R é s u m é)

Nous entendons par *tanya* les petits établissements isolées, appelées autrefois *szállás*, qui éparpillées dans la Grande Plaine de Hongrie, constituent des centres d'exploitation agricole. Jadis, elles n'étaient habitées que périodiquement, alors que de nos jours, elles sont pour la plupart peuplées de façon permanente. Dans une partie considérable de la Grande Plaine de Hongrie, nous y trouvons des établissements de ce genre. Les savants hongrois ont fait des recherches intensives concernant les origines des *tanya*. Il est universellement admis que les effets dévastateurs des guerres Turcs — luttes qui eurent pour conséquence le dépeuplement, complet d'une considérable de la Grande Plaine de Hongrie et en particulier de la moitié sud de celle-ci, et contribuèrent à la création d'agglomérations possédant des surfaces arables très étendues — ont exercé une influence décisive sur la naissance des *tanya*. Si néanmoins il existe une divergence de vues quant à la genèse des *tanya*, cela est dû au fait que certains savants

attachent plus d'importance au problème de l'élevage du bétail, alors que d'autres préconisent plutôt le rôle de facteur agricole.

Dans ses études relatives à la naissance des *tanya*, I. Gyórfy va jusqu'à établir une corrélation entre celles-ci et les villes dites « jardins ». Comme l'on sait, ce type d'agglomérations à jardins est caractérisé par l'existence de deux fermes distinctes, l'une habitée, alors que l'autre comprend des bâtiments affectés à l'activité agricole, des abris, des écuries et des étables, et servants aussi à recueillir les bestiaux et les animaux de basse-cour. Ce système était en corrélation étroite avec l'élevage du bétail, tel qu'il était pratiqué par une population nomade ou semi-nomade. Lorsque l'importance de l'agriculture s'accrut au dépens de l'élevage, on commença à bâtir des habitations dans les fermes extérieures « jardins » qui, jusque là, remplissaient des fonctions d'ordre économique. Les fonctions et bâtiments des « jardins » abritants le bétail sont alors transférés dans les champs entourant l'agglomération : au milieu des surfaces arables qui, dès lors, constituent la propriété définitive du cultivateur, elle paraît sous la forme de *tanya* ou de *szállás*. Ce processus prit son origine au 18e siècle et atteignit son apogée au 19e siècle. Selon K. Szabó, ce principe d'établissement jumelé est un héritage de l'époque où les Hongrois vivaient encore en nomades. Ainsi, la *tanya* prendrait en substance son origine dans l'institution de la ferme d'été. En substance, cette thèse coïncide avec celle de Gyórfy, qui souligne en particulier que pour les *tanya* existants dès avant l'occupation turque, le pacage constitue le trait caractéristique dominant. I. Ecsedi et I. Madarassy considèrent également les refuges de pâtres comme les ancêtres des *tanya*.

I. Szabó, de son côté, examine d'une façon plus approfondie le problème du droit de possession. D'une façon générale, la possibilité de la création des *tanya* existait là où la poussée coercitive exercée sur la population, la culture dirigée et la redistribution périodique des terres entourant les agglomérations étaient désormais supprimées. En revanche, leur création devenait une nécessité dans les régions où les champs étaient à 20—30 kilomètres de l'agglomération, fait qui empêchait la population de se livrer à la culture intensive. A Debrecen, bien que la possibilité d'en créer fit défaut, des hameaux se sont constitués et cela pour la bonne raison que la nécessité en existait. Là, chaque fois qu'une nouvelle répartition des terres était entreprise, les bâtiments de « tanya » devaient être reconstruits ailleurs. Cela prouve que le développement des méthodes de production entraîne le changement des formes juridiques et des aspects du droit de possession. En effet, au 18e siècle, à Debrecen, quelque décades après l'apparition des *tanya* agricoles, on passe au système de la propriété privée des terres : ainsi naît la possibilité de la création des *tanya*, et le nombre de celles-ci se multiplie. A l'échelle générale en Hongrie, ce processus ne prit d'ampleur que dans la deuxième moitié du 19e siècle.

Les opinions des savants sont partagées quant à la question de savoir si les *tanya* doivent être considérées comme des unités d'établissement. F. Erdei et I. Gyórfy, et tous les ethnographes en général, ne les considèrent pas comme des unités d'établissement indépendantes, mais simplement comme étant pour ainsi dire les annexes des villes et des villages. Ils fondent leur thèse sur le fait que la *tanya* n'est que périodiquement habitée, et cela d'ordinaire en été, à l'époque des travaux agricoles, et qu'en hiver, la famille retourne dans sa maison de ville. Même si, dans leur jeunesse, les cultivateurs passent toute l'année dans la *tanya*, ils reviennent à la ville dès qu'ils ont atteint un âge avancé. En effet, c'est dans la bourgade que les paysans se sentent « chez eux ». Même s'il n'y possèdent pas de maison, ils s'y rendent le dimanche pour voir leurs proches parents, et c'est encore là que les femmes accouchent et font baptiser leurs enfants. En revanche, T. Mendöl, et, en général, les adeptes de la conception géographique, considèrent les *tanya* comme des établissements sporadiques indépendants, sans tenir compte des conditions sociales ou de la question de savoir si elles sont habitées de façon continue ou intermittente.

Bien que les savants hongrois aient étudié à fond les problèmes de l'origine des *tanya* et l'ethnographie de celles-ci, des questions aussi nombreuses qu'importantes restent à être résolues. L'insuffisance principale du travail de recherches réside dans le fait que l'étude des *tanya* hongroises n'a pas été rapprochée d'une étude parallèle des régions à conditions et développement similaires, en particulier des établissements analogues de l'Union Soviétique, de la Pologne et de la Roumanie. Le principe directeur régissant ces études a revêtu un caractère assez statique, et la corrélation entre le problème des *szállás* d'élevage et des *tanya* agricoles d'une part, et le développement économique général d'autre part, n'ont pas suffisamment retenu l'attention des investigateurs. De plus, les questions ayant trait au droit de propriété n'ont été qu'insuffisamment mises en relief.

En 1945, après la Libération, le développement des *tanya* prit un essor considérable. Toutefois, en 1949, la promulgation du décret sur le remembrement partiel, la création des centres fermiers et l'établissement des coopératives agricoles de production ont donné naissance au processus qui aura pour résultat la suppression du système des *tanya*, facteur barrant la route au développement économique et culturel.

УГОРСКИЙ СЛОЙ В ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКЕ

Л. Вардьаш

На основании проведенных до сих пор исследований в венгерской народной музыке до завоевания страны были укоренены мелодии, основанные на турецко-татарской пентатонике. Наряду с этим до сих пор не удалось доказать существенную связность с угорскими преданиями. Только в причете Бенце Саболчи установил сходство с отдельными обскими-угорскими героическими песнями.¹ По нему между венгерскими причетами и некоторыми песнями народностей манси и хантэ общее то, что они повторяют две пентакордные строки, которые заканчиваются на 2. и 1. ступени гаммы. Иногда к этой мелодии из четырех или пяти звуков присоединяется часть мелодии квартой ниже, которая дополняет ее до размера октавы. В этом случае упомянутая первая часть будет заканчиваться на 5. и 4. ступени, а более низкая часть мелодии будет заканчиваться на 2. и 1. ступени. В венгерских причетах это соответствие в квартах уже потускнело и линия мелодии в отдельных случаях стала резко пятиступенной.² Однако, пентакордный тип оставался неизменным. В нашей переписи это значит чередование a^1 с g^1 , или d^2 с c^2 и a^1 с g^1 вместе. Сильно варьирующая речитативная линия мелодии ничто иное, как снижение до каденции со скалообразными, звукоповторяющимися, невыразительными мотивами, где эта каденция является сущностью мелодии. Следующие примеры из венгерского и угорского материала показывают оба типа.³ (пр. 1—5.)

На причеты у нас привыкли смотреть как на совершенно самостоятельный вид мелодии в народной музыке, вероятно поэтому и не возникла мысль о том, чтобы проследить вышеупомянутую соответствия и в других наших мелодиях. Однако, при более внимательном исследовании оказывается, что эти несни не стоят настолько обособленно, как мы это до сих пор предполагали и существуют нити, связывающие их с другими народными песнями, дальше, соответствия, которые мы находим в угорском материале, не ограничиваются исключительно на совершенно свободные мелодии, которые можно сравнивать с причетом. Таким образом эту связность можно перенести и на отдельные виды наших песен определенной формы.

В обском-угорском материале Вэисэнена⁴ чередование двух ступеней, находящихся в кадансах рядом, встречается и в песнях с четким ритмом, и даже в одинаковой мере в дур и моля мелодиях октавного размера, где однако песня принимает октавный размер не вследствие повторения на кварту ниже, именно благодаря большей линии мелодии. В соответствии с этим ее окончания не будут на 5) (4) (2 ((1)), а всегда на 2 и 1. В этих часе всего повторяются два различных строк в определенной последовательности более систематически, как в предыдущих. Примеры: речитативный пентакорды 6—7.; пентакорды ритмического танца 8—12. Речитативные в октаве 13—16.; танцы в октаве 17—18.⁵

Кроме нашего примера 3. — 199 по Вэйсэнену — существуют и другие мелодии типа соотношения кварты. (По Саболчи мы приводим следующие: 65, 112, 124, 133 и 156.) Однако эти не повторяют два стоящих рядом окончания на рассторянии кварты, а только одно. Зато в отдельных примерах (112 и 133) строка, которая в верхней части имеет только одну каденцию, повторяется в нижней части с двумя каденциями. Возможно, что в них первая часть неполная и только при повторении ниже она приобретает полноту. (Если руководствоваться повторениями и последовательностью, которая встречается в большей части повторений тогда получаем следующие формулы: 4) (4) (1 ((1)), 4) (4) (1, 5) (5) (1 ((2)))? или же 4) (4) VII ((1)) и в третьем примере 5, 4, 2, 1. За исключением последнего все относятся к танцевальным песням.) Мы приводим два примера из этого типа. (Пр.19-20)

Теперь рассмотрим соответствующие венгерские мелодии:

А. Парландо-мелодии. (Пр. 21-37.)

В венгерском материале особой группой является несколько мелодий с формулой кадансов 2) (1) (2 и несколько песен с главной (то есть второй из четырех) каденцией на (2), две строки которых можно считать одной связанной удлиненной строкой, таким образом, что его формула кадансов будет, собственно говоря (2) (1. Большинство из них в дуре, но среди их можно встретить и несколько в моле, а даже дур и моля характер могут чередоваться среди вариации одной и той же мелодии. Исполнение этих в «парландо», или речитандо форме, строфическое построение ABCD приближается к старому стилю венгерских народных песен, но их звуковой запас не пятиступенный, главным образом потому, что вторая ступень, отсутствующая в пентатонике выступает в самом важном месте, в кадансах. Среди них встречается и парландо-мелодии с снижающейся линией мелодии, несколько речитативных мелодий с небольшим размером звуков, которые напоминают наши песни типа псалмов и другие речитативные двенадцатисложники. Линии мелодии каждой из них полны повторениями звуков, в многих случаях окончания именно подчеркиваются повторением звуков: примеры 30 и 31 (см. среди угорских мелодий 2. строку 2. примера, окончания 5. и 6. строк 14. примера, 16. пример).

Не будет преувеличением утверждать, что характер соответствующих типов у венгерцев и у обских угров тождествен. Естественно здесь нельзя говорить о таком совпадении, как в случае мари-чувашских песен, так как песни манси и хантэ гораздо свободнее, более варьирующие, чем венгерские, даже и тогда, когда их отдельные строки чередуются в определенной последовательности; в числе слогов, в звуках мелодии и в построении форм они весьма свободны, случайные дополнения встречаются и в песнях, которые являются сравнительно определенными; а венгерские песни имеют определенное число слогов, они четверостишные с строфической формой, с определенной линией мелодии и определенным ритмом. Но все-таки встречаются такие соответствия, которые приближаются к характеру вариантов: венгерские примеры 21—24 и угорский пример 6. В этом случае отклонения венгерских вариантов можно противопоставить строфическим вариациям угорского, из которых более выясняется близкая схожность; сущность, которую можно разглядеть за этими вариациями, тождественна. (Еще одна более-менее близкая мелодия 26—27. = 14. пример.)

Б. Танцевальные песни. (пр. 38—56.)

И среди этих встречаются построения 2) (1) (2, а также мелодии с главной каденцией на (2), которые в действительности не четверострочные, их внутреннее подразделение только видимое, они состоят из двух расширенных строк мелодии. Это особенно относится к 16-сложникам, где большой размер очевидно произошел из расширения, путем инструментальных украшений, которым позднее добавили текст. Чрезвычайная и характерная группа дальше некоторые из наших танцевальных песен с каденциями на 5) (4) (2 ((1)) ступенях — т. е. два следующих один за другим окончания в кварте, как это уже было упомянуто выше — а реже 6) (5) (2 ((1)), т. е. ответ в квинте. В танцевальных песнях, при таком построении, почти закономерным является то, что линия мелодии построена из невыразительных мотивов, с многими повторениями звуков, в большинстве случаев и в кадансах; вся линия мелодии только снижение на каданс с секвенциальным, или повторяющимся мотивом. Сущность мелодии, ее единственное, действительно характерное свойство, это четыре подчеркнутые окончания. Как будто их происхождение вытекло бы из речитативных строк причета, которых ритм определился. Часто в них форма $AA_K BB_K$, где идентичные строки имеют только различные каденции, именно 2) (1) (2 ((1)), или 5) (4) (2 ((1)). (Примеры 39, 40—44, вторая половина 53 и вторая половина 56.) Это встречается и в материале обских угров. (Прим. 20.)

И здесь встречаются соответствия, имеющие характер почти вариантов, например 38. = 10., особенно часть б.) и дальше 40. = 18. Если в последнем выпустим пятую строку, которая не имеет с ним органической связи и который один раз отсутствует, а два раза имеет различные окончания, мы получаем ход мелодии и кадансы известной нашей танцевальной песни свинопаса.

Большое значение и широкие традиции наших танцевальных песен такого построения доказываются тем, что среди т. н. «вербовочных мелодий» нашей инструментальной музыки для танцев также встречаются построения такого рода, (как 2) ((1)), так и его квинтальная форма.) Смотрим несколько характерных примеров: (пр. 57—63)

Последний пример — главная тема Кодалы: «Танцы от Галанта», в месте с ее народными вариантами (46—47.) — наглядно показывает, что «линия мелодии» секвенцообразно-определенная форма какого то невыразительного, речитативного снижения, сущностью же в действительности является каденция. Во всяком случае у нас сложилось впечатление, что эти мелодии какие-то застывшие, ритмические, в четверострочные строфы замкнутые остатки одного вида свободных речитативных мелодий, сохранившиеся в причетах.

В вышеупомянутых примерах, мелодии манси и хантэ приводятся значительно меньше, чем венгерские, хотя есть возможность предполагать, что у них более сохранилась общая, древняя культура мелодии, от которой мы уже давно оторвались и которая у нас подверглась многочисленным влияниям. Но с одной стороны венгерская народная музыка известна нам из нескольких тысяч мелодий в многотысячных записях, в то время как обская-угорская народная музыка известна нам в 208 мелодиях, опубликованных Вэйсенен и 38 мелодий Патканова, с другой стороны мы не совсем уверены, что манси и хантэ представляют преобладающее угорское большинство, венгры же только оторванную часть, а не наоборот. Несом-

ненно, что нам необходимо иметь значительно больший музыкальный материал наших угорских сродничей, чтобы яснее увидеть соотношения с венгерской народной музыкой. Дальнейшие сборы материалов, вероятно, принесут еще много сюрпризов.

Но и до этого можно доказать, что существуют соответствия типов между венгерскими и обскими-угорскими мелодиями, хотя мы и не находим таких ясных совпадений, как с турецкими пентатоническими песнями. Эти соответствия обнимают целый ряд таких мелодий, которые до сих пор были разбросаны и изолированы, одна от другой, среди наших типов мелодий, происхождение которых было нам известно.

И по отношению к музыке соседних окружающих народов, они стояли обособлено и поэтому можно было предполагать, что они являются продуктами древних венгерских преданий, однако нельзя было поставить в связь с каким-либо из крупных стилей венгерских мелодий. Упомянутая связь с угро-хантскими мелодиями объединяет все эти разрозненные мелодии. Среди них особенную важность имеют речитативные двенадцатисложники, которые встречаются в большом количестве. Это является тем типом, с которым сохранившиеся эпические песни XVI. века имеют несомненную связь, что дает возможность говорить об угорских связях в наших эпических песнях. (Эту связь подтверждает и то, что текст, как в причетах, так и в исторических песнях имеет такой жанр, который можно считать или родственным жанру обской-угорской песни судьбы, героическим песням и песне о медведе, или более поздним заместителем такого же типа.) В области танцевальных песен удалось передать более новым типам инструментальной музыки отдельные формальные и мелодичные свойства из мира угорских мелодий путем жизнеспособных преданий.

Из этого выясняется, что насколько эти перечисленные венгерско-угорские музыкальные связи действительно существуют, то они относятся на слой венгерской народной музыки, которым ввиду его большого значения и даже объема нельзя пренебрегать. Надеюсь, что очередные исследования значительно расширят наши теперешние познания, но и в теперешнее время можно рассматривать перечисленный материал народных песен, как угорский слой в нашей народной музыке.

¹ Героические песни хантов — венгерские мелодии причетания. Этнография, 1933. Также и в «Мелодии хантов и вогулов (манси). Новые данные относительно венгерских народных причетов. Этногр. 1937.

² Иначе Кодадь: Венгерская народная музыка, 5. Причитание. Будапешт, 1937. 2. изд. 1943, и следуя ему С а б о л ч и, в втор. цит. р. Следует заметить, что хантское пение объема октавы тоже не пятиступенное а только неполное.

³ Мы здесь не приводим примеров В э и с э н е н а (Väisänen) 130. и 131., на которые САБОЛЧИ ссылается, так как в них чередуются два различных строк с отчетливым ритмом танца и в связанной последовательности, благодаря чему мы употребляем их для других сравнений. А примеры 1. и 2., на которые он не обратил внимания, несомненно отвечают типу причетов, благодаря их несистематически чередующимся кадансам, речитативному характеру и линии мелодии, которые варьируют в виде импровизаций.

⁴ Wogulische und ostjakische Melodien. Helsinki, 1937. MSFOu LXXIII.

⁵ В примере 7 надо, вероятно, каданс на ступени 2 рассматривать как окончание-мелодии на основании порядка повторения, в этом случае форма в скобках была бы правильная с кадансами (VII) (1 и с фригской гаммой).

1. V. 129. |

1. V. 129. |

2. V. 120.

2. V. 120.

V. 199.

The musical score consists of ten staves of music. The first staff begins with a '3.' marking. The notation includes various rhythmic patterns, primarily eighth and sixteenth notes, with some triplets and slurs. Fingering numbers (1-5) are placed above notes throughout the piece. Some notes have a question mark above them, possibly indicating uncertain or alternative fingerings. The score concludes with the instruction 'stb.' on the final staff.

4. $\text{♩} = 88$ Ghymes, Nyitra m. K.

Di-csér tes sék a Jè-zus Krisz-tus! ad-jon Is-ten szè-rèn-csés

jò jes-tét, i-dés pá-rocs-kám! Nekünk szè-rèn-csè-set nè-kéd

ü-d-vös-si-gès-set. $\text{♩} = 80$ Jaj de nem hittem vóna pá-rom, hogy oly-lyan

ha-mar el-marad-junk egymástó! Jaj még tég-nap ily-lyen-kor is

csak úgy biz-tat-tá én-gé-met: $\text{♩} = 88$ Ne fíj asszon, nēmhalok még, nem hagyó-lak

még ti-géd! $\text{♩} = 76$ Jaj pá-rocskám mé hattá itt, ebbe ja szomoró világ-ba. *sth.*

5. Zsere, Nujtra m. K.

(Eleje érthetetlen.) Min-dén egy-gye vi - gann

es-kü-dött, fe-hér ru-há-ba, fe-hér ko-szo-ró-ba, pi-ros

accel. 3 ♩=126

pár-tá-ba, de bi-zony én fe-ke-té ru-há-ba, zöd pár-tá-ba,

♩=100 (4)

zöd ko-szo-ró-ba, még csak ak-kor sē vót ne-kém vig ked-vem

égy ó-ra hosz-zát sē, nēm tok én sēm-mi vig ked-ve, (b3^p)

♩=100 5) ♩=96

mö-te i - lek e vi - lá-gon! Jaj i - dēs jó pá-rocs-kám,

♩=108 (1)

i - dēs pártfo-gócs-kám. A - lig bir-tam ve-led ki-húz-nyi két

(4)

esz-ten-döt. A - lig bir-tam ve-led ki-húz-nyi két esz-ten-döt,

♩=84 (4)

mínd öz-vegy-sig - rē ma-rad - tam *sth.*

6. $\text{♩} = 126.$ V. 109.

6. $\text{♩} = 126.$ V. 109.

7. V. 87.

7. V. 87.

8. $\text{♩} = 88.$ V. 131.

Three staves of music in 5/8 time. The first staff starts with a repeat sign. The melody consists of eighth and sixteenth notes with rests. The second and third staves continue the piece, ending with a double bar line and repeat dots.

9. $\text{♩} = 96.$ V. 130.

Two staves of music in 5/8 time. The first staff begins with a repeat sign. The second staff concludes with a double bar line and the instruction "stb." (staccato).

10.
a.)

$\text{♩} = 60.$ V. 49.

Six staves of music in 3/8 time. The first staff starts with a repeat sign. The piece includes a triplet of eighth notes and a fermata over a quarter note. The second part, labeled 'b)', begins on the fifth staff.

b)

11. $\text{♩} = 88$

V. 83.

11. $\text{♩} = 88$ V. 83.

Музыкальная запись на шести пятилинейных системах. Временной метр 2/8. Музыка включает различные ритмические фигуры, паузы и динамические обозначения, такие как *p* в конце шестой системы.

12. $\text{♩} = 100$
henger vége

henger eleje

V. 52.

12. $\text{♩} = 100$
henger vége henger eleje V. 52.

Музыкальная запись на четырех пятилинейных системах. Временной метр 2/8. Музыка включает различные ритмические фигуры. В конце первой системы присутствует вопросительный знак в скобках.

13. V. 134.

Musical score for exercise 13, measures 134-139. The score consists of six staves of music. The notation includes eighth and sixteenth notes, rests, and a fermata over a final note. There are some markings above notes, possibly indicating vibrato or breath marks.

14. V. 180.

Musical score for exercise 14, measures 180-185. The score consists of five staves of music. The notation includes eighth and sixteenth notes, rests, and triplets. There are some markings above notes, possibly indicating vibrato or breath marks.

stb.

15.

V. 176.

16. V. 170.

sth.

17. V. 54.

?

18.

V. 136.

A henger eleje. Vi-

19. $\text{♩} = 138$

V. 124.

Musical score for piece 19, measures 1-12. The score is in 3/4 time with a key signature of one flat (B-flat). It consists of five systems of three staves each. The notation includes eighth and sixteenth notes, rests, and dynamic markings such as 'p' and 'f'.

20. $\text{♩} = 160$

V. 112.

Musical score for piece 20, measures 1-3. The score is in 5/8 time with a key signature of one sharp (F#). It consists of three systems of three staves each. The notation includes eighth and sixteenth notes, rests, and dynamic markings such as 'p' and 'f'.

21. *Parlando*

B. 191.

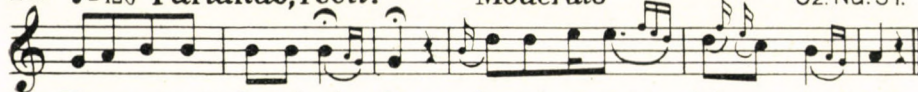
Ke-se-re-dett az az a-nya, Ki-nek két fi-a ka-to-na M

E-gyik káplár s a más hú-szár M Pesti ka-szár-nyába sé-tál.

22. $\text{♩} = 126$ *Parlando, recit.**Moderato*

Sz. Nd. 31.

To-va va-gyon egy di-vó-fa, An-nak va-gyon há-rom á-ga,

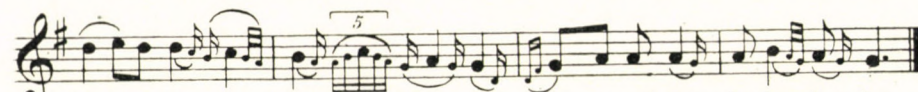
Az a-latt ül há-rom ár-va, O-da mē-ne há-rom gyil-kos.

23. $\text{♩} = 126$ *Parlando*

Sz. Nd. 32.

O-lyan nap nem jő az ég-re, Köny-vem ne hull-jon a föld-re.

Hull a föld-re, hull e-lőm-be, Hull a gyá-szos ke-be-lém-be.

24. *Rubato*

Bükszád, Háromszék. Muz. F. 487 d. V.

É-dés a nyám sok szép sza-va, Kit fo-gad-tam kit nem so-ha M

Még-fo-gádnám, de már ké-ső, Mer el-tőt a sok szép i-dő.

25. Parlando

B. 156

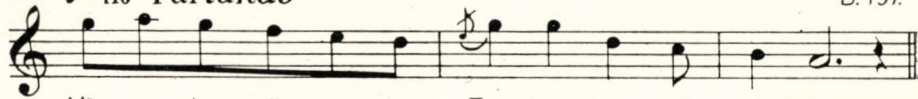
Csak azt szá-nom-bá-nom, Tö- led még kell vál- nom,

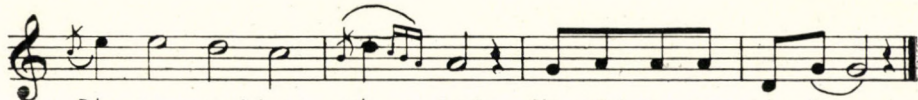
Sok u- tá-nad vá-ló já- rá-sím saj- ná- lom.

26. $\text{♩} = 116$ Parlando

B. 157

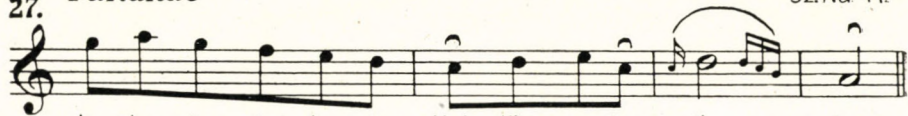
Mē-nyecs-ke, mē-nyecs-ke, Te bar-na mē-nyecs-ke,

Rég meg-mond-tam né- ked, Ne mēnj a cse- rēs-be.

27. Parlando

Sz. Nd 41.

Is- te- nēm, is- te- nēm, Hol lesz az ha- lá- lom,

Er- dön- é, vaj me-zön, Vaj pe-dig tēn-gē rēn?

28. *Rubato, parlando* ♩=84

Sz. Nd.37

Meg - é - rik a szől - lö, mer sok szél ta - lál - ja,
 Meg-re - ped a szi - vem, mer sok bú ron - gál - ja.
 A - kit a bú ron - gál fi - a - tal ko - rá - ba,
 Ne is vár - jon az jót élt - je vi - lá - gá - ba.

29. ♩=100 *Parlando*

Lédec, Bars m. K.

Jaj de szé - rēn - csēt - len i - dö - re ju - tot - tam!
 Ez csa - lárd vi - lág - ba mind - ad - dig jád - zot - tam,
 Ez csa - lárd vi - lág - ba mind - ad - dig jád - zot - tam,
 I - ri - gyek nyel - vé - re jaj de rá - ju - tot - tam.

30. Parlando

B. 214.

Ha fo - lyó viz vó - nék, bá - na - tot nem tud - nék,
 Ha fo - lyó - viz vó - nék, bá - na - tot nem tud - nék,
 Hè - gyek, völ - gyek kö zött szép csèn - de - sèn foly - nék,
 Hè - gyek völ - gyek kö - zött szép csèn - de - sèn foly - nék.

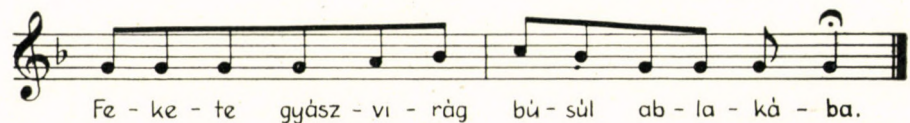
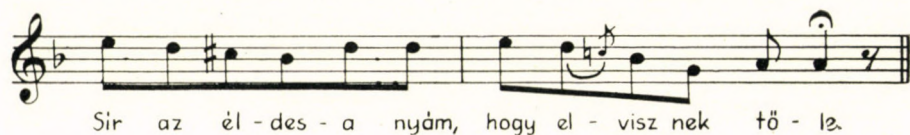
31. Rubato

Sz. Nd. 44

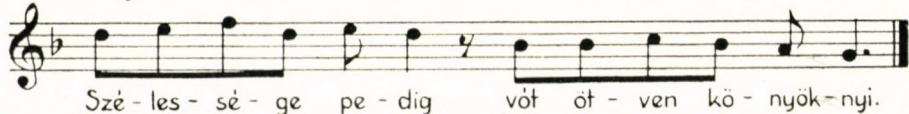
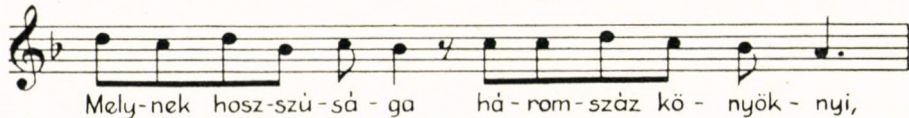
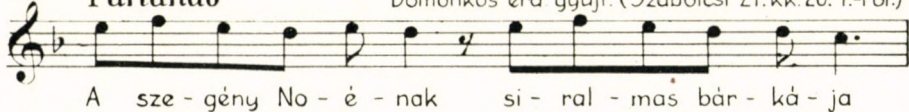
Im - hol ke - re - kè - dik ègy fe - ke - te fel - hò,
 Ab - ba tol - lász - ko - dik ègy fe - ke - te hol - lò.
 Állj még hol - lò, állj még, vidd el le - ve - le - met
 A - pám - nak, a nyám - nak, jegy - bé - li mát - kám - nak.
 l - de - gèn or - szág - ban csak buj - do - só va - gyok
 bá - na - ti - val mind - járt még - nyu - god - nám.

32. *Rubato, parlando*

Sz.Nd.42

33. *Parlando*

Domonkos erd gyűjt. (Szabolcsi Zt.kk.20°1.-ről.)

34. $\text{♩} = 112$ Poco rubato Sz.Nd.40.

A - mē - re én já - rok, még a fák és sir - nak,
Gyēn - ge já - ga - i ról ződ le - ve - lek hull nak.
Hú - ja - tok le - ve - lek, rejt - se - tők el in - gēm,
Mert az én é - dē sem más - t sze - ret, nem in - gēm.

35. Parlando Nagykörösi tanyák. L.

Búj - do - sik az él - mēm a sze - re - lem út ján
Mint kis fű - le - mü - le kö - rül az ég al - ján.
Mert a nap - nak is van dél - ben meg - ál - lá - sa,
De az én szí - vem - nek hoz - zád van vá - gyá - sa.

36. *Parlando*

Lábnik, Moldva, Domokos.

Ár - va jaz a ma - dár, ki - nek pár - ja nin - csen,
 Én es ár - va - gyok, jaj, mē ne - kem sin - csen.
 Sir az e - gyik sze - mem, sir - jon a má - sik es,
 Sir - jon mind a két - fő, mint a zá - por es - sö.

37. *Parlando*

Sz.Nd.125.

A nyám él - dős - a - nyám, mért a - dól el en - gém
 Nagy hi - deg ha - vas ra, nagy hē - gyi tol - vaj - nak,
 Ki most és o - da van em - bērt gyil - ko - rol - ni,
 Egy vē - rēs - hagy - má - ért az em - bērt mēg - öl - ni.

38. *Giusto*

B. 200.

Fē - hēr La - ci lo - vat lo - pott A fe - ke - te he - gyek a - latt,
 U - tá - na ment Gönc vá - ro - sa Fa - lu - jus - tul, had - na - gyos - tul.

39. Tóth I. kézírata 145. l.

Az a - kar - nám, a vén - asz - szony Mind po - kol - ba ül - ne lán - con,
Ke - ze lá ba meg ne áll - na, Ö - rök - ké - tig mo - tol - lál - na.

40. 1. *Giusto* Zsére, Nyitra m. K.

Pi - rók ku - tya pad a - latt fo gát vi - csor gat - ja,
O - da - ug - rik a má - sik, ne - ki kac - cog - taty - tya.
(Szöveg nincs több.)

1.

Két tyu - kom ta - va - li, há - rom har - mad - é - vi,
Hajts' ha - za Ju - lis - kám, za - bot a - dok né - kik
(Több nincs.)

41. *Giusto* Diósjenő, Hont m. K.

Fé - ke - te tyu kom tal - las - tól, Vi - gyen az ör - dög nya kas - tól,
E - lég ré - gen itt vagy már, Vi - gyen az ör - dög ha - za már.

42. Giusto

Limbay 295.

Itt-hon van-e a ka-nász, vagy a fe-le sé-ge?

Nem kell ne-kem a ka-nász, csak a -fe - le - sé-ge.

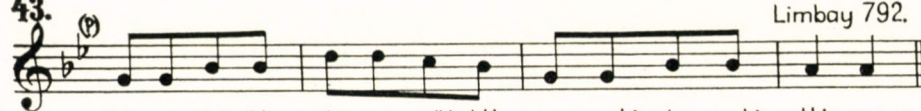
Tűz-re te -szem a -ka -nászt, úgy me-leg -szem ná-la,

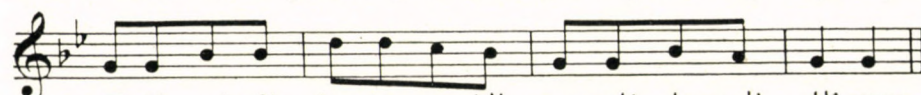
Ha meg-u - nom ma-ga - mat, pi - pát gyuj - tok ná - la.

43.

Limbay 792.

Uc-cu kis-lány, de meg-nöt tél, sun-náj dun-náj dáj-nom,

Ta-lán már fér - hez is men-tél, sun-náj dun-náj dáj-nom,

Ta-lán már fér - hez is men-tél, sun-náj dun-náj dáj-nom,

Ta-lán már fér - hez is men-tél sun-náj dun-náj dáj-nom.

44. Bartalus I.118.sz.

Azt hal-lot-tam Vá-rad fe-löl, szól a ban-da min-den fe-löl,
 Huz-zad ban-da, tal-lért a-dok, mer én ma-gyar faty-tyú va-gyok,
 Hol cégért lá-tok ló-gáz-ni, be kell o-da bo-tor-káz-ni,
 Va-gyon még egy jó fo-rin-tom, azt is mindjárt fel-kor-tyin-tom.

45. Giusto (változó ritmus) Nyitrai csehí „verbung“ K.

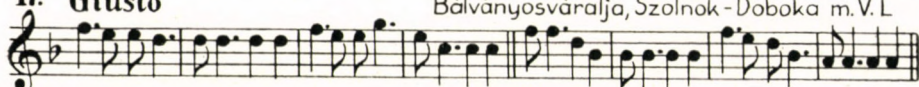
Én va-gyok az or-szá-gi fi, Né-kem nem po-ron-csol sën-ki,
 Sëm az or-szág, sëm ma-gyar-ság, Sëm a nyit-ra - i u-ra-ság.

46. Szék, Szolnok-Doboka m. L.

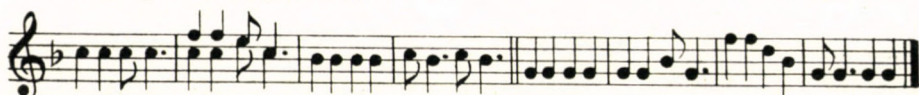
Jer bé a te - me-tő kert-be, jird fel a si - rom kö-vi-re:
 A vi-lá-gon, a föld szi-nén o-jan ár-va nin-csen, mint én.
 Ár-va va-gyok a-pa-nél-kül, de még ár-vább a-nya nél-kül,
 Ké-rem az én is-te-ne-met, hogy el ne ha-gy-jon in-ge-met.

47. Giusto

Bálványosvárálja, Szolnok-Doboka m.V.L

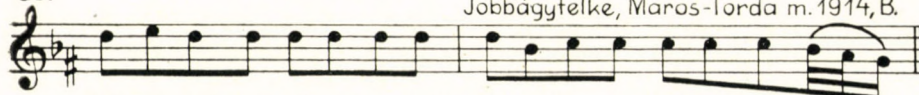
(Szöveget nem tudtak rá.)

A hangszeren cifrázva előadott dallam vázlatja.

48.

Jobbágytelke, Maros-Torda m.1914, B.

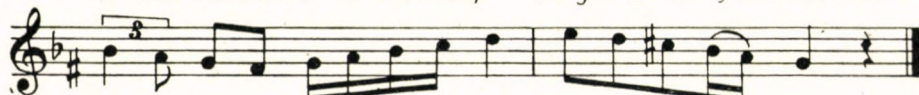
Kit ró-zsám vi-rá-got a-dott, A ke-zem-be el hér-va-dott.

Az is csak azt je-len-tet te, Hogy én el-ma-ra-dok tö-le.

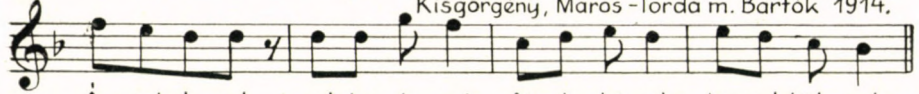
El-ma-rad-tam a ró-zsámtól, Vi-gan é-lő ga-lam-bomtól.

La la la la la la la la La la la la la

49.

Kisgörgény, Maros-Torda m. Bartók 1914.

Á-rok, á-rok, szé-les á-rok, Aj de be rég hoz-zád já-rok

Á-rok, á-rok, szé-les á-rok, Aj de be rég hoz-zád já-rok

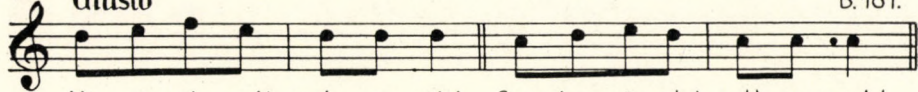

Á-rok, á-rok, szé-les á-rok, Aj de be rég hoz-zád já-rok

Á-rok, á-rok, szé-les á-rok, Aj de be rég hoz-zád já-rok.

50. *Giusto* B.181.

Ki - vi - rág zott már a nád Sne-kem i-gért vót a - nyád.

Föd-be ve - szett a re - tek, Más az a - kit sze - re - tek,

51. *Giusto* Andrásfalva, Bukovina.K.

Meg-hót, meg-hót a ci - gá - nyok vaj - dá - ja, vaj - dá - ja,

A vaj - dá - né sá - tor mel - lett si - rat - ja, si - rat - ja,

Gá - re gyo - pár, bin - gyász - ku - le gaj - du - le, gaj - du - le

Hop - pin - gá - lé sza - va - lin - gi szusz - ki - ri, szusz - ki - ri.

52. *Giusto* Nagykálló, K.

Nem va - gyok én sen - ki - nek se a - dó - sa, a - dó - sa,

Él még az én fe - le - sé - gem, i - pam - na - pam a - pó - sa - a - nyó - sa,

Eb fél, ku - tya fél, míg az i - pam, na - pam él,

Eb fél, ku - tya fél, míg az i - pam, na - pam él.

53. Giuslo

Nagykálló, K

Kin csem, ko-mám asz - szo - szo - ro - szo - rosz - asz - szony,
 Adj egy ma-rék len - cse - csé - re - csé - re - cse - csét.
 Melyért ci - gány asz - szo - szo - ro - szo - rosz - asz - szony
 Majd mond jó sze - ren - cse - csé - re - csé - re - cse - csét.

54. Giuslo

B. 228

Szé - na te - rēm, szé - na te - rēm a ré - ten,
 Nem be - szél - tem a ba - bám - mal a hé - ten
 Ná - la van a zseb - ken - döm a zseb - je - ben,
 E - löl - ve - szí, ar - rul ju - tok e - szé - be.

55. **Giusto** Nagyszalonta, Bihar m. K.

Két uj-ja van, két uj-ja van a köd-mön-nek,
 Ke-rek al-ja a pön-döly-nek,
 Csi-vi-rin-tem, csa-va-rin-tom,
 Majd a há-tad-ra la-pi-tom.

56. $\text{♩} = 168-200$ **Giusto** Törökkoppány, Somogy m. L.

Nin-csen né-kém ked-ve-sebb ven-dé-gem,
 Mint az én kis ked-ves fe-le-sé-gem
 A-kár-ho-gyan ját-sza-do-zom vé-le,
 Sen-ki se hány-ja jajt a sze-mem-re.

57. $\text{♩} = 120-126$

Szécsény, Nógrád m. 1950. L.

58.

B. Bihar 321.

Fine

no C. al Fine

59.

Kapuvári verbung. Szabolcsi nyomán.

60.

B. Máramaros, 169. Jocul ardelenesc.

61. Marosszéki tánc. Csik m. K.

1. 2.

62. B. Bihar, 323.

a. *tr*

1. 2.

b. 1. 2.

63.

8

UGRISCHE SCHICHT IN DER UNGARISCHEN VOLKSMUSIK

von
L. VARGYAS
(Auszug)

Nach der Feststellung SZABOLCSI's ist es in dem ungarischen Klagelied («sirató») und in einigen wogulischen und ostjakischen Liedern gemein, dass sie zwei Pentachord-Melodiezeilen in Dur wiederholen, welche sich an der 2. und 1. Stufe der Tonleiter abschliessen¹. Zu dieser, vier-fünf Töne umfassenden Melodie kommt manchmal ein um ein Quart tieferer Melodienteil, welche dieselbe zum Oktavenumfange ergänzt. In diesem Falle kommen die Kadenzen des ersten Teils auf die 5. und 4. Stufe und die Kadenzen des tieferen Teiles sind auf der 2. und 1. In dem ungarischen Klagelied ist diese Quartgemässigkeit bereits undeutlich geworden und die Melodienführung wurde in manchen Fällen stark fünfstufig², der Pentachord-Typ aber nie. In unserer Umschrift wechselt sich also entweder a^1 mit g^1 , oder d^2 mit c^2 und danach a^1 mit g^1 . Die stark variierte, rezitierende Melodienlinie ist nichts anderes, als skalenmässige und tonwiederholende Senkung mit charakterlosen Motiven zur Kadenz, was das eigentliche Wesen der Melodie ist. Die Beispiele 1—5. aus dem ugrischen und ungarischen Material stellen beide Typen dar³.

Wir sind gewohnt, das Klagelied als eine ganz abgesonderte Melodienart in der Volksmusik zu betrachten, daher tauchte die Möglichkeit, den obigen Zusammenhang auch in anderen unserer Melodien weiter zu verfolgen, überhaupt nicht auf. Bei aufmerksamerer Prüfung wird es jedoch klar, dass es gar nicht so allein steht, wie wir dachten und es gibt Fäden, welche es mit anderen Volksliedern verbinden; andererseits beschränken sich die übereinstimmenden Züge auch in dem ugrischen Material nicht bloss auf die, mit den Klageliedern vergleichbaren, ganz ungebundenen Melodien. So können wir den Zusammenhang auch auf einzelne Arten unserer Lieder in geschlossener Form weiterführen.

In dem obugrischen Material von *VÄISÄNEN*⁴. zeigt sich die Abwechslung der nebeneinander stehenden zwei Stufen, sogar in Oktavenumfange sowohl in Dur wie in Moll, wo jedoch das Lied nicht wegen der um ein Quart tieferen Wiederholung die Oktavenausdehnung erreicht, sondern wegen seines grösseren Melodienumfanges. Dementsprechend sind seine Kadenzen nicht auf 5) (4) (2 ((1))), sondern auf 2 und 1. In diesen wiederholen sich die zweierlei Zeilen bereits überwiegend in gebundener Reihenfolge, nicht so unregelmässig, wie in den vorerwähnten. Beispiele: Pentachord-rezitierend 6—7., Pentachord-Tanzrhythmus 8—12., rezitierend in Oktavenumfang 13—16., Tanz von Oktavenumfang 17—18⁵.

Ausser unseres dritten Beispiels — *VÄISÄNEN* Nr 199. — gibt es noch andere Quart-Melodien. (Nach der Aufzählung SZABOLCSI's Nr. 65, 112, 124, 133 und 156.) Diese wiederholen jedoch nicht die zwei nebeneinander stehenden

Kadenzen in Quartabstand, sondern nur je eine Zeile. Einzelne aber (112, 133) bringen die oben einkadenzige Zeile in den tieferen Partien bereits mit zweierlei Kadenzen. Es ist nicht unmöglich, dass in denselben der erste Teil mangelhaft und bloss die tiefere Wiederholung vollständig ist. (Wenn wir die, in dem grösseren Teile der Wiederholungen sich zeigende Reihenfolge als massgebend betrachten, so erhalten wir die folgenden Formeln: 4) 4 (1 ((1)), 4) (4) ((1)), 5) (5) (1 ((2)) ? bzw. vielleicht 4) (4) (VII ((1)), (4) (2 1 und in unserem Beisp. 3 : 5, 4, 2, 1. Mit Ausnahme von der letzteren sind sämtliche Tanzlieder. Auch von diesen zeigen wir zwei Beispiele vor. (19—20.)

Nun halten wir unter den entsprechenden ungarischen Melodien Umschau.

A) »Parlando«. Eine auffallende Gruppe in dem ungarischen Material sind einige Melodien mit der Formel 2) (1) (2 und einige solcherlei Lieder mit 2-er Hauptzäsur, deren je zwei Zeilen als eine zusammenhängende längere aufgefasst werden kann und deren Formel so eigentlich (2) ((1)) ist. Ihre Mehrzahl ist in Dur, es gibt unter ihnen jedoch einige auch in Moll, sogar auch unter Varianten derselben Melodie kann sich Dur- und Mollgepräge wechseln. Der »parlando«, oder geradezu rezitierende Vortrag, der ABCD-aufbau derselben steht dem alten Stil nahe, ihr Tonvorrat ist jedoch nicht fünfstufig, hauptsächlich deswegen, weil die in der Fünfstufigkeit fehlende 2. Stufe an der wichtigsten Stelle, in der Kadenz vorkommt. Es gibt unter ihnen Parlando mit sinkender Melodienführung, einige rezitierende Melodien von geringem Tonumfang, welche an unsere Lieder des Psalmentyps erinnern, und andere rezitierende 12-er. Die Melodienführung aller ist voll mit Tonwiederholungen, in vielen Fällen ist gerade die Kadenz durch Tonwiederholungen stark hervorgehoben, z. B. 30—31. (Siehe unter den ungarischen Melodien die zweite Zeile von Beisp. 2., die Kadenzen der 5—6. Strophen des Beisp. 14., Beisp. 16.) Beisp. 22—37.

Es ist vielleicht keine Übertreibung zu behaupten, dass der Charakter der entsprechenden Typen bei den Ungarn und bei den Obugriern identisch ist. Naturgemäss kann von solcher Übereinstimmung, wie im Falle der Lieder der Tscheremissen, Tschuwaschen usw. hier keine Rede sein; die wogulisch-ostjakischen Lieder sind ja viel ungebundener, stärker variiert, als die ungarischen, auch dann sogar, wenn sie einzelne ihrer Zeilen in bestimmter Reihenfolge abwechseln; sie sind bezüglich Silbenzahl, Melodientöne, Formenaufbau ausserordentlich frei, gelegentliche Einsatzteile kommen sogar in verhältnismässig gebundenen Liedern vor; die ungarischen sind dagegen vierzeilige, geschlossen formierte strophische Lieder mit bestimmter Melodienlinie und bestimmten Rhythmus. Aber auch so findet man noch stellenweise eine derartige Gemässheit, welche schon der Grenze des Variantengepräges nahe kommt: die ungarischen Beisp. 21—24. und das ungarische Beisp. 6. Hier können die Abweichungen der ungarischen Varianten den dortigen strophischen Variationen entgegengestellt werden und auf diese Weise ist auch die Ähnlichkeit näherstehend; das im Hintergrunde der Variationen erkennbare Wesentliche ist identisch. (Andere,

mehr oder weniger einander nahestehende Melodien sind die Beisp. 26—17. und 14.)

B) *Tanzlieder*. Auch unter diesen finden wir den Aufbau 2) (1) (2, gleichwie solche Melodien mit 2-er Hauptzäsur, welche eigentlich nicht vierzeilig sind, deren innere Teilung nur scheinbar ist und welche bloss aus zwei erweiterten Melodienzeilen bestehen. Besonders bei einigen sechzehnsilblern ist es so, wo der grosse Umfang wahrscheinlich von der Erweiterung durch instrumentale Verzierungen entsteht, zu welchen man später einen Text anpasste. Eine auffalende und charakteristische Gruppe sind weiters einige unserer Tanzlieder der Formel 5) (4) (2 ((1)) — d. h. die Quartform der zwei nebeneinanderstehenden Kadenz, welche wir weiter oben behandelten — und die seltenere 6) (5) (2, d. h. die Quint-Antwort. In den derartig aufgebauten Tanzliedern ist es fast regelmässig, dass die Melodienlinie aus charakterlosen Motiven mit vielen Tonwiederholungen aufgebaut ist, meistens auch *in der Kadenz*, mit sequenzartiger oder motivenwiederholender Senkung. Das Wesentliche, die einzige wahrlich charakteristische Eigentümlichkeit der Melodie sind die vier akzentuierten Kadenz. Als wenn sie Abkömmlinge zu rhythmisch erstarrter rezitierender Klagelied-Zeilen wären! Häufig ist in ihnen die Form AA_KBB_K , wo nur die Kadenz der indentischen Zeilen verschieden sind, u. zw. an der Stufe 2) (1) (2 ((1)), oder 5) (4) (2 ((1)). (Siehe die zweite Hälfte von 39—44. und 53., die zweite Hälfte von 58.) Dies ist auch in dem obugrischen Material nicht unbekannt (Beisp. 20.) Melodien 38—56.

Auch hier findet man Gemässheiten von fast Variantengepräge, z. B. 38=10, besonders der Teil b), weiters 40=18, Wenn man in dem letzteren die, zum Ende unorganisch beigefügte, einmal fehlende, zweimal verschieden kadenzierte fünfte Zeile weglässt, so erhält man die Melodienlinie und die Kadenz unseres bekannten Schweinehirtentanz-Liedes (»kanásztánc-dak«).

Die grosse Bedeutung und die verbreitete Tradition unserer derart aufgebauten Tanzlieder wird wohl noch dadurch bewiesen, dass diese Form auch unter den Werbelieder- (»verbunkos«-) Stücken unserer instrumentalen Tanzmusik häufig ist (ob 2) 1, ob deren Quintform und der Aufbau AA_KBB_K). Charakteristische Beispiele sind 57—63.

Das Letztere, der Hauptmotiv der Komposition »Tänze von Galánta« (»Galántai táncok«) von *Kodály*, samt seinen Variationen in der Volksmusik (Beisp. 46—47.) veranschaulicht deutlich, dass die »Melodienlinie« nur eine sequenzartige Erstarrung irgendeiner rezitierten Senkung ist und dass eigentlich die Kadenz das Wesentliche ist. Jedenfalls haben wir den Eindruck, dass diese Melodien irgendwelche erstarrten, rhythmisierten, in vierzeilige Strophen geschlossenen Überreste einer, im Klageliede erhaltenen, ungebundenen, rezitierenden Melodienart sind.

Die obenangeführten Beispiele tauchten in den kaum bekannten obugrischen Melodien auf. Es ist zweifellos, dass wir mehr benötigen, als die 208

Melodien *VÁISÄNEN*'s und die wenigen von *PATKANOV* veröffentlichten Melodien, um den vollständigen Zusammenhang zwischen der ungarischen Volksmusik und der Musik der uginischen Völker klar zu sehen. Weitere Sammlungen werden sicherlich noch mit vielen Überraschungen dienen.

Einstweilen können wir feststellen, dass wenn wir auch keine, den türkischen fünfstufigen Liedern ähnliche Melodien-Identität finden, so können wir doch Typen-Gemässheiten zwischen ungarischen und obugrischen Liedern schon jetzt nachweisen. Diese Gemässheiten umfassen eine Reihe solcher Melodien, welche bisher zerstreut, vereinzelt unter unseren Melodientypen bekannten Ursprungen standen. Auch diese sonderten sich von der Musik der benachbarten Völker aus; es war anzunehmen, dass sie Produkte alter ungarischer Tradition sind, aber sie waren an die grossen ungarischen Melodienstile nicht anknüpfbar. Diese werden nun durch obigen Zusammenhang in eine Einheit gefasst. Sehr wichtig ist unter ihnen die grosse Zahl der rezitierenden 12-er. Dieser ist nämlich der Typ, an welchen die überbliebenen epischen »Historien«-Lieder (»*históriás-ének*«) durch zweifellose Fäden geknüpft sind, so dass man durch dieselben vielleicht von der uginischen Verbindung des »Historien«-Liedes sprechen kann. (Diesen Zusammenhang verstärkt vielleicht noch, dass sowohl das Klagelied, als auch das »Historien«-Lied auch textlich eine solche Kunstgattung bedeutet, welche entweder als Verwandte des obugrischen Schicksalsliedes, Heldenliedes und Bärenliedes, oder als späterer Ersatz eines solchen Typs aufgefasst werden kann.) Auf dem Gebiete des Tanzliedes ist es doch der zähelebenden Tradition gelungen, einzelne Form- und Melodien-Eigentümlichkeiten der uginischen Melodienwelt auch auf die Typen der instrumentalen Tanzmusik der Neuzeit zu überliefern.

Insofern nun die vorgeführten uginisch-ungarischen Melodienrelationen richtig sind, so bezieht sich das auf eine sehr bedeutungsvolle und auch quantitativ nicht geringfügige Schicht der ungarischen Volksmusik. Und wenn wir auch hoffen, dass weitere Forschungen unser jetziges Wissen noch bedeutend erweitern werden, so haben wir vielleicht schon jetzt das Recht, das vorgeführte Volksmusikmaterial als uginische Schicht unserer Volksmusik zu betrachten.

¹ Melodien ostjakischer Heldenlieder — ungarischer Klagelieder. Ethn. 1933. *Ders.*: Ostjakische und wogulische Melodien. (Neuere Angaben zum Problem der ungarischen Klagelied-Melodie.) Ethn. 1937.

² Anderst *KODÁLY*: Die ungarische Volksmusik, V. Das Klagelied. Budapest, 1937. 2. Ausg. 1943. und nach im auch *SZABOLCSI* in seinem an zweiter Stelle zitierten Werke. N. b. auch das Ostjakenlied in Oktavenausdehnung ist nur unvollkommen, aber nicht fünfstufig.

³ Nicht an dieser Stelle geben wir die durch *SZABOLCSI* hierher bezogene Nr. 130. und 131. von *VÁISÄNEN* an, welche die zweierlei Zeilen in straffem Tanzrhythmus und in gebundener Reihenfolge abwechseln, welche wir daher zu anderem Vergleiche verwenden werden. Andererseits sind die, durch ihn vernachlässigten Beisp. 1—2. mit ihren unregelmässig wechselnden Kadenzen, ihrem rezitativen Gepräge und ihrer improvisationsmässig varierten Melodienlinie zweifellos dem Klageliedtyp entsprechend.

⁴ Wogulische und Ostjakische Melodien. Helsinki, 1937. MSFOu LXXIII.

⁵ Im Beisp. 7. muss auf Grund der Reihenfolge der Wiederholungen eventuell die Kadenz auf 2 als das Ende der Melodie betrachtet werden; dann wäre die in Klammer gesetzte Form richtig, mit der Kadenz VII) (1), mit frigischer Skala.

МАТЕРИАЛЫ ПО КРАНИОЛОГИИ ХАНТОВ

П. Липтак.

Прежде чем приступить к изложению темы, считаем необходимым вкратце перечислить тех авторов, которые занимались антропологическим исследованием народности хантэ. Придерживаясь хронологического порядка, в первую очередь следует назвать имена *Соммиера*¹, *Кароля Папаи*² и *Руденко*,³ далее *Грдлички*⁴. Публикации последнего содержат, однако, лишь метрические данные. Из перечисленных выше авторов, имя венгерского исследователя К. Папаи (1861—1893) мало известно среди исследователей-антропологов, так как преждевременная смерть рано оборвала научную деятельность этого молодого ученого. Папаи был учеником *Ауреля Тэрэка*. В 1888—89-ых годах он совместно с другим венгерцем — Бернгардом Мункачи — производил исследования в стране манси (вогулов) и хантов (остяков). Особенной ценностью научных трудов Папаи является то, что они уже проведены согласно этногенетической точки зрения, правильность которой подтвердили новейшие анализы, хотя в свое время она подверглась резкой критики со стороны А. Тэрэка.

Далее нам следует упомянуть имя венгерского исследователя *Яноша Янко*.

Подлежащий обследованию в этой научной статье материал заимствован из коллекции, собранной Я. Янко в 1888-ом году в районе реки Оби. Этот венгерский ученый в течение всей своей жизни, со всем пылом своей натуры, отдавался научной работе в различных ее областях. Этнография, антропология и география в одинаковой степени считают его своим ученым и несмотря на его короткую жизнь (1868—1902) он оставил после себя ценные труды в различных отраслях науки.

Еще будучи молодым, Я. Янко получает поручение исследовать и описать этнографическую коллекцию, привезенную Енэ Зичи с кавказской и среднеазиатской экспедиции. Чтобы быть вполне подготовленным к исполнению этой задачи; молодой ученый с большим усердием приступает к изучению русского языка и специальной этнографической литературы. По исполнении порученного задания он, по просьбе Енэ Зичи, принимает участие в новой экспедиции последнего, для изучения народов, родственных венгерскому. Летом 1897 года он покидает Будапешт и приблизительно в течение одного года изучал этнографические коллекции России и только в июле 1898 года отправляется в свое исследовательское путешествие к хантам. Он исследовал местности вдоль рек: Демьянки, Иртыша, Оби, Салыма и Югана. Он собирал не только этнографические данные, но производил также антропологические исследования, фотографировал, снимал измерения с живых хантэ и собирал черепа. Из фрагментов его рукописного дневника⁵ мы узнаем опасности и трудности при вскрытии могил, которые он производил всегда ночью, часто без всякой помощи, так как таковую трудно было получить.

I. Таблица. Главнейшие измерения и

Ном. измерения	Измерения.	2361	2362	2363	2364
1	Наибольшая длина черепа	175	182	194	183
5	Длина основания черепа	99	104	106	106
8	Наибольшая ширина черепа	147	134	138	141
9	Наименьшая ширина лба	94	96	101	97
17	Высотный диаметр базион-брегма	129	131	134	132
20	Высотный диаметр порион-брегма	115	110	121	115
32/1a	Угол наклона лба	54°	43°	48°	53°
40	Длина основания лица	103	97	104	106
45	Скуловой диаметр	139	137	139	135
47	Высота лица	119	—	118	—
48	Высота верхнего лица	77	75	72	71
51	Ширина орбиты	40	41	41	45
52	Высота орбиты	36	38	33	35
54	Ширина носа	27	27	28	25
55	Высота носа	(55)	55	52	51
62	Длина нёба	46	48	47	50
63	Ширина нёба	40	—	45	40
65	Ширина сочленовного отростка нижней челюсти	120	—	131	—
66	Угловая ширина нижней челюсти	108	—	113	—
69	Высота нижней челюсти	34	—	34	—
70	Высота ветки нижней челюсти	63	—	72	—
71	Ширина ветки нижней челюсти	33	—	42	—
72	Угол профиля лица	83°	84°	86°	84°
8 : 1	Черепной указатель	84,0	73,6	71,1	77,1
17 : 1	Высотно-продольный указатель	73,7	72,0	69,1	72,1
17 : 8	Высотно-поперечный указатель	87,8	97,8	97,1	93,6
9 : 8	Лобно-поперечный указатель	63,9	71,6	73,2	68,8
47 : 45	Лицевой указатель	85,6	—	84,9	—
48 : 45	Указатель верхнего лица	55,3	54,7	51,7	52,6
52 : 51	Орбитный указатель	90,0	92,7	80,5	77,8
54 : 55	Носовой указатель	49,1	49,1	53,9	49,0
63 : 62	Указатель нёба	87,0	—	95,7	80,0

указатели мужских черепов хантэ.

2365	2367	2368	2369	2371	2373	2375	2376	2378	2380	2384	2385	2386
182	188	178	187	185	195	183	185	179	196	183	177	195
99	104	94	101	103	105	106	(102)	(102)	106	105	97	102
144	147	136	146	140	143	143	140	149	149	134	145	149
102	94	90	91	91	94	100	97	104	101	93	101	102
133	134	132	129	133	134	134	(134)	137	135	129	135	133
120	120	112	110	122	121	121	119	114	127	112	112	116
50°	53°	50°	43°	53°	47°	47°	50°	—	49°	—	—	48°
98	98	97	102	102	105	100	91	102	101	105	—	(100)
139	135	139	138	139	140	143	121	(140)	144	131	135	140
115	—	116	—	—	119	—	—	—	114	112	(107)	—
69	67	74	67	66	75	75	66	—	75	68	(63)	69
40	40	40	43	43	39	40	37	—	42	40	42	41
34	32	35	33	34	35	33	34	35	34	33	34	33
27	27	24	27	26	28	29	23	29	30	27	25	25
49	47	52	51	49	51	53	50	—	56	46	(49)	50
47	47	51	47	47	46	45	42	—	44	47	—	46
40	42	—	—	—	44	38	36	—	—	43	—	39
119	—	123	—	—	121	—	—	(133)	127	118	109	—
100	—	100	—	—	102	—	—	121	113	108	95	—
35	—	32	—	—	35	—	—	33	34	35	31	—
62	—	68	—	—	65	—	—	67	59	57	55	—
35	—	36	—	—	34	—	—	35	39	38	33	—
84°	86°	81°	82°	88°	88°	84°	88°	—	91°	76°	—	84°
79,1	78,2	76,4	78,1	75,7	74,4	78,1	75,7	83,2	76,0	73,2	81,9	76,4
73,1	71,3	74,2	69,0	70,5	68,7	72,4	72,8	76,5	68,9	70,5	76,3	68,2
92,4	91,2	97,1	88,4	95,0	92,4	93,7	95,7	91,9	90,6	96,3	93,1	89,3
70,1	64,0	66,2	62,3	65,0	65,7	69,9	69,3	69,8	67,8	69,4	69,7	68,5
82,7	—	83,5	—	—	85,0	—	—	—	79,2	85,5	79,3	—
49,6	49,6	53,2	48,5	47,5	53,6	52,4	54,6	—	52,1	52,0	46,7	49,3
85,0	80,0	87,5	76,7	79,1	89,7	82,5	91,9	—	81,0	82,5	81,0	80,5
55,1	57,5	46,2	52,9	53,1	54,9	54,7	46,0	—	53,6	58,7	57,0	50,0
85,1	89,4	—	—	—	95,6	84,4	85,7	—	—	91,5	—	84,8

Большинство из собранных черепов (20) происходит из *местности Юган*, один череп из Соровской юрты в долине Салым, два из Цингаля, около Оби, а один череп ему удалось обеспечить у Потьеревской юрты около Иртыша. Местонахождения 6-ти черепов не установлено. Осенью 1898-го года Я. Янко с богатыми результатами вернулся в Будапешт. Он тотчас-же принялся за обработку собранного им этнографического материала, но к сожалению наступившая смерть не дала ему возможности опубликовать результаты его антропологических исследований, не дала ему обработать материал и собранные им черепа и пересекла научную карьеру этого неутомимого, обладающим широким кругозором, ученого⁶.

Коллекция скелетов и черепов, собранная Я. Янко, находится в антропологической галерее Музея Естественных Наук в Будапеште. Полная коллекция состоит из двух скелетов и 30 черепов, во время войны пропали два черепа, а достоверность одного скелета стала сомнительной, поэтому то я и не включил его в подлежащий исследованию материал. Итак для антропологического исследования остались 28 черепов и принадлежащий к одному черепу скелет. Не представлялась больше возможность точно определить местонахождение отдельных черепов, за исключением одного, из Соровской юрты, под ном. 2378. Это определение было возможно только благодаря тому, что в черепе сохранилась наклейка, написанная собственноручно самим Янко.

Прежде чем приступить к изложению материала, считаю необходимым заметить, что в своей работе я придаю исключительное значение морфологическому анализу отдельных черепов. Метрические же данные приводятся мною вкратце, чему предшествует морфологический анализ отдельных черепов. При приведении метрических данных и обозначений, я следую методу *Дебеца*, который дает ясное представление и облегчает производить сравнения. Описание черепов производится мною в очередном порядке инвентарных номеров.

Номер 2361

Очень хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью (cranium) и полный скелет. Мужчина, приблизительно 35 лет (Ad.).

Norma verticalis: sphaeroovoides. Короткий череп (бархикранный). Узкий лоб (stenometop). Швы черепа открытые, с кружевообразными зазубринами. Orthozyg. Смотри со стороны затылка, череп низкий (tapeinocran), крышеобразный. Сосцевидный отросток (processus mastoideus) маленький заостренный. Большое затылочное отверстие средней величины (foramen magnum), немного продолговатое. Зубная дуга сломленной U— формы. Все зубы развиты. Небо плоское, короткое (brachystaphylin). В профиль череп средне-высокий (orthocran). Глабелла умеренно развита (Vroca II), лоб низкий, покатый, крышка черепа свobodчатая и достигает своей высшей точки в задней части медиано-сагитальной дуги. Верхняя часть шерховатого рельефа затылочной кости (squama occipitalis) выпуклая. Переносье низкое, носовые кости и носовой шип сломаны. Профиль лица: mesognath, сильный альвеолярный прогнатизм. Лицо средне-широкое (mesoprosop), верхняя часть лица mesen-lepten. Орбита большая, высокая (hypsicnch). Междуглазная ширина умеренная. Переносье узкое, нос средне-широкий (mesorrhin). Скуловая кость средне выступающая. Собачья яма заполнен-

II. Таблица. Главнейшие измерения и указатели женских черепов хантэ.

Ном. измерения	Измерения	2366	2370	2372	2374	2377	2379	2381	2382	2387	2388	2389
1	Наибольшая длина черепа	187	183	171	187	183	184	181	167	179	172	186
5	Длина основания черепа	104	—	92	101	99	100	99	93	101	(90)	98
8	Наибольшая ширина черепа	137	134	140	141	148	142	137	129	143	143	140
9	Наименьшая ширина лба .	92	91	93	96	99	100	93	85	91	89	89
17	Высотный диаметр базион-брегма	130	129	122	127	121	135	124	119	129	126	131
20	Высотный диаметр порион-брегма	114	114	106	112	110	118	108	105	112	110	117
32/1a	Угол наклона лба	50°	—	50°	48°	48°	—	49°	48°	50°	—	50°
40	Длина основания лица	111	—	94	(99)	104	—	95	95	103	83	102
45	Скуловой диаметр	132	136	128	133	138	131	127	122	130	121	133
47	Высота лица	111	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—
48	Высота верхнего лица	67	—	64	(70)	70	(65)	65	56	63	(57)	70
51	Ширина орбиты.....	42	—	36	42	39	41	39	37	(40)	37	40
52	Высота орбиты	34	—	33	32	32	33	33	31	33	32	35
54	Ширина носа	27	—	24	26	26	27	26	26	26	21	26
55	Высота носа	49	—	49	51	52	50	48	43	50	(46)	49
62	Длина нёба	50	(45)	43	45	50	(42)	46	45	—	—	48
63	Ширина нёба	35	40	—	(37)	—	38	—	34	—	35	43
65	Ширина сочленовного отростка нижней челюсти.....	118	—	—	124	—	—	—	—	—	104	—
66	Угловая ширина нижней челюсти	106	—	—	102	—	—	—	—	—	98	—
69	Высота нижней челюсти	34	—	—	(21)	—	—	—	—	—	25	—
70	Высота вилки нижней челюсти	63	—	—	50	—	—	—	—	—	54	—
71	Ширина вилки нижней челюсти.....	38	—	—	31	—	—	—	—	—	29	—
72	Угол профиля лица.....	78°	—	83°	—	84°	—	84°	79°	81°	—	78°
8 : 1	Черепной указатель.....	73,7	73,2	81,9	75,4	80,9	77,2	75,5	77,3	79,9	83,1	75,3
17 : 1	Высотно-продольный указатель	69,5	69,0	71,9	67,9	66,1	73,4	68,5	71,3	72,1	73,3	70,4
17 : 8	Высотно-поперечный указатель.....	94,9	96,3	87,1	90,1	81,8	95,1	90,5	92,3	90,2	88,1	93,6
9 : 8	Лобно-поперечный указатель	67,2	67,9	66,4	68,1	66,9	70,4	67,9	65,9	63,6	62,2	63,6
47 : 45	Лицевой указатель	84,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
48 : 45	Указатель верхнего лица .	50,8	—	50,0	52,6	50,7	49,6	51,2	45,9	48,5	47,1	52,6
52 : 51	Орбитный указатель	80,9	—	91,7	76,2	82,1	80,5	84,6	83,8	82,5	87,5	87,5
54 : 55	Носовой указатель	55,1	—	49,0	51,0	50,0	54,0	54,2	60,5	52,0	45,6	53,1
63 : 62	Указатель нёба	70,0	88,9	—	82,2	—	90,5	—	75,6	—	—	89,6

ная. Нижняя челюсть довольно высокая, ветка нижней челюсти (*ramus mandibulae*) низкая, средне-широкая, край углового изгиба нижней челюсти немного выдается. Зубная дуга распахнутая. Все зубы развиты.

Полный собранный скелет находился во время анализа отчасти уже в разобранном виде. Строение таза подтвердило принадлежность пола, который был определен по черепу. Скелет в общем довольно грациальный. Длина костей конечностей я измерял по Мартину и всюду применял первый номер измерения (наибольшую длину), в случае большой берцовой кости (*femur*) второй номер измерения, т. е. длину в естественном положении. Результаты измерения следующие :

Сторона	Femur	Tibia	Humerus	Radius	Ulna
Левая	390	308	294	217	235
Правая	385	309	303	228	245

Бросается в глаза гораздо большая длина костей правой руки, что является следствием ее более частого употребления. Зато левая большая борцовая кость гораздо сильнее развита. Эта асимметрия в крестцовом направлении общеизвестное явление. Если мы установим высоту тела на основе новейших вычислений и таблиц Манувриэра и Брейтингера, тогда получаются отклоняющиеся друг от друга результаты. При сравнении этих результатов, мы получаем вероятную высоту в 156—158 см., что вполне отвечает имеющимся у нас данным о хантов. Высота уралалтайских рас по Ярхо определяется в 156—160 см.

Номер 2362.

Хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (*calvarium*). По предположению мужчина лет 40—45. (Mat.). Рис. 20—22.

Norma verticalis: ovoides. Длинный череп (долихокранный). Широкий лоб (*eurymetop*). Швы кружевообразны, сильно зазубрены (Opp. IV. 5—9.) Около обелиона заметно начинающее окостенение швов. *Phaenozyg*. При рассматривании со стороны затылка, череп средневысокий (метриокранный). *Protuberantia occipitalis externa* не развита. Сосцевидный отросток очень маленький, заостренный. Большое затылочное отверстие продолговатое, дельтовой формы. Небо длинное (*leptostaphylin*), зубная дуга параболоидной формы. Жевательная поверхность зубов сильно стерта. При взгляде со стороны, череп средне-высокий (ортокранный). Глабелла умеренно развита (Вроса III.). Лоб низкий, покатый. Крышка черепа умеренно сводчатая, затылок выпуклый. *Os epirtericum* маленького размера. Переносье средне-высокое, спинка носа немного выпуклая. Мезогнатный профиль лица. Верхнее лицо средне-широкое (*mesen*). Орбита большая, четырехугольная, высокая (*hypsiconch.*). Междуглазная ширина средняя. Переносье узкое, носовые кости формы песочных часов, нос средне-широкий (*mesorrhin.*). Собачья ямка немного вогнутая. Скуловая кость, особенно ее дуга, сильно выступающая.

Номер 2363.

Очень хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью (cranium). Мужчина 40—50 лет. (Mat.)

Norma verticalis: *sphenoovides*. Длинный череп (долихокраний). Широкий лоб (*eurometop*). Швы черепа сильно зубчаты (Opp. III. 6—9.), в области брегмы они окостенели. *Phaenozyg*. Смотри со стороны затылка череп средне-высокий (метриокраний), крышеобразный. Сосцевидный отросток сильно развит. Большое затылочное отверстие продолговатое. Нёбо широкое (*brachystaphylin*), зубная дуга параболоидной формы. Зубы целые. При рассматривании сбоку, череп средне-высокий (метриокраний). Глабелла средне развита. (Broca III—IV.). Лоб низкий, покатый. Крышка черепа средне сводчатая. Затылок выпуклый, *planum nuchale* с *planum occipitale* образуют заметный угол. Переносье средневысокое, спинка носа прямая, носовой шип средне развит (Broca 3). Ортогнатный профиль лица. Альвеолярный прогнатизм. Широкое лицо (*mesoprosop.*), верхнее лицо — *mesen*. Орбита угловатая, средне-высокая (*mesoconch.*). Междуглазная ширина большая. Переносье узкое, носовые кости формы песочных часов. Нос широкий (*chamaerrhin.*). Скуловая кость сильно развита. Ветвь нижней челюсти широкая, низкая, Жевательная поверхность зубов невреждена.

Номер 2364.

Хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (*calvarium*). Мужчина, по предположению 40—45 лет. (Mat.)

Norma verticalis: *ovoides*. Средне длинный череп (мезокраний). Средне-широкий лоб (*metriometop*). Преобладающая часть швов окостенела. Оставшаяся часть в области ламбды средне зубчатая (Opp. II. 4—7.). *Phaenozyg*. При взгляде со стороны затылка, череп средне-высокий (метриокраний). *Torus occipitalis* слабо развит. Сосцевидный отросток средней величины. Большое затылочное отверстие немного продолговатое. Нёбо средней ширины (*mesostaphylin*), зубная дуга эллиптической формы. Жевательная поверхность зубов сильно стерта. Смотри сбоку, череп средне-высокий (ортокраний). Лобная кость посередине сдавлена, по всей вероятности следствием зажившего старого поранения. Глабелла средняя (Broca III.). Крышка черепа сводчатая. Затылочная часть выпуклая. Переносье средне-высокое, носовые кости сломаны. Мезогнатный профиль лица. Сильный альвеолярный прогнатизм. Верхнее лицо средне-широкое (*mesen*). Орбита средне-высокая (*mesoconch*), большая; междуглазная ширина маленькая. Переносье узкое, нос средне-широкий (*mesorrhin*). Скуловая кость и скуловая дуга развиты сильнее среднего. Собачья ямка умеренно вогнутая.

Номер 2365.

Очень хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью (cranium). Мужчина около 35 лет. Рис. 11—13.

Norma verticalis: *ovoides*. Средне длинный череп (мезокраний). Широкий лоб (*eurometop*). Швы черепа средне зазубрены (Opp. II. 4—7.). открытые. *Phaenozyg*. Смотри со стороны затылка, череп средне-высокий (метриометопный), крышеобразный. *Protuberantia occipitalis externa* слабо развита. (Broca 1—2.). Сосцевидный отросток средний. Большое затылочное отверстие продолговатое, эллиптическое. Нёбо широкое (*brachystaphylin*).

Зубная дуга угловатая, U-формы. Жевательная поверхность зубов сравнительно целая. При взгляде сбоку, череп средне-высокий (ортокранный). Глабелла средне развита (Broca II), лоб средний, покатый. Крышка черепа умеренно сводчатая, затылок выпуклый. Переносье средне-высокое, носовой шип маленький (Broca 2—3.). Мезогнатный профиль лица, альвеолярный прогнатизм. Верхнее лицо широкое (europ.). Орбита большая, высокая (hypsiconch), междуглазная ширина незначительная. Переносье узкое, нос широкий (chamaerrhin). Скуловая кость сильно развита. Собачья ямка почти совсем заполнена. Нижняя челюсть довольно высокая, ветка нижней челюсти умеренная, средне-широкая. Зубная дуга немного распахнутая.

Номер 2366.

Очень хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью. (cranium). Женщина лет 35—40. (Ad.).

Norma verticalis : ovoides. Длинный череп (долихокранный) Средне-широкий лоб (metriometop). Швы черепа средне зазубрены (Opp. II. 4—6.). В области брегмы и обелиона заметна начинающаяся окостенелость. Phaenozug. При рассматривании с затылка, череп средне-высокий (метриокранный), форма бомбы. Сосцевидный отросток маленький, остроконечный. Большое затылочное отверстие продолговатое. Небо длинное (leptostaphylin), зубная дуга эллиптическая, жевательная поверхность зубов сильно стерта. При взгляде сбоку, череп низкий (хамаекранный). Глабелла средне развита (Broca III.), низкий лоб, довольно крутой, крышка черепа плоско сводчатая, затылочная часть выпуклая. Переносье средне-высокое, спинка носа довольно короткая, прямая. Прогнатный профиль лица, сильный альвеолярный прогнатизм. Лицо широкое (europrosop.). Орбита большая, средне широкая (mesoconch), междуглазная ширина незначительная. Носовые кости узкие, короткие, нос широкий (chamaerrhin). Скуловая кость выдающаяся. Собачья ямка умеренно вогнутая. Нижняя челюсть довольно грациальная.

Номер 2367.

Очень хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (calvarium). Мужчина лет 50—55. (Mat.)

Norma verticalis : sphenoooides. Средне длинный череп (мезокранный). Узкий лоб (stenometop). Швы черепа в значительной степени окостенели, средне зазубрены (Opp. II. 4—6.). Phaenozug. Бугор теменной кости развит. Смотри со стороны затылка, череп низкий (тапеинокранный), крышеобразный. Torus occipitalis слабо развит. Сосцевидный отросток сильно развит. Большое затылочное отверстие маленькое, немного продольное. Небо широкое (brachystaphylin.), зубная дуга параболоидная. Жевательная поверхность зубов сильно стерта. При рассматривании сбоку, череп средне-высокий (ортокранный). Глабелла умеренно развита (Broca III—IV), лоб низкий, покатый. Крышка черепа умеренно сводчатая, затылочная часть выпуклая. Переносье средне высокое, спинка носа короткая, выпуклая, носовой шип маленький (Broca 2.). Ортогнатный профиль лица. Верхнее лицо низкое, широкое (europ.). Орбита средняя (mesoconch), междуглазная ширина маленькая. Носовая часть очень узкая, формы песочных часов, нос широкий (chamaerrhin). Скуловая кость сильно развита. Собачья ямка средне вогнута.

Номер 2368.

Очень хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью (cranium). Мужчина приблизительно лет 55 (Mat.). Рис. 14—16.

Norma verticalis: ovoides. Средне длинный череп (мезокранный). Средне-широкий лоб (metriometop). Швы черепа большей частью окостенели. Phaenozug. При взгляде со стороны затылка, череп средне-высокий (метриокранный), крышеобразный. *Protuberantia occipitalis externa* умеренно развита (Broca 2.). Швы черепа средне зазубрены. (Opp. II. 4—6.). Сосцевидный отросток средний. Большое затылочное отверстие продольное. Небо очень длинно вытянутое, зубная дуга U-формы, жевательная поверхность зубов сильно стерта. Смотри со стороны, череп довольно высокий, но по указателю ортокранный. Глабелла умеренно развита (Broca II—III.). Лоб высокий, покатый, крышка черепа сильно сводчатая, затылок выпуклый. Переносье средне высокое, спинка носа прямая. Мезогнатный профиль лица. Лицо широкое (euryprosop). Орбита большая, высокая (hypsiconch). Междуглазная ширина средняя. Переносье узкое, нос узкий (leptorrhin). Скуловая кость сильно развита. Собачья ямка средне вогнута. Нижняя челюсть довольно низкая, широкая, край углового изгиба нижней челюсти выдается.

Номер 2369.

Хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (calvarium). Мужчина около 50—55 лет. (Mat.).

Norma verticalis: ovoides. Средне длинный череп (мезокранный). Узкий лоб (stenometop). Швы черепа кружевообразно зазубрены (Opp. IV. 5—7.), большая часть окостенела. Phaenozug. При взгляде со стороны затылка, череп низкий (тапеинокранный), крышеобразный. *Protuberantia occipitalis externa* слабо развита (Broca I.). Сосцевидный отросток средний. Большое затылочное отверстие весьма большое, дельтообразное. Небо кажется средне-широким. Зубная дуга формы параболоида. Смотри со стороны, череп средне-низкий (хамаекранный). Глабелла довольно сильно развита (Broca III—IV.). Лоб очень низкий, покатый, крышка черепа высоко сводчатая, затылочная кость выпуклая. Переносье, средне-высокое, спинка носа короткая, немного выпуклая. Мезогнатный профиль лица. Верхнее лицо широкое (euryen). Орбита средне-высокая (mesoconch), угловатая. Переносье узкое, нос широкий (chamaerrhin). Скуловая кость сильно выдается. Собачья ямка немного вогнутая.

Номер 2370.

Средне сохранившийся череп без нижней челюсти (calvarium). По всей вероятности женщина лет 50—55. (Mat.).

Norma verticalis: ovoides. Длинный череп (долихокранный). Средне-широкий лоб (Metriometop). Швы черепа средне зазубрены (Opp. II. 5—7.), большей частью окостенели. Phaenozug. При взгляде со стороны затылка, череп средне-высокий (метриокранный), крышеобразный. *Protuberantia occipitalis externa* слабо развита (Broca I.). Сосцевидный отросток маленький, заостренный. Большое затылочное отверстие растянуто в длину, грушеобразное. Суставные наросты большие, почти раздвоенные. Небо чрезвычайно широкое (brachystaphylin). Зубная дуга формы параболоида, жева-

III. Таблица. Главнейшие краниологические

Инвентарный номер.	Возраст	Norma verticalis	Общая характеристика черепа.	Лоб	Глабелла
2361	Ad.	Sphaeroovoides	Brachycran orthocran tapeinocran	Stenometop	II—III.
2362	Mat.	Ovoides	Dolichocran orthocran metriocran	Eurymetop	III.
2363	Mat.	Sphenoovoides	Dolichocran chamaecran metriocran	Eurymetop	III—IV.
2364	Mat.	Ovoides	Mesocran orthocran metriocran	Metriometop	III.
2365	Ad.	Ovoides	Mesocran orthocran metriocran	Eurymetop	III.
2367	Mat.	Sphenoovoides	Mesocran orthocran tapeinocran	Stenometop	III—IV.
2368	Mat.	Ovoides	Mesocran orthocran metriocran	Metriometop	II—III.
2369	Mat.	Ovoides	Mesocran chamaecran tapeinocran	Stenometop	III—IV.
2371	Mat.	Ovoides	Mesocran orthocran metriocran	Stenometop	III.
2373	Mat.	Dolichoovoides	Dolichocran chamaecran metriocran	Stenometop	IV.
2375	Mat.	Ovoides	Mesocran orthocran metriocran	Eurymetop	III.
2376	Juv.	Sphenoides	Mesocran orthocran metriocran	Eurymetop	III.
2378	Mat.	Ovoides	Brachycran chamaecran tapeinocran	Metriometop	II.
2380	Mat.	Dolichoovoides	Mesocran chamaecran tapeinocran	Metriometop	II—III.
2384	Mat.	Dolichoovoides	Mesocran orthocran metriocran	Eurymetop	II.
2385	Ad.	Ovoides	Brachycran hypsicran metriocran	Eurymetop	II.
2386	Mat.	Pentagonoovoides	Mesocran chamaecran tapeinocran	Metriometop	IV—V.

признаки мужских черепов народности хантэ.

Верхнее лицо	Обрита	Носовая полость	Спинка носа	Профиль лица
Mesen-lepten	Hypsiconch	Mesorrhin	—	Mesognath
Mesen	Hypsiconch	Mesorrhin	Немного выпуклая	Mesognath
Mesen	Mesoconch	Chamaerrhin	Прямая	Orthognath
Mesen	Mesoconch	Mesorrhin	—	Mesognath
Euryen	Hypsiconch	Chamaerrhin	Выпуклая	Mesognath
Euryen	Mesoconch	Chamaerrhin	Выпуклая	Orthognath
Mesen	Hypsiconch	Leptorrhin	Прямая	Mesognath
Euryen	Mesoconch	Chamaerrhin	Немного выпуклая	Mesognath
Euryen	Mesoconch	Chamaerrhin	Сильно выпуклая	Orthognath
Mesen	Hypsiconch	Chamaerrhin	Выпуклая	Orthognath
Mesen	Mesoconch	Chamaerrhin	Выпуклая	Mesognath
Mesen	Hypsiconch	Leptorrhin	Прямая	Orthognath
—	—	—	—	—
Mesen	Mesoconch	Chamaerrhin	Выпуклая	Orthognath
Mesen	Mesoconch	Hyperchamaerrhin	—	Prognath
Euryen	Mesoconch	Chamaerrhin	—	—
Euryen	Mesoconch	Mesorrhin	Прямая	Mesognath

тельная поверхность зубов вкось сильно стерта, на внутренней стороне она стерта до основания короны зубов. Глабелла средняя (Broca III.), лоб очень низкий, покатый; крышка черепа умеренно сводчатая. Кости около орбиты и носовой полости отсутствуют. На краю нижней части носовой полости fossa praenasalis. Скуловая кость довольно сильно развита. Собачья ямка почти совсем заполнена. Сохранившиеся кости лица пострадали от посмертного искажения. Верхнее лицо повидимому широкое.

Номер 2371.

Хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (calvarium). Мужчина лет 45—50. (Mat.).

Norma verticalis: ovoides. Средне длинный череп (мезокранный). Узкий лоб (stenometop). Тонко зазубренные швы, (Opp. III. 4—6.), в значительной степени окостенели Phaenozug. Смотри со стороны затылка, череп средне высокий (метриокранный), крышеобразный. Protuberantia occipitalis externa средне развита. (Broca 2—3.), torus occipitalis слабый. Сосцевидный отросток средний. Большое затылочное отверстие большое, продолговатое. Небо длинное. Большая часть коренных зубов отсутствуют, альвеолы рассосались. Жевательная поверхность оставшихся зубов сильно стерта. Глабелла средне развита (Broca III.), лоб средне-высокий, умеренно покатый. Крышка черепа сильно сводчатая, самая высокая точка находится на линии медиано-сагитального изгиба в сторону затылка. Переносье средне-высокое, нос средне выдающийся, спинка носа сильно выпуклая. Ортогнатный профиль лица, сильный альвеолярный прогнатизм. Орбита средне-высокая (mesosonch), угловатая. Междуглазная ширина незначительная. Верхняя часть носовых костей очень узкая, книзу они утолщаются. Нос широкий (chamaerrhin). Скуловая кость сильно развита. Собачья ямка умеренно вогнута.

Номер 2372.

Очень хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (calvarium). Женщина лет 35—40. (Ad.). Рис. 1—4.

Norma verticalis: sphaeroovides. Короткий череп (бархикранный). Средне-широкий лоб, (metriocran.). Швы черепа кружевообразно зазубрены. (Opp. III. 4—6.). Phaenozug. При взгляде со стороны затылка череп низкий (тапеинокранный), формы закругленного дома. Маленькая *раздвоенная os incae*. Protuberantia occipitalis externa умеренно развита (Broca 1—2.). Сосцевидный отросток средний. Большое затылочное отверстие продолговатое, суставное сочленение частично раздвоенное. Небо длинное, зубная дуга U-формы. Глабелла умеренно развита (Broca II—III.). Средний лоб, довольно крутой, крышка черепа средне сводчатая *С обеих сторон os epirtericum и os malare bipartitum*. Переносье средне-высокое, спинка носа немного выпуклая, носовой шип сильно развит (Broca 4.). Мезогнатный профиль лица. Верхнее лицо средне-широкое (mesen). Междуглазная ширина большая, орбита высокая (hypsiconch.). Переносье узкое, носовые кости книзу расширяются, нос средне-широкий (mesorrhin). Скуловая кость умеренно развита. Собачья ямка немного вогнутая. Весь череп грациального строения.

Номер 2373.

Очень хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью (cranium). Мужчина лет 40—45. (Mat.).

Norma verticalis: *dolichoovides*. Длинный череп (долихокранный). Узкий лоб (*stenometop*). Швы черепа сильно зазубрены (Opp. IV. 5—8.), начинающаяся окостенелость в области брегмы. *Phaenozug* Смотри со стороны затылка, череп средне-высокий (метриокранный), крышеобразный. Сосцевидный отросток чрезвычайно сильно развит. Большое затылочное отверстие продолговатое. Небо широкое (*brachystaphylin*), жевательная поверхность зубов умеренно стерта. При рассматривании сбоку, череп низкий (хамаекранный). Глабелла сильно развита (*Broca* IV.), лоб высокий, покатый, крышка черепа средне сводчатая. Переносье низкое, спинка носа умеренно выпуклая, носовой шип маленький (*Broca* 2.). Ортогнатный профиль лица. Лицо средне-широкое (*mesoprosop.*). По средней линии лба плоский гребень. Орбита большая, высокая (*hypsonch*), междуглазная ширина средняя. Переносье узкое, нос широкий (*chamaerrhin*). Скуловая кость сильно развита, собачья ямка почти совсем заполнена. Нижняя челюсть средне-высокая, ветка нижней челюсти довольно высокая.

Номер 2374.

Хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (*calvarium*). Женщина лет 35—40. (Ad.).

Norma verticalis: *ovoides*. Средне длинный череп (мезокранный). Средне-широкий лоб (*metriometop*). Швы черепа чрезвычайно густые, кружевообразно зазубрены (Opp. IV. 6—8.), открытые. *Phaenozug*. При взгляде со стороны затылка, череп низкий (тапеинокранный). Сосцевидный отросток сильно развит. Большое затылочное отверстие большое, продолговатое. Небо продолговатое. Зубная дуга распахнутая. Смотри со стороны, череп низкий (хамекранный). Глабелла и надбровная дуга умеренно развиты (*Broca* II—III.). Лоб низкий, немного покатый, крышка черепа умеренно сводчатая. Переносье средне-высокое, спинка носа короткая, выпуклая, носовой шип маленький (*Broca* 2.). Сильный альвеолярный прогнатизм. Верхнее лицо средке-широкое (*mesen.*). Междуглазная ширина незначительная, орбита средняя (*mesoconch*). Переносье узкое, нос широкий (*chamaerrhin.*). Скуловая кость умеренно развита, собачья ямка немного вогнутая.

Номер 2375.

Очень хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью (cranium). Мужчина лет 55—60. (Mat.).

Norma verticalis: *ovoides*. Средне длинный череп (мезокранный). Широкий лоб (*eurymetop*). Швы черепа почти совсем окостенели. *Phaenozug*. При рассматривании со стороны затылка, череп средне-высокий (метриокранный). *Torus occipitalis* слабо развит. Сосцевидный отросток маленький, заостренный. Большое затылочное отверстие средней величины, немного квадратной формы. Суставное сочленение частью раздвоенное. Небо средне-длинное (*mesostaphylin*), глубокое. Зубная дуга U-формы. Жевательная поверхность зубов сильно стерта. Смотри со стороны, череп средне-высокий (ортокранный). Глабелла и надбровная дуга средние (*Broca* III.). Лоб средневысокий, умеренно покатый, крышка черепа средне сводчатая.

IV. Таблица. Главнейшие краниологические

Инвентар- ный ном.	Возраст	Norma verticalis	Общая характеристика черепа	Лоб	Глабелла
2366	Ad.	Ovoides	Dolichocran chamaecran metriocran	Metriometop	III.
2370	Mat.	Ovoides	Dolichocran chamaecran metriocran	Metriometop	III.
2372	Ad.	Sphaeroovoides	Brachycran orthocran tapeinocran	Metriometop	II—III.
2374	Ad.	Ovoides	Mesocran chamaecran tapeinocran	Metriometop	II—III.
2377	Mat.	Pentagonoides	Brachycran chamaecran tapeinocran	Metriometop	II.
2379	Mat.	Ovoides	Mesocran orthocran metriocran	Eurymetop	II.
2381	Mat.	Pentagonoides	Mesocran chamaecran tapeinocran	Metriometop	II.
2382	Mat.	Ovoides	Mesocran orthocran metriocran	Stenometop	II.
2387	Mat.	Sphenoides	Mesocran orthocran tapeinocran	Stenometop	III.
2388	Juv.	Sphaerosphenoides	Brachycran orthocran tapeinocran	Stenometop	II.
2389	Ad.	Pentagonoides	Mesocran orthocran metriocran	Stenometop	II.

Признаки женских черепов народности хантэ.

Верхнее лицо	Орбита	Носовая полость	Спинка носа	Профиль лица
Mesen	Mesoconch	Chamaerrhin	Прямая.	Prognath
—	—	—	—	—
Mesen	Hypsiconch	Mesorrhin	Немного выпуклая	Mesognath
Mesen	Mesoconch	Chamaerrhin	Выпуклая	—
Mesen	Mesoconch	Mesorrhin	—	Mesognath
Euryen	Mesoconch	Mesorrhin	—	—
Mesen	Mesoconch	Chamaerrhin	—	Mesognath
Euryen	Mesoconch	Hyperchamaerrhin	Выпуклая	Prognath
Euryen	Mesoconch	Chamaerrhin	—	Mesognath
Euryen	Hypsiconch	Leptorrhin	—	—
Mesen	Hypsiconch	Chamaerrhin	Прямая	Prognath

Переносье средне-высокое, спинка носа выпуклая. Носовой шип мало развит (Broca 2—3.). Мезогнатный профиль лица. Верхнее лицо среднее (mesen). Орбита средняя (mesoconch), междуглазная ширина довольно большая. Переносье узкое, нос широкий (chamaerrhin). Скуловая кость сильно развита. Собачья ямка сильно вогнутая. Вследствие болезни, нижняя челюсть совершенно деформирована. Сама нижняя челюсть расширена в горизонтальном направлении. Ветка нижней челюсти узкая, низкая.

Номер 2376.

Очень хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (calvarium). По всей вероятности юноша лет 16—18. (Juv.).

Norma verticalis: sphenoides. Средне длинный череп (мезокранный). Широкий лоб (eurymetop). Бугры теменной кости развиты. Швы черепа совершенно открытые, средняя зазубренность (Opp. III. 5—8.). Orthozyg. При взгляде со стороны затылка, череп средне-высокий (метриокранный), крышеобразный. Сосцевидный отросток очень маленький. Большое затылочное отверстие большое, яйцевидное. Synchrondrosis spenooccipitalis — открытый. Нёбо короткое (brachystaphylin), глубокое. Зубная дуга формы параболоида. Второй molaris развит. При рассматривании сбоку, череп средне-высокий (ортокранный). Глабелла средне развита (Broca III.). Лоб высокий, умеренно покатый, крышка черепа средне сводчатая. Os epiptericum. Переносье средне-высокое, нос сильно выдается. Носовой шип сильно развит (Broca 4.). Ортогатный профиль лица. Верхнее лицо средне-широкое (mesen). Орбита высокая (hypsiconch). Междуглазная ширина незначительная. Нос узкий (leptorrhin). Скуловая кость прилегает к лицу. Собачья ямка заполнена. Весь череп имеет еще инфантильные признаки, по сравнению с мозговой коробкой лицевой череп отстал.

Номер 2377.

Очень хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (calvarium). По всей вероятности женщина лет 50—55. (Mat.).

Norma verticalis: pentagonoides. Череп короткий (брахикранный). Средне-широкий лоб (metriometop). Швы черепа средне зазубрены. Прогрессивная окостенелость (Opp. II. 4—8.). Pnaenozyg. Смотри со стороны затылка, череп низкий (тапеинокранный), крышеобразный. Torus occipitalis слабо развит. Сосцевидный отросток короткий, широкий. Большое затылочное отверстие маленькое, грушеобразное. Нёбо продолговатое. Большая часть зубов выпала, альвеолы рассосались. При рассматривании сбоку, череп низкий (хамекранный). Глабелла слабо развита (Broca II.). Лоб низкий, покатый, крышка черепа плоско сводчатая. Переносье средне-высокое, носовые кости и носовой шип сломаны. Мезогнатный профиль лица, сильный альвеолярный прогнатизм. Верхнее лицо широкое (mesen). Орбита средневысокая (mesoconch), угловатая. Междуглазная ширина незначительная. Переносье узкое, нос средний (mesorrhin) Носовая полость на нижнем краю расплывчатая (fossa praenasalis). Скуловая кость сильно развита, собачья ямка почти заполнена.

Номер 2378.

Фрагментарный череп с нижней челюстью (cranium). Мужчина около 55 лет. (Mat.).

Norma verticalis: ovoides. Короткий череп (брахикраинный). Широкий лоб (eurymetop). Прогрессивная окостенелость черепных швов, сильно зазубренные швы (Opp. IV. 4—6.). *Orthozyg.* При взгляде со стороны затылка, череп низкий (тапеинокранный). *Protuberantia occipitalis externa* умерно развита (Broca 2.). Сосцевидный отросток короткий, широкий. Основная кость черепа и небо обломаны и не сохранились полностью. Зубная дуга распахнута, жевательная поверхность зубов сильно стерта. Смотри со стороны, череп высокий (гипсикранный). Глабелла слабо развита (Broca II.). Лоб средне-высокий, крутой, бугор лба довольно развит, крышка черепа сводчатая. Носовые кости и носовой шип сломаны. Верхнее лицо средней ширины, из-за недостающих костей, нельзя было точно установить морфологические признаки лица. Собачья ямка слабо вогнутая. Нижняя челюсть довольно высокая, ветка нижней челюсти средняя. Зубная дуга распахнутая.

Номер 2379.

Очень хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (calvarium). По всей вероятности женщина около 45 лет. (Mat.).

Norma verticalis: ovoides. Средне длинный череп (мезокранный). Широкий лоб (eurymetop). Швы черепа в области брегмы и обелиона показывают начинающуюся окостенелость, незначительная зазубренность (Opp. II. 4—7.). *Cryptozyg.* При взгляде со стороны затылка, череп средне-высокий (метриокранный). *Protuberantia occipitalis externa* умеренно развита (Broca 2.). Сосцевидный отросток короткий, довольно толстый. Большое затылочное отверстие маленькое, продольное. Небо широкое (brachystaphylin), глубокое, зубная дуга формы параболоида, жевательная поверхность зубов сильно стерта. При рассматривании сбоку, череп средне-высокий (ортокранный). Глабелла слабо развита (Broca II.). Лоб высокий, умеренно покатый, крышка черепа плоско сводчатая. Переносье плоско вдавлено, носовые кости формы песочных часов. Нос широкий (chamaerrhin). Собачья ямка неглубокая.

Номер 2380.

Очень хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью (cranium.) Мужчина около 45 лет. (Mat.). Рис. 8—10.

Norma verticalis: ovoides. Средне длинный череп (мезокранный). Средне-широкий лоб (metriometop). Окостенелость швов началась, главным образом, в области брегмы. Швы сильно зазубрены (Opp. IV. 6—9.). *Phaeozyg.* Смотри со стороны затылка, череп низкий (тапеинокранный), крышеобразный. *Torus occipitalis* умеренно развит. Сосцевидный отросток короткий, толстый. Большое затылочное отверстие длинное, грушеобразное. Небо вероятно средне-широкое. Большая часть зубов выпала, зубная полость рассосалась. Жевательная поверхность зубов стерта. Глабелла умеренно развита (Broca II—III.), лоб средне-высокий, умеренно покатый, крышка черепа средне сводчатая. *Planum michale* вместе с *planum occipitale* образуют в области затылка угол. Переносье низкое, нос средне выда-

ется, спинка носа выпуклая. Носовой шип маленький (Broca 2—3.). Ортогнатный профиль лица. Верхнее лицо средне-широкое (mesen). Орбита средней величины, угловатая, средне-высокая (mesoconch.). Междуглазная ширина незначительная. Носовые кости формы песочных часов, костной нос вздутого облика. Носовая полость формы сердца, нос широкий (chamaerrhin.). Скуловая кость очень сильно развита, собачья ямка немного вогнутая. Угловой изгиб нижней челюсти на краю выдается. Ветка нижней челюсти низкая, широкая.

Номер 2381.

Хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (calvarium). Женщина около 55 лет. (Mat.).

Norma verticalis: pentagonoides. Средне длинный череп (мезокранный). Средне широкий лоб (metriometop). Швы крышки черепа почти совсем окостенели. Phaenozug. При взгляде со стороны затылка, череп низкий (тапеинокранный), крышеобразный. Шерховатый рельеф затылка в своей верхней части сильно выпуклый. Швы теменной кости слабо зазубрены (Opp. II. 3—6.), немного окостенели. Сосцевидный отросток маленький, заостренный. Большое затылочное отверстие средней величины, продолговатое. Небо продолговатое, плоское. Все коренные зубы выпали, зубные полости рассосались. Глабелла слабо развита (Broca II.), лоб средне-высокий, умеренно покатый, крышка черепа плоско сводчатая. Переносье средне высокое, носовые кости частью сломаны, носовой шип маленький (Broca 2.). Мезогнатный профиль лица, альвеолярный прогнатизм. Верхнее лицо средне-широкое (mesen), орбита большая, угловатая, средне-высокая (mesoconch.). Переносье узкое, нос широкий (chamaerrhin.). Скуловая кость умеренно выдается. Собачья ямка немного вогнутая.

Номер 2382.

Хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (calvarium). Женщина около 40 лет. (Mat.). Рис. 5—7.

Norma verticalis: ovooides. Средне длинный череп (мезокранный.). Узкий лоб (stenometop). Швы черепа слабо зазубрены (Opp. II. 4—6.), начинающаяся окостенелость в области брегмы. Phaenozug. *Protuberantia occipitalis externa* слабо развита (Broca I.). При рассматривании со стороны затылка, череп средне высокий (метриокранный), крышеобразный. Сосцевидный отросток очень маленький. Большое затылочное отверстие маленькое, ромбовидное. Небо длинное (leptostaphylin), зубная дуга эллиптическая. Жевательная поверхность зубов сильно стерта, за исключением третьего коренного (molaris). Глабелла слабо развита (Broca II.). Низкий лоб, довольно крутой, крышка черепа средне сводчатая. Переносье средне-высокое, спинка носа короткая, выпуклая, нос довольно выдается. Прогнатный профиль лица, сильный альвеолярный прогнатизм. Лицо очень низкое, средне широкое (europen). Орбита большая, угловатая, средне высокая (mesoconch.). Междуглазная ширина незначительная. Переносье узкое, нос очень широкий (hyperchamaerrhin.). Скуловая кость немного выдается. Собачья ямка немного вогнутая. Абсолютные размеры черепа маленькие, в общем грациальные.

Номер 2384.

Очень хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью (cranium). Мужчина около лет 50. (Mat.).

Norma verticalis: *dolichoovoides*. Средне длинный череп (мезокранный). Широкий лоб (*eurymetop*). Швы черепа умеренно зазубрены (Opp. II. 6—8.). Короткие сагитальные швы показывают окостенение. *Phaenozyg*. При взгляде со стороны затылка череп средне-высокий (метриокранный). *Protuberantia occipitalis externa* слабо развита (*Broca I.*). Сосцевидный отросток очень маленький, заостренный. Большое затылочное отверстие маленькое, продольное. Нёбо широкое (*brachystaphylin*). Зубная дуга U-формы. Зубы целые, крепкие, за исключением третьих коренных (*molaris*), жевательная поверхность зубов стерта. Смотри со стороны, череп средне-высокий (ортокранный). Глабелла слабо развита (*Broca II.*). Лоб средне-высокий, умеренно покатый, крышка черепа плоско сводчатая, затылочная часть сильно выпуклая. Переносье низкое, носовые кости сломаны, носовой шип маленький (*Broca 2.*). Прогнатный профиль лица, сильный альвеолярный прогнатизм. Верхнее лицо средне-широкое (*mesen.*). Междуглазная ширина незначительная. Орбита большая, угловатая, средне-высокая (*mesoconch.*). Переносье узкое, нос очень широкий (*hyperchamaerhin*). Скуловая кость сильно развита. Собачья ямка заполнена. Все лицо имеет плоский облик. Нижняя челюсть средне-высокая, ветка нижней челюсти низкая, умеренно широкая. Зубная дуга распахнутая.

Номер 2385.

Очень хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (*calvarium*). По всей вероятности мужчина около 35 лет. (Ad.).

Norma verticalis: *ovoides*. Короткий череп (брахикранный). Широкий лоб (*eurymetop*). Швы черепа средне зазубрены (Opp. II. 5—7.). *Sutura metopica*. В области брегмы сагитальные швы раздваиваются и между ними образовалась очень маленькая (18 мм длинный и в среднем 5 мм широкий) кость, походящая на кость брегмы. *Cryptozyg*. На теменной кости заметны углубления, различных форм, возникшие вследствие болезненных изменений. При взгляде со стороны затылка, череп средне-высокий (метриокранный), крышеобразный. *Protuberantia occipitalis externa* слабо развита (*Broca I.*). Сосцевидный отросток довольно сильно развит, бугристый. Большое затылочное отверстие большое, немного продольное. Нёбо очень широкое. Смотри со стороны, череп высокий (гипсикранный). Глабелла слабо развита (*Broca II.*). Лоб высокий, крутой, крышка черепа средне сводчатая, затылок умеренно выпуклый. В области лба и носа кости показывают следы заживших рубцов. Междуглазная ширина большая. Орбита средне высокая (*mesoconch*). Нос широкий (*chamaerhin*). Скуловая кость слабо развита. Собачья ямка умеренно вогнутая.

Номер 2386.

Очень хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (*calvarium*). Мужчина около 50 лет. (Mat.).

Norma verticalis: *pentagonoovoides*. Средне длинный череп (мезокранный). Средне-широкий лоб (*metriometop*). Швы черепа слабо зазубрены. (Opp. II. 3—5.), значительная прогрессивная окостенелость. *Phaenozyg*. При

V. Таблица

Номер измерения по Мартину	Измерения и указатели	Луговской могильник ананинской культуры. (По Трофимовой)	Ханты из местности реки Юган	Қарошский могильник. Венгрызавоеватели страны. 3. могила. (По Липтаку)
1	Наибольшая длина черепа	186,0(8)	185,8(15)	179
5	Длина основания черепа	102,5(4)	102,7(15)	106
8	Наибольшая ширина черепа	148,2(9)	142,5(15)	139
9	Наименьшая ширина лба	97,2(7)	97,1(15)	95
17	Высотный диаметр базион-брегма	136,0(4)	133,0(15)	130
40	Длина основания лица	101,3(8)	101,2(15)	104
45	Скуловой диаметр	141,0(2)	138,3(15)	136
48	Высота лица	71,0(7)	70,4(14)	72
8 : 1	Черепной указатель	79,7(8)	77,0(15)	77,7
17 : 1	Высотно-продольный указатель	73,5(4)	71,7(15)	72,6
17 : 8	Высотно-поперечный указатель	93,2(4)	93,4(15)	93,5
9 8 :	Лобно-поперечный указатель ...	64,2(4)	68,2(15)	68,4
48 : 45	Лицевой указатель	50,5(2)	51,0(14)	52,9
52 : 51	Орбитный указатель	80,4(7)	82,7(14)	92,1
54 : 55	Носовой указатель	49,5(7)	52,9(14)	46,6
72	Вертикальный угол лица	86,6(5)	83,0(13)	88,6

взгляде со стороны затылка, череп низкий (тапеинокранный), крышеобразный; хорошо виден угол, образованный теменной костью. *Torus occipitalis* умеренно развит. Сосцевидный отросток довольно сильно развит. Большое затылочное отверстие средней величины, длинное. Левый *condylus occipitalis* совершенно развит, а правый только отчасти. Небо средне-широкое (*mesostaphylin*), глубокое. Зубная дуга эллиптическая, жевательная поверхность зубов сильно стерта. Смотри со стороны, череп низкий (хамаекранный). Глабелла и надбровная дуга сильно развиты (*Broca IV—V.*), лоб низкий, покатый; крышка черепа средне сводчатая. Переносье среднее высокое, спинка носа короткая, прямая; носовой шип маленький (*Broca 2.*). Мезогнатный профиль лица, сильный альвеолярный прогнатизм. Верхнее лицо широкое (*euryen*). Орбита средне-высокая (*mesoconch*), нос средний (*mesorrhin*). Скуловая кость умеренно развита, собачья ямка средне вогнута.

Но м е р 2387.

Плохо сохранившийся череп без нижней челюсти (*calvarium*). Женщина лет 45—50. (*Mat.*) На многих местах череп продырявлен.

Norma verticalis: *sphenoides*. Средне длинный череп (мезокранный). Узкий лоб (*stenometop*). На крышке черепа имеются неправильные углубления, повидному вследствие болезни. Швы черепа кружевообразно зазубрены (*Opp. I. 4—8.*). Сагитальные швы окостенели. *Orthozyg.* При взгляде со стороны затылка, череп низкий (тапеинокранный). *Protuberantia occipitalis externa* слабо развита. (*Broca I.*) Сосцевидный отросток маленький. Большое затылочное отверстие большое, кругловатое. Небо обломано, по всей вероятности длинное; зубная дуга U-формы. Смотри со стороны, череп средне-высокий (ортокранный). Глабелла средняя (*Broca III.*). Лоб высокий покатый; крышка черепа умеренно сводчатая, верхняя часть шерховатого рельефа затылочной кости выпуклая. Переносье средне-высокое, носовые кости сломаны. Мезогнатный профиль лица, сильный альвеолярный прогнатизм. Верхнее лицо широкое (*euryen*). Орбита большая, средне высокая (*mesoconch*). Междуглазная ширина незначительная. Переносье очень узкое, нос широкий (*chamaerrhin*). Скуловая кость достаточно развита. Собачья ямка сильно вогнутая.

Но м е р 2388.

Хорошо сохранившийся череп с нижней челюстью (*cranium*). Девочка 15—17 лет. (*Juv.*)

Norma verticalis: *sphaerosphenoides*. Короткий череп (брахиокранный). Узкий лоб (*stenometop*). Швы черепа слабо зазубрены (*Opp. II. 3—6.*), совершенно открытые. При взгляде со стороны затылка, череп низкий (тапеинокранный), форма бомбы. Поверхность затылочной кости гладкая. Сосцевидный отросток очень маленький, заостренный. Большое затылочное отверстие большое, кругловатое. *Sutura sphenoccipitalis* не окостенела. Небо широкое, глубокое. Зубная дуга формы параболоида. При рассматривании сбоку, череп средне-высокий (ортокранный). Глабелла слабо развита (*Broca II.*). Лоб средне-высокий, крутой, лобный бугор развит, крышка черепа средне сводчатая. На левой стороне *os epiptericum*. Переносье средне-высокое, носовые кости сломаны. Орбита круглая, высокая (*hypsiconch*), междуглазная ширина незначительная. Переносье узкое, нос узкий (*leptorrhin*).

Скуловая кость довольно развита. Собачья ямка средне вогнута. Нижняя челюсть маленькая грациальная. Зубная дуга распахнутая. Оба третьи коренные зубы (*molaris*) пробиваются. Жевательная поверхность зубов целая.

Номер 2389.

Очень хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти (*calvarium*). По всей вероятности женщина 35—40 лет. (*Ad.*) 17—19 рисунки.

Norma verticalis: *pentagonoides*. Средне длинный череп (мезокранный.). Узкий лоб (*stenometop*). Швы черепа мало зазубрены (*Opp.* I. 4—7.), открытые. Бугор теменной кости развит. *Phaeozug*. При взгляде со стороны затылка череп средне-высокий (метриокранный). Верхняя часть шерховатого рельефа затылочной кости очень сильно выпуклая. Сосцевидный отросток маленький, заостренный. Большое затылочное отверстие длинное, формы дельтоида. Небо широкое (*brachystaphylin*), глубокое; эллиптическая зубная дуга. Жевательная поверхность зубов сильно стерта. Смотря со стороны, череп средне-высокий (ортокранный). Глабелла слабо развита (*Brosa II.*) Лоб средне-высокий крутой; лобный бугор средне развит; крышка черепа умеренно сводчатая. Переносье высокое, носовые кости частью сломаны, спинка носа по всей вероятности прямая, носовой шип маленький (*Brosa 2.*) Прогнатный профиль лица, альвеолярный прогнатизм. Среднее лицо широкое (*euryen*). Орбита большая, высокая (*hypsiconch*). Переносье узкое, нос широкий (*chamaerrhin*). Скуловая кость средне развита. Собачья ямка слабо вогнута.

Рассмотрение отдельных признаков, характеризующих исследованные черепа, приводит к следующим выводам. При анализе черепных указателей мы находим: 6 брахикранных, 17 мезокранных, 5 долихокранных черепов. Высотно-продольный указатель: 10 хамекранных, 16 ортокранных, и 2 гипсикранных черепов. При определении высотно-поперечного указателя, оказалось, что совершенно не было акрокранных черепов, а только 16 метриокранных и 12 тапеинокранных. Ширина лба, согласно лобно-поперечного указателя: 9 черепов *eurymetop*, 10 черепов *metriometop* и 9 черепов *stenometop*. Верхнее лицо: в 10 случаях — *euryen*, в 15 случаях — *mesen* в одном случае — *mesen-lepten*, а в двух случаях не представлялась возможность определения. Орбитный указатель: 9 черепов — *hypsiconch*, 17 черепов — *mesosonch*, 2 черепа — *chamaesonch*. Большая разбросанность замечается в отношении носовой полости: 2 черепа — *hyperchamaerrhin* 15 черепов — *chamaerrhin* 6 черепов — *mesorrrhin* 3 черепа — *leptorrrhin* и в двух случаях определение не удалось. Указатели неба: 10 черепов — *brachystaphylin*, 4 черепа *mesostaphylin*, 2 черепа — *leptostaphylin*, из-за поломки неба определение в 12 случаях не удалось. В отношении возраста, 2 черепа юношеского возраста (*Juv*), 7 зрелого возраста (*Ad*), 19 черепов возмужалого возраста (*Mat*), старческий возраст (*Sen*) не встречался, что указывает на общий низкий возрастной уровень. В исследованном материале число мужских черепов больше (17), чем женских (11). В конечном итоге можно установить, что разбросанность указателей сравнительно не большая, т. е. в распределении черепных признаков имеется определенный общий центр. Этот факт доказывает, что речь идет о гомогенной народности. Важнейшие указатели и измерения, составленных отдельно для обоих полов, видны из таблиц I и II. Аналогично таблицы III и IV содержат главнейшие краниологические признаки.

Суммируя вышеизложенное, дается возможность большинству краниологических типов исследованного материала описать следующим образом: черепа средние длинные (мезокранные), средне-высокие (ортокранные, метриокранные), или же низкие (хамаекранные, тапеинокранные); верхнее лицо среднеширокое — широкое (*mesen-euryen*); орбита средне-высокое — высокое (*meso-hypsiconch*); носовая полость в общем широкая (*chamaerrhin*); нёбо широкое (*brachystaphylin*). Если смотреть сверху, то череп почти всегда *ovoides*. *Protuberantia occipitalis externa* почти всегда умеренно развита, но иногда замечается слабо развитый *torus occipitalis*. Глабелла и надбровная дуга в общем средне развиты. Переносье средне-высокое, спинка носа короткая, средне выступающая, в большинстве случаев выпуклая. Лобная часть носовых костей в общем узкая, книзу костной нос расширяются, в многих случаях показывают характерную форму песочных часов. Часто встречаем костяк носа «вздутого» облика. Профиль лица в большинстве случаев мезогнатный, часто встречаем сильный альвеолярный прогнатизм. Лоб обыкновенно умеренно покатый. Крышка черепа средне сводчатая. Затылок всегда выпуклый (*curvoccipital*). Скуловая кость средне, или сильно развита, скуловые дуги в большинстве случаев сильно развиты (*phaeozyg*). Череп в общем довольно массивный. Жевательная поверхность зубов необычайно сильно стерта, что является последствием способа питания. Цвет черепов главным образом красновато-бурый, окрашенные гемоглобином кости еще не выщелачивались.

Эта совокупность отдельных признаков указывает на то, что в исследованном материале представлен сибирский, или же урало-алтайский⁸ угорский расовый тип (Ярхо). Если мы применяем терминологию *Монтандона*⁹, то в этой серии одновременно представлены варианты *монголо-сибирского* и *европо-сибирского*, причем первый вариант преобладает. У некоторых черепов прогнатизм такой выраженный, что он переходит размеры вариаций урало-алтайского типа. В этих случаях, по всей вероятности, необходимо учитывать влияние средне-азиатского (тунгидского), или палеосибирского (по установлению Ярхо и Дебеца) типа.

Среди вышеописанных черепов, в сильной степени отличаются по своим признакам два черепа. Череп номер 2372 выделяется в морфологическом отношении из-за существующих у него *os epiptericum* и разделенной скуловой кости (*os malare bipartitum*), этот череп принадлежит несомненно также к азиатскому расовому стволу (монголоид), но в нем заметны характерные инфантиль-примитивные признаки (палеомонголидная форма?) Рис. 1—4. Череп номер 2382 прогнатый, *hyperchamaerrhin*, он в некотором отношении похож на первый череп, о котором мы выше упомянули, но он несомненно является европеоидом, и в нем тоже замечаются инфантиль-примитивные ведди-форные черты. Рис. 5—7. По всей вероятности, эти два типа не играли большую роль среди соматических компонентов хантов.

Стремлением настоящей работы явилось, пополнить краниологическими данными наши антропологические знания относительно хантов, но она одновременно и желает обратить внимание на некоторые вопросы в связи с этногенезом венгерского народа. Для этой цели является целесообразным, производить краниологические сравнения венгров-завоевателей страны с народностью хантэ, т. к. смешение различных племен в Карпатском бассейне в значительной степени изменило антропологический облик венгерского народа. С этой предпосылкой, мы постараемся дать ответ на

нижеследующие вопросы, указывая специально при каждом отдельном вопросе на те трудности, возникающие из-за отсутствия соответствующего материала для сравнения, которые, при наличии наших до сих пор приобретенных знаний, значительно затрудняют сделать выводы.

1. Какая связь существует в антропологическом отношении между венграми-завоевателями страны и родственным им по языку хантами?

У венгров-завоевателей страны несомненно можно доказать присутствие европо-сибирского элемента. Это подтверждают также *Бартуц* и *Немешкери*. Кроме того я могу сослаться на свою статью¹⁰, в которой я, среди других черепов из времен завоевания страны, также описываю материал из могильника около Карош (комитат Земплен) из X-го столетия. Там тоже сказывается европо-сибирская разновидность. При сравнении материалов из карошского могильника с материалом хантов, мы приходим к тому заключению, что между самыми европеоидными черепами хантэ и самыми монголоидными черепами могильника в Кароше, в сильной степени существует родство. Приведенные в этой статье рисунки, подтверждают сходство этих двух серий. Для облегчения этого сравнения, я привел фотографии черепов хантэ сибирского типа в таком порядке, что монголоидный характер постепенно уменьшается в пользу европеоидного (рис. 8—22), и под конец я привожу череп номер 3289 из третьей могилы кладбища в Кароше (рис. 23—25).

2. Каким палеоантропологическим материалом можно было бы подтвердить вышеописанную связность?

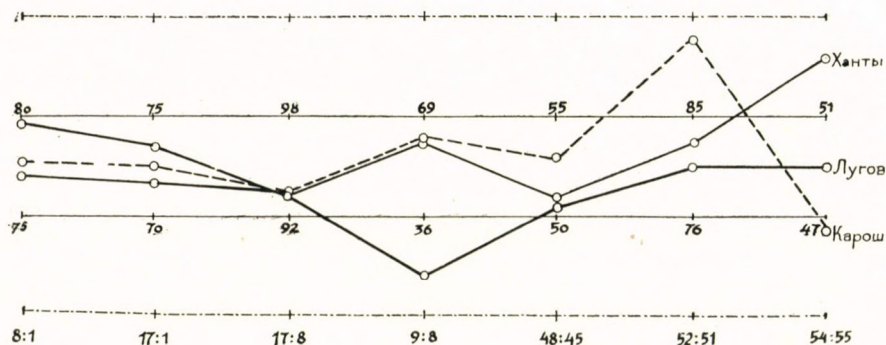
Новейшие успехи советской науки помогают нам дать ответ на этот вопрос. В первую очередь я на этом месте хочу упомянуть луговской могильник ананинской культуры, который в 1938—40 гг. вскрыла *А. В. Здруева*¹¹. Обработку антропологического материала произвела *Т. А. Трофимова*¹², его характеристический антропологический тип оформил *М. М. Герасимов*¹³. Наряду с европеоидными долихокранными черепами в преобладающем количестве находились тут мезобрахикранные черепа монголоидного типа.* Черепа луговского могильника показывают средние указания и размеры, весьма близкие к тем вышеописанным черепам хантэ, но и в отношении черепов венгров-завоевателей страны европо-сибирского типа они занимают место, которое находится между этими двумя видами черепов. Однако следует иметь в виду, что, в смысле вышесказанного, эти средние величины вычислялись на основании метрических характеристик двух типов. По отношению к черепам хантов, это сравнение явствует из приложенной таблицы средних показателей и размеров (V. таблица и диаграмма**, VI. рис.). Все данные относятся к мужским черепам, у черепов хантэ я один череп юношеского возраста не включил в морфологические и

* Оригиналом статьи я к сожалению не располагал. Результаты работы *Т. А. Трофимовой* мне известны только из уже упомянутой работы Дебеца.

** Приведенная диаграмма объясняет сравнение на основе указателей. Прерывная линия средней полосы отвечает средним классам указателей (мезокран, метриометоп и т. д.), для точности приводятся и рубежные размеры. Порядок указателей соответствует порядку указателей в приведенных таблицах, отмечены также сравнительные размеры (номера по Мартину). При рисовании диаграммы я обратил внимание на то, чтобы она была бы ясной и наглядной.

метрические характеристики. Из венгерского могильника в Кароше венгров-завоевателей страны, я только сообщаю данные одного черепа, так как другие (сибирские типы) были весьма фрагментарны, а кроме того этот череп проявлял выразительнее всего характерные черты вышеприведенного типа.

Нельзя упустить из вида тот факт, что сравнение распространяется на сравнительно малочисленный материал таких групп, которые в этническом отношении развивались в отклоняющихся друг от друга условиях. Однако не подлежит сомнению, что между луговскими черепами ананинской культуры и выше обследованной серии черепов хантэ, а также и между некоторыми определенными черепами венгров завоевателей страны, существует такое большое сходство, которое ни коим образом не может быть результатом случайной конвергенции. Необходимо отметить, что череп карошского могильника не единичный случай, они встречаются и у черепов некоторых других могильников венгерских завоевателей страны. Подтверждение и восполнение этого мышления и вышеприведенных сравнений можно ожидать от будущих археологических раскопок и обследований их мате-

VI. рис. Сравнительная диаграмма черепов хантэ, луговского могильника и черепа венгра-завоевателя страны (Карош).

риалов, — с одной стороны от раскопок в окрестности Белая, а с другой стороны от вскрытия могильников венгров-завоевателей страны в Карпатском бассейне.

Необходимо однако отметить, что европо-сибирский (уральский) расовый тип венгров-завоевателей страны конечно не занимает точно такое же таксономическое место, как выше исследованные черепа хантов, или же черепа луговского могильника. Причиной этому является не только локализующееся сменение венгерского народа в тех или иных популяциях, возникшее в результате, охватывающей большие области, венгерской миграцией, но и дальнейшее развитие самого расового типа, что особенно сказывается в грацилизации и во все больше развивающемся ортогнатном профиле лица.

Если эта статья своими данными способствовала пополнению наших знаний по краниологии хантов и по вопросу этногенезиса венгерского народа, тогда она достигла свою цель.

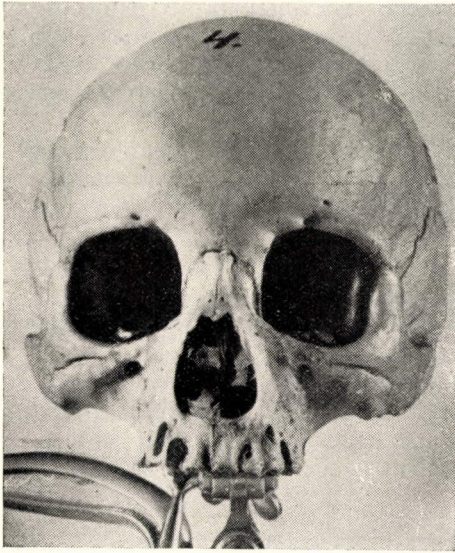

Рис. 1.

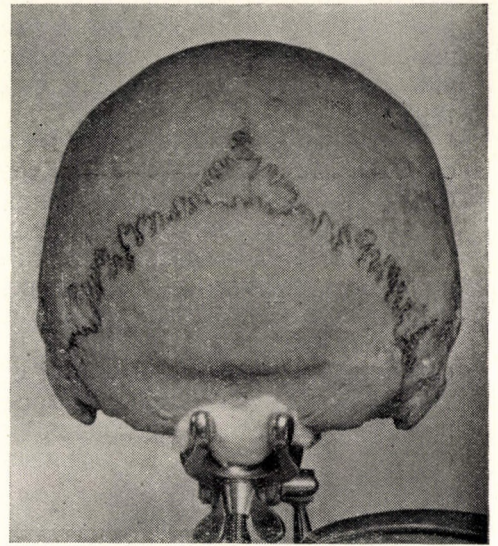

Рис. 3.

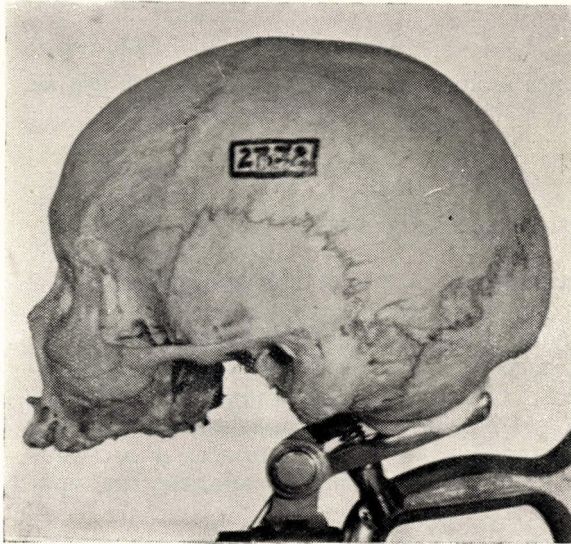

Рис. 2.

Уреп хангэ № 2372

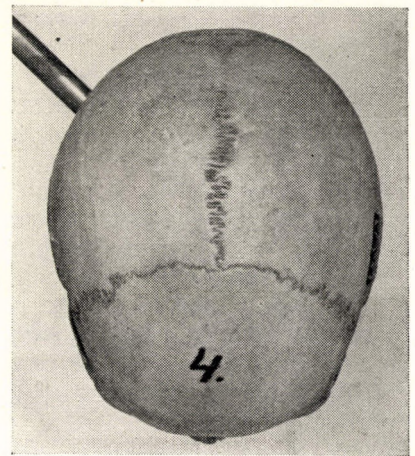

Рис. 4.

Рис. 5.

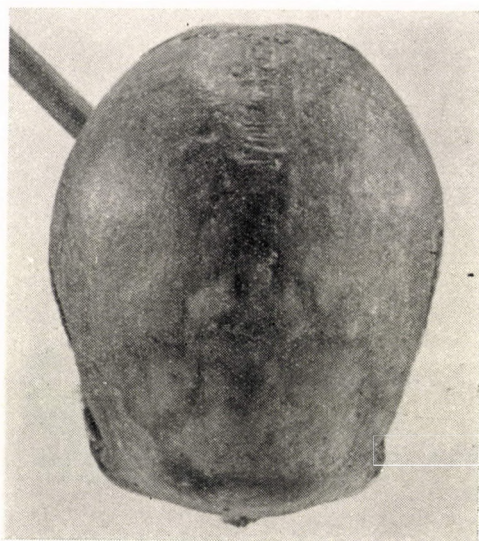

Рис. 6.

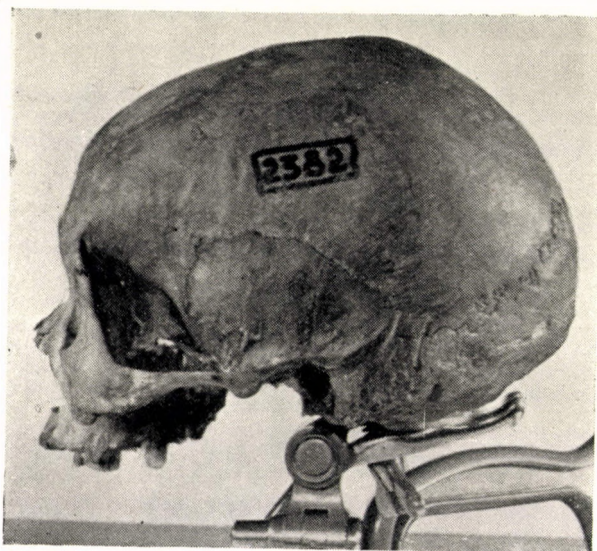

Рис. 7.

№ 2382

Рис. 8.

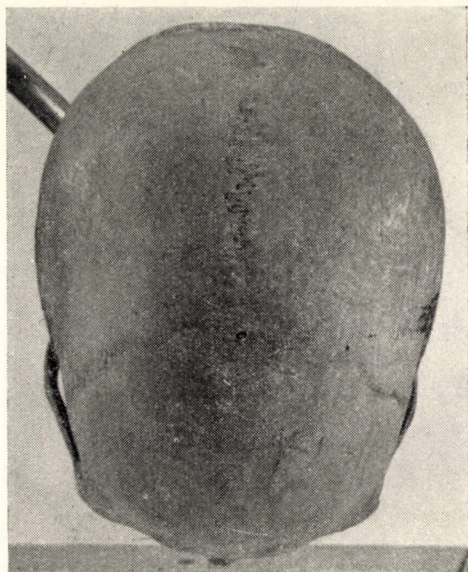

Рис. 9.

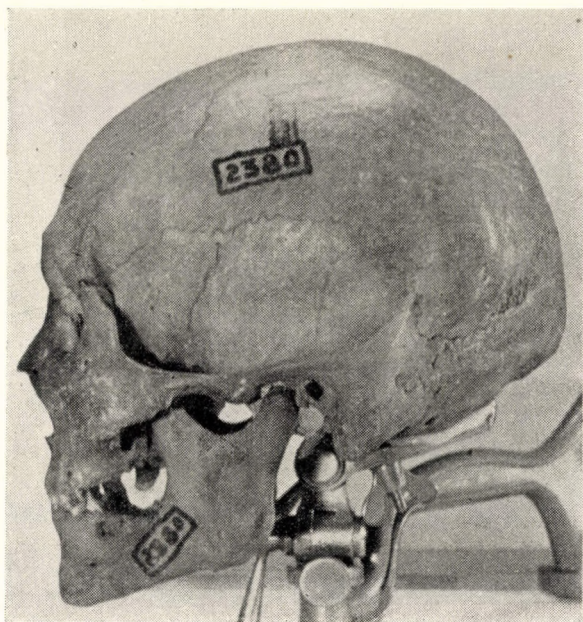

Рис. 10.
№ 2380

Рис. 11.

Рис. 12.

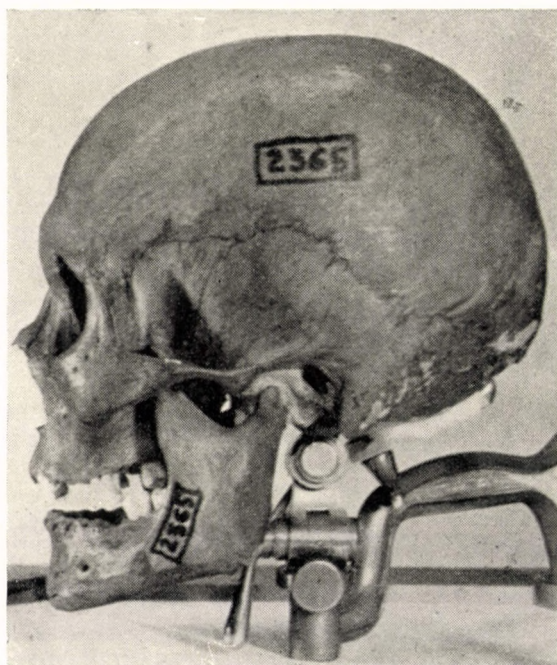

Рис. 13.
№ 2365

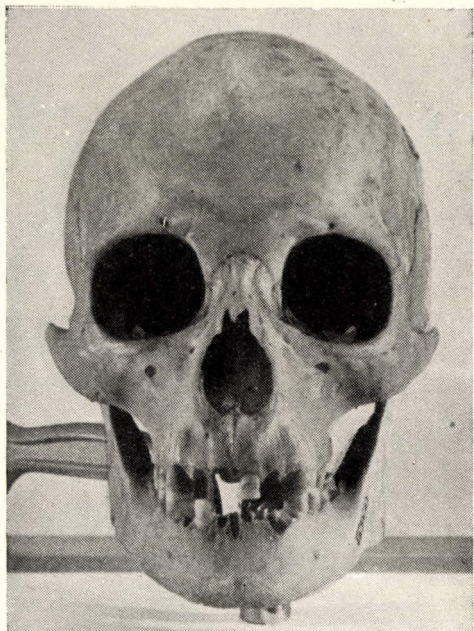

Рис. 14.

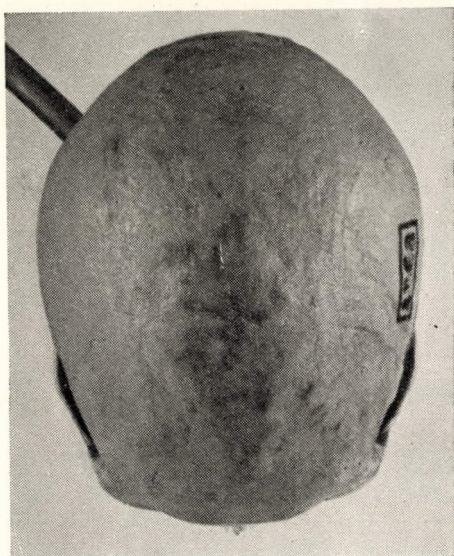

Рис. 15.

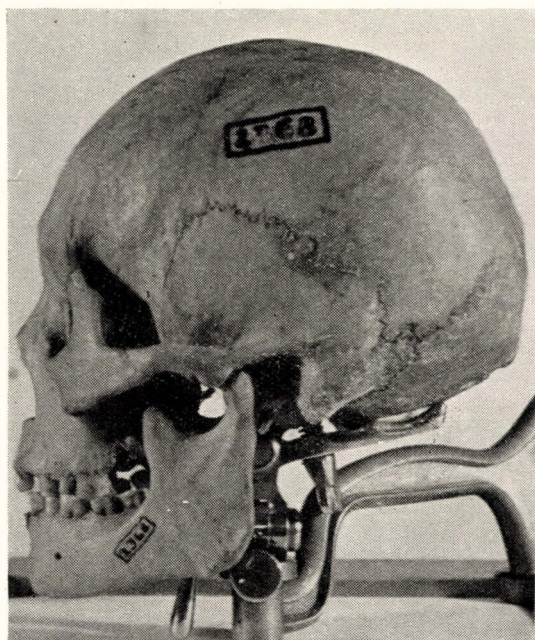

Рис. 16.
№ 2368

Рис. 17.

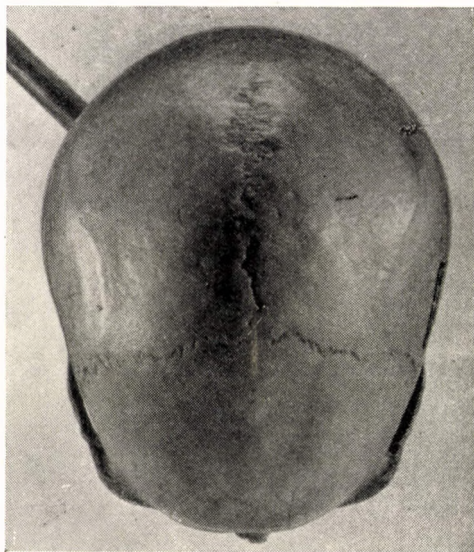

Рис. 18.

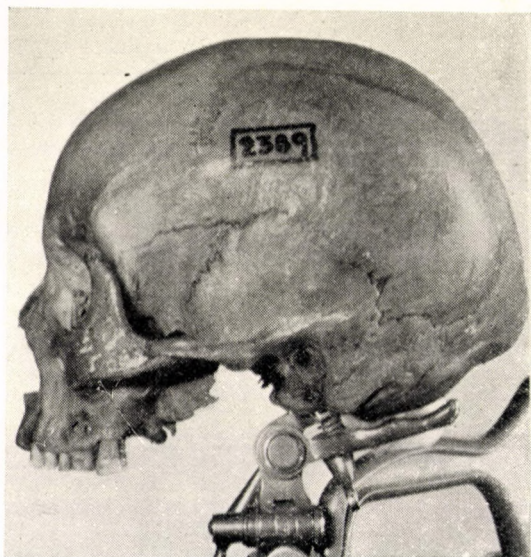

Рис. 19.
№ 2389

Рис. 20.

Рис. 21.

Рис. 22.
№ 2362

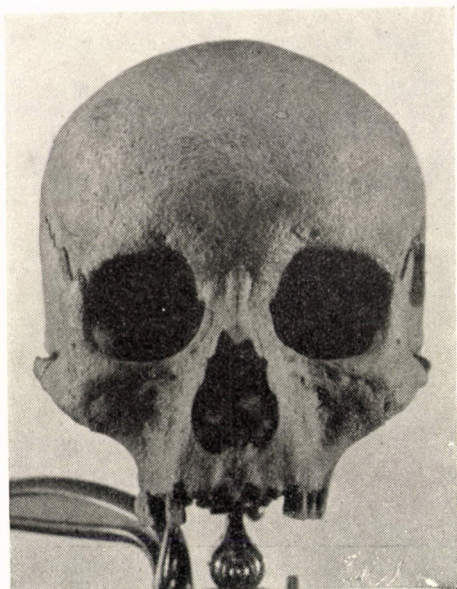

Рис. 23.

Рис. 24.

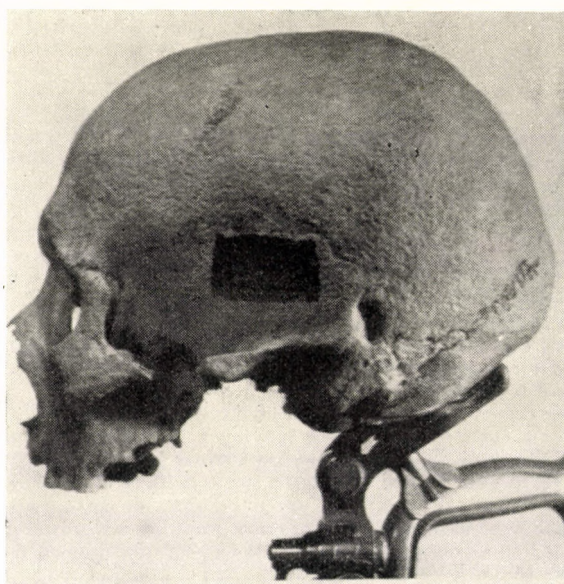

Рис. 25.

Венгр- завоеватель страны.
Карош (Земплен) — 3. мог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sommier : Ostiacchi e Samoiedi dell Ob.-Archivio per l'Antropologia e la Etnologia. XVII. 1887.
2. Pápai K. : Der typus der Ugrier. — Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. III. 1894. p. 257—276.
3. Руденко С. : Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири. 1914. Записка Императорской Академии Наук.
4. Hrdlička A. : Catalog of Human Crania in the United States National Museum Collections. — Proceedings of the U. S. National Museum No. 3171. vol. 94. p. 92—103.
5. Янош Янко : Отрывки из дневника. Рукопись находится в архиве документов по этнологии в Этнографическом Музее в Будапеште.
6. Thirring G. : Dr. Jankó János emlékezete. — Földrajzi közlemények. 1903. p. 165—184.
7. Дебеч Г. Ф. : Палеоантропология СССР. Труды Института Этнографии. IV. 1948. Москва.
8. Бунак—Неструх—Рогинский : Антропология. Москва. 1941.
9. Montandon : La race, les races. Paris. 1933. p. 205—221.
10. Lipták P. : Anthropologische Beiträge zum Problem der Ethnogenese der Altungarn. — (П. Липтак : Краниологические данные к вопросу этногенеза венгерского народа.) Acta Arch. Hung. 2 т. 1—2. бр.
11. Збруева А. В. : Луговской могильник. Труды Института Этнографии. II. 1947. Москва.
12. Трофимова т. А. : Черепа из луговского могильника ананинской культуры. Уч. записки МГУ, в. 63, Труды Антропологического Института, в. 6. 1941.
13. Герасимов М. М. : Основы восстановления лица по черепу. Москва. 1949. P. 106—157.

ETUDE ANTHROPOLOGIQUE DES CRÂNES OSTIACS

P. Lipták

(Résumé)

L'auteur a procédé à l'examen de 28 crânes et d'un squelette ostiaks, recueillis par l'ethnologue et anthropologue hongrois : J. Janko en 1898, aux environs des fleuves Obi et Iougane. Le matériel se trouve déposé à la Section d'Anthropologie de Musée National d'Histoire Naturelle de Budapest. L'auteur s'est tout particulièrement attaché à interpréter les caractères morphologiques, tout en offrant des données anthropométriques complètes.

La série examinée paraît être assez homogène dans son ensemble et d'après, examen des données, un type commun aux caractères suivants paraîtrait s'en dégager : crâne de longueur moyenne (mésocrâne), dans la plupart des cas aplati, à face supérieure assez large, aux malaires saillants, avec les fosses canines peu profondes, les orbites presque toujours... (hypsiconque), aux ouvertures nasales généralement larges (chamaerhinien). La position de la racine du nez est moyenne, avec le nez court, moyennement saillant et presque toujours busqué. Les os propres du nez, étroits généralement à leur bord supérieur, s'élargissent considérablement vers le bas, présentant souvent la forme caractéristique «en sablier». On retrouve assez souvent le caractère renflé du nez osseux. Le profil facial est en général mésognathe, avec assez souvent une forte prognathie alvéolaire. La glabella et l'arcade sourcilière accusent généralement un développement moyen. Le front est, dans la plupart des cas, modérément fuyant. En général la protubérance occipitale externe nous présente un développement moyen. En vue supérieure, le contour du crâne est, à peu d'exceptions près ovoïde.

Cet ensemble de caractères semble donc démontrer que, c'est bien le type ouralo-altaïque ou ougrien (*Jarcho*) ou type sibérien, pour employer l'expression synonyme d'*Eichstedt* et de *Montandon* — qui se trouve représenté chez les Ostiaks des environs des fleuves Obi-Iougane. Un type pareil fut découvert par *Trofimova* sur la matière du cimetière du Lugov, lequel, d'ailleurs représente la culture d'Ananino. L'auteur, d'après de nombreux examens de crânes, croit retrouver le même type sur une partie de crâne recueillis à Karos (Dép. Zemplén) lesquels proviennent de l'époque de la conquête du pays. Il va s'en dire que ces trois séries, très éloignées les unes des autres (ère et espace), ne peuvent occuper la même place taxonomique. Toutefois, d'après leur comparaison, l'auteur, néanmoins voit un rapport entre le type ouralo-altaïque (sibérien) et l'élément ougrien-ancestral de la population Hongroise. Cependant, en fin de compte la solution primordiale du problème point de vue de l'éthnogenèse des Hongrois, demande à être confirmée par l'appui des études comparatives à réaliser dans l'avenir.

A NEPALESE THANG-KA PAINTING DESTROYED IN THE WAR

By

K. RAINER

The Thang-ka here shown in illustration represents the Enlightenment (Bodhi) of Sakyamuni (76 × 53 cm) painted on canvas. It was owned by B. HATVANY who deposited it as a loan in the Francis Hopp Museum of East-Asiatic Art, Budapest. It had been exhibited for some time for public inspection. During the war it was returned to the HATVANY family and during the siege of Budapest probably destroyed and lost together with the remarkable collection of Asiatic art in the possession of the same family. Fortunately a photograph copy had been preserved of it, though in monochrome only, but the writer of this paper had the opportunity to study the painting in original and from his notes was able to reproduce an adequate description from an iconographic point of view.

In the centre of the picture *Sākyamuni* (*Gautama* by his family name) is sitting on the so-called Diamond Throne (*Vajrasana*) in the characteristic posture of meditation (*Dhyānāsana*). Behind him is the elaborately decorated throne of the *Sākya* ruling family, flanked on both sides by a white elephant. Above the throne there is a *Garuda*-like bird, carrying on his head the *Cintamani* emblem, the symbol of spiritual Enlightenment. *Sākyamuni* is wearing a seven-peaked crown on his head, and his body is still adorned with the royal jewels, yet, his having become already an ascetic is symbolised by the *Pātrā* (a begging bowl, the emblem of a religious mendicant), placed on the palm of his left hand. Having attained the highest grade of Enlightenment, he emerged from the state of extatic meditation, and after having resisted the wiles and the temptations of *Māra*, the Evil One, he is calling the Earth to bear witness to his victory — this is expressed by the *Bhūmisparsha-mudrā* (Earth-touching gesture of his right hand which is loosely hanging down over the right knee, with the palm turned inwards, the fingers reaching down to the throne of lotus flowers, symbolising the Earth. This type of representation is known in the *Mahāyāna* system as the Diamond or Thunderbolt Seat (*Vajrāsāna*).

On both sides of the central figure a number of *Dhyānībodhisattvas* are standing: on the left hand side, *Kṣhīṭigarbha* (green), *Manjuḥṣha* (the white form of *Manjuṣri*), further down *Ratnapāṇi* (yellow), and below him, *Avalokiteśvara* (white); on the right hand side, there are *Vishvapāṇi* (green), *Samantabhadra* (green), further down *Vajrapāṇi* (white), and below his feet there are a (golden).

At the base of the throne the two »Model Disciples«, *Sāriputra* and *Maudgaly-*

āyana, are standing, with *Khakkaras* (alarm staffs) in their right hands, holding *Patras* in their left.

Below the throne, in the centre, *Kubera*, the Lord of Wealth is sitting, holding a *Ratna* (jewel) in his right hand, and a *Nakula* (mongoose), vomiting jewels in his left, which is resting on his left knee, below his feet there are a goblet made of a skull, and a fruit-dish.

Round *Kubera* the daughters of *Māra* are performing their voluptuous dance in the vain endeavour to tempt the Enlightened One.

At the bottom of the painting the seven-peaked crown of the royal lineage of the *Sākya*s, discarded by the Buddha, is shown.

In the bottom corners the *Lokapālas*, the Guardians of the World, are seated: on the left side, *Dhritarāshtra*, with a *Vina* (musical instrument) in his hands, the Guardian of the Eastern Gates of *Sukhavati* (the buddhistic Paradise), and King of the *Gandharvas* (superhuman beings consisting of fragrance); behind him *Virupaksha*, the Guardian of the Western Gate, and King of the *Nagas* (serpent gods); on the right side, *Vaishravana* (another form of *Kubera*), the Guardian of the Northern Gate, and King of the *Yakshas* (bringers of diseases), and behind him *Virūdhaka*, the Guardian of the South, and King of the *Kumbhandas* (giants and gnomes).

Above the central figure of *Sākyamuni* the following figures are represented: in the top row, from left to right, *Tsong-Kha-Pa*, the founder of the Yellow Sect (*Ge-lug-pa*); the *Dhyanibuddha Amitāyus*, with a *Kalasha* (vase) in his hand; and *Atūsha*, the founder of the Red Sect (*Ka-dam-pa*) who is regarded as a precursor of *Tsong-Kha-Pa*.

In the second row, from left to right, *Sitatārā*, feminine *Bodhisattva*; the *Buddha*, with his right hand in *Bhūmisparsha-mudrā*, holding the *Patra* in his left palm, flanked on both sides by other forms of himself, both holding his hands in *Dharmacakra-mudra* (gesture of preaching, or turning the Wheel of Law); *Syamatarā* (the Green *Tārā*), another form of the feminine *Bodhisattva*.

The Thang-ka painting, described above, was a rare specimen of its kind, and its loss is regrettable. As its style of presentation is free from later Lamaistic corruptions of Mahāyāna Buddhism, it may therefore be dated to a period closely following the lifetime of *Tsong-Kha-Pa* (1357—1419).

ОДНА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ УНИЧТОЖЕННАЯ ТҺанг-ка КАРТИНА ИЗ НЕПАЛЯ

К. Райнер.

Резюме

Описанная в статье ТҺанг-ка была собственностью Берталана *Гатвани*, который отдал картину на хранение в Будапештский восточно-азиатский музей. Во время войны она поступила обратно в коллекцию *Гатвани* и там была уничтожена. Автор исследовал эту картину до войны и, воспользуясь сохранившимся фотоснимком, старается дать о ней иконографическое описание.

В своем роде редкий экземпляр изображает просвещение Сакиямуния. Стиль свободен от позднейших ламаизмических влияний буддизма Махаяны и поэтому картину можно отнести к периоду, последовавшему после *Тсонг-Кха-Па* (1357—1419).

LE COFFRE DE CHARPENTERIE

par

K. K. CSILLÉRY

Introduction

Au cours de nos recherches sur les coffres hongrois de charpenterie l'examen de la littérature de cette question m'a amené à constater que seule une connaissance approfondie des modes de construction de cette espèce de coffre pouvait nous permettre de résoudre les problèmes qui se posent dans ce domaine. Nous nous croyons d'autant plus autorisés à nous charger de cette tâche qui nous a été donné de découvrir un village de Hongrie où deux hommes connaissaient encore la technique de la fabrication des coffres de charpenterie. Grâce à la connaissance des étapes successives de la construction, nous serons à même de déterminer la place qui revient à la technique de la charpenterie parmi les diverses manières de la fabrication de meubles.

D'autre part, après avoir essayé d'élucider les problèmes qui se rattachent à cette technique, nous avons tenté de passer en revue les dénominations et les fonctions du coffre de charpenterie. Pour ce faire, nous avons complété le témoignage des faits modernes par une vaste documentation historique. Les résultats auxquels nous avons abouti se trouvent résumés dans la présente étude.

Le premier auteur qui a consacré une étude au coffre de charpenterie fut *S. Ambrosiani* (*Lår från Mysslinge, Uppland, och dess slaktingar. — Coffre de Mysslinge, Uppland, et pièces similaires. — Fataburen, 1909, p. 15—36.*), ayant examiné un coffre de charpenterie populaire d'origine suédoise qu'il comparait à différentes pièces historiques ou de provenance populaires, il a bien reconnu le type à part que constituaient les coffres de charpenterie, de par le caractère spéciale de leur construction. Il fut bientôt suivi dans cette voie *O. v. Falke* (*Mittelalterliche Truhen. — Coffres du moyen âge, dans Amtliche Berichte aus den Königl. Kunstsammlungen, Berlin, t. XXXVII. [1916], 11 août, p. 231—243.*) qui, en connaissance des données publiées par *K. Watzinger* (*Griechische Holz Sarkophage aus der Zeit Alexanders der Grossen. — Sarcophages de bois du temps d'Alexandre le Grand, Leipzig, 1905.*), a relevé les rapports qu'il y a entre les pièces modernes, médiévales et grecques ; le même auteur a précisé que même les sarcophages romains n'étaient que des répliques en pierre du type en question.

Plus tard, à la suite de *Falke*, les historiens du mobilier ont parfois pris le coffre de charpenterie pour sujet de leur étude, mais sans rien apporter de nouveau ce qui s'explique probablement par le manque d'une documentation relative aux divers modes de construction. La même remarque vaut aussi pour

l'étude typologique d'*O. Bramm* (Truhentypen. — Les types de coffres. Dans la série Volkswerk, Jena, 1941. p. 154—486).

Les auteurs hongrois s'intéressaient également à ce sujet. *K. Cs. Sebestyén* (A magyarság ládái. — Le Coffre en Hongrie, dans *M Ny.*, t. XXIII. [1927], p. 201—204., cf. du même auteur : *Szuszék*, dans *A műgyűjtő*, 1929, p. 44—45) et *K. Viski* (A magyarság néprajza. — Ethnographie du peuple Hongrois. Budapest, s. d., t. I., p. 230—233.) ont examiné aussi bien les coffres hongrois de charpenterie que leurs dénominations (*szekrény*, *szuszék*). Ils ont bien vu qu'en Hongrie le terme de *szekrény* était le nom primitif des coffres de charpenterie ; à propos des fonctions du coffre de charpenterie, *Viski* a fait remarquer que si le

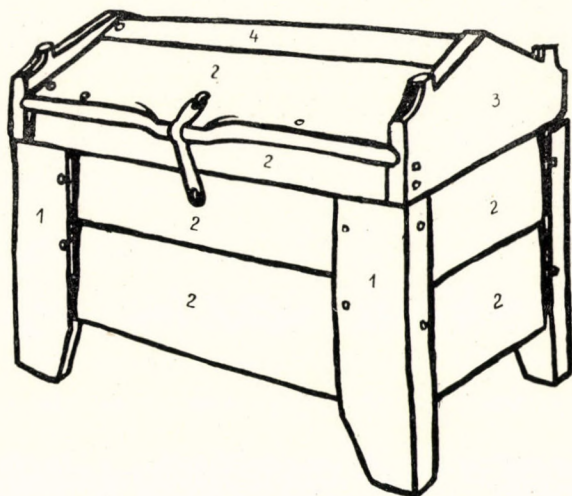

Fig. 1. Vue de perspective d'un coffre de charpenterie. 1. pied, 2. planche, 3. fronton, 4. faitage.

roumain *sicriu* «cercueil» est emprunté du hongrois *szekrény*, cela nous oblige d'admettre que celui-ci doit également avoir eu jadis la signification de «cercueil».

Le caractère particulier que distingue les coffres de charpenterie fut encore reconnu, par bien d'autres auteurs, mais il n'en résulta que quelques réflexions hâtives.

De notre côté, nous avons essayé d'orienter nos recherches en plusieurs sens à la fois. Cette tâche était rendue assez ardue par le fait qu'elle exigeait, outre l'utilisation des données ethnographiques, la mise à contribution des matériaux offerts par plusieurs disciplines qui m'étaient parfois bien peu familières. En plus, mes sources s'avéraient souvent inexactes. Mais la plus grosse difficulté pour notre travail était celle de n'avoir presque jamais trouvé des noms écrits sous les figures représentant l'objet de cette étude ; d'autre part, chaque fois que reparaissait le nom de l'objet, il n'était suivi ni de figures, ni de descriptions. Comme dernier obstacle, nous pouvons enfin alléguer l'absence de dates chronologiques dans la plupart des documents médiévaux.

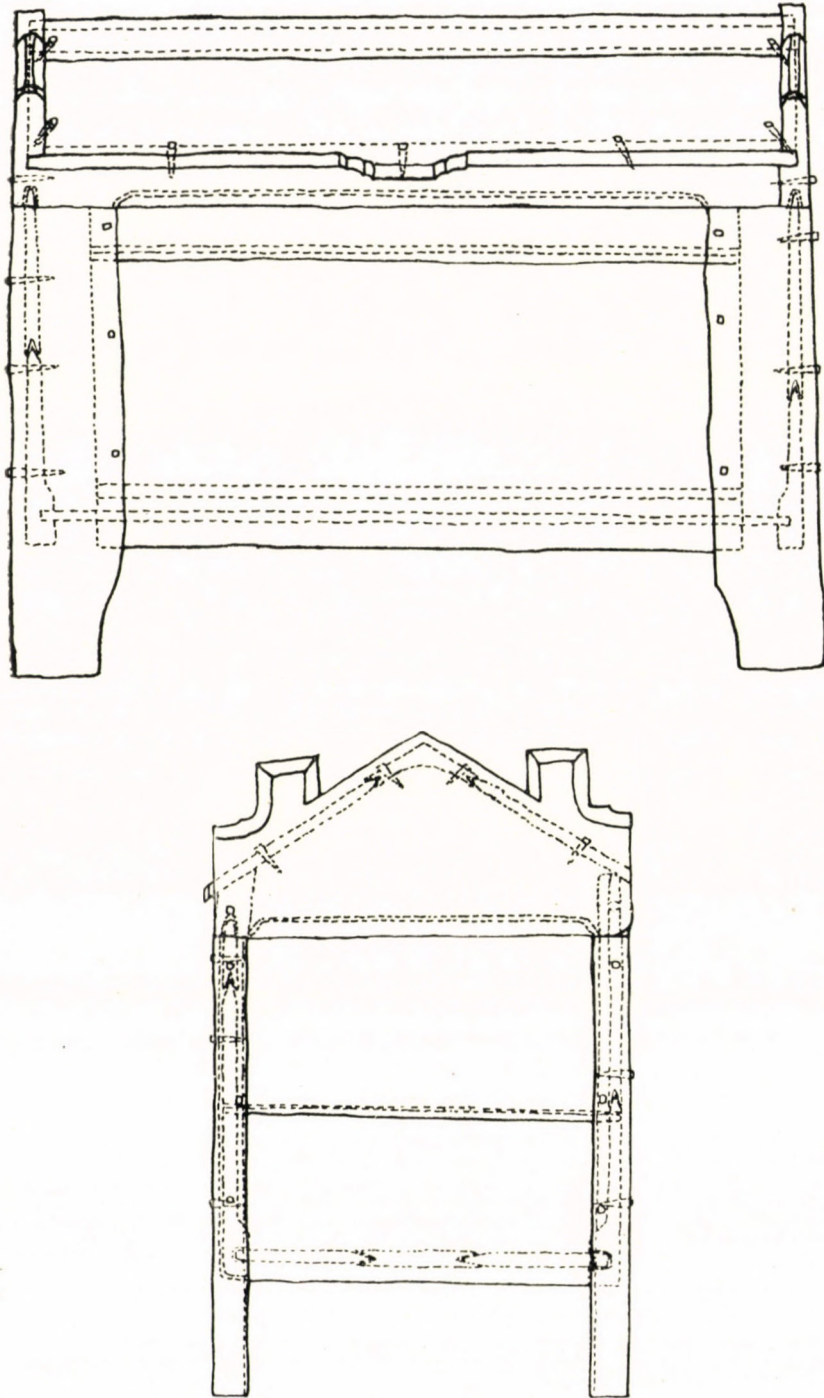

Fig. 2. Plan de construction d'un coffre de charpenterie (*szökröny*) de Baranya.

Classement des coffres

Essayant de classer les divers types du coffre, on peut y distinguer deux catégories principales¹: l'une est représentée par les coffres creusés dans la masse de bois, obtenus par un simple creusement du tronc d'arbre, l'autre comprend tous les coffres composés de plusieurs pièces. La seconde catégorie, à son tour, se subdivise en deux grands types : *a*) d'une part, il y a des coffres de charpenterie, dont les parois de planche sont réunies par les quatre pieds ; *b*) d'autre part, on doit distinguer les coffres de menuiserie, dont les parois s'assemblent directement, sans l'intervention des pieds ; ceux-ci, s'il y en a, ne font jamais corps avec la partie supérieure² (fig 1., 2.).

Les différences essentielles de structure qui distinguent à première vue ces trois types nettement délimités, sont à ramener à la diversité des techniques employées qui reflètent le perfectionnement graduel de l'outillage spécial.³

Construction du coffre de charpenterie

Pour avoir une idée juste de la construction particulière du coffre de charpenterie, il est aussi nécessaire de connaître la structure et les modes de construction des coffres appartenant aux deux autres types.

Les coffres creusés se préparent par la combustion d'une partie du tronc, puis par le creusement des parties carbonisées suivant la méthode adoptée pour faire des mortiers, des pirogues, ect. Dans ce cas les moyens de construction se réduisent à l'action du feu et à l'emploi d'un grattoir. A coup sûr, c'est le procédé le plus ancien et le plus simple que nous connaissions. D'exécution relativement aisée, il est à la portée de chacun et permet de subvenir aux besoins domestiques sans aucune connaissance spéciale. Mais une partie considérable de la matière utilisée, à savoir toute la partie carbonisée du bois, est détruite. En outre, la forme de l'objet étant conditionnée par la configuration naturelle du tronc d'arbre utilisé, ces coffres vont toujours revêtir un aspect tantôt cylindrique, tantôt plus ou moins rectangulaire. Leur largeur et leur hauteur dépendent de l'épaisseur du tronc ; seule la longueur de l'objet restera variable dans les limites imposées par les nécessités pratiques. Mais elle-même se trouve, en fin de compte, subordonnée aux dimensions du local où le coffre sera placé.

La fabrication d'un coffre creusé demande une force physique considérable. De plus, l'opération est de longue haleine ; elle peut parfois durer des mois entiers.

Quant au coffre de charpenterie, il présuppose l'emploi d'un seul instrument plus évolué : la hache métallique.⁴ Les diverses étapes de la construction du coffre de charpenterie sont les suivantes.⁵

L'arbre coupé est débité en billes ayant la longueur voulue pour les merrains. Ensuite les billes sont fendues au moyen de haches, d'abord en deux, puis en quatre ; l'on partage ainsi chaque morceau en deux pour obtenir enfin l'épaisseur voulue (fig. 3.) et toujours, suivant qu'elle sera destinée à fournir des pieds ou des parois que la pièce variera d'épaisseur ; en outre, il faut tenir compte de certaines différences régionales.

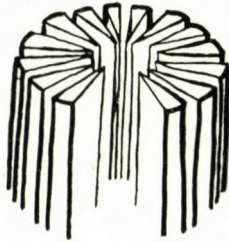

Fig. 3. Le débitage en merrains.

La section du merrain offre le profil d'un secteur dont l'arc se trouverait figuré par l'écorce. La forme des merrains détermine toute la construction du coffre. L'assemblage des pièces consiste à pratiquer une entaille «à gorge» dans le merrain, sur son côté muni d'écorce où pénétrera le côté opposé et aminci du merrain placé au-dessous. Mais les parois formées de la sorte ne peuvent être réunies directement aux angles ni par assemblage, ni au moyen de clous ou de colle. Ainsi s'impose donc l'introduction d'une pièce intermédiaire sous forme du

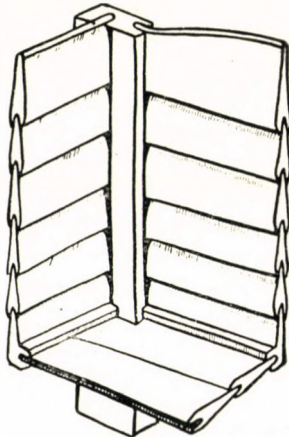

Fig. 4. Coupe transversale de *szekrény* de charpenterie, de Gömör.

pied ; celle-ci sera entaillée sur ses deux faces internes.⁶ (fig. 4., 10.) Il en sera de même pour le couvercle où les planches embrévées se trouveront solidement maintenues par deux frontons. Les rainures pratiquées sur le côté intérieur

des planches inférieures des parois latérales et sur les pieds seront destinées à recevoir les planches du fond.

Le travail de la construction débute par l'assemblage des parois transversales. En prenant un pied, on enfonce dans la partie inférieure de la rainure une des extrémités de la planche inférieure, et l'on fait pénétrer le côté opposé dans un deuxième pied. Ensuite on fait glisser les autres planches entre les deux pieds dans les rainures. Quand une des parois est terminée, ce sont les planches inférieures des deux parois latérales qui vont être enfoncées dans les rainures pratiquées sur l'autre côté des pieds. Entre les deux planches inférieures viendront s'insérer les planches du fond. L'opération suivante consistera à mettre en place la deuxième paroi transversale qui vient se joindre aux extrémités libres des planches du fond et des deux planches latérales inférieures, après quoi les autres planches des parois latérales seront glissées dans les rainures des pieds. Voici donc tout le corps du coffre terminé. La planche supérieure de la paroi latérale de derrière dépasse les autres en hauteur et se trouve munie de pivots saillants à ses deux extrémités. Les planches du couvercle sont maintenant enfoncées dans l'un des frontons. Dans le coin de derrière du fronton est creusé un trou, où l'on fait pénétrer le pivot de la planche de derrière. En mettant le deuxième fronton en place, on a soin de entrer le pivot de la planche de derrière dans le trou pratiqué sur le couvercle. Ceci fait, la construction du coffre est terminée.

Quand le couvercle s'ouvre, il tourne sur ces pivots, les charnières en fer n'étant pas employées pas les fabricants (fig 11.). Ceux-ci évitent d'ailleurs de faire usage de toute pièce en fer ; les parties, une fois assemblées, sont fixées au moyen de chevilles.

Les proportions du coffre de charpenterie se trouvent quelque peu modifiées par la grosseur du tronc qui sert à sa fabrication. Les fabricants de Szuhahuta et ceux du comitat de Gemer utilisent, par exemple, des planches étroites découpées de troncs d'une grosseur moyenne (de 25 à 30 cm de diamètre). Les parois du coffre confectionné de ces planches étroites seront donc nécessairement composées de plusieurs planches (5—8). Les pieds du coffre seront relativement minces et allongés.

Chez les fabricants des comitats de Baranya et de Somogy qui préfèrent choisir des troncs plus gros (d'un diamètre de 40 à 60 cm), deux planches suffisent pour faire la paroi et trois pour fabriquer le couvercle au lieu des cinq planches plus étroites. Tout cela d'ailleurs ne modifie guère que les dimensions des parties, sans apporter des modifications sensibles à la longueur, à la largeur et à la hauteur du coffre.

Rappelons encore que, pour des raisons d'économie on n'emploie généralement que deux billes pour la construction. Il s'ensuit que l'artisan ne peut utiliser que des planches de deux longueurs différentes pour la confection des diverses parties du coffre. Les pièces de la première catégorie devront fournir

les planches des parois latérales, tandis que les autres donneront celles des parois transversales. Les deux sortes de planches font consommer à peu près la moitié de chaque bille, l'autre moitié restant à la disposition des fabricants pour en faire les pieds. Les pieds des coffres de charpenterie faits à Szuhahuta et dans le comitat de Gemer (fig. 46.) ont une longueur égale à la paroi latérale, tandis que ceux des coffres de chapenterie provenant du comitat de Baranya (fig. 48., 49.) et en général de la Transdanubie (Pannonie), se montrent identiques en longueur à la paroi transversale. C'est d'ailleurs pour cette raison que les coffres de la région du Nord (Szuhahuta et comitat de Gemer) paraissent être d'une forme plutôt élancée ; au contraire, ceux de Transdanubie affectent un aspect trapu. Les dimensions du coffre varient suivant l'usage de l'objet ; par ex. le coffre destiné à contenir du blé devra être de dimensions plus grandes que celui qui doit recevoir des effets d'habillement ; dimensions même très réduites suffirent pour la garde de divers ustensiles de cuisine ou de provisions tels que le pot au lait, la graisse pour faire le roux, la farine, etc. (fig. 51.).⁷

D'une manière générale, les coffres de charpenterie présentent encore toute une série d'éléments traditionnels qui ne peuvent guère être ramenés aux nécessités imposées par la structure de l'objet. Tels sont le couvercle à double pente et le couvercle bombé, les cornes ou parfois les petites saillies ornant les deux extrémités de la corniche supérieure du fronton et aussi le creux pratiqué sur la face interne de la paroi inférieure du pied. Tous ces éléments paraissant à nos yeux comme dépourvus de signification, ont pourtant été jadis chargés d'une fonction réelle découlant soit de l'usage pratique des coffres, soit de leur rôle dans la vie religieuse.

En connaissance de ces faits, nous jugeons utile d'affirmer une fois de plus que la structure du coffre dépend uniquement des modes de fabrication et que ceux-ci, à leur tour, sont intimement lié à l'emploi d'un instrument indispensable : la hache.

En comparant le mode de fabrication du coffre de charpenterie à celui du coffre creusé, il apparait également que le développement des instruments de production amène nécessairement le perfectionnement de la technique de construction. Tandis que le mode de fabrication du coffre creusé impliquait inévitablement la perte de la plus grande partie du tronc d'arbre utilisé, la technique du coffre de charpenterie nous permet l'utilisation totale — à part les déchets — des matériaux de bois disponibles. En outre, le bois livré par un tronc d'arbre de dimensions égales permet d'obtenir désormais un objet de plus grande capacité. Par conséquent, les modes d'emploi de ces objets seront de plus en plus nombreux. Tandis qu'auparavant la grandeur maxima du coffre se trouvait déterminée par les dimensions naturelles du tronc d'arbre, nous assistons maintenant au triomphe de l'homme sur la nature ; l'emploi d'instruments mieux adaptés à ses buts lui permettant le libre choix des dimensions. Grâce à la nouvelle technique le temps de la fabrication s'est également diminué : une semaine

environ suffit pour terminer un coffre de charpenterie, tandis que la fabrication d'un coffre creusé avait demandé de longs mois. Dans les régions que j'avais visitées, un coffre de charpenterie aux dimensions de $100 \times 70 \times 100$ cm. se confectionnait d'ordinaire en six jours. Dans ces conditions, le chemin est ouvert à une augmentation de la productivité qui permet au coffretier de travailler sur commande ; auparavant, le fabricant des coffres creusés n'avait travaillé qu'occasionnellement, suivant le rythme de ses besoins domestiques.

Mais la fabrication des meubles de charpenterie n'a su dépasser le stade d'une production relativement modeste. Les fabricants ne vivaient pas nécessairement sous le régime corporatif. Dans les actes des corporations de Hongrie on ne trouve aucune mention des noms divers attribués aux coffretiers hongrois

Fig. 5. Modes d'assemblage pour planches sciées et pour merrains.

(*szekrénygyártó, szekrénymíves, szekrénycsináló, szekrényes, szökrönyös*). En revanche, nous avons des documents qui nous apprennent que les *szekrénymíves* du village étaient tenus de fournir tous les ans au seigneur, en guise de redevance, un coffre de charpenterie (*szekrény* ou *szuszék*).⁸ Il s'ensuit que les serfs qui fabriquent ces objets n'étaient pas des artisans, au vrai sens du terme.

Le troisième type enfin, celui du coffre de menuiserie, naît de l'application d'un nouvel instrument de production : la scie. C'est elle seule, en effet, qui permet d'obtenir des planches à section rectangulaire par le débitage des billes en tranches parallèles.⁹

Grâce à cette technique, la surface des planches aura, elle aussi, des qualités bien différentes. Les faces des merrains fendus à la hache présentent des bosses, des aspérités dues à la fente, qui ne disparaîtront pas entièrement même après le dégrossissage de la surface à la hache (ou même au moyen de hachettes spéciales ou d'une plane). Grâce au sciage, par contre, toute fente du bois étant éliminée, la surface des pièces obtenues de la sorte deviendra tout à fait plate. L'apparition d'un autre nouvel instrument de production y contribuera également par son effet. L'utilisation du rabot permet d'obtenir des surfaces planes qui, à leur tour, rendront possible l'introduction d'un nouveau moyen plus rapide et moins coûteux : le collage.

L'assemblage des pièces débitées par sciage se montre déjà beaucoup plus aisé que celui des merrains. L'application d'une pièce intermédiaire devient désormais inutile, les planches ayant une forme régulière, peuvent s'assembler directement et même de plusieurs manières, soit par assemblages de menuiserie, soit au moyen de clous ou par collage.

Par le sciage on peut obtenir des feuilles de bois très minces, qui trouvent leur utilisation dans la construction à panneaux, où les bâtis d'encadrement servent à enchasser les panneaux de faible épaisseur fixés par assemblage à mi-bois ou en emboîture. Cette construction à panneaux, très à l'honneur chez l'ancienne classe dominante, n'a pas été jusqu'ici retrouvée parmi nos coffres populaires (par ex. le Musée d'Ethnographie de Budapest n'en compte aucun parmi ses spécimens), malgré l'économie considérable de bois qu'on peut réaliser par son application. Ceci tient au fait que l'application de panneaux n'offrait des avantages que pour les coffres faits de bois précieux. Pour les coffres de paysan faits en bois de sapin commun, l'économie de matières ainsi réalisée serait restée bien au-dessous du coût tenant à l'augmentation du temps travail que nécessite un mode d'exécution plus soignée. Aussi les parois des coffres populaires hongrois restent-elles pleines, assemblées à queue d'hironde, mais en vérité offrant presque toujours une imitation de la construction à panneaux figurée par la présence d'un bâti d'encadrement soit peint, soit mouluré, soit encore composé de petites lattes fixées au moyen de clous.

A l'époque où la menuiserie sera un métier nettement délimité, c'est la charnière métallique, d'un usage déjà courant, qui servira à relier le couvercle avec le corps du coffre cherchant à simplifier ainsi le système de pivots, d'une exécution compliquée et difficile.

Le perfectionnement apporté dans le travail par le nouvel instrument de production a considérablement diminué le temps de travail nécessaire à la fabrication. Tandis que, comme nous l'avons vu plus haut, la fabrication d'un coffre de charpenterie de dimensions moyennes demandait une semaine, deux jours environ suffisent pour fabriquer un coffre de menuiserie du même volume.

De l'application de cette nouvelle méthode de travail résulte également une économie de matériaux, due avant tout à la diminution considérable des déchets par suite de l'emploi de la scie et du rabot.

Pour comprendre les rapports qu'il y a entre ces trois types de coffre, il nous sera utile de préciser que, contrairement aux coffres creusés faits généralement pour les besoins domestiques, le coffre de charpenterie est déjà fabriqué par l'artisan serf ; quant à la fabrication de coffres de menuiserie, elle est entreprise par des artisans affiliés à une corporation.

L'importance essentielle de la technique de menuiserie consiste en ce que des pièces détachées de mêmes dimensions exactes peuvent être préfabriquées en grande quantité à partir de planches d'une forme parfaitement régulière,

ce qui est à la base de la fabrication en séries. Les merrains employés pour les coffres de charpenterie, ayant donné des planches plus ou moins larges suivant les résultats toujours incertains de l'opération de la refente, ne permettaient pas de calculer d'avance le nombre de planches nécessaires pour faire le coffre ou de prévoir, pour quelles parties du coffre ils seraient susceptibles d'être utilisés. Voici donc la raison pour laquelle les coffres de charpenterie ne pouvaient se fabriquer qu'à la pièce.

Parmi les avantages que présente le meuble de menuiserie, il y a lieu de mentionner encore cette variété infinie de formes qu'il réussit à s'assimiler de par sa construction, pouvant ainsi répondre aux exigences pratiques sans cesse accrues. Il n'en va pas de même pour le coffre de charpenterie : dans le cas de celui-ci tout en modifiant les dimensions et les proportions d'ensemble, on n'arrive pourtant à produire qu'un seul type où tout au plus le façonnage du couvercle peut donner lieu à une certaine variété. (Le travail de menuiserie qui a évincé le travail de charpenterie, a produit une multitude de meubles qui diffèrent selon la nature des objets qu'ils doivent contenir (armoire-bibliothèque, armoire-secrétaire, armoire à vêtements, boîte à ordures, caisse à fruits, etc.), tandis que les coffres de charpenterie, destinés à des usages variés, sont restés entièrement identiques dans leur structure.

Les époques de la formation des divers modes de construction des coffres

Considérons maintenant du point de vue historique les trois modes différents de la construction de coffres. La fabrication du coffre creusé semble remonter à l'époque du communisme primitif, dont les conditions sociales et économiques devaient favoriser ce procédé, antérieur à la séparation en métiers des diverses branches de l'occupation humaine. Le creusement d'un tronc d'arbre ne nécessitant aucune aptitude spéciale, peut être exécuté par n'importe qui. C'est un travail de longue haleine que chacun fait pour ses propres besoins, en hiver, pendant ses loisirs. On en retrouve encore la pratique à l'époque féodale et en de très rares endroits (aux Balkans, en Scandinavie, etc) jusqu'à nos jours. En Hongrie, d'après nos connaissances, il n'est plus nulle part en usage.¹⁰

Le coffre de charpenterie doit trouver son origine au déclin du communisme primitif. Son exécution nécessite déjà des connaissances et un savoir-faire spéciaux, assurés bien plutôt par le zèle du sujet que par un apprentissage organisé et général. La fabrication de cette espèce de coffres se fait à l'échelle artisanale, c. à. d. que le fabricant travaille soit tout seul, soit aidé par les membres de sa famille. (Ainsi, à Szuhahuta, c'est au fils aîné qu'incombe la tâche d'aller couper l'arbre, de la transporter à la maison et de le débiter ensuite en merrains, la femme aidant dans les travaux de la décoration). A Siclod et à Varsag (dép. Odorheiu), en dehors du strict cercle de famille, des

parents viennent aussi parfois participer au travail.¹¹ La vente elle-même se fait très généralement entièrement sous forme de commerce d'échange,¹² assuré soit par le fabricant lui-même, soit par les membres de sa famille qui vont en colporteurs ou étalent leurs marchandises aux foires.¹³

Il est évident qu'aucune date précise ne pourrait être attribuée à la formation du mode de construction du coffre de charpenterie. Les pièces connues dès la plus haute antiquité nous donnent déjà la transposition en de nouveaux matériaux (pierre, terre cuite, bronze) d'une technique déjà coutumière, comme le sarcophage de Khoufou-Ankh (Égypte) qui provient de l'époque de l'Ancien Empire, ou ceux de Crète qui remontent à la période minéenne tardive.

La civilisation, avec la séparation des métiers, amène une nouvelle technique, la menuiserie. Les meubles figurant sur les diverses représentations égyptiennes et grecques nous montrent la menuiserie comme une technique sortant de la pratique de charpenterie. Mais le régime de l'esclavage, précisément par suite du caractère particulier du mode de production par esclaves, n'a su développer les possibilités offertes par le travail de menuiserie. La main-d'oeuvre esclave ayant pu s'acquérir à son marché, la rationalisation des méthodes de travail, la production en séries ne se présentaient pas sous forme de nécessité urgente. Au déclin du régime de l'esclavage (IVe siècle), la faveur que nous voyons de nouveau accordée à la construction de charpenterie, marque une régression nette des forces de la production. Au début de l'époque féodale, la technique de charpenterie règne à peu près exclusivement dans la fabrication du mobilier. Cette technique s'emploie uniformément pour faire, en dehors des coffres, d'autres pièces d'ameublement, comme des lits (fig. 12.) et des tables.¹⁴ A l'apogée du féodalisme, avec les progrès de la division du travail, la menuiserie l'emporte définitivement sur la technique de charpenterie et tend de plus en plus à la remplacer, jusqu'à ce que le perfectionnement continu du mode de production de la menuiserie finisse par donner naissance à son successeur, la grande industrie du meuble.

Types de transition entre les coffres de charpenterie et ceux de menuiserie

Dans ce qui précède, nous avons rapidement examiné la structure et le mode de fabrication du coffre de charpenterie, tels qu'on les retrouve encore aujourd'hui, conservés dans la pratique populaire, ou tels qu'ils existaient dans un passé récent dans la plus grande partie de l'Europe. En connaissance de ces données, essayons donc de regarder de plus près les pièces que nous a léguées l'histoire. Nous rencontrerons nombre de coffres de bois conservés jusqu'à nos jours ou au moins les représentations de telles pièces qui trahissent la structure caractéristique du travail de charpenterie, notamment la réunion des parois par les quatre pieds. De même, on retrouvera en grand nombre des variétés de coffres (des sarcophages surtout), faites de pierre ou d'autres matériaux, qui ne font que transposer la même structure dans des matériaux différents.

Mais si, portant notre regard au delà de la structure, nous nous intéressons également au mode de la fabrication, nous devons alors considérer les pièces conservées en original. Telles pièces nous sont restées, à ma connaissance, des Égyptiens, des Grecs, et du temps du féodalisme. Mais parmi ces pièces je n'ai pu examiner que celles que j'ai réussi à connaître directement ou grâce à un plan de construction communiqué par mes sources. En observant de près ces pièces, nous pouvons constater qu'une partie en est seulement construite selon la technique propre à la charpenterie que nous décrivons au deuxième chapitre de cette étude.

Fig. 6. Coupe transversale de la paroi du coffre grec No 4 (d'après *Watzinger*).

Parmi les pièces antiques, à en juger par les photographies, seuls les fragments de sarcophage trouvés à Gordion¹⁵ semblent relever de la technique de charpenterie. Ses planches paraissent être débitées par fente et s'assemblent à la manière du coffre de charpenterie. La rive supérieure de la planche inférieure se trouve amincie sur toute sa longueur et vient s'engager dans la rainure pratiquée sur la rive inférieure de la planche de dessus.

De l'époque féodale, nous gardons également peu de pièces accusant les traits typiques du travail de charpenterie. Ce mode de construction trouve ses représentants les plus typiques dans les coffres suisses, comme celui datant de 1449,¹⁶ (fig. 25.), un autre sans attribution de date, mais appartenant très vraisemblablement au moyen âge¹⁷ (fig. 24.), ainsi que ceux du monastère S. Valerila ob Sitten, qui remontent au XIIe siècle¹⁸ (fig. 23.). Tous ces coffres ont un corps et un couvercle faits de merrains et travaillés selon la technique propre à la charpenterie.¹⁹

Mais parmi les pièces conservées, beaucoup plus nombreuses sont celles qui présentent, associés à la structure caractéristique de la charpenterie, des détails propres à la menuiserie.

Pour la construction de ces pièces on employait déjà un outillage plus évolué que celui de la charpenterie. Leur construction a fait introduire dans la technique de la fabrication de meubles l'usage d'un instrument ayant fait ses preuves dans un domaine tout différent (selon toute probabilité, dans l'abrage du bois). C'était la scie. Ayant bénéficié de l'usage de ce nouvel instrument de travail plus perfectionné, le mode de construction s'est simplifié et transformé graduellement,²⁰ sans toutefois entraîner pour autant un changement dans l'aspect extérieur des coffres, du moins pendant la première période de l'application du nouvel instrument. Ce sont certaines étapes de ce long processus que, par suite d'un heureux hasard se reflètent les pièces conservées jusqu'à nos jours.

Naturellement, ces pièces ne peuvent pas nous permettre de reconstruire entièrement ces processus qui, se répétant avec des changements de détail, à des époques et à des endroits très différents, restaient au fond identiques à eux-mêmes. Il n'en reste pas moins que les pièces en question gardent pour nous toute leur valeur ; c'est grâce à leur témoignage que nous serons à même de suivre le processus de formation de la menuiserie à partir de la technique de charpenterie.

Vus sous cet aspect, les sarcophages de bois grecs provenant de l'époque d'*Alexandre le Grand* (IVe siècle av. notre ère) sont à classer parmi les pièces les plus importantes. Celles-ci vont être traitées avant les pièces égyptiennes, chronologiquement pourtant antérieures, du simple fait que nous disposons des plans de construction et des descriptions de la plupart des coffres grecs, publiés dans l'excellent ouvrage de *Watzinger*,²¹ tandis qu'à une exception près, des photographies ou des dessins sont seuls à nous donner quelque idée des coffres égyptiens. Ces derniers seront donc examinés à la lumière des faits acquis par l'examen des coffres grecs.

Ces sarcophages de bois grecs, qui remontent au IVe siècle, sont déjà faits exclusivement de planches débitées par sciage, de section rectangulaire, mais, dans la plupart des cas, les planches continuent à venir s'engager dans les rainures pratiquées sur les deux faces intérieures du pied. En revanche, nous assistons à un changement survenu dans le mode d'assemblage des planches de la paroi.

Les planches, de section rectangulaire, sont assemblées à plat joint (fig. 5.). Le mode d'assemblage nécessité par le coffre de charpenterie fait de merrains n'a plus ici son utilité ; les planches assemblées sont maintenues au moyen de chevilles.²²

Le mode d'ajustage aux pieds subit aussi une transformation. Dans la plupart des cas, les extrémités des planches viennent s'introduire dans les rai-

nures des pieds, sur toute leur longueur, à la manière des coffres de charpenterie. Mais on peut trouver des pièces à parois composées de trois planches et dont les pieds ne comportent pas de rainures pour recevoir la planche du milieu, jointe aux planches voisines simplement par des chevilles.²³ Un cercueil provenant de Kertch (Crimée, U. R. S. S.) nous surprend par la construction de sa paroi : les planches inférieure et supérieure devenues très étroites présentent, la première sur la rive supérieure, la seconde sur la rive inférieure, la rainure où se trouve embrevée la planche du milieu, relativement très large (elle nous rappelle, par sa largeur, des planches médianes du fond des coffres de charpenterie populaires que l'on actuellement en Hongrie). On peut y voir un vrai précurseur de la construction à panneaux²⁴ (fig. 6).

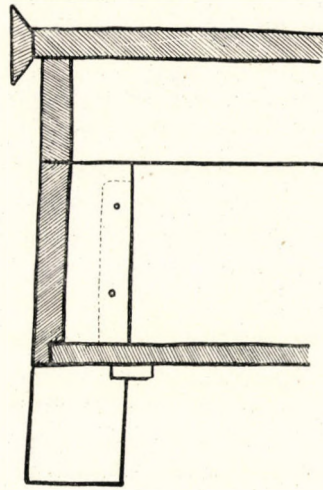

Fig. 7. Plan de construction du coffre grec no 4 (d'après Watzinger).

Les fonds des coffres grecs ne sont jamais faits suivant la technique de charpenterie ; les planches, jointes au moyen de chevilles, sont maintenues par-dessous par des sangles.²⁵ C'est par contre la technique de charpenterie que nous rappelle généralement le mode d'ajustage des planches du fond qui viennent s'introduire dans les rainures des pieds et des planches latérales intérieures.²⁶ Mais ce procédé peut bien s'inspirer même d'autres méthodes, comme nous le montre l'exemple d'un sarcophage dont le fond s'assemble à mi-bois à la paroi transversale (fig. 7.) et reste relié à la paroi latérale simplement par des chevilles.²⁷

Très souvent, nous voyons des moulures formant cadre clouées sur la partie supérieure du corps des coffres. L'application de cet élément manquant totalement sur les coffres de charpenterie, ne pourrait se concevoir sans le secours de la scie, des montants et des traverses obtenus par sciage pouvant seuls s'assembler directement aux angles.²⁸

Nous voyons donc les survivances de la charpenterie et la technique de la menuiserie se côtoyer dans l'assemblage des mêmes coffres. D'autres coffres présentent déjà un assemblage en queue d'aronde qui exige une technique plus évoluée de la menuiserie (fig. 8.). Les pieds n'y jouent plus aucun rôle dans la construction ;²⁹ ils sont cloués sur le coffre en guise d'ornement.

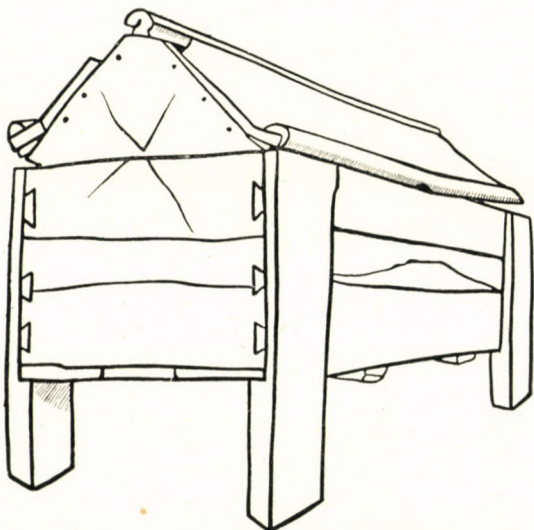

Fig. 8. Vue de perspective du coffre no 4 (d'après *Watzinger*).

Tous les couvercles des sarcophages grecs qui nous sont restés ont été faits suivant le nouveau mode de construction. Les planches, au lieu de s'introduire dans les rainures des deux frontons, se trouvent clouées sur leurs rebords. Des moulures viennent en général masquer l'endroit des clous, de même que pour la plupart des coffres, le lieu d'assemblage des parois et des pieds était recouvert de la même façon.

Le système d'ouverture du couvercle diffère encore de ceux appliqués aux produits typiques de la charpenterie (fig. 9.). Le faitage du coffre grec est généralement composé de cylindres de bois, fixé alternativement tantôt sur le côté devant, tantôt le côté derrière. Celui-ci étant lui-même fixe, les cylindres formant charnière permettent au couvercle de s'ouvrir au côté devant. Même les coffres où ce système d'ouverture fait défaut, continueront à l'alternance décrite ci-dessus : à l'exemple des cylindres des zones claires et sombres sont peintes sur le faitage.³²

Les images retrouvées sur certains vases n'ont pas beaucoup contribué à nous renseigner sur le mode d'exécution technique de ces coffres. Il n'en reste pas moins qu'à côté des coffres de charpenterie, on peut signaler, quoique plus rarement l'apparition de coffres présentant la construction à panneaux, laquelle appartient à la menuiserie. Une certaine partie des coffres de charpenterie

connus par ces images sont, de même que les sarcophages de bois conservés en original, surmontés d'un couvercle à double pente. Les coffres ayant un couvercle de ce genre paraissent relever plutôt de la technique courante de charpenterie.³³ Le couvercle plat des pièces représentées ouvertes semble se rattacher plutôt à la construction à panneaux, c'est-à-dire à une technique propre à la menuiserie.³⁴

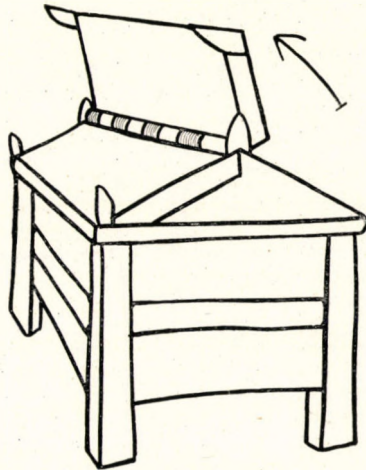

Fig. 9. Système d'ouverture du coffre grec no 4 (d'après *Watzinger*).

L'examen des pièces égyptiennes nous met devant un problème plus difficile, puisque les publications ne nous fournissent aucun plan de construction. La seule pièce qui m'a été accessible (fig. 13.) est celle qui se trouve déposée au Musée des Beaux-Arts de Budapest. Ce sarcophage de bois qui remonte probablement du Haut Empire est confectionné, comme les pièces grecques, de planches sciées et reliées par des chevilles. Les planches du fond, — posées, contre l'usage, parallèlement à la paroi transversale, — se trouvent également chevillées aux parois. Les pieds, au lieu de rainures, ne comportent que des entailles faites pour loger les parties de languettes laissées aux extrémités des planches. Le couvercle manque, mais à en juger par les parois transversales qui se terminent en haut en triangles, le couvercle du coffre devait être à double pente.

Les autres coffres dont nous avons connaissance, remontent également au début du règne de la XVIIIe dynastie. Ils nous révèlent la construction de menuiserie,³⁶ mais le pied servant à réunir les parois³⁷ (fig. 12.) y est encore une survivance de la construction de charpenterie. Les couvercles à deux versants (à double pente³⁸) et les couvercles bombés³⁹ sont d'apparition très fréquente. Le couvercle, à l'exemple des coffres de charpenterie, tourne sur ses pivots qui entrent dans les trous creusés dans les parois.⁴⁰ (Les couvercles des coffres

de charpenterie hongrois contemporains s'ouvrent selon des principes analogues, mais là, inversement, ce sont les pivots de la planche supérieure de la paroi de derrière qui tournent dans les trous pratiqués sur les deux frontons du couvercle.) La manière dont les planches sont unies par les deux frontons, relève encore de la technique de charpenterie.⁴¹

Ni les Romains, ni les autres peuples de l'antiquité ne nous ont laissé des coffres originaux, (ceux qui parviennent de Rome et de Pompéi sont recouverts de plaques métalliques ce qui nous empêche de connaître le secret de leur construction). Évidemment, ni les tableaux antiques, ni les imitations du coffre de bois à l'aide d'autres matériaux ne nous offrent des données susceptibles de servir de point de départ à un examen concernant la technique de la construction.

Les coffres en ivoire de l'époque impériale tardive (IVe siècle de notre ère) nous fournissent déjà des contributions plus sûres. Leur structure les ferait ranger parmi les coffres de charpenterie, mais chacune des plaquettes d'ivoire placées entre les deux pieds est munie isolément de cadres, celles garnissant le couvercle étant également encadrées par un bâti assemblé à queue d'hironde.⁴²

De toute la période allant du IVe au XIIe siècle, un seul coffre de charpenterie nous est connu, celui de Terracine, en Italie (fig. 22.).⁴³ Celui-ci, d'après l'image, nous montre une construction de charpenterie de type pur. On ne peut plus en dire autant du couvercle, qui est entièrement plat et se passe des frontons si nécessaires dans la construction de charpenterie. Il ne sera pas rare, plus tard, de rencontrer de tels coffres, dont la construction de charpenterie voisine avec l'assemblage de menuiserie adoptée pour réunir les différentes pièces du couvercle. D'autre part, on peut supposer que, les pivots une fois cassés, le couvercle plat fût ajouté ultérieurement, c'est là une hypothèse qui s'est déjà trouvée confirmée⁴⁴ à deux reprises par la découverte de l'emplacement des pivots cassés. Nous avons eu d'ailleurs nous-mêmes l'occasion de constater, lors de notre enquête au comitat de Baranya, que les coffres de charpenterie, quand les pivots viennent à se briser, sont munis d'un nouveau couvercle plat ajusté au coffre par des pentures.

Les coffres de bois du XIIe siècle ont été exécutés, comme nous l'avons vu, selon la technique de charpenterie. De nombreux spécimens de coffres nous sont légués par le XIVe siècle. Parmi ceux-ci, à côté des pièces de charpenterie typiques, se multiplient les coffres dont la structure, tout en imitant encore celle du coffre de charpenterie, laisse déjà entrevoir dans les détails des certains éléments de menuiserie. Ces coffres sont confectionnés de planches débitées par sciage. A cette époque, l'emploi des planches débitées par sciage commence à prendre une extension rapide et tend même à se faire accepter à titre d'exclusivité. Ce phénomène trouve son explication dans l'importante innovation technique introduite dans le débitage des planches, qu'avait apportée le XIVe siècle : en 1320, à Augsbourg, on fit l'invention de la scierie⁴⁵.

Les planches de section rectangulaire ne se sont plus réunies que par quelques chevilles dont l'usage peut aussi être abandonné sans dommage. Au degré de développement suivant nous voyons que les quatre pieds qui avaient servi de support sont supplantés par les parois transversales, devenues plus étroites et se prolongeant jusqu'au sol.⁴⁶ Ce détail met fin à la carrière de la construction de charpenterie ; ces parois ne comportent plus de rainures pour recevoir les planches des parois latérales, qui s'y réunissent soit au moyen de clous, soit autrement. Mais les vestiges de l'ancienne construction continuent à survivre pendant un certain temps sous forme de bouts de planches cloués sur le devant, à l'endroit même où jadis on pouvait voir les pieds⁴⁷ (fig. 27.).

Un autre élément rappelant la construction du coffre de charpenterie que nous retrouvons dans les coffres de menuiserie du moyen âge, c'est leur système de fermeture, avec un couvercle tournant sur des pivots.⁴⁸ Cette persistance du système de fermeture était certainement due à des causes économiques et notamment à l'état peu évoluée de l'industrie du fer à cette époque.

Sur tous ces coffres, les pieds (soit formés par la partie inférieure de la paroi transversale, soit cloués ultérieurement) ne jouent plus aucun rôle dans la structure. On comprend donc que l'application des parois modelées en guise de pied soit abandonnée peu à peu pour faire place, sur les coffres faits selon la technique de menuiserie, à des pieds de petites dimensions cloués sur le fond du coffre. C'est cet arrangement qui s'est maintenu jusqu'à nos jours. Au tournant du XIVe et XVe siècles, paraît la construction à panneaux sous sa forme définitive ce qui perpétue la rupture entre menuiserie et charpenterie.

La décoration du coffre de charpenterie

Les trois types de coffre se distinguent non seulement par leur structure, mais encore par leur décoration. Comme plus haut, mes rapprochements seront fondés sur les pièces contemporaines de provenance populaire qui représentent des types purs ; après leur examen, je considérerai les pièces qui constituent des types de transition.

Les décorations propres aux trois types de coffres ayant chacun sa construction à lui, accusent des différences essentielles.

Les coffres creusés n'en comportent point (sauf les pentures oeuvrées toujours par le forgeron et qui semblent postérieures au type de coffre qu'elle décorent).

La décoration gravée des coffres de charpenterie se fait, au degré le plus primitif, au moyen d'un outil indispensable au charpentier pour rainer les planches : la rainoir.⁵⁰ En outre, un autre instrument, le compas, est devenu de nos jours d'un usage presque généralement adopté.⁵¹ On retrouve des spécimens de coffres à décoration gravée en Hongrie (fig. 46., 48., 49.), en Tchécoslovaquie,⁵² en Union Soviétique⁵³ (fig. 42.), en Suède,⁵⁴ en Norvège,⁵⁵ en Allemagne⁵⁶

(fig. 45.), en France,⁵⁷ en Suisse (fig. 44.),⁵⁸ en Italie,⁵⁹ en Yougoslavie,⁶⁰ en Roumanie⁶¹ (fig. 43., 47.) et en Albanie.⁶² Dans tous ces pays on trouve d'ordinaire des décorations composées de lignes droites et d'arcs de cercle, les décorations à éléments purement rectilignes s'y faisant déjà plus rares. Néanmoins ces dernières ne sont fréquentes que dans la partie Est de la Hongrie, en Roumanie et dans les Balkans, où la ligne droite constitue encore le seul élément décoratif. La décoration à éléments cunéiformes, grée au burin, est déjà plus rare. Nous la retrouvons en Autriche en Suisse,⁶³ (fig. 44.), en Roumanie⁶⁴ et chez les Svanètes du Caucase.⁶⁵

Ces deux techniques sont caractérisées par l'application d'éléments purement géométriques. Ceux-ci sont parfois agrémentés de peinture en une ou plus rarement en plusieurs couleurs, appelées à faire ressortir les figures géométriques (fig. 48., 49.).⁶⁶ Des coffres de charpenterie d'origine populaire à décoration uniquement peinte ne nous sont point connus.

L'option de la peinture est presque partout d'origine plus ou moins récente. C'est seulement depuis la fin du siècle passé que les fabricants de Szuhahuta ont fait appel à la peinture pour décorer les coffres de charpenterie de leur fabrication ; c'était probablement pour faire concurrence aux coffres de menuiserie également peints. Les plus vieux se rappellent encore des divers essais tentés en vue d'obtenir un effet colorié, d'abord par fumage, ensuite par badigeonnage du coffre au moyen d'une coction d'écorce de bois d'aune. C'est après seulement que l'emploi de colleurs mélangées de colle, d'abord rouge, puis rouge-bleu (et une fois même rouge-bleu-jaune) fut adopté. Il n'en reste pas moins que la décoration gravée continue à y jouer le rôle principal.

Au comitat de Baranya bien des pièces anciennes n'ont pas de peinture. Mais il n'est pas rare non plus de rencontrer des pièces dont la décoration gravée est colorié en noir, procédé qui sera plus tard généralement adopté. Les dernières pièces en date dont l'origine remonte aux années 50—70 du siècle dernier apparaissent déjà avec une ornementation comportant plusieurs couleurs : vert, bleu ou jaune. Chez les Croates du comitat de Baranya, où l'objet restait plus longtemps à la mode que chez les Hongrois, la peinture a connu aussi un emploi plus général. Un phénomène analogue peut s'observer au département de Bihor, en Roumanie.⁶⁷

Si la décoration géométrique gravée semble être propre aux coffres de charpenterie employés de nos jours par le peuple,⁶⁸ c'est bien le dessin effectué à main levée qui caractérise les coffres de menuiserie populaires, dont les gravures, quand il y en a, sont également faits à main levée et coloriées en plusieurs couleurs. On y remarque, en plus, la présence de cadres et de cloisons moulurés de profils différents et l'application de diverses pièces façonnées au tour.

Essayant d'examiner à la lumière de ces observations les différentes pièces historiques, nous sommes amenés à dire que les pièces faites selon la technique de charpenterie comportent généralement des décorations à éléments géométriques. Le fragment de sarcophage de Gordion, dont nous avons parlé

plus haut, les coffres de Suisse (fig. 23—25.), le coffre de l'église de Visby (fig. 26.) et toute une série d'autres pièces du moyen âge peuvent nous en donner l'exemple. Enfin, parmi les copies de coffre de charpenterie faites en matériaux très divers, les cercueils de Juifs, du début de notre ère,⁶⁹ présentent cette même décoration géométrique (fig. 15.).

Les pièces antiques nous font voir que cet alliage de la construction de charpenterie et de la décoration géométrique gravée, que nous connaissons si bien dans le cas des coffres de provenance populaire, s'est effectué de bonne heure.

Par contre, les pièces dont la construction relève de types plus ou moins transitoires, se distinguent encore des coffres de charpenterie de type pur par leur décoration qui n'est pas gravée et ne comprend pas d'éléments géométriques.

Les coffres égyptiens sont généralement incrustés de faïence et de verre. Quelques-uns, comme celui qui se trouve au Musée des Beaux-Arts de Budapest, sont recouverts de stuc chargé de peinture. C'est avec cette même technique que sont décorés les sarcophages de bois grecs trouvés à Abousir. Les pièces grecques provenant de la côte septentrionale de la Mer Noire (et surtout de la péninsule de Crimée) comportent, en plus, des colonnades appliquées dans un but décoratif. Ce dernier mode de décoration prend sur ces pièces parfois une telle importance que, sans l'aide des plans de construction et des descriptions de *Watzinger*, on n'aurait guère de chance d'y découvrir les traces de la construction de charpenterie.

La décoration du coffre de Terracine comporte des figures sculptées ; celles des pièces connues depuis le XIIIe siècle comportent également en guise de décoration sculptées soit des figures, soit divers éléments gothiques⁷⁰ (fig. 29—30.).

On peut donc établir que les éléments caractéristiques et le mode d'exécution de la décoration des coffres qui se rattachent à des types de transition contribuent également à les distinguer des coffres de charpenterie. Ceci doit se ramener en définitif à ce que les faces planes des parois confectionnées de planches débitées par sciage⁷¹ offrent un accès plus facile à l'application de sculptures de bas-reliefs et de dessins effectués à main levée. Ces techniques, ayant dû se former en d'autres domaines, se présentent ici toutes établies. C'est l'emploi du rabot à profiler qui permet d'introduire l'usage de moulures de profils différents,⁷² tandis que le façonnage au tour rend possible l'application de diverses petites colonnes. L'évolution des instruments de production apparaît donc comme un facteur décisif dans le processus de transformation des éléments décoratifs et de la construction.

Les coffres de Transylvanie qui remontent au XVIe siècle, paraissent constituer une exception parmi les coffres précédemment décrits. Par leur construction, ces coffres représentent un type pur de l'application de la technique de charpenterie. Quelques-uns de ces coffres sont munis d'une ornementation gravée et géométrique, que nous connaissons déjà.⁷³ (fig. 31.) ; ces coffres

n'ont pas de peinture. Les autres (et ceux-là sont les mieux connus), ont une ornementation exécutée à main levée, peinte en une ou plus souvent en plusieurs couleurs et représentant généralement des figures. C'est par contre l'ornementation gravée qui en reste absente⁷⁴ (fig. 30.). Sans avoir réussi à trouver une explication à ce phénomène, nous supposons pourtant que la connaissance de la situation sociale de ceux qui avaient commandé ces coffres, suffirait, à elle seule, à nous expliquer l'adoption de ce mode d'ornementation évolué, très à l'honneur chez les menuisiers de Transylvanie. Bien qu'on ne sache d'eux rien de précis, d'après le témoignage des blasons, des figures de rois et de saints qui figurent parmi les motifs de décoration, les propriétaires de ces coffres se recrutent dans la classe dominante. Toujours est-il que cette espèce d'ornementation n'a pas joué, à notre connaissance, aucun rôle dans la décoration des coffres transylvains d'origine populaire. Les pièces de Transylvanie, de même que celles provenant d'autres contrées, ou originaires de l'endroit même où ces coffres étaient trouvés (dép. de Târnava Mare), présentent exclusivement des ornements gravés et géométriques.⁷⁵

Considérons maintenant de plus près le type pur de la décoration géométrique gravée. Malheureusement la littérature de la question ne nous fournit pas de données suffisantes sur l'ornementation pour nous permettre d'éclaircir les étapes successives de sa formation. Des matériaux étrangers qui auraient été susceptibles de nous servir de base à une esquisse générale des modes d'ornementation caractéristiques à l'art populaire de certains pays ou régions, nous font également défaut. Sous ce rapport nous devons donc nous contenter des matériaux retrouvés en Hongrie.

On observe généralement sur les coffres hongrois, de même que sur ceux qui nous sont connus à l'étranger, que l'ornementation des pieds ne se confond jamais avec celle qui est réservée au corps du coffre. Tandis que l'ornementation des pieds est exécutée dans le sens de la longueur, celle des planches est faite perpendiculairement ; dans le second cas l'ornementation contribue à souligner le caractère de la structure. Le dessus du coffre est muni d'ornements créés à l'aide des motifs qui figurent sur le corps du coffre.

Les groupes régionaux qu'on peut distinguer à la base de la décoration, concordent avec ceux que nous avons établis d'après la structure. Sur le territoire de Hongrie on peut distinguer trois groupes qui présentent des différences très nettes aussi bien au point de vue de l'ornementation que par rapport à la structure.

Le premier comprend les coffres de Transdanubie (Dunántúl; fig. 48., 49.). Leurs proportions, comme nous l'avons dit, leur prêtent un aspect trapu ; le couvercle, en forme de toit, est à double pente et les frontons sont munis de cornes puissantes. Les ornements couvrent tout la structure du coffre, sauf la paroi de derrière (les deux versants du couvercle sont également ornés). L'ornementation est peinte en noir pour mieux se détacher de l'ensemble.

Le groupe suivant caractérise presque toute la grande plaine et la région des Palotz (fig. 46.) et se retrouve encore en Slovaquie où se recrutaient, parmi les habitants slovaques et hongrois, les fabricants des pièces analogues que l'on retrouve en Hongrie. Dans ses proportions, ce type se montre plus élancé, c. à d. plus élevé en hauteur. Son couvercle est bombé ou parfois presque plat, les cornes se sont atrophiées. La décoration se limite d'ordinaire à la partie devant du coffre et — excepté à Szuhahuta, dont nous avons déjà parlé — ne comporte jamais de peinture. Comparé au précédent qui est adopté en Transdanubie, ce mode d'ornementation présente des détails menus et touffus, mais bénéficiant de plus de libertés et présentant une variété plus grande.

Le troisième groupe se trouve dans les régions orientales de la Hongrie et dans la majeure partie du territoire de Roumanie (fig. 43., 47.). Comparés au groupe précédent, les coffres de ce type paraissent également raplatés, trapus, mais moins allongés que les coffres de Transdanubie. Leur couvercle est presque tout à fait plat. Il en résulte que le fronton finit par se réduire à une planche étroite dont les deux extrémités présentent des saillies en cornes. La décoration, ne comportant pas de peinture, est très simple ; d'une manière générale, elle se compose exclusivement de lignes droites. Nous y retrouvons l'ornementation en arc de cercle beaucoup plus rarement que sur les pièces appartenant au groupe précédent.

Aucun de ces types ne présente pas de décoration à l'intérieur du coffre. La date de l'année n'apparaît que sur les pièces des deux premiers groupes ; elle est marquée généralement vers le milieu de la partie devant du coffre. Dès les années 30 du siècle dernier ces dates d'années figurent sur les coffres de Baranya et, à partir des années 70, on les retrouve aussi sur les coffres de charpenterie provenant de l'Alföld. Leur présence sur ces coffres paraît être due à l'influence des coffres de menuiserie. Sous ce rapport il convient de prendre en considération le moment de l'apparition de ce nouvel élément sur les coffres de charpenterie, lequel succède toujours de quelques dizaines d'années à l'apparition des coffres de menuiserie sur le même territoire.

La décoration des coffres de charpenterie n'accuse naturellement pas que des variations régionales, mais reflète aussi les diverses périodes historiques et même quelques différences qui tiennent au style de certains maîtres et méritent d'y être relevées.

Mon enquête relative aux transformations historiques qui s'opèrent dans le domaine de la décoration, a été effectuée dans 25 villages du comitat de Baranya. Sur les 300 coffres que nous avons examinés, nous avons pu distinguer trois périodes historiques. La première comprend les décorations à éléments soit purement rectilignes, soit circulaires et fortement centralisés (fig. 48.). La deuxième période se caractérise par une ornementation composée de lignes droites et d'arcs de cercle ; dans ce cas l'ornementation est moins centralisée (fig. 49.). Enfin l'ornementation des pièces appartenant à la troisième

catégorie comporte déjà des zones très minces d'un caractère hétérogène. Ce dernier style se caractérise, en outre, par son affranchissement des motifs jusque-là strictement géométriques ; on les voit remplacés par l'application d'une ornementation végétale ou en forme de coeur mais géométrisée. On y observe encore l'inscription de dates et l'introduction d'une peinture polychrome.

C'est à Szuhahuta que j'ai essayé de relever certaines différences qui distinguent les styles de plusieurs maîtres. Dans ce cas on arrive encore à enregistrer d'une façon précise les particularités de style des deux maîtres encore vivants, ainsi que celles de deux autres, décédés pendant les trente dernières années. (Pour les détails voir mon étude à paraître sur »L'Art du Bois à Szuhahuta«.)

*Les rapports entre le coffre de charpenterie et le terme de *scrinium**

L'examen des différentes dénominations du coffre de charpenterie nous met devant une difficulté nouvelle. Naturellement, nous n'avons point l'intention d'envisager cette question dans son ensemble ; notamment les noms variés et multiples qui ont servi à désigner ce type de coffre, aussi bien chez divers peuples de l'Antiquité que chez les peuples européens jusqu' à nos jours, ne pourront être examinés d'une manière exhaustive. Au lieu d'entreprendre une tâche paraissant d'avance trop ardue, il me semblait plus prudent de me borner à analyser dans les détails le problème le plus complexe qui se pose dans ce domaine : celui des rapports qu'il y a entre le coffre de charpenterie et le terme latin de *scrinium*.

Les données recueillies en Hongrie seront examinées en premier lieu. Non seulement elles sont les plus nombreuses, mais elles nous permettent le mieux d'établir certains rapports entre l'objet et ses dénominations.

Autant que je sache, sur le territoire linguistique hongrois les coffres de charpenterie sont actuellement connus sous les noms suivants : *szekrény*, *szuszek*, *hombár*, *láda*, *kócsag*, *kar*.

Essayons de voir de plus près ces dénominations. Selon les conclusions des linguistes hongrois le mot *szekrény* paraît avoir été emprunté de France avant le XIIIe siècle, c'est-à-dire à une époque où il existait d'étroites relations culturelles entre Français et Hongrois. Selon G. *Bárczi*, le mot *scrin*, ainsi que l'objet, serait importé en Hongrie par des moines wallons.⁷⁶ La première donnée écrite nous est fournie par le fragment du Dictionnaire latin-hongrois de Brassó, imprimé aux environs de 1470. Ici nous lisons : »*Szokrjñ vel Lada — arca*«. ⁷⁷ Comme de nos jours le mot *szekrény*, pris dans le sens de »coffre« ne désigne en Hongrie que des coffres à construction de charpenterie, on doit lui attribuer, selon toute probabilité, une acception identique dans le passé.

Mais dans le langage commun, le mot *szekrény* sert à désigner le meuble connu sous le nom d'armoire. Regardons donc, jusqu'à quelle époque notre

mot continue à garder son sens primitif de coffre et à quel moment il aura pris la nouvelle signification que nous connaissons actuellement ?

Nous disposons d'un document de 1522 qui nous dit : *Duas cistellas ulgo zekren vocatas*.⁷⁸ Ajoutons-y le témoignage du Vocabulaire latin-hongrois de Marmelius (1533) où nous trouvons : *Arcularius — Sekren uagy seloncze gyarto*.⁷⁹

Dans le fragment du Dictionnaire latin-hongrois de Gyöngyös (début du XVIe siècle) nous voyons : *Arca dicta : quod arceat visum : vel : furem : Szekreny ; laada : almaryom*.⁸⁰ *Arcula : dimi : parua archa : kysded Szekren : Laada*.⁸¹ *Arcella : aliud : dimi : kysded Szekren*.⁸² *Capsa : a capio quod res in se reconditas capit : Lada : a(lma)rium : Zekreny*.⁸³ *Carthopilacium : latine ferinium dicitur : Zekreny : vel : kebeled, in quo librj et scripture reponuntur*.⁸⁴

Un inventaire provenant de 1576 nous parle même de *szekrény* muni d'un chastron : *Egy eöreg h fyas ládáyw zökrinben zekrinben*⁸⁵ *waló morha záma, kin chak retez lakath wagyon . .*.⁸⁶ (Nombre d'effets contenus dans un vieux *zökrin* muni de chastron et n'ayant que morillon et serrure).⁸⁶ Des témoignages d'objets concourent à nous prouver qu'il y avait des coffres de charpenterie qui étaient réellement pourvus de chastrons ; ainsi les coffres saxons originaires de Transylvanie⁸⁷ et datant, paraît-il, du XVIe siècle, de même que quelques-uns représentés sur des miniatures (fig. 36—37.) en sont généralement pourvus. Dans les armoires que nous connaissons actuellement, l'application des chastrons paraîtrait par contre impossible.⁸⁸

Des notes portées aux environs de 1577 en marge d'un dictionnaire latin-allemand, paru en 1518, nous disent : *sekren : scrinium* et *szekrény : arca*.⁸⁹

Le Dictionnaire latin-hongrois de Calepin, paru en 1585, écrit : *capsa — Szekrény, capsula — Szekrényeötske*,⁹⁰ *cardopos — Kinyer tarto szekrény*,⁹¹ *mactra — Veka, zekreny*,⁹² *scrinium — Zekreni, lada*.⁹³

Un document provenant de 1587 nous parle de *fedelet hlen lyztes Zökren* (*Zökren* à contenir de la farine, sans couvercle),⁹⁴ et dans un autre, écrit dix ans plus tard, nous voyons encore : *Hituan deszka szeokrenj feodeletlen es feneketlen* (vilain *szeokrenj* fait de planches, n'ayant ni couvercle, ni fond).⁹⁵

Ces données nous attestent l'identité du *szekrény* de cette époque avec le *szekrény* populaire contemporain à construction de charpenterie, puisque l'armoire, désignée également par *szekrény* dans le langage contemporain, n'a pas de couvercle. Le terme, de couvercle, en effet, doit être réservé à des tablettes qui ferment le meuble de dessus et peuvent s'ouvrir et se refermer à volonté, tandis que l'armoire s'ouvre par des portes. En outre, les meubles de menuiserie, privés de leur fond, n'arriveraient même pas à tenir ensemble et se disloqueraient aussitôt. Ce n'est pas le cas du coffre de charpenterie, même si les planches du fond viennent à pourrir, puisque celles-ci, comme nous avons vu plus haut, ne servent pas de supports. On rencontre très souvent des coffres de charpenterie démunis de leur couvercle, parce que ce sont les

pivots de bois du couvercle qui se cassent le plus facilement par suite d'un usage constant. D'autre part, le fond du coffre peut tomber, surtout quand il se trouve soumis à une charge beaucoup trop grande ; dans ce cas la partie rainée des planches inférieures se détériore et finit par se casser. A ce moment, on répare le coffre en y ajoutant un nouveau fond.⁹⁶

De la même époque à laquelle remontent les documents cités plus haut, nous possédons aussi des témoignages lexicographiques. D'après le vocabulaire hongrois de *B. Szikszai Fabricius*, paru en 1590 : *Arcularius — Szekrény vag' apro szelencze czinalo*⁹⁷ et *Srinium, Cista — Szekreny*.⁹⁸

Dans le *Dictionarium* de *A. Szenci Molnár* nous lisons : *Székrenke, Cisticula ; Szekrényczinalo, Arcularius, Scrinarius ; Szekrénygyártó, Idem ; Szekrény, Scrinium, Capsa, Cista ; Szekrényeczke, Capsula*.⁹⁹

Un inventaire datant de l'année 1607 nous parle d'abord d'un *szekrény* : *Más hosszú fejér szekrényben : Egy hosszú újú, granat, galléros, torokkal bélelt suba . . .* (Dans un autre *szekrény* long et peint en blanc : un manteau à longues manches, au col vermeil, doublée de fourrure de renard . . .) un peu plus bas au cours de son énumération, le même objet est mentionné sous le nom de *láda* : *Azon ládában más egy vörös szőnyeg kicsiny. Egy öreg fejér terkás szőnyeg . . .* (Dans le même coffre — *láda* — un autre tapis rouge tout petit. Un vieux tapis blanc, bariolé . . .)¹⁰⁰ Il s'ensuit qu'à cette époque le mot *szekrény* pouvait bien servir à désigner un coffre.

C'est d'ailleurs la même conclusion qui se dégage de l'ouvrage de *A. Szenci Molnár*, paru en 1630 et intitulé : *Discursus de Summo Bono*, où nous lisons : *Bérontyák az aytót és vokat halva fekűvén talállyák az ő pénzes szekrényén* (Ils enfoncèrent la porte et trouvèrent leur seigneur étendu mort sur son *szekrény* à mettre l'argent).¹⁰¹ Or il eût été bien difficile à quiconque d'être étendu mort sur une armoire du genre que nous connaissons actuellement.

Dans un autre inventaire, datant de 1650, nous voyons des objets servant au même usage groupés ensemble et traités sous différentes rubriques, telles que : *Vánkos héjak száma* (Nombre des taies d'oreillers), ou *Párnák száma* (Nombre des coussins.) Et pareillement : *ládák száma* (Nombre des coffres). Et voilà que nous voyons figurer sous cette dernière rubrique : *Egy öreg aranyas gombos és rakott szekrény* (Un vieux *szekrény* garni de clous dorés et d'incrustations)¹⁰². *Négy öreg zöld szekrény* (Quatre vieux *szekrény* de couleur verte).¹⁰³ Et d'une manière toute analogue, dans un inventaire de succession anonyme datant de 1655, c'est, avec d'autres coffres, sous la rubrique *Láda* que nous voyons figurer la description de l'objet suivant : *Elmetszett lábú szekrinny* (*Szekrinny* aux pieds coupés).¹⁰⁴ C'est encore là une excellente preuve de la similitude de ce coffre avec le coffre de charpenterie de nos jours, dont les longs pieds sont également coupés, quand leur bois est pourri. Chose impossible pour les coffres de menuiserie ou le *szekrény* entendu dans son sens actuel d'armoire, dont les pieds, de dimensions très réduites, sont fixés

ultérieurement au meuble, sans faire partie intégrante de la structure de l'objet. C'est donc tout au plus des *szekrény* aux pieds cassés ou démunis de pieds que l'on pourrait s'attendre à voir mentionnés dans ce cas.

Passons maintenant aux données du XVIIIe siècle. Dans l'édition de 1708 du *Dictionarium ungarico-latino-germanicum* de *A. Szenci Molnár* nous lisons : *Szekrétke, Cisticula. Kleines Kistlein. Szekrény, scrinium, capsula, cista. Schranck |Trog| Kaste |Kiste| Szekrényeczke, Capsula, Kástlein.*¹⁰⁵ Parmi les traductions du mot *szekrény*, nous retrouvons donc l'allemand *Schranck* ; mais celui-ci n'avait point alors la signification d'« armoire » que nous connaissons actuellement. C'est ce que nous prouvent à leur tour les équivalents attribués au mot *láda*, parmi lesquels figurent encore les mots *Schranck* et *Schráncklein*, pris dans un sens que ne leur attribue plus la langue commune contemporaine : *Láda, Arca, Cista, Scrinium. Eine Kiste |Truhe| Schranck| Ládáczka, Arcula, Cistula, Cistella, Cistellula, Capsula, Kistlein |Trühelein| |Schráncklein|*,¹⁰⁶

Jusqu'ici le mot *szekrény* se présentait toujours comme l'équivalent des mots latins *arca, capsula, cista, scrinium*. C'est dans la *Phraséologie* de *Wagner*, parue en 1750, que nous le voyons pour la première fois figurer comme équivalent de *armarium* ce qui veut dire qu'il sert à désigner l'armoire moderne : *Armarium, Szekrény, almárium, ruha-tartó kamara, vagy rekesz : Behaltniss ; schowanissté, kde se wsseliké węcý chowagj, almara. Syn. Locus, in quo vestes, stragula & id genus alia servantur.*¹⁰⁷ Le mot *almárium* est le seul équivalent de *armarium*. La signification d'*almárium* devait être à peu près identique à celle que possède actuellement le mot *almárium* (cf. *ruhatartó kamara, vagy rekesz*). Il s'agit donc ici d'un élargissement sémantique des acceptions du mot *szekrény*. Mais le mot *szekrény* a encore aussi la signification de « coffre » (*láda*), comme nous le voyons dans plusieurs articles du même dictionnaire : *Arca, Láda, bárka, szekrény : eine Kaste : truhla, truhlicě, sskryně. Syn. Armarium, capsula, cista.*¹⁰⁸ *Capsula, Szekrény, ládátska, iskatulya ; Káste ; mossna, kapsa, Syn. Arca.*¹⁰⁹ *Cista, Láda, szókrény, kosár : Kasten : truhla, skryně. Syn. Arca, fiscina, canistrum.*¹¹⁰ Cet élargissement du sens remonte à l'époque où le coffre de charpenterie cessait d'être utilisé comme coffre de mariage. L'armoire à vêtements, comprise désormais dans la dot des filles à marier, venait prendre le nom de l'objet (*szekrény*) qu'elle avait supplanté. Celui-ci pourtant, gardait son nom de *szekrény* aussi longtemps que les coffres de charpenterie continuaient à rester en usage.

Mais voilà que, dans le Dictionnaire de *Fr. Páriz-Pápai*, paru 12 ans plus tard, c'est encore la signification de coffre (*láda*) du mot *szekrény* que nous retrouvons : *Szekrény : Scrinium, Capsula, Cista. Szekrényetske : Capsula. Szekrényke : Cistula.*¹¹¹ *Capsula, Iskatulya, Szekrény, Ládátska. Capsula, Szekrényetske, Iskatulyátska.*¹¹² *Scrinium, Szekrény, Láda.*¹¹³ Quant à *armarium*, il signifie encore *almárium* (armoire) et *Élés-tartó kamara* (garde-manger).¹¹⁴

Le *Gradus ad Parnassum*, paru en 1771, témoigne également de cette

persistance du sens primitif : *Capsa, Szekrény, Ládácska. Eine Kiste, Sack, Kapsa.*¹¹⁵ *Scrinium, Szekrény, láda. Bücher-Kaste, Skfynë.*¹¹⁶

Mais déjà en 1792, chez *D. Baróti Szabó*, on découvre de nouveau le sens *almárium*, quoique accompagné du sens de *láda* : *Szekrény, láda, bárka, almárium. Ruha-szekrény* (armoire à vêtements). *Frigy' (szövettség') szekrénye* (arche d'alliance).¹¹⁷

Dans l'édition de 1801 du Dictionnaire de *Pariz-Pápai*, où les mots sont traduits aussi en allemand, l'équivalent latin est resté le même ; nous y lisons donc : *Szekrény* : . . . *ein Schrein, Schranck, Lade, Kiste. Szekrényetske* : . . . *ein Kästlein, Schächtelein. Szekrényke* . . . *ein Kästlein.*¹¹⁸ Ici, le mot *Schranck* doit avoir déjà sa signification actuelle puisque, contrairement au Dictionnaire de *A. Szenczi Molnár*, de 1708, on nous le fait figurer ici comme équivalent des mots *szekrény* et *almárium*,¹¹⁹ mais pas comme celui de *láda* ; (*Láda* . . . *eine Lade, Kasten*).¹²⁰ La signification primitive du mot *szekrény* parallèlement avec l'autre, continue pourtant à se maintenir.

Toutes ces données ne doivent pas nous faire croire que la transformation sémantique du mot *szekrény* de »coffre« en »armoire« ait déjà été parachevée à cette époque. *S. Gyarmathy* n'admit dans son *Vocabularium* (1816) que la signification de »coffre« : *szekrény, láda, L(at.) scrinium, C(arniolice) s h r y n a, B(ohemice) sskrine, R(uss) Se(rbice) zakrom, szkrinotska, szkrinka, szekrénke, V(alachice) sacrio.*¹²¹

Dans l'édition de 1822 de la Phraséologie de *Wagner*, nous voyons repaître le sens d'*almárium*, qui s'allie au sens primitif de *láda* ; *Arca, Láda, szekrény, almárjom* : *Kiste, Kasten, Schrank. Truhla, Škriňa.*¹²² *Armarium, Szekrény, almárium, ruhatartó* : *ein Schrank zu allerlei Rüstung, oder zu Kleidern ; Behältniss. Armara, Kasňa.*¹²³ *Capsa, Tok, skatula, ládácska, szekrény, tartó* : *Trog, Kiste, Futteral, Beháltaiss, Skatula, Truhlička, Škriňka.*¹²⁴ *Cista, Kosár* : *Korb. Láda, szekrény, tartó, Kasten, Lade, Kiste. Kofer. Škriňa, Truhla.*¹²⁵

Il est curieux de noter les grandes différences d'interprétation qu'il y a entre les deux éditions se succédant à 72 ans d'intervalle. Dans l'édition de 1750 le mot *Schrank* ne figure même pas ; dans celle de 1822 il apparaît déjà comme synonyme des mots *almárium* et *szekrény*.

Le Vocabulaire (*Szó-könyv*) de *J. Kassai*, qui traduit le mot *szekrény* par *Cista, Arca, Capsa, Germ. Lade, unde Hungarorum barbarum Láda, loco Szekrény,*¹²⁶ contribue à nous prouver que la signification d'»armoire« était loin d'être généralement admise à cette époque.

Mais la langue commune de la première moitié du XIXe siècle nous atteste également l'emploi du mot *szekrény* dans le sens de *láda*. P. ex. chez *F. Szeder*, nous trouvons : *Szuzsiék, szuszék szekrény formájú láda* (*Szuzsiék, szuszék, coffre en forme de szekrény*) et *szuszék gabona tartó nagy szekrény* (*szuszék, szekrény de grande dimension pour mettre le blé*).¹²⁷ Nous y ajouterons encore le témoignage de *D. Baróti Szabó*, de la fin du siècle dernier :

Hambár : búzás, lisztes szekrény, szűszék. (*Hambár* : szekrény à blé, à farine, szűszék).¹²⁸

Une donnée négative vient encore nous apporter une preuve indirecte : dans le Dictionnaire des Dialectes hongrois (Tájszótár, 1838) mot *szekrény* ne figure point encore, nos lexicographes n'ayant probablement pas cru devoir le classer parmi les termes dialectaux. Il n'en est moins vrai que, selon le témoignage de documents qui vont être cités à propos des divers emplois du coffre de charpenterie, le mot *szekrény* avait existé dans le parler populaire de cette époque. Ajoutons-y que dans la monographie de M. *Hölb ing* sur le comitat de Baranya (1845) le coffre appelé *szökröny* dans le parler populaire de cette région est mentionné exclusivement sous le nom de *szekrény* ce qui témoigne l'application d'un terme de la langue commune à cet objet.¹²⁹

Le Dictionnaire de la langue hongroise (A Magyar Nyelv Szótára), qui a paru en 1868, consacre déjà la signification moderne du terme de *szekrény* ; l'élargissement du sens primitif a donc abouti à une transformation radicale du contenu sémantique : *Szekrény* ... *Általán, különféle alakú és nagyságu, vagy egy osztatlan öbölből, vagy fiókból álló bútornemű készület, melybe holmit helyezni, rakni, zárni szoktunk. Könyvszekrény, ruhaszekrény. Polczos, fiókos szekrény. Konyhaszekrény. Lisztes, szalonnás szekrény. Pohártartó, edényes szekrény. Szekrénybe zárni a pénzt.*) *Szekrény* ... sorte de pièce d'ameublement de forme et de dimensions généralement variées, n'ayant qu'une baie indivise ou comportant des tiroirs et où l'on peut soit mettre, soit ranger, soit enfermer des effets divers. Armoire-bibliothèque, armoire à vêtements. Armoire à rayons, à tiroirs. Armoire de cuisine. Caisse pour mettre la farine, le lard. Buffet de cuisine, armoire à vaisselle. Serrer son argent dans l'armoire.)¹³³ Tout cela ne nous rappelle plus la signification de «coffre» ; nous ne retrouverons d'ailleurs que sous un autre mot-souche du même ouvrage où, fidèlement aux traditions plus anciennes, *szuszék* est présenté comme synonyme de *szekrény*.¹³¹

Malgré les faits que nous venons de signaler, la langue commune ne cesse de nous fournir quelques rares exemples de l'emploi de *szekrény* au sens de coffre. Ainsi, en 1898, nous lisons : *Szökröny* : *ládaalakú, csúcsos fedelű kicifrázott szekrény (Szökröny* : *szekrény* à faitage, orné, ayant la forme d'une caisse).¹³² En 1899 : *Szuszoák* : *liszt szekrény (Szuszoák* : *szekrény* à farine).¹³³ Et enfin dans un passé tout récent, en 1930 : *A szuszék szót Kisújszálláson is, Mezőtúron is ismerik. Kisújszálláson ilyen 1—1½ m magas lisztartó szekrényt neveznek így ... (Le mot szuszék est connu à Kisújszállás, comme à Mezőtúr. A Kisújszállás, ce sont des szekrény à mettre la farine, d'une hauteur de 1 m à 1m 50 que l'on désigne généralement par ce nom.)*¹³⁴

Il n'en va plus de même de nos dictionnaires qui depuis le milieu du siècle dernier, ignorent la signification *láda* du mot *szekrény*. Nous la voyons, par contre, figurer dans le nouveau dictionnaire des dialectes hongrois (1897)¹³⁵ ce qui prouve qu'elle est devenue un mot de patois à cette époque. Nous ne la

trouverons plus, en effet, à quelques exceptions près — comme celles que l'on vient de citer — que dans le parler populaire, où il désigne le «coffre à vêtements». Même là elle commence à perdre du terrain, sous l'influence de la signification d'«armoire». C'est quand elle se voit parfois revêtue d'un aspect phonique particulier qu'il lui est le plus facile de se maintenir, comme par exemple dans le comitat de Baranya où nous voyons coëxister côte à côte le mot *szökröny* «coffre de charpenterie» et *szekrény* «armoire de menuiserie»,¹³⁶ Parfois même l'ouvrage moins moderne reçoit le diminutif *kis* (petit) servant à mieux le distinguer : *kis szekrény*,¹³⁷ mais presque toujours, c'est un nouveau nom qu'on donne au coffre de charpenterie. Ce nom s'expliquera soit par une analogie de forme, et sera *láda*¹³⁸ soit par la fonction qui fut attribuée au coffre à une époque relativement récente et qui est celle de contenir du blé et des céréales ; dans ce cas, c'est au terme *szuszék* que nous avons affaire.¹³⁹

Le nom *szuszék* soulève un nouveau problème ; avant tout, il convient d'éclaircir les rapports qui relient ce mot au coffre de charpenterie. Comme il ressort de notre documentation, ce mot n'est connu que dans le territoire linguistique slave et les territoires linguistiques roumain et hongrois qui s'y trouvent enclavés. La diffusion de ce terme n'est pas donc comparable à celle des variantes de *scrinium*, répandus dans l'Europe entière. On peut de plus, y ajouter qu'en Hongrie même le mot *szuszék* ne jouit pas d'une diffusion générale ; il semble être inconnu à la majeure partie de la Transdanubie.¹⁴⁰

Si nous cherchons à connaître les sens dont ce mot a été investi au cours de sa carrière, nous constaterons rapidement que dans toutes les langues qui en connaissent l'usage, il conserve toujours une signification analogue : «coffre à blé, coffre à provisions, enclos servant à emmagasiner le blé».¹⁴¹ Déjà les plus anciens monuments des langues slaves (p. ex. celui de 1093), présentent cette signification.¹⁴²

Considérons maintenant les divers sens que lui prête la langue hongroise. A part la signification «coffre de charpenterie» dont nous reparlerons plus tard, le mot *szuszék* peut parfois désigner des granges à blé, tel ce *szuszék* en pierres de Belgrade (Nádorfehérvár), bâti au temps de l'occupation turque, qui avait été décrit par *I. Szamosközy*, et qui mesurait deux stades longueur. *Szamosközy* ajoute encore qu'en turc ce *szuszék* avait le nom de *hambár*.¹⁴³ Le *szuszék* de Csetnek n'était rien d'autre qu'une maison de bois bardeaux.¹⁴⁴ Un autre, bâti dans la région dite Nagyunság de la grande plaine, nous est décrit par *I. Győrffy* dans les termes suivants : *Ez hatalmas boglya- vagy kazal-szerű sárépítmény, oldalán egy akkora bejáró lyuk van, mint a kemence szája, mely sár elötével elzárható már annyira, amennyire evvel lehetséges... Olykor a szuszikot kombinálják a veremmel.* (C'est une sorte de construction en boue, de taille imposante, affectant la forme d'une meule, avec un trou d'entrée sur le côté, grand comme l'entrée d'un four et qui se ferme, dans la mesure du possible, au moyen d'une pièce formée de boue qui s'y trouve appliquée.

Le *szuszik* est parfois combiné avec le silo.)¹⁴⁵ Selon K. Csoma, à Jászberény le mot *szuszek* veut dire »magasin à blé«.¹⁴⁶ Plusieurs documents provenant de la région située au-delà de la Tisza, nous montrent le mot *szuszek* comme servant encore à désigner une partie d'un réduit, entourée d'une cloture en bois ; c'est là que l'on verse le blé.¹⁴⁸ Quand l'endroit est affecté à l'emmagasinage du foin, le nom ne change pas avec la destination.¹⁴⁹ A Békéscsaba, il désigne les espaces serrés en général : *komót végétől a falig terjedő keskeny zugot, bútorok között maradó arasznyi-forma réseket stb.* (petit écart séparant l'extrémité de la commode du mur, recoins restés entre les meubles, etc.).¹⁵⁰ De même, à Debrecen, le mot *szuszek* sert à désigner un »recoin«.¹⁵¹ Mais au cours et même vers la fin du siècle dernier, le mot *szuszek* était réservé, dans diverses régions du pays, à des corbeilles tressées en osier et bouchées par de la boue, où l'on mettait le blé.¹⁵² D'après Jankó et Bethowski, ce type avait précédé le coffre de charpenterie qui, ayant supplanté la corbeille d'osier tressée devait hériter aussi son nom. C'est ce que nous prouverait aussi la distinction que l'on fait encore à Aranyosszek en Roumanie, entre *faszuszik* (*szuszik* fait de bois) et *sövényszuszik* (*szuszik* fait de branchages).¹⁵³

On ne saurait guère préciser la date de l'apparition des premiers *szuszek* en forme de coffre. En tout cas, un document de 1558 nous parle déjà de *Scrinia Zwzek*¹⁵⁴ et dans l'inventaire d'un manoir de Şimoneşti, datant de 1636, nous trouvons la mention d'un *szekreny szuszek*¹⁵⁵ qu'on distingue ainsi des autres *szuszek* (sans qualificatif) de la maison.

La conclusion essentielle qui se dégage de ces documents consiste en ce que, pareillement aux langues slaves, la langue hongroise emploie le mot »szuszek« dans le sens de »réceptacle à blé«, tandis que le mot *szekreny* servait primitivement à désigner le »coffre à vêtements«. Ce fait se trouve intégralement confirmé par les documents historiques et ne souffre que très peu d'exceptions dans le parler populaire contemporain.¹⁵⁶

On doit encore ajouter que tous les deux noms peuvent servir à désigner le coffre de charpenterie, mais selon la fonction que le coffre aura à remplir. Les deux noms peuvent donc être employés simultanément. Dans ce cas le coffre de moindre dimension, ayant une construction de charpenterie et comportant une ornementation gravée, reçoit le nom de *szekreny*, tandis que les coffres d'une construction identique, mais beaucoup plus grands et dépourvus de toute ornementation, qui devront contenir du blé, seront appelés *szuszek*.¹⁵⁷

Aussi comprend-on que les *szekreny*, une fois passés de mode — les coffres de mariage, jadis si richement ornés, étant déchus au rang de simples réceptacles de blé ou de farine — aient hérité du nom de *szuszek*. Ainsi par exemple, à Tiszaigar, la plus ancienne génération encore vivante qui ait employé ce meuble comme coffre à vêtements, continue à lui réserver le nom de *szekreny*, tandis que la génération suivante — laquelle s'en sert pour y garder la farine — le désigne, suivant la nouvelle adaptation, sous le nom de *kis szuszek*, ou parfois

sous celui de *hombár* ; elle ne l'appelle que rarement du nom de *szekrény*. Enfin la plus jeune génération qui n'a connu ce meuble qu'au moment dès sa déchéance, se sert pêle-mêle de tous ces noms pour le désigner ; elle emploie le plus souvent le nom de *láda*, mais de nos jours il y a des jeunes gens qui ignorent même l'existence de cet objet.¹⁵⁸

Ce que nous venons de dire suffit à expliquer, pourquoi dans certaines régions le mot *szuszék* peut servir à désigner des pièces décorées ou non, de petites ou de grandes dimensions.¹⁵⁹

Pour résumer ce que nous venons d'établir au sujet du mot *szuszék*, nous pouvons dire que nous assistons ici à un processus foncièrement différent de l'évolution sémantique du mot *szekrény*.

Celui-ci, en effet, a commencé par désigner le coffre de charpenterie, pour être appliqué plus tard à un meuble revêtu d'une fonction antérieure du coffre. Le nom de *szuszék* par contre, après avoir eu la signification de »réceptacle à blé«, ne fut rattaché au coffre de charpenterie que plus tard, au fur et à mesure que celui-ci devenait, d'une façon toujours plus exclusive, un réceptacle réservé à l'emmagasinement du blé.

Dans plusieurs régions de l'Alföld, le *szekreny* destiné à contenir le blé pris le nom de *hombár* ; c'est un synonyme désignant un objet d'une destination analogue. Nous n'avons qu'une seule donnée historique, de 1688, pour cette acception du terme : *scrinium vulgo hambár*¹⁶⁰. Les parlars populaires témoignent également d'un usage assez rare du mot *hombár* pour désigner le coffre de charpenterie.¹⁶¹

Comme nous avons déjà dit plus haut, c'est parfois le terme *láda* qu'on applique aux coffres de charpenterie. Comme il ressort de notre documentation, dans ce cas il s'agirait des coffres de moindre dimension, destinés à contenir des vêtements.

Quant aux textes historiques, il n'y en a qu'un seul texte où le coffre soit appelé tantôt *szekrény*, tantôt *láda*, sans aucune distinction apparente.¹⁶² Si le parler populaire contemporain, de son côté, ne nous renseigne pas mieux à cet égard, ce fait s'explique plutôt par l'absence d'études consacrées à ce sujet. En tout cas le mot de *láda* tend à se généraliser parmi les jeunes, qui ne savent plus rien ou seulement très peu de la fonction assignée jadis à l'objet en question.

Les termes *kócsag* (fig. 51) et *kar* sont usités dans deux territoires très restreints, notamment chez les Hongrois de Slavonie, en Yougoslavie,¹⁶⁴ qui se servent du premier nom et les Hongrois du dép. Ciuc (Roumanie),¹⁶⁵ qui emploient le second pour désigner le coffre de charpenterie. Le manque de données précises sur ces deux mots nous empêche d'en faire un examen plus détaillé.

Parmi les noms divers qui sont en Hongrie destinés à désigner le coffre de charpenterie, c'est sans doute le nom de *szekrény* qui peut se vanter d'être

le plus ancien. Ce nom servait à désigner l'objet dès l'époque où celui-ci accomplissait encore sa fonction primitive. Dans ce qui suit, nous bornerons à examiner les termes européens qui, de même que le hongrois *szekrény*, remontent au latin *scrinium*.

Dans les parlers populaires de tous les peuples d'Europe dont la paysannerie continue encore à faire usage de coffres de charpenterie, nous retrouvons certains termes, dérivés du latin *scrinium* pour désigner ces objets. On peut révéler les variantes dans le hongrois : *szekren*, *szekrín*, *szekrény*, *szekríny*, *szökrény*, *szökriny*, *szökrön*, *szökröny*,¹⁶⁶ slovaque *skriňa*,¹⁶⁷ *škriňa*,¹⁶⁸ slovaque de Hongrie *skriňa*,¹⁶⁹ *skrina*¹⁷⁰, *skriňka*,¹⁷¹ ukrainien *скриня*,¹⁷² slovène : *skrinja*,¹⁷³ le slovène de Hongrie *skrinja*¹⁷⁴, *škr ía*,¹⁷⁵ *škrińa*,¹⁷⁶ croate *škrijna*,¹⁷⁷ croate de Hongrie *škrinja*¹⁷⁸ roumain *sicriu*,¹⁷⁹ *scrin*,¹⁸⁰ italien *scrigno*,¹⁸¹ rhétorique de Suisse (grison) : *scrigno*,¹⁸² *škriň*.¹⁸³

Tous ces faits concourent à nous prouver que c'est bien le coffre de charpenterie que désignent les correspondances modernes du mot *scrinium* dans les parlers populaires de la plus grande partie de l'Europe.

Quant à l'usage courant de la plupart des langues européennes, les termes dérivés du latin *scrinium* y désignent divers meubles destinés à y serrer quelque chose. Mais on peut démontrer, à propos d'un grand nombre de ces langues que tous ces mots avaient signifié «coffre» à une phase plus reculée de l'histoire.

Certains documents de France nous prouvent que le terme *écrin*, employé aujourd'hui au sens de coffret à bijoux, servait jadis à désigner un coffre, et que même au XVIe siècle il s'appliquait plus spécialement au coffre de charpenterie. Le renouvellement du privilège des *Maîtres Layettiers-Écrainiers de la ville et fauxbourgs de Paris*, édité en 1521, nous précise bien la technique employée pour faire les *ecrins*, à savoir : à gorge ou autrement.¹⁸⁴ Une deuxième preuve nous est fournie par un autre passage du même privilège qui réserve le droit d'utiliser des *mérains* (merrains)¹⁸⁵ aux membres de cette corporation.

Dans les langues européennes, où l'usage a fait subir aux dérivés du mot *scrinium* d'importants transformations sémantiques, on peut à retrouver une signification plus ancienne de ces termes : «coffre servant à contenir des vêtements». On doit attribuer ce sens au vieux-slave d'Eglise : *Скриня*, *Скрина*, *Скриница* (XII—XVIe siècle),¹⁸⁶ au vieux-russe *Скрьна*, *Скрьня*, *Скрьнка*, *Скринка*,¹⁸⁷ au tchèque : *skříte*, *skřínka*, *skříněška*,¹⁸⁸ au vieux-haut-allemand *scrīnia*, *scrīni*¹⁸⁸, au moyen-haut-allemand : *schrîn*,¹⁸⁹ l'anglo-saxon : *scrin*,¹⁹⁰ au néerlandais : *schryn*,¹⁹¹ au scandinave : *skrin*¹⁹² et au roumain : *sicriu*.¹⁹³

Les parlers populaires de la plupart de ces langues, comme nous le savons déjà, se servent des dérivés du mot *scrinium* pour désigner le coffre de charpenterie. Nous savons également que tous ces peuples ont réellement connu l'usage des coffres de charpenterie au cours de leur histoire ; c'est ce que nous prouvent aussi bien les objets historiques conservés jusqu'à nos jours que les images de ces objets. Des pièces originales du moyen-âge nous sont connues

en France,¹⁹⁴ en Italie,¹⁹⁵ en Suisse,¹⁹⁶ en Angleterre,¹⁹⁷ en Allemagne,¹⁹⁸ en Scandinavie,¹⁹⁹ on retrouve des images représentant ces objets en France,²⁰⁰ en Angleterre,²⁰¹ aux Pays-Bas²⁰² et en Allemagne.²⁰³

Dans plusieurs langues européennes, nous en observons certain élargissement du sens des dérivés de *scrinium* : ils désignent désormais des coffres creusés dans la masse, de même que des coffres de charpenterie ou des coffres de menuiserie. Sous ce rapport il suffit de renvoyer au polonais *skrzynka*, *skrzyneczka*, *skrzynuszka*,²⁰⁴ et au croate *skrinja*,³⁰⁵ *škrinja*.²⁰⁶ Toutes ces preuves nous invitent bien à penser que les dérivés européens du mot *scrinium* doivent avoir servi jadis à désigner le coffre de charpenterie.

Mais passons maintenant à l'examen du sens de *scrinium* à l'époque romaine. A l'exception de *Forcellini* et de *Saglio—Pottier*, tous les auteurs de dictionnaires et d'encyclopédies latins se mettent d'accord pour le définir comme étui de forme cylindrique. Pour appuyer leur avis concernant cette définition, les lexicographes s'en réfèrent généralement au passage suivant de *Pline* : *Facilis et fagus, quanquam fragilis et tener eadem sectilibus lemnis in tenui flexilis capsisque ac scriniis sola utilis*.²⁰⁷

Mais cette qualité de souplesse que peut avoir le bois de hêtre n'implique pas nécessairement que l'objet qu'on en peut faire soit recourbé ou qu'il ait une forme cylindrique ! Cette conclusion erronée n'est due d'ailleurs qu'à divers tableaux figurant un étui à rouleaux manuscrits de forme cylindrique, fait qui se trouve trop facilement rapproché du témoignage des sources écrites, selon lequel le *scrinium* servait également à contenir des livres. Mais rien ne nous interdit d'admettre que seule l'objet connu sous le nom de *capsa* présentait la forme en question. Et que *capsa* et *scrinium* ne soient point des termes identiques, voilà ce que vient nous confirmer précisément la distinction de *Pline* : *capsisque ac scriniis*.²⁰⁸

Parmi les textes d'auteurs classiques où l'on retrouve le terme *scrinium*, outre le passage de *Pline* qu'on vient de citer, un seul semble témoigner en faveur de la forme cylindrique ; c'est celui d'*Ovide* :

*Cum tamen in nostram fueris penetrare receptus
Contingerisque tuam, s c r i n i a curva, domum :
Aspicias illic positos ex ordine fratres,
Quos studium cunctos evigilavit idem*.²⁰⁹

Même dans ce cas rien ne nous garantit que l'expression *scrinia curva* fût destiné à désigner un «étui cylindrique». L'expression pouvait bien être employée dans le sens des *dombos szökröny* et *pupos szökröny* du parler populaire du comitat de Baranya ou dans celui de *puposhátú szekrény*,^{209a} appelé ainsi dans le parler populaire de l'Őrség (comitat de Vas) ; toutes ces expressions désignent des coffres de charpenterie surmontés de couvercles à double pente.

Ni *Forcellini*, ni *Saglio—Pottier* ne décrivent l'objet comme cylindrique par scrupule probablement ils se gardent d'apporter des preuves en faveur

d'une hypothèse qui ne repose sur rien de certain. En tout cas les synonymes *arcula*, voire *casetta*, que donne *Forcellini*, sont peu faits pour laisser sous-entendre une forme cylindrique.²¹⁰ *Saglio-Pottier* y ajoute les synonymes *boîte* et *armoïre*, dont au moins le second donne lieu à la même remarque.²¹¹

Mais passons en revue les données du moyen-âge. Toutes les données enregistrées par *Du Cange*, s'accordent pour nous prouver que, selon l'usage médiéval, le terme *scrinium* était synonyme du français *écrain* (dérivé lui-même de *scrinium*). Celui-ci comme nous l'avons vu plus haut désignait même au XVIe siècle le coffre de charpenterie. Nous savons, en outre, qu'à l'époque du féodalisme, le mot *scrinium* signifiait »grand coffre« et non pas »boîte« : *Et scrineis et archis tam magna sunt plurima, ut unum nequaquam, aut vix possint duo robusti viri portare.*²¹² En même temps le *scrinium* servait bien à l'emmagasinement de certains objets (nous y reviendrons) : *Detulit enim quiquid Episcopo abstulerat, saumarios, Scrinia in quibus episcopalia, oleum sacrum chrisma, et sandalia ferebantur.*²¹³ Parmi les laïques sa fonction restait la même : *Nisi reperta fuerit dicta res in Scrinio vel archa firmitatis, de quibus clavem defereat dominus vel domina domus* (1360). Une preuve décisive nous est enfin apportée par les anciens lexiques méthodiques hongrois du XIVe à XVIIIe siècle qui traduisent toujours *scrinium* par le mot hongrois *szekrény*.²¹⁵

L'usage du coffre de charpenterie par les Romains nous est prouvé de façon péremptoire par les représentations de Noé sur les peintures murales des catacombes,²¹⁶ où l'arche accuse presque toujours une construction de charpenterie,²¹⁷ ainsi que par celles d'une fresque trouvée à Pompéi (fig. 20.) et de la mosaïque des thermes de Thénée; dans tous ces cas on se trouve en présence de coffres de charpenterie (fig. 21.).²¹⁸ C'est à la même époque que le mot *scrinium* paraît suivi des termes *vestarii* ou *vestis*.²¹⁹ Toutes ces données remontent à l'époque impériale. Mais le coffre de charpenterie devait être connu depuis une date beaucoup plus reculée, puisque les peintures des vases antiques nous témoignent de sa présence même aux colonies helléniques d'Italie. Ces peintures représentent des femmes tenant en main de petits coffrets de charpenterie.²²⁰ Parmi les sarcophages étrusques, nous retrouvons également quelques pièces qui semblent avoir eu pour modèle des coffres de charpenterie.²²¹ Il est probable que les coffres de ce genre appartenait au mobilier du logis étrusque, comme nous le laissent voir les fresques et les bas-reliefs de certaines cryptes, où le coffre de charpenterie se trouve près du lit²²² (fig. 19.).

En connaissance de ces faits, il serait bien prématuré de conclure que le mot *scrinium*, servait déjà chez les Romains à désigner le coffre de charpenterie; de même, il serait hasardeux de dire qu'il désignait un étui de forme cylindrique. Il vaut mieux avouer que nous ignorons sa signification précise; peut-être viendra le temps où nous en saurons davantage. Mais quelle que fût la forme

du réceptacle dont il portait le nom, il est toutefois certain qu'aujourd'hui il désigne chez tous les peuples des objets ayant une construction et une décoration identiques et que, d'autre part, depuis le Xe siècle, ce terme est toujours employé au sens de coffre dans les parties occidentale et orientale de l'Europe. Et comme, d'un côté, selon le témoignage des formes linguistiques, les variantes devaient prendre des voies probablement très différentes pour aller rayonner partout à partir de l'Italie et que d'autre part, les dérivés du mot *scrinium*, déjà au Xe siècle, étaient très différents, il faut bien supposer qu'il y ait eu un moment avant la diffusion européenne du mot *scrinium*, quand celui-ci signifiait «coffre de charpenterie» même sur le territoire de l'Italie.

On ne saurait point fixer la date du passage sémantique de la signification primitive au sens de «coffre de charpenterie». Une chose est certaine : l'acception plus ancienne du terme n'a laissé aucune trace dans les langues européennes modernes.²²³

Les divers emplois du coffre de charpenterie

Durant toute sa carrière, le coffre de charpenterie avait servi à contenir des biens matériels. Même quand il cumule plusieurs fonctions (tenant lieu de table et même, éventuellement, de siège), il continue toujours à conserver son rôle de réceptacle des objets les plus divers, servant à abriter le mort (cercueil), à recevoir les vêtements, à contenir l'argent et les bijoux, à conserver des documents et à emmagasiner le blé.

Passons en revue ces fonctions bien diverses. La fonction de cercueil devra être considérée la première, puisque c'est précisément à elle que nous devons les plus anciennes pièces présentant une construction de charpenterie. Sous ce rapport, on dispose de données remontant à un passé très lointain. C'est la construction de charpenterie qu'imité le cercueil en terre cuite qu'on a retrouvé à Paléocastro, en Crète (XIVe siècle av. notre ère), de même que le sarcophage de Hagia-Triada (Crète, minoëne tardive),²²⁵ fait de pierre calcaire. Ces copies suffisent à nous prouver l'existence de coffres de charpenterie faits de bois, leur ayant servi de modèles. Les sarcophages de pierre égyptiens, exécutés, eux aussi, sur le modèle des coffres de charpenterie faits de bois, font ressortir les traits caractéristiques de la construction de charpenterie d'une manière moins nette, puisqu'ils s'adaptent mieux aux exigences posées par la pierre (voir cercueil de Khoufou-Anch, Basse Empire).

Que les cercueils à construction de charpenterie aient réellement existé, voilà ce que nous prouvent d'abord les nombreux sarcophages de bois grecs provenant du IVe siècle et aussi ce sarcophage de bois égyptien dont nous avons déjà parlé. Mais il convient d'ajouter que ces pièces accusent déjà certains traits qui les rapprochent de la nouvelle technique de menuiserie. En tout cas, c'est encore cette construction propre au bois qu'essayeront d'imiter les artisans de certains ouvrages exécutés à l'aide d'autres matériaux (pierre, terre cuite,

bronze) ; ces maîtres fidèles à tel point à la construction des pièces de bois qu'ils ont conservé même les pieds longs, qui convenaient fort peu à la matière dont ils étaient faits. A cet égard les sarcophages de Paléocastro et de Hagia-Triada, le premier en terre cuite et le second en pierre calcaire, de même que l'ossuaire en bronze provenant de Civita Castellana (VIII—VII. s. av. n. è.)²²⁶ peuvent bien nous servir d'exemples. Les pieds, déjà raccourcis, restent encore visibles sur les sarcophages en pierre calcaire de Chypre (VIe s. av. n. è.),²²⁷ sur les cercueils juifs exécutés dans la même matière vers le début de nôtre ère (fig. 15.)²²⁸ et sur un cercueil étrusque, fait de pierre, du VIe siècle (fig. 14.). Les pieds sont peu à peu abandonnés, mais la plupart des derniers sarcophages romains continuent à en marquer le prolongement, rappelant ainsi un trait propre à la construction de charpenterie. Le mode de décoration des sarcophages de pierre romains est également caractérisé par la tendance à mettre en valeur les éléments de l'ancienne construction de charpenterie. La partie correspondant au pied y est déjà décorée dans le sens vertical et représente généralement une figure debout ; la partie médiane de la face qui doit correspondre aux planches latérales, est munie soit d'une inscription, soit parfois de bas-reliefs, désignés toujours à faire ressortir l'extension horizontale de la pièce.

Nous voyons donc qu'une partie des sarcophages antiques se rattache par leur forme aux coffres de charpenterie. Si nous posions maintenant la question de savoir, laquelle des deux fonctions doit être considérée comme plus ancienne, la fonction de cercueil ou celle de meuble, nous déciderions certainement pour la seconde alternative. Ce sont surtout les pieds élevés du coffre de charpenterie qui nous convainquent de la vraie destination de l'objet. Ils sont gênants et conviennent très peu non seulement aux copies en terre cuite, en pierre ou en bronze, mais même aux cercueils de bois, dont les pieds devront être placés dans des trous creusés dans la terre spécialement à cet effet. C'est pourquoi la plupart des sarcophages de bois retrouvés à Abousir ont déjà les pieds coupés et déposés près du cercueil.²³⁰ Mais à quoi pourrait-il bien servir de munir le cercueil de longs pieds destinés à être sciés plus tard ? La seule explication consiste à attribuer au cercueil une destination primitive toute différente. *Watzinger*, qui considère l'utilisation de la plupart de ces cercueils comme secondaire, les suppose avoir été destinés primitivement à contenir des vêtements. Il apporte plusieurs autres observations à l'appui de sa thèse. Entre autres choses, il attire l'attention par ex. sur le fait que la plupart des coffres examinés par lui s'ouvrent — comme nous l'avons déjà vu — au moyen d'une charnière de bois formant le faitage. Or, ce système d'ouverture exigeant un travail très soigné et d'une exactitude remarquable, ne serait d'aucune utilité pour un cercueil dont l'emploi veut qu'il ne soit ouvert qu'une seule fois, au moment où l'on y dépose le mort. Une autre difficulté viendrait du fait que les pièces en question se trouvent surmontées de couvercles qui ne s'ouvrent

que sur un seul côté. Le couvercle ne dégage ainsi qu'une ouverture très réduite, par où le cadavre ne pourrait passer qu'au prix de difficultés très considérables. Un autre fait vient encore rendre inutile tout ce système compliqué d'ouverture : c'est qu'après avoir déposé le cadavre, tout le couvercle est cloué²³¹ et se voit même renforcé parfois par une latte appliquée aux bords des frontons ; cette latte empêche le coffre de s'ouvrir.²³²

Watzinger a réussi à découvrir des coffres usés, — tel ce cercueil d'enfant, trouvé dans la tombe No 1. à Abousir, — qui ne laissent aucun doute quant à leur utilisation secondaire. Le couvercle et le corps de ce coffre de petites dimensions (0,70 × 0,30 × 0,48) sont dépareillés et le couvercle n'arrive pas à couvrir le coffre dans toute sa largeur. Pour y remédier, c'est-à-dire pour obtenir la largeur voulue, on a enfoncé des coins entre le fronton et les planches du couvercle. Le corps du coffre, d'ailleurs, selon *Watzinger*, devait être usé auparavant.²³³ Le cercueil d'enfant d'Abousir nous offre donc l'exemple d'un sarcophage de bois qui semble avoir servi de coffre à vêtements.

En tout cas on peut, bien admettre que l'emploi de l'objet comme coffre avait précédé l'autre manière de l'utilisation. La hauteur des pieds trouverait du même coup son explication ; même de nos jours les paysans mettent les coffres qui n'ont pas de pieds, sur des tréteaux afin de préserver leur fond de l'humidité et d'éviter que les effets qui y sont se moisissent.²³⁴ En plus, seul cet emploi de l'objet comme coffre à vêtements, peut justifier l'utilité du couvercle ouvrant.

En dernière analyse, même le coffre creusé était bien apte à servir de cercueil. Si, en possession d'instruments de travail plus évolués, les premiers constructeurs du coffre de charpenterie cherchaient pourtant à faire des coffres d'une capacité plus grande, c'est que cette augmentation de la capacité permettait au coffre de contenir un plus grand nombre d'objets.

Signalons encore une particularité de la forme, de la plupart des coffres de charpenterie qui, quoique moins importante au point de la structure, ne peut s'expliquer que par l'emploi de l'objet comme cercueil : c'est le couvercle en double pente (ou, pour mieux dire, en forme de toit). Celui-ci, de même que les urnes cinéraires en forme de maison, exprime la pensée que le cercueil est la demeure du mort. On ne saurait préciser ni le moment, ni les raisons de cette combinaison étrange de la construction du corps du coffre et de son système d'ouverture (adapté aux nécessités du coffre à vêtements) avec cette forme particulière du couvercle de cercueil. Peut-être les coffres, ayant à faire double emploi, étaient-ils destinés à servir de cercueils en cas de décès aux membres de la famille. Ouoi qu'il en soit, il est toujours certain que cette forme composée a si bien pris racine que même de nos jours on rencontre des coffres de charpenterie surmontés de couvercles à double pente dans beaucoup de pays de l'Europe. C'est ainsi que nous en voyons en Hongrie dans les Comitats de Baranya²³⁵ (fig. 48., 49.), de Somogy,²³⁶ de Zala²³⁷ et de Vas.²³⁸ C'est encore le même couvercle

que l'on retrouve en Slavonie (Yougoslavie)²³⁹ (fig. 51.), en Suisse,²⁴⁰ chez les Ukrainiens,²⁴¹ chez les Saxons de Roumanie²⁴² et chez les Esthoniens.²⁴³ Les couvercles en forme de toit deviennent presque partout légèrement bombés, mais continuent — même s'ils sont entièrement aplatis — à conserver le fronton ou au moins sa survivance, avec ses quatre cornes plus ou moins saillantes. Ces cornes — comme *Falke* l'avait déjà bien vu — sont autant de vestiges des anciens acrotères,²⁴⁴ qui, à leur tour, remontent aux gargouilles (en grec : *sima*) placées jadis aux angles du toit sur les maisons antiques.

Le double emploi que l'on peut faire du coffre de charpenterie, comme coffre et cercueil, nous est prouvé par des documents linguistiques. Le nom grec du sarcophage de bois, *λάρναξ* signifie aussi bien »coffre« que »châsse mortuaire«. On le voit bien dans l'Iliade, qui nous apprend que les cendres d'Hector sont enfermées dans un *λάρναξ*. De même, Thucydide, en parlant de cercueils en bois de ciprès, les nomme *λάρναξ*.²⁴⁵ Dans le fragment intitulé »Mort de Danaé«, par Simonide, le *λάρναξ δαιδαλεος* où Danaé se trouve enfermée cumule également les fonctions de coffre et de cercueil.²⁴⁶ Quant aux peintures antiques qui évoquent cette scène, elles nous présentent, dans la plupart des cas, une Danaé debout dans un coffre de charpenterie²⁴⁷ (fig. 16., 20.). Comme le grec, l'hébreu a également un nom commun pour le »coffre« et le »cercueil« ;²⁴⁸ sous ce rapport, on peut signaler aussi le double sens des termes latins *arca*²⁴⁹ et *loculus*.²⁵⁰

Dans les langues turques les équivalents du hongrois *koporsó* (terme d'origine turque) ont, outre le sens correspondant à celui du mot hongrois, aussi deux autres significations, à savoir »boîte« et »étui«.²⁵¹

De tout ce qui précède, on peut tirer la conclusion que l'antiquité n'avait point encore isolé les deux fonctions du coffre : celle qui est de contenir des objets et l'autre qui consiste à abriter des cadavres.

Nous voyons ces deux fonctions exister côte à côte même à l'époque féodale. On connaît par exemple la loi interdisant aux menuisiers de louer des coffres pour les enterrements.²⁵² Une miniature du moyen âge nous fait assister au moment où, après avoir sorti le mort du coffre qui reste vide près de la tombe, on procède à son enterrement.²⁵³

Nombre de documents du moyen âge désignent le cercueil par des termes dérivés du latin *scrinium* :

*Le corps fu embasmé et envelopé et mis en un es crin bien et gentlement (1253).*²⁵⁴

*En un Escrin fort et serré
Refurent ses os enserré.*²⁵⁵

*Et furent ses os gardés en un es crin et enfouis à Saint Denis en France.*²⁵⁶

*Si namen daz gebeine
clar unde also reine,*

wiz alse ein gevallen sine.

vermahten iz in schrine

beslozzen, wol bewunden.

(Ils prennent le corps

qui est pur et net

comme la neige fraîchement tombée

et le mettent dans le *schrine*

qui est refermé après que le corps est bien recouvert.)²⁵⁷

Spannuwe schrine undelade, wordin da bereit, daz furstliche gebeine dar in geleit wol bewart unde beslozzin. (Alors ils avaient fait un *schrine* et une *lade* tout neufs, y ont posé les dépouilles du prince, bien abritées et enfermées dedans).²⁵⁸

Ok er hann skrinlagðr yfir háalltari í Cantia at sínu erkistóli. (On l'eut placé dans un *skrin* sous le maî re-autel, à Canterbury, à son trône épiscopal).^{258a}

Hafi þær eigi stór skrin full af beinum dauðra manna, klædd utan með gulli ok silfri? (N'avez-vous pas des *skrin* remplis des dépouilles d'hommes morts, qui sont recouverts d'or et d'argent?)^{258b}

Le vieux-haut-allemand *sarhschrîni* «cercueil» est composé des mots *sarg* et *scrinium* ; il nous permet de supposer que le mot *scrinium*, employé tout seul, ne signifiait pas uniquement «cercueil», mais devait avoir en même temps une signification différente.²⁵⁹

Au début du XVIe siècle, le hongrois *szekrény*, de sôn coté, ne servait pas à désigner exclusivement le coffre. Une légende de sainte Marguerite, rédigée vers 1510, nous offre la description détaillée d'un enterrement ; on y retrouve aussi le mot de *szekrény* :

*Zent margyt azzonnak ev testenek el temetese ezenkeppen levn... az provincialis chinaltata fabol egy jgen erevs zekrent. es jgen erevszen meg vasazatya erev-sehtete vasakal. es vas karikakal. Ennek vtanna belee tevek zent margyt azzonnak ev zent testet... veueek az zekrent zent margyt azzonnak testeuel evzve. es be bochatak az fevldben egy verevme auagy serben. kyt astanak vala az nagy oltarnak elevtte... zent margyt azonnak (h) el temetese utan tyzenneged napon teonek egy otromba faragatlan kevuat az (k) zekrenre auagy koporsora felyvl... Ennek vtanna ez felyvl meg mondot kevmyves mesterevk faraganak koporsot zent margyt azzonnak verevs marvanbol. kyben mastan es fekzyk ez zent zyz.²⁶⁰ (Voici comment eut lieu l'inhumation du corps de sainte Marguerite... Le provincial fit exécuter un *zekren* de bois très fort et y fit mettre de fortes pentures et de portants en fer. Après quoi, le saint corps de sainte Marguerite y fut posé... on prit le *zekren* avec le corps de sainte Marguerite dedans et on le fit descendre dans une fosse creusée dans la terre, devant le grand autel... le quatorzième jour après l'enterrement de sainte-Marguerite on posa une grosse pierre brute sur le *zekren* ou cercueil par le dessus... Après quoi, les maîtres tailleurs de pierre qui y furent désignés, ont sculpté un cercueil de marbre rouge pour sainte Marguerite, où cette sainte vierge repose encore).²⁶⁰*

La signification de »cercueil« du terme *szekrény* est attestée aussi par la légende suivante qui remonte aux années 1526—27 :

Oth az heegyen vagon Dyczőseghes zent Thamas apostolnak egyhaza nagy draga kővekből rakathwan : kyben az nagy oltaron vagon egy zeep ezyzstból zerzeth zekreen, es előtte egy arany lampas balsamommal tellyes, ky eztendőről eztendőre meg nem alyzyk. Oth az zekrenben vagon zent Tamasnak zent teste ffeen alwan, olyan eepen eghezzen, mynt ha ezen napon tetteek vona oda.^{260a} (Là, sur la montagne se trouvait l'église du glorieux apôtre saint Thomas, bâtie de belles pierres : dedans, sur le grand autel, se trouvait mis un beau *zekreen* fait d'argent, avec par-devant une lampe remplie d'huile, laquelle restait d'année en année sans s'éteindre. Dans ce *zekren* était gardé le saint corps de saint Thomas aussi intact que si on l'y avait posé le jour même).^{260a}

... *Annak wtanna az zent apostolnak testeet ky vezyk az zekrenből es egy pyspeky aranyas zekben helheztesyk az nagy oltaar elő.*^{260b} (Après quoi le corps du saint apôtre fut enlevé du *zekren* et placé sur le trône épiscopal couvert d'or, devant le grand autel).^{260b}

... *Annak wtanna az zent apostolnak ew zent testeet esmegh az aranyas Ezyzst zekrenben helhetyk nagy tyztesseegghel, ...*^{260c} (Après quoi le saint corps du saint apôtre est de nouveau remis dans le *zekren* d'argent recouvert d'or, avec maintes honneurs ...).^{260c}

C'est encore de »cercueil« que nous lisons dans cette méditation parlant des sages : *Nem gondolnak az zeep aranyas zekrennyel, kyk (sic!) hitvan, rothadatos álattal telyes.*²⁶¹ (Ils ne pensent point aux beaux *zekren* couverts d'or, qui sont tout remplis de corps pourrissants et sans valeur (1516—1519)).²⁶¹

C'est probablement le sens de »cercueil« qu'on doit attribuer au terme »скрица«, qui figure dans un texte rédigé, en 1324, en vieux-slave d'Eglise : *двѣри адовы завидою отвръзени видѣ скрыноу въ истоплени.*²⁶² (Il vit les portes de l'Empire des Morts enfoncées avec haine, le *скрица* dans le naufrage).²⁶²

Mais le *scrinium* n'était pas uniquement réservé aux cadavres ; on lui confiait aussi les reliques des saints : *Quod venerabile S. praesulis Hidulfi corpus usque ad illud tempus ibidem arca saxea servabat, ... decrevit levare tumulo ac apparato locare in Scrignio... Tandem sacras Reliquias nitido involventes pallio, ligneo recondidere Scrignio.*²⁶³

Cette châsse à reliques était portée en procession : *Unde clerus, cum populo ipsius coenobii, Scriniam cum corpore S. Gerulphi martyris, per singulas Flandriae parochias deportare sapienter decrevit.*²⁶⁴

*Arca testamenti a Sacerdotibus portatur, et Scrinium vel feretrum cum reliquiis a portitoribus portatur... Cum circa Monasterium Scrinium vel feretrum cum cantu et compulsatione ferimus, quasi cum Arca Hierico, cum sono tubarum et clamore populi circumimus (XII—XIIIe s.)*²⁶⁵

Les reliquaires jouissaient du même respect que les autels des églises :

*As Engleis jurerent en fin
Sur l'auter e sur l'escrin
Que ja traisun ne lur fruint
Tant enz od lui serrunt.*²⁶⁶

Des châsses à reliques, ne devant contenir que des ossements, étaient naturellement plus petites que les coffres qui servaient de cercueils. Conformément à leur rôle dans le culte, elles étaient recouvertes d'or, d'argent, d'ivoire ou de pierreries :

*Septem quoque Scrinia, auro et argente cooperta, et multorum sanctorum reliquiis referta sustentabat.*²⁶⁷

*un petit escrin et d'argent, esmaillé de la vie de Jésus Christ, plain de reliques.*²⁶⁸

*ung petit reliquaire d'or, en façon d'un escrin et carré, et a ung cristal carré ou mylieu, et est esmaillé de France entour, pesant troys onces (1380).*²⁶⁹

*vele unde mannigerleie gulden unde sulver unde elphenbene scrineken mit mannigerleie hilgedom*²⁷⁰ (De multiples scrineken d'or, d'argent et d'ivoire avec toutes sortes de reliques).²⁷⁰

Naturellement, ces châsses à reliques trahissent moins les traits propres à la construction de charpenterie. Les pieds faisant corps avec le coffre sont très rares et sont souvent dissimulés par le revêtement métallique qui les recouvre. C'est ce qu'on observe généralement sur les châsses de Limoges (fig.).²⁷¹ Mais le couvercle à double pente garde quand même toute son importance et restera la principale caractéristique des châsses à reliques qui sont connues sur les noms dérivés du mot *scrinium schrein, scrin, scrine*, etc.

Les termes dérivés du mot *scrinium* servaient à désigner, en même temps que le cercueil, le caveau mortuaire fait en bois et surmonté d'un couvercle à double pente, fait qui s'explique probablement par l'analogie de leur forme. Un Dictionnaire des dialectes hongrois (1838) nous fournit à ce sujet les renseignements suivants : *Ravatal familiai sírbolt felett álló faalkotmány, kemenesalji szó . . . hajdan a' sír felett csinált ormosszékreny a' tehetőseknel. Mai időben már nincs szokásban. Balaton melléke, Horváth Zs.*²⁷³ (*ravatal* — caveau mortuaire — mot de *Kemenesalja* désignant une construction de bois s'élevant au-dessus de la sépulture ; jadis *ormosszékreny* (coffre à faite) couvrant la tombe des gens aisés. Actuellement, il n'est plus en usage. Région du lac Balaton, Zs. *Horváth.*)²⁷³ C'est à la base de cette donnée, que Zs. *Bátky* crut pouvoir ramener l'origine des certains noms de localités à des caveaux mortuaires qui y auraient été élevés ; pareils noms de lieux seraient *Márkusszökrénye* (Jásd, com. de Veszprém), *Bartalszékrenye* (Kibéd, Marosszék), et quelques autres encore, où le second terme du nom composé est le mot de *székreny*.²⁷⁴

Les renseignements fournis par le Dictionnaire dialectal sont complétés par la description suivante (1816), due au poète hongrois *D. Berzsenyi* : *Ez egy ember magosságu 's mint egy másfél öl hosszúságú fekete deszkából készült ormos fedelű bolt, mellyet a' Nemesek sírjokra és kriptákra szoktak állítani. Láttam kettőseket és hármasakat is. Homlokfalára zászlókat szoktak szegezni 's különbféle sírverseket írni. Gyermekkoromban Soprony és Vas megyékben kevés nemes faluk temetőji voltak e' nélkül.*²⁷⁵ (C'est un caveau à faîte, d'une hauteur d'homme et longue d'une toise et demie, fait avec des planches noires, que les Nobles ont l'habitude de faire élever au-dessus de leurs tombes ou de leurs cryptes. J'en ai vu des doubles et même des triples. Sur le frontispice, on cloue d'habitude des drapeaux et on y inscrit des épitaphes en vers. Au temps de mon enfance, aux comitats de Sopron et de Vas peu de cimetières de villages nobles en étaient dépourvus).²⁷⁵

Voilà donc qui aura donné son plein sens à ce testament du général *F. Dobó*, fait en 1602 : *Mely koporsó kív mindenestül be foglalja azt az faragott kéövet, az ky most syrukon vagion, ky chak egienessen legieön és nem zekreniessen, magassága is fel singhny legien, mellien semmi kép faragas ne legien, hanem az mellykünk mely aranth fekszik, az en zerelmes üdvözült feleségem, fekiwknnek avagy labunknal, ahol zokas az czimernek lenni, czimerünk az irant legien ky faragva.* (Lequel caveau devra complètement recouvrir la pierre sculptée qui orne maintenant notre tombe, et devra être plat et non pas fait à la manière des *zekren* ; il mesurera une demi-toise en hauteur et ne sera décoré d'aucune image sculptée, mais suivant le sens dans lequel chacun de nous sera couché, moi et ma défunte femme bien-aimée, du côté du pied ou de la tête, comme il convient, on devra sculpter nos écussons.)²⁷⁶

De même que le hongrois, la langue tchèque connaît également l'expression : *Škřinkový hrob* (coffre-tombe).²⁷⁷

D'après *Campe*, dans certaines régions allemandes le mot *schrein* désignerait, *die hölzerne einfassung eines grabes, welche einem oben offenen kasten gleicht, oft aber auch oben verschlossen ist, und welche an den vier seiten mit angeschriebenen oder eingeschnittenen bibelversen, leichttexten u. ä. versehen ist.*²⁷⁸ (L'enveloppe de bois d'une tombe, qui ressemble à une caisse ou, assez souvent, à une caisse fermée ; sur ses quatre côtés elle est munie de divers vers bibliques et d'inscriptions funéraires.)²⁷⁸ Cette description confirme à tous les égards celle de *Berzsenyi*.

Parmi tous les dérivés du mot *scrinium* le roumain *sicriu* continue seul à garder jusqu'à nos jours les significations «cercueil» et «caveau mortuaire», en Moldavie et en Transylvanie. Nous lisons par ex. chez un chroniqueur Moldave du XVIIe siècle (le «dască» Simon) *Laschi . . .aî poruncit de aî făcut un secri ũ . . .și aî smolit secriul bine, cum ar fi fost om mort întrinsul.* (Et comme *Laschi* l'avait ordonné, ils ont fait un *sicriu* et l'ont recouvert de boue, comme si vraiment un homme mort s'était trouvé dedans.)²⁷⁹

Toutefois, c'est déjà un cercueil fait par des menuisiers que le mot *sicriu* désigne actuellement en Roumanie.²⁸⁰ Mais comme ce mot continue à désigner, par contre, le coffre de charpenterie en Bucovine²⁸¹ et que, d'autre part, le roumain *sicriu* est considéré par les linguistes comme un emprunt du mot hongrois *szekrény*²⁸² signifiant «coffre de charpenterie», on peut supposer qu'on se servait en guise de cercueil des coffres de ce genre dans les diverses régions roumanophones.

En allemand, le mot dérivé du latin *scrinium* n'a pas gradé la signification de «cercueil», mais celle-ci s'est conservée jusqu'à nos jours dans le langage poétique où *schrein* et *totenschrein* signifient «cercueil» :

*Und als sie traten zur kammer hinein,
Da lag sie in einem schwarzen schrein.*
(et quand ils entrèrent dans la chambre,
elle était là, étendue dans un *Schrein*
noir. Uhland.)²⁸⁴

*

Une autre fonction non moins importante du coffre de charpenterie, et qui, comme nous l'avons dit, paraît avoir été sa fonction primitive, est celle de contenir certains objets. Chez les Egyptiens, nous le savons déjà, le coffre de charpenterie servait à contenir aussi des vêtements,²⁸⁵ et il en était de même chez les Grecs (fig. 18.).²⁸⁶ Ces coffres à vêtements avaient des dimensions considérables.

Les peintures des vases antiques nous laissent souvent voir des coffres de charpenterie minuscules, portés à la main par des femmes. Ils devaient être, selon toute probabilité, des coffres de toilette. Ils étaient de deux sortes ; les uns avaient un couvercle à double pente et des pieds modelés parfois soit en forme de pieds d'animaux,²⁸⁷ soit en forme sphérique.²⁸⁸ Dans ce cas les pointes des deux frontons sont reliées par un ruban ; c'est par là que les femmes peuvent porter le coffret,²⁸⁹ les autres ont un couvercle plat et les femmes les tiennent sur le plat de leur main.²⁹⁰ Ces coffrets ont quelquefois aussi des pieds d'animaux.²⁹¹ Les répliques en bronze de ce dernier type de coffret, à construction de charpenterie et aux pieds droits, nous sont connues de Sicile (dimensions : 8 cm 5 × 3 cm 75 × 5 cm 5)²⁹² et de Lusoï (longueur : 11 cm, hauteur : 5 cm 5).^{292a} Le couvercle de la première pièce est plat ; celui de la seconde manque, mais un fronton analogue, ayant fait partie d'un couvercle semblable, nous prouve que les couvercles de ces pièces pouvaient bien être aussi à une double pente.^{292b}

Sur les peintures murales des cryptes étrusques, nous voyons un coffre de charpenterie (servant probablement à contenir les vêtements) placé auprès du lit (fig. 19.).²⁹³

Du temps des Romains, par contre, aucune donnée n'atteste que le coffre de charpenterie ait fait partie du mobilier de cette époque. On peut pourtant

le supposer à titre d'hypothèse, puisque l'objet, comme nous l'avons vu, était connu et même utilisé par les Romains en guise de cercueil.

Nous ne savons donc rien de précis de la forme de l'objet désigné par le mot *scrinium* à l'époque romaine. Je tiens pourtant à rappeler que c'est sous le Bas-Empire (IVe siècle) qu'apparaissent pour la première fois les expressions *scrinium vestarii*, *vestis* («à vêtements») et *scrinium a pecuniis* («à garder l'argent»).²⁹⁴ C'est au même siècle que remonte l'origine de l'arc de triomphe de Constantin le Grand, où les bas-reliefs nous évoquent une scène de distribution de monnaies puisées dans un coffre de charpenterie.⁹⁵² Il nous est d'ailleurs resté plusieurs coffrets d'une construction analogue et recouverts de plaquettes d'ivoire, comme nous l'avons vu plus haut.⁹⁶²

Un document nous dit que le *scrinium* servait à conserver des onguents : *Alexander inter spolia Darii unguentorum scrinio capto, quod erat auro gemmisque ac margaritis pretiosum, varios eius usus amicis demonstrantibus, immo hercule, inquit, librorum Homeri custodiae detur : ut pretiosissimum humani animi opus quam maxime diviti opere servaretur.*²⁹⁷ Ce document vient donc infirmer l'hypothèse concernant la forme qui était parfois attribuée au *scrinium*. Les gemmes et les pierres précieuses auraient bien difficilement pu être fixées sur un étui fait de feuillets de bois très minces, et accusant une forme cylindrique. Aussi les savants ont-ils eu peine à comprendre le texte de *Pline* ; *Blümner* suppose que l'auteur romain n'employait le mot de *scrinium* que pour obtenir un certain effet stylistique.²⁹⁸

Passons maintenant aux données du moyen âge. Peu d'entre elles nous renseignent sur fonction du *scrinium* comme coffre à vêtements. Dans un document allemand qui provient, selon l'ouvrage qui le reproduit, d'un ménage de paysans, on peut lire : *hemde unde rocke ... damite vult ich dîn schrîn*²⁹⁹ (chemises jupons ... j'en ai rempli le *schrîn*).²⁹⁹ Mais déjà les deux *escrins* mentionnés dans les *Dépenses pour les noces de Jeanne de France et du roi de Navarre* ont eu pour fonction de garder de menus objets : *l'ung pour l'atour de ladicte Dame, et l'atre pour garder ses chaperons.*

La *Ballade pour les nouveaulx mariéz* d'*Eustache Deschamps*, ne nous parle des *escrins* que d'une façon bien générale :

*Pour les dames, cofres ou escrins,
Pour leurs besognes hebergier.*²⁰⁰

De même, ce sont de menus objets et des boîtes que nous apercevons dans ce coffre de charpenterie ouvert et placé auprès du pied du lit qui figure sur une miniature de Van Eyck (fig. 36.). Dans ce cas, par l'analogie des *szekrény* à vêtements actuels des Palotz (Hongrie du Nord) qui se trouvent également placés toujours au pied du lit de leurs propriétaires (fig. 56.), nous pouvons supposer que le coffre de Van Eyck devait, de son côté, être

plutôt rempli d'effets d'habillement ; au-dessus des vêtements on y mettait de menus objets.

De même que le tableau de Van Eyck, c'est encore un coffre de charpenterie posé au pied du lit que nous évoque le Chant des Nibelungen, en parlant du *schrîn* garnissant la chambre de Brunehilde : *schrîn bî dem bette*.³⁰¹ (*schrîn* auprès du lit).

Dans ces cas le coffre de charpenterie montre encore le même emplacement que sur les peintures murales des cryptes étrusques, dont nous parlions tout à l'heure. La même place lui est désignée aussi chez les Palotz et, d'après le témoignage certains documents, chez les Ukrainiens.

Comme il ressort des données historiques hongroises, le coffre de charpenterie appelé *szekrény* était un coffre de mariage destiné à recevoir le trousseau de la jeune mariée. Jusqu'à 1650, les documents nous garantissent d'une façon sûre que les nouvelles mariées appartenant à la classe dominante apportaient avec elles des *szekrény* au moment de leur mariage. C'est de cette époque que doivent d'ailleurs dater ces vers de *P. Benyeczky*, mort en 1664 :

*Az nõszõ legénnek
S' kincses erszényének
Nagyobb híre sommánál
Férhez menõ lyánnak,
S' drága ruhájának
Több szekrénnye számánál
Mert pecsenye fûsti,
Nagyobb szokott lenni
Mindenkoron magánál*

Les bruits qui se répandent
Su l'homme à marier
Renchérissent vite sur la réalité.
D'après ceux qui courent sur la fille à marier
Les *szekrény* pleins de riches habits de celle-ci seraient en
[plus grand nombre

Qu'elle n'a en vérité.
Car la fumée du rôti
Est généralement plus grande
Que ne l'est le rôti lui-même.

La deuxième strophe, où l'on trouve la mention du *szekrény*, se voit toute entière reprise de l'Adagia de *P. Kis Viczay* : *Personam habet non faciem. Férhez menõ Leánynek, drága ruhájának több bekrinye számánál*,³⁰³ ce qui semble prouver que le coffre de mariage continuait à rester en usage à cette époque.

D'après les sources du XVIe et du XVIIe siècle, les filles recevaient, en plus du coffre de charpenterie appelé *szekrény*, un *láda* (caisse, coffre) ayant

une construction de menuiserie. Pareillement chez les paysans, quand les coffres de menuiserie eurent connu une certaine diffusion, il y eut une période où les filles se voyaient offrir, au moment de leur mariage, un coffre de charpenterie et un de menuiserie.

A partir du moment où le nom de *szekrény* ne figure plus dans les sources, c'est l'armoire de nos jours qui prend sa place parmi les pièces d'ameublement de la classe dominante, et qui devient une partie importante de la dot des filles à marier appartenant à cette classe sociale. C'est ce changement qui se reflète dans le parler usuel où nous voyons, à partir de ce moment, le mot de *szekrény* devenir aussi synonyme d'« armoire », entendue dans le sens moderne.

L'emploi des *szekrény* comme coffres à vêtements par les paysans hongrois fut signalé pour la première fois par les publications ethnographiques du début du XIXe siècle. Notre plus ancien document (1818) est constitué par une description de l'Őrség, (Comitat de Vas) ; nous n'en citerons que la partie suivante :

Az után a' Vőfér a' menyasszonynak ládájáért avagy Szekrényéért, a' mellyben a' hozandó holmik bé zárattak, valami Csekélységet fizetni köteleztetik az őrző atyafiaknak, ugyszintén a' Naszaló Személyek is az ősszve kötött ágybeli Gunyáért 's egyebekért a'melyek a' Menyasszonnyal együtt viendők lesznek, és mind ezek nagy hirtelenséggel ki ragadtatván kotsira rakattattnak. (Alors le garçon d'honneur payera une petite somme aux compères chargés de veiller sur la *láda* ou *Szekrény* de la fiancée où seront gardés les cadeaux à recevoir ; de même que les invités de la noce payeront pour la literie attachée ensemble et pour d'autres effets à transporter en même temps que la fiancée ; ensuite tout le bagage sera promptement enlevé et chargé sur le chariot).³⁰⁴

Dans un autre texte qui date de la première moitié du siècle dernier, nous retrouvons également le mot de *szekrény* qui y sert à désigner un « coffre de mariage » :

*Ha a' leányak bundikája, csizmája és szekrénye van, hajcsapját jó alant szokta megkötni, a' mi annak a' jele, hogy már eladó.*³⁰⁵ (Quand la fille possède déjà sa pelisse, une paire de bottes et le *szekrény*, elle relie ses tresses bien bas ce qui est signe qu'elle est à marier).³⁰⁶ Ou plus loin : *A' menetet mindig 3 kocsi vagy szán kíséri. Az egyikre rakják a' menyasszony' ágyiruháját ; a' másikra a' vőfény felveti a' menyasszonyt, kit azonnal ölbe fogad a' bundás vőlegény, a' harmadik a' szekrényt (ládát) viszi.*³⁰⁶ (La marche est toujours suivie de trois chariots ou traîneaux, dont le premier doit recevoir la literie appartenant à la fiancée ; dans le deuxième se trouve assis le fiancé dans sa pelisse qui s'empresse de loger sur ses genoux la fiancée qui lui est lancée par le garçon d'honneur ; sur le troisième enfin se trouve chargé le *szekrény* ou *láda*).³⁰⁶ Ce document, rédigé dans le comitat de Baranya, suffit à nous expliquer le rôle de toute une série de *szökröny* du Comitat de Baranya, faits dans la première moitié du siècle dernier et portant les dates d'années ; leurs propriétaires actuels eux-mêmes ne savent plus guère qu'ils servaient jadis de coffres de mariage.

Le territoire croate avoisinant la Transdanubie du Sud nous fournit aussi deux documents datés de la même époque et contenant des données précises sur les coffres de charpenterie employés comme coffres de mariage. Le premier, de 1849, nous dit :

*Pred objedom procijene djevojačke haljine i ostale sve stvari što ona misli sa sobom pomijeti i kad stvari ove slože u skrinju (kovčeg), svak baci u nju kakav hovac,*³⁰⁷ (Avant le déjeuner la fille ôte ses habits et les serre soigneusement, avec tous ses effets qu'elle tient à emporter, dans le *skrinja* où chacun jette quelque argent à son tour).³⁰⁷ Et dans le second document, de 1852, nous lisons : *Mi igramo i pjevamo okolo skrinje nevjestine.*³⁰⁸ (Nous jouons et chantons autour du *skrinja* de la fiancée).³⁰⁸

Au cours du siècle dernier, le *szekrény* à construction de charpenterie qui servait de coffre de mariage fut peu à peu évincé par le coffre de menuiserie peint et orné de fleurs. Celui-ci le supplante graduellement, au fur et à mesure que les diverses régions passent du régime de l'économie presque entièrement domestique au régime de la production paysanne. Ce changement s'opère tout d'abord au Nord de la Transdanubie et dans l'Alföld,³⁰⁹ pour s'étendre ensuite, dans la deuxième moitié du XIXe siècle, à la région méridionale de la Transdanubie (vers 1870 au comitat de Baranya).

Le coffre de charpenterie a le plus longtemps survécu dans la partie septentrionale du pays, parmi les Palotz, c'est-à-dire dans une région très arriérée. En effet, vers 1920, nous y voyons encore les *szekrény* constituer une partie de la dot des filles à marier. A Maconka (Com. de Nógrád) vit encore le souvenir du rite nuptial s'attachant à l'acte de remise du coffre à la fiancée : Le *szekrény* fut rempli de provisions dans la maison des parents de la fiancée. On y a mis un tonnelet d'eau-de-vie sucrée au miel (de 5 litres), une casserolée de viande rôtie aux oeufs, une marmite pleine de gâteaux de fête appelés *ferentő*, plusieurs énormes pains au lait appelés *morvány* et nombre d'autres gâteaux de fête. Le tout fut enfermé dans le *szekrény*, dont la fiancée reçut la clef. Alors en grande pompe on transporta en chariot le coffre au nouveau foyer où, le lendemain du mariage, la nouvelle mariée recevant ses invités a pu tirer grand profit de toutes ces provisions. — Ailleurs encore, le soir du jour de mariage, les invités de la nouvelle épouse mettaient ce qu'ils avaient apporté dans le *szekrény*, pour les consommer le lendemain, jour du grand *hérész*, célébré par les invités de la mariée.³¹¹

Après le jour de la célébration du mariage, le *szekrény* fut nettoyé et rempli de vêtements. Mais dans le patriarcat où les Palotz vivaient encore à cette époque, quatre à six femmes devaient parfois dormir ensemble dans la chambre à coucher commune. Force était donc à chacune de garder son *szekrény* à elle près de son lit (fig. 56). Au Comitat de Baranya, au temps du régime patriarcal, les coffres des femmes étaient placés auprès du mur (fig. 54).

Toutes les femmes palotzes questionnées paraissent avoir reçu aussi bien des *láda* que des *szekrény* dans leur dot, mais, elles se souviennent d'une

époque où le *szekrény* seul avait été offert. Pour elles, la *láda*, pièce plus à la mode, l'emportait nettement sur le *szekrény* et s'accaparait toutes les faveurs : c'étaient, en général, les habits achetés en boutique qu'on y mettait, le *szekrény* ne se voyant confier que les diverses toiles de ménage, par exemple les vêtements masculins en toile. Un document de la Transdanubie nous fait voir la même distinction : *a szökrenyben van a förfiruha, a ládába pedig az asszonyruha*.³¹² (dans le *szökreny* sont rangés les vêtements d'homme, dans la *láda* les vêtements de femmes).³¹² Il est intéressant de rapprocher cette donnée d'un document allemand, de Vierland, qui nous dit que la fiancée et le futur époux ont reçu, chacun de son côté, un coffre pour y mettre les vêtements, la femme étant toujours dotée d'un coffre de menuiserie et l'homme d'un coffre de charpenterie au moment de leur mariage.³¹³

Le *szekrény* constituait la seule pièce du mobilier que les paysannes hongroises vivant en patriarcat pouvaient considérer comme leur appartenant vraiment en propre. C'était donc là qu'elles ont caché les objets qui leur tenaient à coeur ; c'était à l'intérieur de son couvercle qu'elles ont collé diverses images recueillies sur les pains d'épices,³¹⁴ et c'était là enfin que les dates d'événements importants dans la famille, tels que naissances, mariages, décès, furent inscrites³¹⁵.

*

Quelques autres emplois du coffre de charpenterie nous sont également connus. Certains documents, font mention p. ex. des coffres servant à contenir des comestibles : *schryn mit botter* (*schyrn* pour le beurre), *en schrîn dar me spise in deit*³¹⁶ (un *schrîn* où l'on met des vivres)³¹⁶, *VI escrins pour mettre les confitures* (1359), *à metre les especes* (1363).³¹⁷

Une miniature anglaise représente un coffre de charpenterie rempli d'ustensiles de cuisine. Une femme en retire des cuillers ; une cuiller et quelques assiettes sont visibles dans le coffre.³¹⁸

Sur le tympan de l'église Ste Madeleine de Vézelay un des signes du zodiaque est représenté par un homme versant du blé ou de la farine d'un sac dans un coffre de charpenterie.

En ce qui concerne notre documentation hongroise, elle atteste également nouvelle fonction de garde-manger : *teyes zökren* (1587)³¹⁹, (*zökren* pour le cette lait)³¹⁹ ; *way zekreny*,³²⁰ (*zekreny* pour mettre le beurre)³²⁰ ; *lyztes Zökren* (1587)³²¹, (*zökren* à farine)³²¹ ; *kenyeres szeökrin* (1587),³²² (*zeökrin* pour le pain)³²², *cardopos—kinyer tarto szekrény* (1585)³²³, (*cardopos — szekrény* à mettre le pain)³²³ *Fűszeres szekrényke Loculus Specierum* (1554),³²⁴ (*szekrényke* à mettre les épices).³²⁴

Rien ne nous permet de dire si ces *szekrény* n'étaient peut-être que des coffres à vêtements mis au rebut ou si, au contraire, ils étaient affectés directement à cet usage. Mais nous savons, par contre, que les coffres utilisés secondairement pour y mettre certains comestibles, reçoivent toujours leur nouveau nom suivant

leur contenu : *liztesszökröny* (*szökröny* à farine) au comitat de Baranya³²⁵, et *tejesszökrön* (*szökrön* pour le lait) au Comitat de Zala.³²⁶

D'après certains documents anciens, des coffres de charpenterie servaient aussi à contenir des livres : *Livres estans en la grand chambre du roy, en un esclin assis sur Ij crampons et a Ij couvescles*. Cet *esclin*, divisé en deux, contenait quinze gros volumes dans l'un, et seize dans l'autre de ses compartiments.

Mais un document hongrois nous renseigne également sur un *szekrét* où l'on mettait des livres : *Egy szekrétben Tripartitum Decretum Generale, Calepinus unius Linguae, Biblia Kaldy magyar, Tellegdy postillaja magyar, Apateka Domaczy, Curtius Manuale*.³²⁸ (Dans un *szekrét* Tripartitum Decretum Generale, Calepinus unius Linguae, Bible de Kaldy en hongrois, Postilla de Telegdy en hongrois, Apateka Domaczy, Curtus Manuale).³²⁸

De nombreux documents nous prouvent que les coffres désignés par les dérivés du mot de *scrinium* pouvaient également servir à garder l'argent : *suma wêndon, forpam Judas hæfde scrîn, pæt se hælend hit cwæde be hym, bige pâ ping pe ûs pearf sy tô freôls-däge*. (Jean, 13 : 29).³²⁹ (car quelques-uns pensaient que, comme Judas avait le *scrin*, Jésus voulait lui dire : Achète ce dont nous avons besoin pour la fête).³²⁹ Ou encore : *Die Lunae XXVI... commisum fuit furtum in domo, ... in qua domo rumperat unum Scrignolum, in quo erat numerus florenorum LXXXVI*.³³⁰

Bien souvent encore, c'étaient des bijoux dont ces coffres devaient assumer la garde. Voilà ce que nous en dit le *Livre des mestiers* :

*Hanaps sourorés,
Hanaps à piet et godes,
Ches choses mettés en sauf,
En vo huge ou en vo esclin*.³³¹

Et nous lisons ailleurs :

uund haben uffgeschlossenn ire schryn, uund haben jm geopfferet die goben, namlich gold, wyrhouch uund myrrhen.³³² (et ils ouvrirent leurs *schryns* et lui sacrifièrent ce qu'il y avait dedans, notamment de l'or, du myrrhe et de l'encens).³³²

mit edelem gesteine ladet man ir diu schrîn.³³³ (on remplit son *schrîn* de pierres précieuses).³³³

*J'ai Esclins a mettre joiax,
J'ai boites de cuir a noiax*.³³⁴

Sur les bas-reliefs des églises françaises du moyen âge, figurant les vertus et les péchés, il n'est pas rare de trouver représentée une femme assise retirant de l'argent ou des bijoux d'un coffre de charpenterie ouvert. C'était probablement le péché de l'avarice que l'on entendait illustrer sur ces bas-reliefs, dont les cathédrales de Chartres et d'Amiens nous offrent de très beaux exemples

(fig. 34., 35.). Ces coffres de charpenterie devaient probablement être identiques aux coffrets servant à serrer bijoux et argent, qui figurent dans les témoignages écrits signalés plus haut.

Les textes du moyen-âge nous montrent le *schrein* rempli, comme symbole de la richesse, le *schrein* vide étant par contre un signe de pauvreté :

*ô ist gelesen mir der wîn
und sint gëfüllet mir diu schrîn.³³⁵*
(on a terminé chez moi les vendanges
et tous mes *schrîn* se trouvent remplis.)
*da ez was ir meiste pîn,
daz si die kasten und die schrîn
elliu lær dâ funden.³³⁶*

(et ce qui me faisait la plus grande peine, c'était de trouver coffres et *schrîn* vidés de leur contenu).

Ces coffrets étaient, de même que les châsses, richement ouverts et ornés de blasons, comme en témoignent de nombreux textes que nous connaissons. En voici un, par exemple :

ung escrin de boys garny d'argent, ouvré à osteaulx sur voirre (1380).³³⁷

Le luxe de leur décoration les a, en outre, rendus aptes à servir de gages à l'issue de tournois chevaleresques :

Il fut ordené que par maniere d'esbatement seroit donné un joyel ou présent au jeu de barres... avec l'Escrinée ainsi qu'il est acoustumé à faire au jeu de pris.³³⁸

C'est encore de *pénzes szekrény* que nous parle le texte hongrois de 1630, déjà cité plus haut.³³⁹

Une dernière fonction reste encore à enregistrer, car, outre ses fonctions nombreuses, le coffre de charpenterie a pu encore servir de table. Des pièces anglaises originales nous sont restées, où le corps du coffre se trouve recouvert d'une simple tablette,³⁴⁰ arrangement dont l'utilité pratique nous est démontrée sur des miniatures anglaises représentant des marchands (fig. 38.—40.).³⁴¹

Cet emploi, bien connu dans la pratique populaire, existait encore dans un passé récent en Ukraine,³⁴² et en Roumanie.³⁴³ Le coffre de charpenterie (*скриня, scriu*), utilisé comme coffre de mariage, y tenait aussi lieu de table. Le plateau devait être simplement repoussé pour donner accès aux vêtements contenus dans le coffre (fig. 52.).

*

Après avoir suivi le coffre de charpenterie à travers son passé glorieux, disons maintenant quelques mots sur sa déchéance.

Au cours du XIVe siècle, par suite des perfectionnements auxquels le coffre de menuiserie était déjà arrivé à cette époque, en Europe occidentale le coffre de charpenterie se voit condamné à disparaître du mobilier de la classe dominante. C'est à partir du XVe siècle que la »Communauté des charpentiers« se voit abandonnée par les divers menuisiers.³⁴⁴ C'est encore à partir de cette

époque que nous voyons les divers fabricants de meubles, et parmi ceux-ci les *écrainiers*, de plus en plus relégués à l'arrière-plan derrière les *menuisiers*. Le mot même d'*écrainier* tend à disparaître dès le milieu du XVIe siècle.

A partir du XVe siècle, les dérivés du mot de *scrinium* s'attachent peu à peu, dans les diverses langues, aux objets qui restent dépositaires des fonctions qu'avait préalablement à remplir le coffre de charpenterie. Ainsi, dans les pays du Nord-Ouest de l'Europe (Angleterre, Allemagne, Danemark, Norvège, Suède), les châsses à reliques seules, celles surtout qui ont leur couvercle à double pente, sont actuellement désignées par les dérivés du mot de *scrinium*. Dans le Sud-Ouest de l'Europe (en France, en Espagne et au Portugal) ce sont des écrins à bijoux qu'ils désignent. (Plus récemment, même en Espagne et au Portugal, on n'emploie plus ces mots que dans un sens péjoratif). En Italie, c'est la signification de coffre à serrer l'argent qui s'est conservée. En Europe orientale où, par suite de la situation économique généralement arriérée, les meubles de menuiserie n'ont pu prendre leur essor que bien plus tard, c'est le sens de coffre à vêtements qui s'est maintenu, sauf la Roumanie, où le mot de *sicriu* a gardé dans le parler usuel sa signification de »cercueil« jusqu'à nos jours.

Quant à la Hongrie, grâce aux données que nous possédons, nous arrivons à y suivre, étape par étape, le long processus de la disparition du coffre de charpenterie. Quand le *szekrény* employé comme coffre de mariage fut passé de mode, on l'a affecté à divers usages nés au hasard des besoins. Ce processus se pouvait d'ailleurs très bien observer au cours de notre enquête faite au comitat de Baranya. Là, le *szökröny*, quand il n'était plus en état de recevoir les vêtements, servait à contenir de la farine, du blé, parfois du lard et des pots au lait. Quand il n'était plus assez bon pour y garder des comestibles, c'était le fourrage pour le bétail, l'avoine, on le son qu'on y mettait. Passé ce stade ou parfois avant d'y arriver, il se vit remis au grenier. Cela ne tirait pas à conséquence, puisqu'il en avait partout en assez grand nombre, et aujourd'hui même nous en trouvons 3 à 5 dans chaque maison. Au grenier, c'est de haricots et de pois ou même de vieilles ferrailles qu'il se trouvait rempli. Son couvercle, depuis longtemps démonté, contient alors des fruits séchés, des noix, de la plume ou même de la ferraille et de vieux bric-à-brac qui y sont jetés pêle-mêle. Si le corps du coffre se trouve encore relativement en bon état, on le descend du grenier pour en faire une niche à chien ou un poulailler. On y ménage alors une entrée sur l'une des parois transversales, qui se trouvera appuyée d'une échelle quand on en fera un poulailler. Le dessus du coffre est parfois recouvert de fer-blanc. Mais même quand le *szökröny* est privé de son couvercle, il reste toujours assez bon pour y mettre couvrir les poules (fig. 57.), pour y garder de quoi faire le feu, dans la cuisine ou pour y planter les semis. Enfin, quand il n'est plus bon à rien, et n'a plus son fond, on le coupe en morceaux pour en faire du feu, non sans avoir préalablement mis de côté les

quelques planches pouvant encore servir à rapiécer les poulaillers ou le cabinet d'aisance.

Conclusion

Loin de pouvoir étudier le coffre de charpenterie isolément, en lui-même, on doit le replacer dans cet ordre de succession que forment le coffre creusé, le coffre de charpenterie et le coffre de menuiserie. Dans cet ordre de succession, le coffre de charpenterie tient la place du milieu.

Il est certain que les structures des coffres se trouvent déterminées par le degré de développement des instruments de travail (feu, hache, scie) utilisés pour leur construction.

Par suite du manque de matériel archéologique, nous ne pouvions pas tenter l'examen des formes de transition existantes entre le coffre creusé et le coffre de charpenterie. Ceci nous empêchera d'assister aux progrès accomplis dans le domaine de la construction du coffre de charpenterie. L'apparition de celui-ci semble bien remonter à l'époque du communisme primitif. Dès l'époque du régime esclavagiste la technique employée pour sa construction, donne naissance à la technique de la menuiserie. Mais les forces de production de ce régime, soumises à des conditions qui lui étaient particulières, n'ont pas su profiter des possibilités que leur avait offertes l'instrument de travail alors récemment découvert. C'est seulement à l'apogée du féodalisme, avec les progrès rapides dans la production, que nous voyons la menuiserie se dégager du métier de charpentier. C'est à ce moment aussi que nous voyons le coffre de menuiserie prendre la place du coffre de charpenterie dans le mobilier de la classe dominante.

D'une façon analogue, il faut attendre le XIXe siècle pour voir le coffre de menuiserie supplanter le *szekrény* dans le mobilier du paysan hongrois. Cette date correspond au moment où la classe paysanne passe d'une économie presque entièrement domestique au régime de la production paysanne. Le même phénomène se retrouve d'ailleurs, sous une forme presque identique, un peu partout en Europe orientale. En Occident ce processus s'était déroulé plus tôt, le passage au stade de la production paysanne s'étant opéré antérieurement. C'est ce qui explique que le coffre de charpenterie, dans sa fonction primitive de coffre à vêtements, ne s'y retrouve plus de nos jours.

De même que la déclin du coffre de charpenterie, les changements sémantiques des dérivés de son nom, le terme de *scrinium* s'explique également par des transformations d'ordre économique et social. Au début du moyen-âge (et peut-être même avant) il y avait une époque où seul le mot *scrinium* servait à désigner le coffre de charpenterie. Après que l'objet et le mot se furent répandus en Europe et pendant que l'objet était encore à la mode, on continuait, dans les divers pays européens, à désigner l'objet par des dérivés du mot de *scrinium*. Celui-là avait encore de multiples fonctions à remplir à cette époque. Vers la fin de l'époque féodale, les méthodes évoluées de travail de la menuiserie avaient

amené une sorte de différenciation des coffres servant à remplacer le *scrinium*, qui allait jusqu'à créer des réceptacles, de noms et de formes variés, suivant les objets qu'ils devaient contenir. A partir de ce moment, la signification du mot *scrinium* s'attache partout à des fonctions plus anciennes du coffre de charpenterie, pour désigner, les réceptacles de formes et de construction différentes qui devront désormais remplir ces fonctions.

La décoration des coffres se trouve également subordonnée, d'une part, à l'instrument de travail dont l'usage prédomine dans la formation de la structure et, d'autre part, aux divers moyens restant disponibles pour son exécution. Ce qui revient à dire que l'évolution des instruments de production se reflète dans les changements survenus dans la décoration. C'est ainsi que nous voyons, au moment du passage de l'économie domestique au régime de la production paysanne, la construction de menuiserie venir détrôner la construction de charpenterie, de même que la décoration géométrique de la dernière cédera la place, à la même époque, à la décoration à main levée caractérisant le coffre de menuiserie.

Ces résultats, loin d'être définitifs, ne sont au contraire que les premières conclusions qui se dégagent d'une étude à peine entreprise. Pour notre part, nous désirons approfondir cette enquête dont le succès éventuel restera étroitement lié à la participation des spécialistes qui désirent s'associer à ces recherches pour combler les nombreuses lacunes de nos investigations.

NOTES

Je tiens à remercier ici tous ceux qui, soit au cours du rassemblement des matériaux, soit lors de la révision du texte, m'ont été d'une aide précieuse et tout particulièrement : MM. I. Balassa, L. Castiglione, D. Dercsényi, A. Dobrovits, Mlle. E. Fél, M. L. Gáldi, Mlle. M. Kresz, Mme. J. Nemeskéry, MM. Z. Oroszlán, I. Sándor, S. Scheiber, K. Cs. Sebestyén, et L. Vajda ; néanmoins c'est avant tout au souvenir de la regrettée G. Palotay, récemment décédée, que j'adresse mes sincères remerciements pour le précieux concours qu'elle m'avait toujours si généreusement prêté.

LISTE DES ABRÉVIATIONS

CzF.	G. Czuczor—J. Fogarasi : A magyar nyelv szótára (Dictionnaire de la langue hongroise), 1862—1874.
Ért.	A magyar Nemzeti Múzeum Néprajzi Osztályának Értesítője (Bulletin de la Section d'Ethnographie du Musée National Hongrois). Périodique, paraissant depuis 1900.
Ethn.	Ethnographia. Périodique, paraissant depuis 1890.
MTsz.	J. Szinnyi : Magyar tájszótár (Dictionnaire dialectal hongrois), 1898—1901.
NéNy.	Népünk és Nyelvünk (Notre peuple et notre langue). Périodique, paraissant depuis 1929.
Nyf.	Nyelvészeti Füzetek (Cahiers Linguistiques).
Ny. K.	Nyelvtudományi Közlemények (Journal de Linguistique). Périodique paraissant depuis 1862.
Nyr.	Magyar Nyelvőr (Le Gardien de la langue hongroise), Périodique paraissant depuis 1872.
NySz.	G. Szarvas—Zs. Simonyi : Magyar nyelvtörténeti szótár (Dictionnaire historique de la langue hongroise). 1890—1893.
OkISz.	I. Szamota—Gy. Zolnai : Magyar oklevél-szótár (Répertoire de documents hongrois). 1902—1906.
Tsz.	Magyar tájszótár, kiadta a Magyar Tudós Társaság (Dictionnaire dialectal hongrois, édité par l'Académie Hongroise les Sociétés Savantes de Hongrie), 1838.

- NM. Objet déposé au Musée National d'Ethnographie de Hongrie, à Budapest.
 F. 5.642. Coll. de photos du Musée Nat. d'Ethn. de Hongrie, no 5.642.
 E. A. 555. Archives de documents ethnographiques du Musée Nat. d'Ethn., de Hongrie,
 no 555.
 R. 3422. Coll. de dessins du Musée Nat. d'Ethn. de Hongrie, no 3422.

¹ L'étude se limite à l'examen des coffres d'origine européenne.

² Cette étude laisse de côté les boîtes de formes et à modes d'assemblage très variés. Le terme de «boîte» s'applique à des réceptacles de dimensions plus ou moins réduites, confectionnés d'abord en écorce, puis en bois, en papier, en caoutchouc, etc. En revanche les coffres sont faits exclusivement de bois. Les «boîtes», s'opposant en cela aux coffres de forme toujours rectangulaire, avaient d'abord accusé une forme cylindrique, que les progrès accomplis par la technique (invention et perfectionnement de la scie) leur fit ensuite abandonner pour les rendre rectangulaires et les faire ressembler ainsi aux coffres dont à la fin, ils ne se distingueront que par leur fermeture.

³ On ne saurait admettre le classement formaliste de *O. Bramm* (Truhentypen. — Types de coffres. — Volkswerk, Jena, 1914), basé sur l'observation de particularités purement extérieures. A son avis, les coffres, se diviseraient en deux types fondamentaux : le coffre à pied (Stollentruhe) et le coffre à cassette (Kastentruhe). Malgré la différence établie par l'auteur entre le premier type, paraissant relever de la technique du charpentier et le second, venant se ranger parmi les pièces de menuiserie, nous constatons pourtant que les coffres creusés dans la masse, de par une simple analogie de forme, ne manquent pas d'être rangés dans la deuxième catégorie, quoique ne relevant aucunement, ni sur le plan historique, ni du point de vue de la technique de la menuiserie.

⁴ Cela ne veut pas dire que l'apparition de la hache métallique entraînerait nécessairement la construction de charpenterie, puisque la hache métallique se trouve assez répandue hors d'Europe, sans qu'on puisse en dire autant de la construction de charpenterie. Les instruments de production n'offrent, en effet, que des possibilités, sans garantir pour autant la réalisation des produits adéquats.

⁵ L'analyse de la construction qu'on va lire est le résultat de recherches sur place en 1948, à Szuhahuta (comitat de Heves, commune slovaque). Le travail de la fabrication, envisagé dans les détails, fera l'objet d'une étude à part. Ici ne vont être examinées très rapidement que les phases du travail paraissant avoir un rôle décisif dans la formation de la structure. Deux descriptions très sommaires m'ont fourni des analogies : *F. Haáz* : Udvarhelyszéki famesterségek. (Les arts du bois à Udvarhelyszék. — Kolozsvár, 1932, p. 45—49), voir une autre étude du même auteur : Szuszék készítése az Udvarhely megyei Varságon és Siklódon. — (Fabrication des «szuszék» à Várság et à Siclod, au dep. Odorheiu dans Ért., t. XXXIII (1941), p. 96—99.) et les travaux manuscrits de *S. Gönyey*, faits à Băita (Mosóbánya), (dep. Sălaj) en 1942, sous le titre : Szuszék és hambár készítése (Fabrication des «szuszék» et des «hambár»), dans E. A. 564.

⁶ Le pied, fait également de merrain en forme de secteur, présente une épaisseur double de la paroi. Une cuve à tannerie, de structure analogue, trouvée à Novgorod et provenant du début de l'époque féodale, accuse un état de choses plus primitif. Ses pieds ne sont autres que des tronçons portant des entailles faites en long pour recevoir les parois. Voir : Б. А. РЫБАКОВ: Ремесло древней Руси. (L'artisanat dans l'ancienne Russie). — МОСКВА, 1948, p. 401., fig. 112.

⁷ Selon les constatations de *J. Bethowski* (A tiszaháti és szolnokvidéki szuszék. — Les «szuszék» de Tiszahát et des environs de Szolnok, = dans N. és Ny., t. II. 1930 p. 121.), les dimensions de certains coffres à farine peuvent parfois dépasser 3 m de longueur, 2 m 5 de largeur et 1 m 5 de hauteur. Ajoutons, à titre de comparaison, que le plus petit coffre à construction de charpenterie que nous avons rencontré présentait des dimensions de 0 m 34 de longueur, sur 0 m 19 de largeur et 0 m 30 de hauteur. Cette pièce, originaire de Slavonie, se trouve déposée au Musée d'Ethnographie de Budapest (No d'inv. 83,896). Pour chaque emploi (coffres pour mettre le blé, les vêtements, divers ustensiles de cuisine, etc.) on retrouve d'ailleurs les dimensions d'usage sujettes à certaines différences régionales.

⁸ »Valamennyn Táál és Szekreny csinálók, Ácsok és kerekések ezen faluban lakk, tartoznak mind edgyütt az Ur számára két szekrent vagy szuszekot csinálni, kinek mindenikében külön-külön husz husz köböl szem férjen. Azon kívül egy egész szekeret is minden esztendőben.« (Tous les fabricants de plats et d'écrins, charpentiers et charrons, habitant le village seront tenus de faire tous ensemble pour sa Seigneurie, deux «szekrény» ou «szuszék» et de façon qu'en chacun vingt mines de grains puissent rentrer. (Szalánc, M. Slanec), 1643. Bibliothèque Széchenyi, Folia lat., no 3566., verso 40.

⁹ Théoriquement, la hache pourrait également servir à nous donner des planches de section rectangulaire, mais cela s'avère très difficile dans la pratique. Tandis que dans le cas d'une fente pratiquée dans le sens des rayons médullaires, on respecte le sens de la fente naturelle du bois, on doit par contre, couper à contre sens le bois quand on veut le débiter en tranches parallèles. Il faut donc empêcher le bois de se fendre de travers, ce qui n'est guère possible qu'en lui administrant de tout petits coups; même ainsi, on risque fort, malgré toute précaution, de provoquer facilement des dégâts. Pour éviter que le bois ne vienne à se fendre, il faut laisser à la planche une forte épaisseur (10 cm d'épaisseur exigé pour une longueur de 1 m) et limiter également sa longueur qui ne devra pas dépasser 1 m 20. Mais la planche ainsi obtenue sera en outre très sujette à se gondoler, suivant les lois de la dessiccation du bois qui veut que le bois se gondole d'autant plus facilement que le sens de la fente viendra traverser les couches circulaires du bois à un angle plus petit. On peut ajouter enfin que les planches ainsi faites ne tardent guère à présenter des gerçures. Ces difficultés sont difficiles à être surmontées par les fabricants; aussi à Szuhahuta ne voit-on employer cette méthode pour faire les planches que pour les passerelles servant à un usage local. Au point de vue de la production, le débit en planches parallèles n'offrira davantage qu'à un degré de perfectionnement plus avancé des instruments de travail apportés à son exécution.

¹⁰ Un spécimen nous en est conservé au Musée National de Hongrie. *P. Voit* (Régi magyar otthonok — Anciens intérieurs hongrois. Budapest, 1943, p. 63.) pense qu'il doit remonter à la première moitié du XIVe-ième siècle.

¹¹ *F. Haáz*, op. cit., p. 96—99.

¹² Il est ordinairement échangé contre du blé. A Szuhahuta, un coffre à vêtements se payait de 60 à 70 kilos de blé, avec en plus une serviette tissée et une bouteille de vin. A Siclod (Siklód) et à Vársag (Varság), le coffre à blé coûtait de 2 à 4 boisselées de blé (Cf. *Haáz*: op. cit., p. 96—99.)

¹³ Les fabricants de Szuhahuta (si l'on peut en croire les souvenirs des fabricants actuels) ne travaillaient que sur commande, ayant disposé même ainsi d'une clientèle suffisante d'acheteurs. Les fabricants du de Siclod passaient en colporteurs dans les villages, mais n'allaient pas aux foires. Ceux de Vársag, au contraire, étalaient leurs produits aux foires de même que ceux du comitat de Gemer qui au cours du siècle dernier ont approvisionné en coffres de charpenterie toute la région s'étendant à l'est de la Transdanubie. Cf. *E. Dobšinský*: Prstonárodné obyčaje, povera a hry slovenské. (Coutumes, superstitions et jeux populaires slovaques), Turč. Sv. Martin, 1880, p. 102. *E. Fényes*: Magyar Országának s a hozzá kapcsolott tartományoknak mostani állapotja statisztikai és geographiai tekintetben. (État actuel de la Hongrie et les Provinces y attachées considéré du double point de vue de la statistique et de la géographie.) Pest, 1837, t. III, p. 137. Gömör — Kishont vármegye. (Le Comitat de Gömör — Kishont) Budapest, s. d. p. 48. Voir aussi une étude manuscrite de *O. Hermann*: E. A., 182/C., p. 53. N. és Ny., séries de 1929, p. 200, et de 1930, p. 78.

¹⁴ C'est à ce type que peuvent être rattachés aussi: le lit de 1734 provenant de Skane, en Suède (Cf. *G. Berg*—*S. Svenson*: Svensk Bondekultur. — La civilisation paysanne en Suède. — Stockholm, 1934, p. 123, fig. 43.) un lit d'enfant du XVIIe ou du XVIIIe siècle, provenant d'Auvergne, en France (Cf. *Bossert*: Volkskunst in Europa. — L'art populaire en Europe Berlin, 1926, pl. L/22) des pièces contemporaines ou d'un passé récent, provenant de Bukovine, (Cf. *Weslowski*: Die Möbel des rumänischen Bauernhauses in der Bukovina — L'ameublement des maisons de paysans en Bukovine — dans Zeitschrift für Österreichische Volkskunde, Wien, 1906, fig. 33.); des lits houtsoules (Cf. *R. F. Kaindl*: Bei den Huzulen in Prunththal. — Chez les Houtsoules de la vallée du Prount — dans Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, t. XXVII 1897, fig. 194.) et enfin des lits provenant du R. S. S. de l'Ukraine subcarpathique qui se trouvent dans la coll. des meubles du Musée d'Ethnographie de Budapest, nos 88.503 et 88.538 (provenant tous les deux de *Tiszabogdány, Marmaros*). Les tables à construction de charpenterie, à cause de leurs affinités avec les coffres, vont être examinées par la suite.

¹⁵ *G. Körte* — *A. Körte*: Gordion, dans Archeologischer Anzeiger, 1909, fig. 6. Cf. *Altmann*: Architectur und Ornamentik der Antiken Sarkophage (Structure et ornementation des sarcophages antiques), Berlin, 1902, fig. 8.

¹⁶ *Baud*—*Bovy*: Schweizer Bauernkunst. (L'art paysan en Suisse) Zürich—Leipzig—Berlin, 1926, p. 142.

¹⁷ *S. Ambrosiani* op. cit., fig. 14.

¹⁸ *Feulner*: Kunstgeschichte des Möbels (Histoire de l'art du meuble). Berlin, 1927, fig. 18—20.

¹⁹ Les coffres qui se trouvent au château de Kreuzenstein (Cf. *H. Schmitz*: Das Möbelwerk — L'art du meuble Berlin, s. d. pl. 31, fig. b. c) ne remontent pas, comme *Falke* l'a bien

démonstré (op. cit., p. 238), du XVe siècle ; selon toute probabilité il ne sont pas antérieurs au XVIIIe, ou tout au plus au XVIIe siècle.

²⁰ Ici, comme plus haut, dans la note 4, je dois insister sur le fait que les d'instruments de production plus évolués permettent seulement de perfectionner la technique, mais ils n'y provoquent pas nécessairement un certain progrès. Dans la région que j'avais étudiée, notamment à Szuhahuta, l'usage de la scie par exemple fut introduit vers 1870, dans l'exploitation forestière et une dizaine d'années plus tard, nous la retrouvons aussi dans la fabrication des articles de bois. Jusqu'à nos jours la scie n'a pas provoqué de changements notables dans les modes de fabrication déjà établis. Il n'en reste pas moins que coffre de charpenterie continue à être fabriqué de merrains, la scie ne servant qu'à former les pivots ou à couper les bouts des planches et les chevilles saillantes. — Nous pouvons donc dire qu'à Szuhahuta, l'instrument de production plus perfectionné n'a point révolutionné la technique, puisqu'il n'y avait pas les conditions sociales et économiques nécessaires. Cet aspect du problème sera plus amplement discuté dans mon étude traitant de l'art populaire du bois à Szuhahuta.

²¹ *Watzinger* : Griechische Holzarkophage aus der Zeit Alexanders der Grossen (Sarcophages de bois du temps d'Alexandre le Grand), Leipzig, 1905. C'est cet ouvrage qui nous servira de base dans notre étude sur les sarcophages grecs. A notre connaissance, aucune étude générale n'a paru depuis ce sujet. Cf.

В. Д. Блаватский : Искусство северного причерноморья античной эпохи. (L'art antique sur les côtes Nord de la Mer Noire.) Москва, 1947, p. 87—88.

Ю. Ю. Марти : Городские крепостные стены Тиритак и прилегающий комплекс рыбозасолочных вани (Les murs d'enceinte de la ville de Tiritaki et l'ensemble des bassins de salage y appartenant), Материалы и исследования по Археологии СССР. IV (1941), p. 31, fig. 39.

On ne saurait admettre les conclusions de *Watzinger*, qui cherche à établir un ordre de succession des diverses formes de coffres. L'ordre qu'il essaie à établir débiterait par le coffre d'apparence plus simple, qui se trouve simplement cloué aux angles. Le coffre muni de pieds qui lui servent de parties d'assemblage aux angles et paraissant par contre plus compliqué, est considéré comme une acquisition plus récente (p. 63.). Mais *Watzinger* n'a connu que la construction de menuiserie, celle de charpenterie lui avait échappé, de même que l'importance que pouvaient avoir les instruments de travail ayant présidé à leur formation. Il est donc naturel qu'il se vit astreint, en traçant la ligne d'évolution des diverses formes de coffres à n'envisager que des aspects purement extérieurs et formels, au lieu d'accorder l'importance qu'elle mérite.

²² Sur la plupart des sarcophages de bois, la face latérale est munie d'un renforcement dans toute la longueur de la pièce. La paroi latérale des sarcophages de bois est parfois faite d'une seule pièce (Cf. *Watzinger*, fig. 30, partie devant du sarcophage No 1.) et la planche est alors ravalée à mi-hauteur (cf. fig. 36, sarcophage No 2). Mais la paroi peut également être composée de deux planches et c'est alors la planche inférieure qui présentera l'élégie exécutée sur sa partie supérieure (Cf. fig. 29, paroi du sarcophage n° 1.; fig. 40, partie devant du sarcophage no 3., etc.) *Watzinger* nous présente aussi deux sarcophages, dont les côtés devant sont faites de trois planches. Dans ce cas la planche médiane étroite présente une épaisseur moindre que celle des deux planches voisines, ce qui produira le renforcement. (cf. *Watzinger*, fig. 46 : côté devant du sarcophage n° 4. et le sarcophage n° 6.) On peut supposer que ces renforcements pratiqués le long des parois latérales et que nous retrouvons sur la plupart des sarcophages grecs, soient autant de survivances de la construction de charpenterie. Celle-ci, en effet, ne donne jamais de faces planes, vu que la partie supérieure des planches doit être amincie pour pouvoir s'ajuster à la rainure des planches placées au-dessus. C'est probablement cette inégalité de la surface que seraient appelées à nous figurer les parois ravalées des coffres grecs. Cette hypothèse est d'ailleurs confirmée par le fait que sur les parois composées de deux planches, c'est toujours la partie supérieure de la planche de dessous que nous voyons élégie (Cf. fig. 11.).

²³ *Watzinger*, op. cit. fig. 45 : Sarc. n° 4.

²⁴ Ibid., fig. 114—115.

²⁵ Ibid. fig., 29, 35, 37, 41, 42, 45, 47, 78.

²⁶ Ibid., fig. 29, 20, 40, 45, 46, 54.

²⁷ Ibid., fig. 35—36.

²⁸ Ibid., fig. 32, 42, 48.

²⁹ Ibid., p. 4. 45, fig. 60—62, 78.

³⁰ Ibid., fig. 27—31, etc.

³¹ Ibid., p. 25—27, 35—36 ; fig. 32—33.

³² Ibid., fig. 38, 43.

³³ *Koeppe—Breuer* : Geschichte des Möbels. (Histoire du Meuble). Berlin—New-York 1904. fig. 205—206.

³⁴ *S. Reinach* : Peintures de vases antiques, Paris, 1891, Milin. II. 33/b. *S. Bleeker Luce* : Corpus Vasorum Antiquorum, United States of America. Museum of the Rhod Island School of Design. Cambridge, 1933, fig. 17/2. *L. Scheurleer* : Corpus Vasorum Antiquorum, Pays-Bas. Musée Scheurleer, (La Haye). Paris, 1931, t. II. IV. D/6, pl. no 6., fig. 4—6.

³⁵ C'est *A. Dobrovits* que nous devons remercier de nous avoir signalé ce coffre. C'est également à lui qu'on doit l'établissement de l'époque où le coffre fut fait. L'autorisation de reproduire cette pièce nous a été obligeamment accordée par M. J. *Szilágyi*, chef de section de la Collection d'Antiquités au Musée des Beaux-Arts de Budapest.

Outre cette pièce, le Musée conserve plusieurs fragments de coffres. Tout ce matériel fera prochainement l'objet d'une étude à part.

³⁶ Le trait le plus caractéristique est constitué par les moulures en forme de cadre qui sont clouées sur le bord supérieur du corps du coffre. Ces moulures ne peuvent être obtenues que de planches débitées par sciage. Cf. *H. Gertner—A. G. Mace* : Tut-ench-Amun-Ein ägyptisches Königsgrab. (Tut-ank-Ammon. Une sépulture royale d'Égypte, Leipzig, fig. 46/B.

³⁷ *J. H. Breasted* : Geschichte Egyptens, (Histoire d'Égypte), Vienne, 1936, p. 310, fig. 311—314.

³⁸ *Koeppe—Breuer* : op. cit. fig. 114. *H. Gertner—A. G. Mace* : op. cit. fig. 46/b.

³⁹ *Ebert* : Reallexikon der Vorgeschichte (Encyclopédie de la préhistoire), Berlin. 1927—28.

⁴⁰ *Koeppe—Breuer* : op. cit. p. 79—70.

⁴¹ *Th. M. Davis* : The tomb of Iouiya and Touiyou (La tombe de Iouiya et Touiyou) London, 1907, t. VI. C'est ce type dont la réplique en pierre est constituée par le cerceuil de Choufou-Anch, du temps de l'Ancien Empire (cf. *Ebert* : op. cit. t. I., p. 79.)

⁴² *Bossert* : Geschichte des Kunstgewerbes (Histoire des Arts décoratifs.), Berlin, p. 90—91.

⁴³ *Schmitz* : op. cit. fig. 26.

⁴⁴ *E. Polaczek* : Volkskunst im Elsass (L'art populaire en Alsace), p. 28. fig. 81. *S. Ambrosiani* : op. cit. p. 15.

⁴⁵ *F. Hellwag* : Die stilistische Entwicklung der Möbelformen. Anhang zur Geschichte des deutschen Tischlerhandwerks. (L'évolution de forme des meubles. Annexe à l'histoire de la menuiserie en Allemagne) Berlin, 1924, p. 22.

⁴⁶ *O. Bramm* : op. cit. p. 160—161.

⁴⁷ *Uebe* : Westfalen. Deutsche Volkskunst (Westphalie. Art populaire allemand), t. IX. fig. 24., C'est un coffre pareil que nous voyons représenté sur le sceau des Ecrainiers de Bruges, de 1356. Il est curieux de noter qu'en France, les écrivains appartenaient encore à la »Communauté des charpentiers« à cette époque. Cf.

H. Havard : Dictionnaire de l'ameublement et de la décoration, Paris, s. d. t. II. p. 475, fig. 363 ; *P. Lacroix* : Mœurs, usages et coutumes au Moyen-Age et à l'époque de la Renaissance. Paris, 1872, fig. 10.

⁴⁸ *Viollet-le-Duc* : Dictionnaire raisonné du mobilier français, Paris, 1865, t. I, p. 27—28.

⁴⁹ *F. H. Hellwag* : op. cit. p. 26.

⁵⁰ Cet outil est une sorte de couteau emmanché à son milieu et recourbé à ses deux extrémités. A Szuhahuta, on l'appelle »pálházó«, chez les Hongrois du Dép. Trei-Scaune en Roumanie »fáncoló, hornyolóc.

⁵¹ Ce compas ne comporte qu'une pointe qui sera fixée au centre du cercle qu'on veut tracer. L'autre branche du compas se termine en un couteau recourbé, assez analogue à l'instrument dont nous venons de parler. En Hongrie, c'est généralement du nom de »cirkalom«, (mot voyageur d'origine latine), qu'on l'appelle.

⁵² En Slovaquie. Cf. *Václavik* : Umění na Slovensku (L'Art en Slovaquie), Praha, 1939, p. 1139—1140. *Bossert* : op. cit., pl. CI. *R. Bednárik* : L'udový nábytok. (Le meuble populaire), V Turč. Sv. Martine, 1949, fig. X. En Moravie. Cf. *L. Niederle* : Moravské Slovensko (Les Slovaques de Moravie), t. II, III, V Praze, 1922, fig. 484.

⁵³ Ch. Holme : Peasant art in Russia (L'art paysan en Russie), London—Paris—New-York, 1912, fig. 442. F., 83,052 : 83,140 ; 83,212 ;

B. Шухевич : Гуцульчина (Les Houtsoules), У Львові, 1899, t. I, fig. 40—42.

K. Moklowski : Sztuka ludowa w Polsce (L'art populaire en Pologne), Lwów, 1903, fig. 372.

T. Seweryn : Krakowskie skrzynie malowane (Coffres peints de Cracovie), Kraków, 1928, fig. 1.

A. Fischer : Rusini (Les Ruthènes), Lwów-Warszawa-Kraków, 1928, fig. 27—28.

J. Kulczycki : Praformy mebli na obszarze Europy (Les formes primitives des meubles en Europe), Archeologia, 1947, fig. 67.

⁵⁴ S. Svensson : Vikingatidstraditioner i nordiska bondemöbler, (Traditions du temps des Vikings dans le mobilier paysan norvégien), Fataburen, 1937, fig. 1—5, 11—14.

⁵⁵ Ibid. fig. 27—38 ; 53.

⁵⁶ E. Placzek : op. cit. fig. 81.

⁵⁷ Spiess : Bauernkunst (L'art paysan), 1925, p. 142.

⁵⁸ W. Deonna : Rosaces et entrelacs, dans Schweizerisches Arch. f. Volkskunde, 1924, fig. IV/8—9.

⁵⁹ Bossert : op. cit. tabl. LX, fig. 6.

⁶⁰ En Slavonie. Cf. M. Gavazzi : Der Aufbau der kroatischen Volkskultur (Structure de la civilisation du peuple croate), Baessler-Archiv., Berlin, t. XX (1937), fig. 20.,

Slovenski Ethnograf., t. I, (1948), 0. 112, tabl.

⁶¹ J. Teutsch — K. Fuchs : Ethnographische Mitteilungen aus den Komitaten Kronstadt und Fogaras in Siebenbürgen, (Contributions ethnographiques, provenant des comitats de Brassó et de Fogaras Transylvanie), dans Mitt. der Anthr. Ges. in Wien, t. XXXV (1905), fig. 34—35.— Weslowski : op. cit. fig. 23—27.

Haberlandt : Österreichische Volkskunst (L'art populaire en Autriche), Wien, 1911, fig. 6—7 ; 47—48. N. Jorga : L'art populaire en Roumanie, Paris, 1923, p. 56.

Al. Tzigara—Samuraş : L'art du peuple roumain, Genève, 1925, p. 37—38.

All. Tzigara—Samuraş : Izvoide de creștături ale țăranului român Étude sur la sculpture sur bois des paysans roumains. Bucaresti, 1928, fig. 57—60.

Chez les Hongrois de Roumanie : cf.

S. Gönyei : op. cit., figures

D. Malonyai : A magyar nép művészete (L'art du peuple hongrois), Budapest, 1909. t. II, fig. 367.

Bátky—Györfi—Viski : A magyarság néprajza (L'ethnographie du peuple hongrois), Budapest, 1941, t. I, p. 231.

⁶² Haberlandt : Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Volkskunde von Montenegro, Albanien und Serbien (Contributions à l'ethnographie du Monténégro, de l'Albanie et de la Serbie), Wien, 1917, fig. 60.

⁶³ Uebe : Deutsche Bauermöbel (Les meubles de paysan en Allemagne), Berlin, 1924.

Baud—Bovy : op. cit., fig. 134, 135, 142.

Burckhardt : Schweizer Volkskunst (L'art populaire en Suisse), Basel, 1941, fig. 3—4.

W. Deonna : Survivances ornementales dans le mobilier suisse, dans Archiv für Volkskunde, Schweiz, t. XXI (1917), pl. IV, fig. 7.

⁶⁴ Haberlandt : sterreichische Volkskunst, fig. 47—48.

⁶⁵ Buschan : Illustrierte Völkertunde (Ethnographie illustrée), Stuttgart, 1926, t. II, fig. 429

⁶⁶ En Hongrie, on en voit dans certaines régions de la Transdanubie (par ex. dans les Comitats de Baranya et de Somogy, où une peinture noire sert à mieux mettre en valeur les éléments décoratifs) et à Szuhahuta ; on en voit aussi chez les Houtsoules de Pologne (Cf. B. ШУХЕВИЧ : op. cit. p. 98—99 ; Moklowski : op. cit. fig. 372 ; Fischer : op. cit. fig. 27—28 ; Kulczycki : op. cit. fig. 67) ; et au département de Bihor, en Roumanie (travaux par Mlle. A. Gáborján).

⁶⁷ Cf. les recherches sur place de Mlle. A. Gáborján (1949).

⁶⁸ Une seule pièce d'origine esthonienne nous est connue, qui, en plus d'une ornementation composée de menus traits plus que modestes, comporte quatre caissettes aux bâtis cloués sur les deux planches médianes du côté devant, appliquées dans un but décoratif. Ce coffre constituerait, d'après Manninen, une rare exception parmi les coffres soit nus, soit décorés de motifs cunéiformes (dont il ne nous donne, malheureusement, aucune image). Cf. I. Manninen : Führer durch die ethnographischen Sammlungen (Guide des Collections ethnographiques du Musée), Eesti Rahva Muuseum — Estnische Nationalmuseum, Tartu, 1928, p. 87, fig. 50.

⁶⁹ Encyclopédie photographique de l'art, Paris, 1936, t. II, fig. 125/B.

⁷⁰ *O. Falke* : op. cit., fig. 103—105.—*O. Falke* : Mittelalterliches Holzmobiliar, (Le mobilier de bois au moyen âge), Wien, 1897, tabl. XXIV, fig. 3. *Luthmer* : Deutsche Möbel der Vergangenheit (Les meubles en Allemagne dans le passé), Leipzig, p. 52. Monographie du Musée de Cluny, Paris, s. d. t. I, p. 137.

⁷¹ Sur les coffres de charpenterie, les pieds se trouvent sur un plan plus rapproché. En outre, la section triangulaire des planches qui y sont employées, ainsi que leur mode d'assemblage spécial veulent que la partie inférieure de chaque planche soit plus saillante que sa partie supérieure.

⁷² Leur application est introduite par la menuiserie. Dans certaines constructions à panneaux, elles servent à fixer le panneau assemblé à mi-bois aux montants et traverses du bâti d'encadrement.

⁷³ Au Musée d'Ethnographie de Budapest, sous les Nos d'inv. : 95.638 ; 97.345 ; et 97.346. Cf.

S. Domanovszky : Magyar művelődéstörténet (Histoire de la civilisation hongroise), Budapest, s. d. t. II, p. 359.

⁷⁴ Musée d'Ethnographie de Budapest, enr. sous les Nos d'inv. : 97.344 ; 101.200 ; 101.202.

Uebe : op. cit. fig. 45.

H. Schmitz : op. cit. tabl. 30/b.

⁷⁵ Voy. Note no 61.

⁷⁶ *G. Bárczy* : Magyar szöfejtő szótár (Dictionnaire étymologique hongrois), Budapest, 1941, p. 284.

⁷⁷ *J. Melich* : A brassói latin-magyar szótártöredék (Un fragment du dictionnaire latin-hongrois de Brassó), Budapest, 1905, p. 30.

⁷⁸ *I. Szamota—Gy. Zolnai* : Magyar oklevél-szótár (Dictionnaire des chartres de Hongrie.) 1902—1906. p. 904.

⁷⁹ *I. Szamota* : A Murelius-féle latin-magyar szójegyzék 1533-ból. (Le Vocabulaire latin-hongrois de Murelius, de 1533). Budapest, 1896, p. 37. (p. orig. 2439).

⁸⁰ *J. Melich* : A gyöngyösi latin-magyar szótár töredék (Un fragment du dictionnaire latin-hongrois de Gyöngyös), Budapest, 1898, p. 77, (p. orig. 1858).

⁸¹ *Ibid.*, p. 78, (p. orig. 1864).

⁸² *Ibid.*, p. 78, (p. orig. 1865).

⁸³ *Ibid.*, p. 157, (p. orig. 3828). Le fait que le mot *szekrény* figure à plusieurs reprises dans le voisinage de *almarium*, ne signifie point que le *szekrény* aurait eu à cette époque une forme plus ou moins semblable à celle de l'armoire de nos jours. Il vaut mieux supposer qu'au début du XVe siècle le mot *almarium* — est synonyme d'armoire dans le langage commun du XIXe siècle — devait encore servir à désigner plutôt une sorte de coffre. Même aujourd'hui il est appliqué outre l'armoire certaines variétés de réceptacles de toute petite dimensions, par ex. à Maconka (com. de Heves) et à Tiszaigar (com. de Szolnok). (D'après les recherches par terrain par l'auteur).

⁸⁴ *Ibid.*, p. 165. (p. orig. 3997).

⁸⁵ Le mot »*szekrény*« y est enregistré probablement par erreur à deux reprises.

⁸⁶ *B. Iványi* : A Grádeczi Horváth-Stansith család történetéhez. Közlemények Szepes vármegye múltjából (Contribution à l'histoire de la famille Horváth-Stansith, de Grádecz. Dans la coll. Communications relatives au passé du comitat de Szepes), Lőcse, 1918, p. 116.

⁸⁷ Ces coffres Saxons sont parfois appelés improprement »coffres d'église«. En réalité, ce n'est pas dans les églises, mais dans le fort qui les entourait, que ces pièces ont été trouvées. Des cases pratiquées à l'intérieur du mur d'enceinte étaient réservées à chaque bourgeois pour y mettre en sûreté les objets de valeur, à cause des risques de guerres dont le danger restait permanent à cette époque. C'est ce qui nous explique la présence des coffres de charpenterie en ces lieux à un moment où ils ne devaient probablement plus être à la mode. Ceux-ci ont d'ailleurs seuls réussi à se conserver, toutes les pièces d'usage domestique ayant péri. Cf.

Phleps : Ostgermanische Baukultur (L'architecture des Germains de l'Est. Berlin, 1934, p. 64., et communication de — Mlle M. Kresz.

⁸⁸ Nous n'en voyons pas sur les coffres de charpenterie populaires. Le chastron (voir fig. 28), difficile à exécuter avec la technique de la charpenterie, se rattache à la technique de menuiserie. C'est de là, que va l'emprunter la charpenterie, à la dernière phase de son évolution ; ce fait est indiquée par le nom même de l'objet : »*fyas ládájú*«.

- ⁸⁹ *M. Pálfi* : Kolozsvári glosszák (Gloses de Kolozsvár), dans Nyr., t. XXXVI (1907), p. 416.
- ⁹⁰ *J. Melich* : Calepinus latin-magyar szótára 1585-ből (Le dictionnaire latin-hongrois de Calepin, de 1585), Budapest, 1912, p. 34 (p. orig. 162).
- ⁹¹ *Ibid.*, p. 35 (p. orig. 165).
- ⁹² *Ibid.*, p. 194 (p. orig. 626).
- ⁹³ *Ibid.*, p. 285 (p. orig. 957).
- ⁹⁴ *Okl. Sz.*, p. 263.
- ⁹⁵ *Ibid.*, p. 263.
- ⁹⁶ Des exemples nous en ont été fournis lors de nos travaux sur terrain effectués aux comitats de Baranya et de Heves. D'autres exemples de l'ajustage d'un nouveau fond ont été relevés en Suède. Cf. *S. Ambrosiani* : op. cit., p. 15.,
- ⁹⁷ *B. Szikszai Fabricius* : Latin-magyar szójegyzéke 1590-ből (Vocabulaire latin-hongrois, de 1590, de Szikszai, Budapest, 1906, p. 65 (p. orig. 135).
- ⁹⁸ *Ibid.*,
- ⁹⁹ *A. Szenci Molnár* : Dictionarium ungarico-latinum, Francofurti, 1644., p. 291.
- ¹⁰⁰ *B. Radvánszky* : Magyar családélet és háztartás a XVI. században (Vie de famille et travaux de ménage en Hongrie au XVIe siècle), Budapest, 1879, t. II, p. 126.
- ¹⁰¹ *G. Szarvas—Zs. Simonyi* : Magyar nyelvtörténeti szótár (Dictionnaire historique de la langue hongroise), Budapest, 1890, t. III., p. 136.
- ¹⁰² On ne connaît pas la façon dont ces clous étaient disposés sur le coffre, mais on sait, grâce à un autre inventaire, qu'il pouvait y en avoir jusqu'à 54 : »Egj sarga Rakoth eöreg zekreny zeöld labu, eöthuen negj aranas gomb rajta«. (Un vieux »zekreny« jaune, orné de marqueteries, aux pieds verts, ayant dessus cinquante quatre clous dorés). Cf. *Radvánszky* : op. cit. II, p. 819.) Le mot »Rakoth« doit signifier »marqueterie« à en juger d'après ce témoignage explicite d'un autre inventaire : »Az kychin labas zekren kywöl rakot sahos rakasal« (Le petit »zekren« à pieds, orné sur le dehors d'une marqueterie à rayures). (Cf. *Okl. Sz.* p. 904.) De pareils coffres de charpenterie ornés de marqueteries se voient dans les régions du Vierland, en Allemagne. Cf. *Stegmann* : Die Holzmöbel des germanischen Museums (Meubles de bois du Musée germanique). Anz. des Germ. Nat. Mus. Nürnberg, 1904, p. 112, fig. 85.
- ¹⁰³ *Radvánszky*: op. cit. t. II, p. 307.
- ¹⁰⁴ *Ibid.*, t. II, p. 324.
- ¹⁰⁵ *A. (Szenci) Molnár* : Dictionarium ungarico-latino-germanicum, Nürnberg, 1708. p. 477.
- ¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 299.
- ¹⁰⁷ *F. Wagner* : Phraseologia, Tyrnavia, 1750, p. 111.
- ¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 105.
- ¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 169.
- ¹¹⁰ *Ibid.*, p. 195.
- ¹¹¹ *F. Pariz—Pápai* : Dictionarium latino-hungaricum, Tyrnavia, 1762, p. 991.
- ¹¹² *Ibid.*, p. 104.
- ¹¹³ *Ibid.*, p. 620.
- ¹¹⁴ *Ibid.*, p. 66.
- ¹¹⁵ *Gradus ad Parnassum sive novus synonymorum . . . lexicon*, Tyrnavia, 1771, p. 196. *Ibid.* p. 1046.
- ¹¹⁷ *D. Baróti Szabó* : Kisded szótár (Petit vocabulaire), Kassa, 1792, p. 212.
- ¹¹⁸ *Molnár—Páriz—Pápai—Bod—Eder* : Dictionarium ungaro-latino-germanicum, Szeben-Pozsony, 1801, p. 331.
- ¹¹⁹ *Ibid.* p. 8.
- ¹²⁰ *Ibid.* p. 211.
- ¹²¹ *S. Gyarmathy* : Vocabularium, Bétsbe, 1816, p. 73.
- ¹²³ *F. Wagner* : Phraseologia, Buda, 1822, p. 119.
- ¹²³ *Ibid.* p. 125.
- ¹²⁴ *Ibid.* p. 188.
- ¹²⁵ *Ibid.* p. 220.

¹²⁶ *J. Kassai* : Származtató' s gyökeresző magyar-diák szókönyv (Dictionnaire étymologique hongrois-latin), Pest, 1835, t. IV, p. 390.

¹²⁷ *F. Szeder* : A Palóczok (Les Palotz). Dans Tudományos Gyűjtemény (Recueil scientifique), 1819, p. 37, 39.

¹²⁸ *D. Baróti Szabó* : op. cit., p. 82.

¹²⁹ *M. Hölbing* : Baranya vármegyének orvosi helyirata (Le comitat de Baranya, vu par un médecin), Pécsset, 1845, p. 67, 68, 59.

¹³⁰ *Czuczor—Fogarasi* : A magyar nyelv szótára (Dictionnaire de la langue hongroise), Pest, 1868, t. V, p. 1134.

¹³¹ *Ibid.*, t. V, p. 1478.

¹³² *S. Somssich* : Nyelvsajátságok Baranya-Ózd vidékéről (Idiotismes de la région de Baranya-Ózd), dans Nyr. t. XXVII (1898), p. 286.

¹³³ *F. Turzó* : A nyitravidéki palóc nyelvjárás, (Le dialecte palotz dans la région de la Nyitra), dans Nyr., t. XXVIII, (1899), p. 497.

¹³⁴ *Mme E. Sichert* : Felelet a második kérdésre, (Réponse à la deuxième question) dans N. és Ny., II, (1930), p. 79.

¹³⁵ *J. Szinnyei* : Magyar Tájszótár (Dictionnaire des Patois Hongrois), Budapest, 1897, t. II, p. 515.

¹³⁶ Enregistré par l'auteur, au comitat de Baranya.

¹³⁷ Enregistré par l'auteur, à Tiszaigar (comitat de Heves).

¹³⁸ Sur plusieurs points du pays. Voy. Carte.

¹³⁹ Cf. la Carte.

¹⁴⁰ La diffusion plus large du mot »*scrinium*« témoigne aussi de son ancienneté.

¹⁴¹ *Fr. Miklosich* : Lexicon Palaeoslovenico—Graeco—Latinum. Vindobonae, 1862—1865 p. 980.

Вл. Даль : Толковый словарь живаго велико-русского языка. (Dictionnaire de la langue grande-russe vivante), Москва, 1935, T. IV, p. 373.

S. B. Linde : Słownik języka polskiego (Dictionnaire de la langue polonaise), Lwów, 1859, t. V, p. 222.

D. Zelenin : Russiche (Ostslavische) Volkskunde (Etnographie russe des Slaves de l'Est) Berlin—Leipzig, 1927, p. 109.

Tiktin : Rumänische-Deutsches Wörterbuch (Dictionnaire roumain-allemand), Bukarest, 1912, p. 1436.

L. Gáldi : Samuelis Klein Dictionarium Valachico-latinum (1801), Budapest, 1944, p. 184.

Cf. J. Melich : Szuszék és hombár (Szuszék et hombár), dans Nyr., série XXXI (1902), p. 101—102.

¹⁴² *И. И. Срезневский* : Материалы для словаря древне-русского языка. (Données pour un dictionnaire de la langue vieux-russe), Санкт-Петербург, 1893, t. III, p. 630.

¹⁴³ *S. Takáts* : Rajzok a török világból, (Esquisses de l'époque de l'occupation turque), Budapest, 1917, t. III, p. 231.

¹⁴⁴ *Ibid.*

¹⁴⁵ *I. Györffy* : A nagykún tanya, (La ferme de Nagykunság), dans Ért., 1910, p. 147.

¹⁴⁶ *K. Csoma* : Jászberény nyelve (Le dialecte de Jászberény), Budapest, 1908, p. 74.

¹⁴⁸ *I. Balassa* : A debreceni civis földművelésnek munkamenete és műszókincse (Les travaux agricoles et les termes techniques dans l'agriculture de Debrecen), Debrecen, 1940, p. 49.

S. Domonkos : Felelet a második kérdésre (Réponse à la deuxième question), dans N. és Ny., (1929), t. I, p. 261—262. (Tiszföldvár, Cibakháza, Tiszakürt, Nagyrév et leurs environs).

L. Bakos : Tájszók (Mots de patois), dans MNyr, t. VI (1887), p. 384. (Földes, comitat de Szabolcs).

I. Sulyok : Felelet a második kérdésre (Réponse à la deuxième question), dans N. és Ny., t. I (1929) p. 202 (comitat de Bereg).

J. Bethowski : op. cit., p. 121.

Cz. F., t. V, p. 1478.

C'est peut-être à ce propos qu'il y a lieu de signaler une donnée de *S. Takáts* (Cf. op. cit., t. III, p. 231) d'après laquelle il se trouvait, à Régecz, en 1678, un »szuszék« fait de planches et muni de portes, qui contenait 283 mines de blé.

¹⁴⁹ *J. Bethowski* : op. cit., p. 121.

¹⁵⁰ *B. Banner* : Felelet a második kérdésre (Réponse à la deuxième question), dans N. és Ny., t. I, (1929), p. 201—202.

¹⁵¹ *J. Gulyás* : Debreceni tájszók (Mots de patois de Debrecen), dans *Nyr.*, t. XX (1911), p. 94.

¹⁵² *Cz. F.*, t. V, p. 1478.

¹⁵³ *J. Jankó* ; *Torda...*, p. 105, 108.

¹⁵⁴ *Okl. Sz.*, p. 945.

¹⁵⁵ *F. Haáz* ; *op. cit.*, p. 68.

¹⁵⁶ *J. Horváth* ; Tájszók (Mots de patois), dans *Nyr.*, t. XL (1911), p. 383. (Onod.)

Bauer : Felelet (Réponse), dans *N.*, t. I, p. 262. (Baja).

Muity : Felelet (Réponse), dans *N. és Ny.*, t. I, p. 262. (Comitat de Bács-Bodrog).

Malonyai : *op. cit.*, t. I, p. 105.

¹⁵⁷ *S. Pintér* : A palócz család otthona (Le logis de la famille palotz.), dans *Ért.*, t. X (1909), p. 203.

Gy. Istvánffy : A palóczok lakóháza és berendezése (Habitation et intérieur des Palotzes), dans *Ért.*, t. XII, (1911), p. 13.

J. Juhász : Mihályfalva (Gömör m.) monografiája (Monographie de Michalovce, comitat de Gemer), 1895, Manuscrit, dans *E. A.* No 285, p. 3. cf. aussi les recherches sur terrain par *Mlle A. Gáborján*, à Tard (comitat de Borsod), en 1948. et celles de l'auteur : *Maconka, Nagybatony, Kisterenye, Szuhahuta*, (comitat de Nógrád) en 1948. et à Tiszaigar (comitat de Jász-Nagykun-Szolnok) en 1949. *G. Csallány* : Felelet (Réponse), dans *N. és Ny.*, t. I, p. 200. *Zsámbok* et *Valkó* (comitat de Pest), dans *N. és Ny.*, t. II (1930), p. 78—79.

Gy. Márton : Szekrény, dans *M. Ny.*, t. XL, (1944). *Inatelke, Mákófalva, Nádásdaróc, Kalotaszeg* (comitat de Kolozs).

Naturellement, les fabricants ont une égale habileté à faire »szekrény« et »szuszéék«, ainsi que nous le voyons à Szuhahuta ou dans le commune slovaque de Kijatice (Cf. *Gömör-Kishont megye mon.*, p. 58.), de même que chez les »szekrény csinálók« »Escrainiers« de Szaláncz, au XVIe siècle (d'après le document cité de Szaláncz).

Pareillement à nos documents hongrois, les textes ukrainiens distinguent également le mot »СУСЕК« signifiant réceptacle à blé et à farine, et »СКРИНЯ«, désignant le coffre à vêtements.

Cf. *D. Zelenin* : *op. cit.*, p. 109.

Severyin : *op. cit.*, p. 5 : *skrzyń* — *sąsiecka. Tikin* : *op. cit.*, p. 1436. : *síslíac*, Moldavi, Transylvania. kleiner aus Korbgeflecht hergestellter Maisspeicher der Bauern (Petit récipient à maïs en vannerie, employé par les paysans.)

¹⁵⁸ D'après les recherches faites par l'auteur, en 1948. — Notons ici que pour la génération moyenne (allant de 40 à 60 ans), le mot *szekrény* se rapporte à la forme extérieure, tandis que le mot *szuszéék* indique la fonction de l'objet. Quand les gens du pays appellent l'objet : *kis szuszéék* et qu'on leur demande, si celui-ci n'a pas gardé son nom de *szekrény*, on vous répond : — C'est bien un *szekrény*, mais on y tient du blé ; pour cela, nous l'appelons *szuszéék*. — Cette distinction disparaît déjà chez les jeunes qui, tout en connaissant parfois les divers noms de l'objet, ne se servent plus que du mot *láda* pour le désigner.

¹⁵⁹ C'est ainsi que s'explique également la donnée d'Onod, signalée par *E. Horváth*, que nous avons citée et qui nous dit : Szurdék, simple coffre fait de planches (en bois, mais orné de gravures), donné jadis aux filles à l'occasion de leur mariage.

L. Szeberényi : Felelet (Réponse), dans *N. és Ny.*, t. I, p. 201. *J. Bethowski* : *op. cit.*, p. 121.

¹⁶⁰ *S. Takáts* : *op. cit.* t. III, p. 231.

¹⁶¹ *S. Domonkos* : *op. cit.* dans *N. és Ny.*, t. I, p. 262.

Pièce enregistrée au n° d'inv. 132. 626, au Musée d'Ethnographia de Budapest, sous le nom de : *szekrény* et *hombár*. Provenance Kecskemét (comitat de Pest). cf. aussi la communication de *M. L. Kiss*. Hódmezővásárhely (comitat de Csongrád).

A Tiszaigar, où nous avons fait des recherches, le coffre de charpenterie de grande dimension, destiné à recevoir le blé, au lieu de s'appeler *szuszéék*, se dit *hombár*, le nom de »szekrény« étant réservé aux coffres de dimensions plus réduites. Le mot *szuszéék* enfin ne désigne que les cases à blé construites, dont on fait usage depuis la fin du siècle dernier et qui sont toujours des oeuvres de menuiserie. Mais toutes ces distinctions n'ont plus de valeur que pour la génération plus ancienne, l'emploi de ces divers noms s'étant modifié parmi les jeunes. Dans plusieurs autres endroits le coffre plus ou moins volumineux peut recevoir le nom de *hombár* ou être appelé en différemment *hombár* et *szuszéék*. Cf. encore *I. Vörös* : Felelet (Réponse), dans *N. és Ny.*, p. I, p. 202. *Mezőtur.* — *L. Minay* : Felelet (Réponse), dans *N. és Ny.*, t. I, p. 20. *Turkeve*. Dans ce cas le coffre de charpenterie servant à rece-

voir le blé est appelé *szuszék* par les vieux et *hombár* par les plus jeunes. Voir encore : *J. Balassa* : op. cit. p. 49. 69—80. Debrecen.

¹⁶⁴ *A. Garay* : Szlavóniai régi magyar faluk (Anciens villages hongrois de Slavonie), dans *Ért.*, 1911, p. 247.

¹⁶⁵ Magyar Tájszótár, kiadta a' magyar tudós társaság, (Dictionnaire des dialectes hongrois publié par les Sociétés Savantes hongroises), Budán, 1838, p. 192.

Cz. F., t. III, (1865), p. 395.

B. Cseke : Tájszók. Csikmegeyeiek. (Mots de patois du comitat de Ciuc), dans *M. Nyr.*, t. XXII, (1893), p. 334.

MTSZ., t. I (1893), p. 1049.

Mme A. Ujvári, née *A. Kerékyártó* : A magyar népművészet (L'art populaire hongrois), Budapest, 1943, p. 310.

¹⁶⁶ Les sources contenant des données contemporaines relatives à la Hongrie, seront énumérées à propos de la Carte jointe à la présente étude.

¹⁶⁷ *Dobšinský* : op. cit. p. 36, 62. Probablement au comitat de Gemer.

¹⁶⁸ *R. Bednárík* : op. cit. p. 40. Vyšné Lapše.

^{169b} A Szuhahuta.

¹⁷⁰ *A. Vajkai* : Adatok a Budapest-környéki tót falvak népi építkezéséhez (Contributions à l'étude des travaux d'architecture populaire des villages slovaques des environs de Budapest), dans *Ért.*, 1937, p. 134. Le mot cité y est écrit selon l'orthographe hongroise : »*szkrina*«.

¹⁷¹ A Szuhahuta.

¹⁷² *O. W. Exner* : Die Hausindustrie Österreichs (L'artisanat en Autriche), Wien, 1890, p. 128. Le mot y est écrit selon l'orthographe étrangère : »*skryńia*«.

T. Seweryn : op. cit. p. 5. : »*skrzyńia*«.

D. Zelenin : op. cit. p. 109, 111, 176, 279.

B. Шыкеев : op. cit. p. 98—911, fig. 40—42.

R. F. Kaindl : Haus un Hof bei der Rusnaken (La maison et la cour chez les Rusniaks), dans *Globus*, t. LXX (1897), p. 139.

R. F. Kaindl : Bei den Huzulen im Prunththal (Chez les Houtsoules de la vallée du Pruth), dans *Mitt. der Anthr. Ges. in Wien*, t. XXVII (1897), p. 219, fig. 184.

R. F. Kaindl : Ethn. Streifzüge in den Ostkarpathen (Voyages d'études ethnographiques dans les Karpathes de l'Est), dans *Mitt. der Anthr. Ges. in Wien*, t. XXVIII. (1898), p. 231.

Schier : Hauslandschaften und Kulturbewegungen im östlichen Mitteleuropa (Types de maisons d'habitation et cheminement des cultures à travers l'Est de l'Europe centrale), Reichenberg, 1932, p. 353—354.

Holme : op. cit. p. 26, 29, fig. 442. Le mot cité est écrit selon l'orthographe étrangère »*scryńia*«.

¹⁷³ *F. Kos* : Slovenska kmetska skrinja (Le coffre des paysans slovènes), dans *Etnolog*, Ljubljana, t. XIV. (1942), p. 55 : Région de Prekmurje.

Slovenski Etnograf, t. I, (1948), tabl. 112.

¹⁷⁴ *V. Seemayer* : Szemes termények eltartása a Mura mentén (La conservations des céréales sur les rives de la Mur), dans *Ért.*, 1934, p. 33, fig. 9.

¹⁷⁵ *L. Kardos* : Az Órség népi táplálkozása (L'alimentation des habitantes de l'Órség, région N.-O. du comitat de Vas), Budapest, 1943, p. 195.

¹⁷⁶ *A. Pável* : Nyílttűzhelyű konyhák a hazai szlovéneknél (Cuisines au foyer découvert chez les Slovènes de Hongrie), dans *Ért.*, t. XIX. (1927), p. 139. Rábatótfalu, Szakonyfalu, Apátistvánfalva, Örfalu, Újbalázsfalva, Permise, Ritkaháza, Alsószülök, Felsőszülök. Cf. encore :

A. Pável : Odprta ognjišča v kuhinjah rabskih Slovencev (Cuisines au foyer découvert chez les Slovènes de la région de la Rabe), dans *Etnolog.*, 1931, p. 143.

¹⁷⁷ *Kotarški* : Lohor. Zbornik narodni život i običaje južnih Slavena (Lohor. Revue consacrée à la vie populaire et aux coutumes des Slaves du Sud., Zagreb, dens 1915, p. 71, fig. 7—9.

¹⁷⁸ *B. Gunda* : A lakóház kialakulása az Ormánságban (Histoire de l'habitation dans l'Ormánság, région S.-O. du comitat de Baranya), dans *Ethn.*, t. XLVII, (1937), p. 207. Dans cet ouvrage le mot cité est écrit selon l'orthographe hongroise »*skrinja*«.

¹⁷⁹ *Weslowski* : op. cit. p. 57. Dans la Bukovine.

¹⁸⁰ *S. Gönyei* : op. cit. fig. 5. Mosóbánya (dép. de Sălaj). L'inscription est »*scrica*« (cf. roumain littéraire *scrinu*).

- ¹⁸¹ P. Scheuermeier : Bauerwerk in Italien und in der italienischen und rätoromanischen Schweiz (Créations paysannes en Italie et en la Suisse italienne et rhétique), Zurich, 1943, p. 143, fig. 319—320, repr. phot. no 250. En Lombardie (Prov. Milano, Varese, Como, Sondrio, Bergamo, Brescia, Pavia, Cremona, Mantova).
- ¹⁸² Ibid., p. 143. C'est le secteur de langue Rhétique du Grison.
- ¹⁸³ A. Sonder : Das Ländliche Leben der Unterengadiner Gemeinde Tschlin (Schleins) im Spiegel seiner Sprache (La vie de campagne de la commune de Tschlin (Schleins) en Bas Engadin, reflétée par son langage), dans Schw. Arch. f. Volksk., 1942/44, p. 227, fig. 68.
- ¹⁸⁴ H. Havard : op. cit. t. II, p. 291. La formule : «à gorge ou autrement», nous apprend qu'au moment du renouvellement du privilège c'est-à-dire en 1521, la technique de la charpenterie n'était plus la seule employée pour la fabrication des coffres.
- ¹⁸⁵ Ibid., t. II, p. 291.
Cf. M. Viollet-le-Duc : op. cit. t. I, p. 370.
- ¹⁸⁶ F. Miklosich : op. cit. p. 850.
- ¹⁸⁷ И. Срезневский : op. cit. t. III, p. 291.
- ¹⁸⁸ Fr. Kott : Česko-nemecký slovník (Dictionnaire tchèque-allemand), Praha, 1882, t. III, p. 386.
V. Flajšhans : Klaret a jeho družina (Klaret et ses adeptes), Praha, 1928, t. II, p. 471.
- ¹⁸⁹ M. Heyne : Deutsche Hausaltertümer (Anciens foyers allemands) Leipzig, 1899, t. I, p. 115.
- ¹⁹⁰ Ibid., p. 174, 259, 373.
- ¹⁹¹ Ibid., p. 115.
Funk—Wagnalls : New Standard Dictionary of the English Language (Nouveau dictionnaire général de la langue anglaise), New-York—London, 1913, p. 2265.
- ¹⁹² J. Grimm—W. Grimm : Deutsches Wörterbuch (Dictionnaire de la langue allemand), Leipzig, 1894.
- ^{192a} T. Lund : Das tagliche Leben in Skandinavien während des sechzehnten Jahrhunderts (La vie quotidienne en Scandinavie au XIVe siècle), Kopenhagen, 1882, p. 182.
- ¹⁹³ Tiktin : op. cit. t. III, p. 1422. Cf. encore :
L. Gáldi : op. cit. p. 97.
- ¹⁹⁴ Havard : op. cit. t. I, fig. 613, 614, 946, 947, 948.
Monographie du Musée de Cluny, Paris, s. d. t. I, fig. 137.,
S. Ambrosiani : op. cit. fig. 7.
Lambert—Stahl : Das Möbel (Le Meuble), Stuttgart, s. d. pl. 10.
Illustrierte Geschichte des Kunstgewerbes (Histoire Illustrée des Arts Décoratifs), Berlin, 1908, pl. 304.
H. Schmitz : op. cit. pl. 40.
Feulner : op. cit. fig. 33.
- ¹⁹⁵ Lavagnino : Storia dell'arte medioevale italiana (Histoire de l'art médiéval italien), Torino, 1936, fig. 502.
- ¹⁹⁶ Feulner : op. cit. fig. 18—20. Ill. Gesch. d. Kunstgew., fig. 206, 316.
- ¹⁹⁷ R. F. Percy Macquoid : A history of english Furniture (Histoire du mobilier anglais.) London, 1904, fig. 6—7.
J. Gloag : British Furniture Makers (Fabricants de meubles anglais), London, 1945, p. 11.
- ¹⁹⁸ Feulner : op. cit. fig. 23—25.
Ill. Gesch. d. Kunstgew. p. 353, pl. 304.
H. Schmitz : op. cit. p. 31, 38, 39.
- ¹⁹⁹ Ibid., p. 39.
S. Ambrosiani : op. cit. fig. 10—11.
- ²⁰⁰ C. Enlart : L'art gothique en France, Paris 1925, t. I, pl. 54 ; t. II, pl. VII/V.
M. Viollet-le-Duc : op. cit. p. 25.
- ²⁰¹ D. Hartley—M. Elliot : Life and work of the people of England. The fourteenth century (Vie et œuvres du peuple d'Angleterre. Le XVIe siècle.) London, 1928, pl. 6/a, 31/c, 46/c.
The fifteenth century (Le XVe siècle), London, 1925, pl. 34/c.
Ciba Rundschau. 38.
- ²⁰² Niederländische Malerei im XV und XVI Jahrhundert (La peinture hollandaise au XVe et XVIe siècles), Amsterdam—Leipzig, 1941, fig. 25.

- ²⁰³ *A. Schultz* : Deutsches Leben im XIV. und XV. Jahrhundert (La vie en Allemagne aux XIVe et XVe siècles), Prag—Wien—Leipzig, 1892, p. 618.
- ²⁰⁴ *Linde* : op. cit. p. 302—303.
- ²⁰⁵ *Iveković — Broz* : Rječnik hrvatskago jezika (Dictionnaire de la langue croate), U Zagrebu, t. II, p. 416.
- ²⁰⁶ *Ibid.*, p. 533.
- ²⁰⁷ *C. Plinius Secundus* : Naturalis Historia, Leipzig, 1878, t. XVI, p. 84.
- ²⁰⁸ Cette distinction, signalé aussi par *Rich*, ferait supposer que le «*scrinium*» fût une «capsa» munie de plusieurs petit compartiments (quasi *secernium*). Cf. *A. Rich* : (trad. de C. Müller) : Illustriertes Wörterbuch der Römischen Alterthümer (Dictionnaire Illustré des Antiquités Romaines), Paris—Leipzig, 1862, p. 553.
- ²⁰⁹ *P. Ovidius Naso* : Tristia, Ibis, Ex ponto libri, Fasti, Halieutica. Lipsiae, 1872, t. I, p. 105—108.
- ^{209a} *L. Kardos* : op. cit. p. 14, 226.
- ²¹⁰ *Forcellini* : Totius latinitatis lexicon, Prato, 1871, t. IV, p. 389.
- ²¹¹ *Saglio—Pottier* : Dictionnaire des Antiquités Romaines, t. IV, p. 1124.
- ²¹² *D. du Cange* : Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis, Niort, 1886, VII. p. 368.
- ²¹³ *Ibid.*, p. 368.
- ²¹⁴ *Ibid.*, p. 368.
- ²¹⁵ Voir les pages précédentes.
- ²¹⁶ La plupart de ces images présentent Noé debout dans un coffre, les bras ouverts. Cf. *Sybel* : Christliche Antike (Les antiquités chrétiennes), Marburg, 1906, t. I, p. 213—215.
- ²¹⁷ *J. Wilpert* : Die Malereien de Karakomben Roms (Les peintures des catacombes à Rome), Freiburg im Breisgau, 1903. Les plus caractéristiques sont : fig. 98, 212, 227.
- ²¹⁸ *R. Engelmann* : Danae und Vewandtes (Danaé et récits analogues), fig. 80—81.
- ²¹⁹ *Forcellini* : op. cit. t. IV, p. 389.
- ²²⁰ *L. Scheurleer* : op. cit. t. IV, fig. D. (b.) 6.
- ²²¹ *P. Ducati* : Storia dell arte etrusca (Histoire de l'art étrusque), Firenze, 1927, p. 36, 83
Koepfen—Breuil : op. cit. fig. 229.
- ²²² *Darenberg—Saglio* : Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, 1909 t. I, fig. 457. *K. Pfister* : Die Etrusker (Les Étrusques), München, 1940, p. 89.
- ²²³ Si la signification du mot «*scrinium*» avait été autre — disons «túi cylindrique» — nous devrions forcément la retrouver soit actuellement, soit au cours de l'histoire, chez un peuple européen quelconque.
- ²²⁴ *Bossert* : Geschichte des Kunstgewerbes (Histoire des arts décoratifs), Berlin, 1928, fig. 271/1.
- ²²⁵ *S. Reinach* : Répertoire de peintures grecques et romains, fig. 1.
- ²²⁶ *P. Ducati* : op. cit. p. 36. Cf.
Pfister : op. cit. p. 6.
- ²²⁷ *Bossert* : op. cit. t. I, fig. 271/3a.
- ²²⁸ *Encyclopédie photographique de l'art*, Paris (Éd. Tell), 1936, t. II, fig. 125/B.
Sukenik : Tarbic, Jérusalem, 1930, t. I.
Sukenik : Krauss-Festschrift.
- Ces derniers documents nous ont été procurés et traduits par les soins de M. S. Scheiber.
- ²²⁹ *K. Pfister* : op. cit. p. 40.
- ^{229a} *Ibid.*
- ²³⁰ *Watzinger* : op. cit. p. 2. Ces pieds coupés déposés près du cercueil sont le mieux visibles sur la fig. 5, reproduite pendant les fouilles.
- ²³¹ *Watzinger* : op. cit. p. 25—26.
- ²³² Observé une seule fois sur un cercueil provenant des kourganes de Juz-Obá, près de Kertch.
- ²³³ *Watzinger* : p. 42—44, fig. 78—79.
- ²³⁴ Cette donnée est due aux recherches effectués par Mlle E. Fél à *Martos*, en Slovaquie (Dép. de Komarno).

- J. Jankó : Adatok a Bács-Bodrog megyei sokaczkok néprajzához. Contributions à l'étude ethnographique des Chokats du Comitat de Bács-Bodrog), Budapest, 1896, p. 51. Aussi les recherches de l'auteur, effectués a Tiszaigar.
- ²³⁵ cf. les recherches de l'auteur, dans 27 villages.
- ²³⁶ V. Seemayer : op. cit. dans *Ért.*, 1934, fig. 9. Gige (comitat de Somogy).
- ²³⁷ Musée de Keszthely.
- ²³⁸ voir. les neuf villages énumérés dans la note 176.
- ²³⁹ M. Gavazzi : op. cit. fig. 20.
O. Falke : op. cit. fig. 100—101. R. Uebe : op. cit., fig. 44.
S. Ambrosiani : op. cit. fig. 13, 16, etc.,
- ²⁴¹ T. Seweryn : op. cit. fig. 1.
- ²⁴² Tzigara—Samurcaş : L'art du peuple Roumain, Genève, 1925, p. 37. Dép. de Târnava Mare. Des pièces d'une origine analogue figurent dans plusieurs collections de Hongrie et d'autres pays européens. Le Musée d'Ethnographie de Budapest en possède six exemplaires.
- ²⁴³ I. Manninen : op. cit. fig. 49—50.
A. Bielenstein : Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten (Constructions et instruments de bois en Lettonie), Petrograd, 1918, t. II, p. 242.
- ²⁴⁴ O. Falke : op. cit. p. 234.
- ²⁴⁵ Pauly—Wissowa : Real-Encyclopädie der classisches Altertumwissenschaft (Encyclopédie de l'Antiquité classique), Stuttgart, 1920, p. 2530. Article de Hamburg : L'Iliade d'Homère, XXIV. 795 ; Thucydide, II. 35.
- ²⁴⁶ Darenberg—Saglio : op. cit. Paris, 1911, t. IV, p. 1066. Article de E. Cahen.
- ²⁴⁷ Koepfen—Breuer : op. cit. fig. 198, représentant un cratère de Caere.
Blecker Luce : op. cit. fig. 17/2. Darenberg—Saglio : op. cit. fig. 453. R. Engelmann : op. cit. p. 74—76, 80—81.
- ²⁴⁸ Communication de S. Scheiber,
- ²⁴⁹ Thesaurus Linguae Latinae, Lipsia, 1901, t. II, p. 433. Article de Klotz.
- ²⁵⁰ Blümmer : Die romische Privataltertümer (La vie privée des Romains), München 1911, p. 502.
- ²⁵¹ K. Cs. Sebestyén : A magyarság ládái (Les coffres en Hongrie), dans M. Ny., t. XXIII, (1927), p. 202.
- ²⁵² M. Viollet-le-Duc : op. cit. p. 25.
Havard : op. cit. t. II, p. 1238.
- ²⁵³ M. Quennel : A history of everyday things in England (Histoire de la vie quotidienne en Angleterre), London, 1948, t. I, tabl. 26.
- ²⁵⁴ Havard : op. cit. t. II, p. 290.
- ²⁵⁵ Du Cange : op. cit. t. VII, p. 368.
- ²⁵⁶ Littré : op. cit. t. I, p. 1295.
- ²⁵⁷ Grimm : op. cit. t. IX, p. 1726.
- ²⁵⁸ Ibid. t. IX. p. 1726.
- ^{258a} H. Gering : Islendzk æventyri. (Contes et aventures d'Islande.) Halle 1882, I. p. 69.
- ^{258b} Ibid. p. 55.
- ²⁵⁹ Grimm : op. cit. t. IX. p. 1726.
Kluge : Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache (Dictionnaire étymologique de la langue allemande), Strassburg, 1905.
- ²⁶⁰ L. Ráskai : Szent Margit élete (Vie de sainte Marguerite), dans Nyelvméltár, Recueil des monuments de la langue hongroise, Budapest, t. VIII, (1879), p. 35—37 (p. orig. 102, 103, 107.)
- ^{260a} Ms. Érdy : 169 : 25—31.
- ^{260b} Ibid. 169 : 39—41.
- ^{260c} Ibid. 170 : 14—15.
- ²⁶¹ Ms de Nagyszombat, dans Nyelvméltár, Budapest, t. III,
- ²⁶² Miklosich : op. cit. p. 850.
- ²⁶³ Du Cange : op. cit. t. VII, p. 368.

- ²⁶⁴ Ibid., t. XII, p. 368.
- ²⁶⁵ Ibid., t. VII, p. 368.
- ²⁶⁶ *Godefroy* : Dictionnaire de l'ancienne langue française, Paris, 1938, t. III, p. 441.
- ²⁶⁷ *Du Cange* : op. cit. t. VII, p. 368.
- ²⁶⁸ *Havard* : op. cit. t. II, p. 292.
- ²⁶⁹ Ibid., t. II, p. 192.
- ²⁷⁰ *Grimm* : op. cit. t. IX, p. 1725.
- ²⁷¹ *Bossert* : op. cit. t. V, p. 313. pl. XIII.
- ²⁷² Ill. Gesch. d. Kunstgew., p. 180.
- Bossert* : op. cit. t. V, p. 200, 218, 266, 278, 337, tabl. XV. *Braun* : Die Reliquiare (Le reliquaire), fig. 80, 84, 86, 88.
- ²⁷³ Magyar Tájszótár (Dictionnaire des dialectes hongrois) édité en 1838. (cf. la note 165.) 311, 330.
- ²⁷⁴ *Zs. Bátky* : Tárgynévmagyarázati adalékok (Contributions à l'étude des noms d'objets) dans *Ethn.*, 1938, p. 209.
- ²⁷⁵ *K. Szily* : A magyar nyelvújítás szótára (Dictionnaire des néologismes du hongrois) Budapest, 1908, p. 268.
- ²⁷⁶ *A. Ödöngö* : Nyelvtörténeti adatok (Données à servir à l'histoire la langue hongroise dans *M. Ny.*, t. VI, (1910), p. 133.
- ²⁷⁷ *Fr. Kott* : op. cit. t. VII, p. 693.
- ²⁷⁸ Cité par *Grimm* : op. cit. t. IX, p. 1726.
- ²⁷⁹ *Tiktin* : op. cit. t. III, p. 1422.
- ²⁸⁰ *T. Pamfile* : Industria casnică română (L'industrie domestique roumaine), București, 1910, p. 157, fig. 236.
- ²⁸¹ *Weslowski* : op. cit. p. 57. *L. Galdi* : op. cit., p. 97.
- Tiktin* : op. cit. t. III, p. 1422.
- ²⁸³ *Grimm* : op. cit. t. IX, p. 1726.
- ²⁸⁴ Ibid., t. IX, p. 1726.
- ²⁸⁵ *Koepfen—Breuer* : op. cit. p. 79—80, 114.
- ²⁸⁶ *Darenberg—Saglio* : op. cit. t. I, fig. 456.
- ²⁸⁷ *Koepfen—Breuer* : op. cit. fig. 206
Scheurleer : op. cit. pl. IV, D. (b.) 6.
- ²⁸⁸ *S. Reinach* : op. cit. Milin II, 25.
- ²⁸⁹ *Koepfen—Breuer* : op. cit. fig. 205.
Scheurleer : op. cit. pl. IV, D. (b.) 6.
- ²⁹⁰ *S. Reinach* : op. cit. Milin, II, 33.
Scheurleer : op. cit. pl. IV, D. (b.) 6.
- Академия архитектуры СССР : Всеобщая история архитектуры. (Histoire générale de l'architecture), Москва, 1949, t. II, fig. 189.
- ²⁹¹ *S. Reinach* : op. cit. Milin II, 43.
Ак. Арх. СССР. op. cit. fig. 189.
- ²⁹² Notizie degli scavi di Antichità. 1909, p. 384.
- ^{292a} *W. Reiche—A. Wilhelm* : Das Heiligtum der Artemis zu Lusoi (Le sanctuaire d'Artémis à Lusoi), dans *Jahreshefte des österreichischen Archäologischen Institutes*, t. IV, (1901), p. 84, fig. 158.
- ^{292b} Ibid. fig. 157.
- ²⁹³ *K. Pfister* : op. cit. p. 89.
Darenberg—Saglio : op. cit. t. I, fig. 457.
- ²⁹⁴ *A. Forcellini* : op. cit. p. 389.
- ²⁹⁵ *Burckhardt* : Die Zeit Constantins des Grossen. Wien, s. d. fig. 12.
- ²⁹⁶ Ibid., p. 100—120.
Bossert : op. cit. t. V, p. 90—91.
- ²⁹⁷ *Forcellini* : op. cit. p. 390.
- ²⁹⁸ *Blümner* : op. cit. p. 132.

- ²⁹⁹ *M. Heyne* : op. cit. t. I, p. 174.
- ³⁰⁰ *Havard* : op. cit. p. 373.
- ³⁰¹ *Heyne* : op. cit. p. 373.
- ³⁰² *R. F. Kaindl* : op. cit. p. 139.
- ^{302a} *P. Benyeczky* : Magyar rithmusok avagy versek. (Rythmes ou vers hongrois) Colosvarot 1670.
- ³⁰³ *P. Kis Viczay* : Selectiora Adagia latino-hungarica, Bártfa, 1713, p. 407.
- ³⁰⁴ *G. Mészöly* : Az Őrség száz évvel ezelőtt. (Eörséghnek Leirása . . . Nemes Népi Zaká György kéziratából.) — (L'Őrség il y a cent ans. Description de l'Eörség . . . tirée du manuscrit de Gy. Nemes Népi Zakál), dans *Ért.*, Budapest, 1917, p. 109.
- ³⁰⁵ *M. Hölbing* : op. cit. p. 68.
- ³⁰⁶ *Ibid.*, p. 67. Le mot »láda« est mis entre parenthèses dans le texte original.
- ³⁰⁷ *Ivekovič—Broz* : op. cit. p. 416.
- ³⁰⁸ *Ibid.* p. 416.
- V. C. Karačić* : Српски речник (Dictionnaire de la langue serbe), У Београду. 1898, p. 710.
- ³⁰⁹ A Tiszaigar, que nous avons pu examiner de plus près, ce coffre orné de fleur paraît pour la première fois vers 1830—1840, chez les paysans riches, mais vers 1850 il est déjà partout un accessoire indispensable dans la dot des filles à marier. Il parvient à évincer son ancien rival le »szekrény«.
- ³¹⁰ Pour la dernière fois, c'était en 1928 que les fiancées recevaient des coffres de charpenterie à Bodony (comitat de Heves), d'après les recherches de l'auteur.
- ³¹¹ *S. Pintér* : A palóc születése, házassága és halálózása (Naissance, mariage et décès chez les Palotz), dans *Ethn.*, t. II, (1891), p. 104.
- ³¹² *J. Nagy* : A csökölyi nyelvjárás (Le dialecte de Csököly), Budapest, 1910, p. 22.
- ³¹³ *H. Stegman* : op. cit. p. 85.
- ³¹⁴ F. No 56.988 et F. No. 57.002, tous deux provenant de Lakócsa (comitat de Somogy)]
- ³¹⁵ *F. Kovács* : op. cit. p. 15.
- Heyne* : op. cit. p. 174.
- Grimm* : op. cit. t. IX, p. 1727.
- ³¹⁷ *Havard* : op. cit. t. II, p. 290.
- Grimm* : op. cit. IX, p. 1727.
- ³¹⁸ *D. Hartley—M. Elliot* : op. cit. The fifteenth c.
- ³¹⁹ *Okl. Sz.*, p. 904. Kapuvára et ses environs (comitat de Sopron).
- ³²⁰ *Radvánszki* : op. cit. t. II, p. 62.
- ³²¹ *Ibid.*, p. 590.
- ³²² *Okl. Sz.*, p. 1170.
- ³²³ *J. Melich* : Calepinus . . . p. 35 (p. orig. 165.).
- ³²⁴ *Radvánszki* : op. cit. t. II, p. 12.
- ³²⁵ D'après les recherches sur terrain par l'auteur.
- ³²⁶ *F. Gönczi* : Göcsej. — Kaposvár, 1914, p. 633.
- ³²⁷ *Havard* : op. cit. t. II, p. 290.
- ³²⁸ *Radvánszki* : op. cit. t. II, (Comitat de Sopron).
- ³²⁹ *Heyne* : op. cit. t. I, p. 115.
- ³³⁰ *Du Cange* : op. cit. t. VII, p. 367.
- ³³¹ *Havard* : op. cit. t. II, p. 291.
- ³³² *Grimm* : op. cit. t. IX, p. 1727.
- ³³³ *Ibid.*
- ³³⁴ *Du Cange* : op. cit.
- ³³⁵ *Grimm* : op. cit. t. IX, p. 1727.
- ³³⁶ *Ibid.*
- ³³⁷ *Havard* : op. cit. t. II, p. 191.
- ³³⁸ *Du Cange* : op. cit. t. III, p. 305.
- ³³⁹ *Ny. Sz.*, t. III, p. 136.

³⁴⁰ H. Schmitz : op. cit. P. Macquoid : op. cit.

³⁴¹ D. Hartley—M. Elliot : The fourteenth c., tabl. 6/a, 31/c. Ciba Rundschau.

³⁴² O. Szabó : A magyar oroszokról (Les Ukrainiens subcarpathiques), Budapest, s. d., p. 131.

R. F. Kaindl : op. cit. p. 219.

В. Шухевич : op. cit. t. I, p. 98.

Schier : op. cit. p. 353—354.

Ch. Holme : op. cit. p. 25, 29.

D. Zelenin : op. cit. p. 279.

R. Reinfuss : Uwagi na marginesie pracy J. Kulczyckiego pt. «Praformy mebli na obszarze Europy (Notes en marge de l'étude de J. Kulczycki, intitulée : « Les formes primitive des meubles européens, ») dans Archeologia, t. II, (1948) tabl. II, fig. 17.

³⁴³ Weslowski : op. cit. 61—62.

³⁴⁴ Havard : op. cit. t. III, p. 715.

NOTES SUR LES CARTES :

- coffre de charpenterie connu sous le nom de *szekrény*, avant 1800.
- coffre de charpenterie connu sous le nom de *szekrény*, après 1800.
- coffre de charpenterie connu sous le nom de *szuszek*, avant 1800.
- coffre de charpenterie connu sous le nom de *szuszek*, après 1800.
- △ coffre de charpenterie connu sous le nom de *hombár*, avant 1800.
- ▲ coffre de charpenterie connu sous le nom de *hombár*, après 1800.
- + coffre de charpenterie connu sous le nom de *láda*, après 1800.
- × coffre de charpenterie connu sous le nom de *kócsag*, après 1800.

Les signes encadrés indiquent le lieu de la fabrication, par ex. ⊕ indique le lieu de fabrication du coffre de charpenterie connu sous le nom *szekrény*.

NB. — On a fait figurer seulement les lieux dont il parut tout à fait probable que les noms en question y étaient réellement réservés au coffre de charpenterie. On ne pouvait donc pas tenir compte de certaines données d'après lesquelles le mot *szuszek* signifiait «silok» ou «un endroit clos réservé pour le blé», et de certaines autres d'après lesquelles le mot de *szekrény* aurait désigné l'armoire de nos jours. De même, toutes les représentations d'objets appelés *szuszek* ont dû être laissées de côté, sauf le cas où il paraissait certain que c'était bien le nom réservé à cet objet. La raison en est que la plupart des ethnographes hongrois emploient indifféremment le mot de *szuszek* pour désigner tous les coffres de charpenterie, sans se préoccuper de savoir, si ce nom est connu ou non dans la région d'où vient l'objet.

1. *Szilsárkány*. MTSz, t. II, p. 515 : *szökrön*.

2. *Kapuvár*. OklSz. p. 590, 970 : (de 1587) *Zökren*.

3. *Sopronkeresztúr*. OklSz. p. 904 : (de 1597) *szwkrenj*, *szeokrenj*, *szeökrej*.

4. *Iván*. B. Radvánszky : op. cit. t. II, p. 346 : (1667) *szekrény*.

5. *Région de l'Órség*. L. Kardos : op. cit. p. 14, 196, 226 : *szekrény*. Chez les Sloènes de l'Órség : *škriña*.

6. *Rábagyarmat*. J. Musits : *Rábagyarmati szótár* (Vocabulaire de Rábagyarmat), dans *Dunántúli Szemle*, t. IX (1942), p. 151 : *szekrin*.

7. *Rábatótfalu*. — Á. Pável : *Nyilttűzhelyü... p. 139, Odprta... p. 143* : *škriña*.

8. *Szakonyfalu*. — Ibid. : *škriña*.

9. *Ritkaháza*. — Ibid. : *škriña*.

10. *Alsószölnök*. — Ibid. : *škriña*.

11. *Felsőszölnök*. — Ibid. : *škriña*.

12. *Ujhalászfalu*. — Ibid. : *škriña*.

13. *Permise*. — Ibid. : *škriña*.

14. *Apátistvánfalva*. — Ibid. : *škriña*.

15. *Órfalu*. — Ibid. : *škriña*.

Göcsej et les environs de Hetés. — F. Gönczi : *Göcsej s kapcsolatosan Hetés vidékének összevontabb ismertetése*. (Description sommaire de Göcsej et des environs de Hetés). Kaposvár, 1914, p. 434, 445, 627, 632, 633 : *szökrön*.

16. *Paisszeg*. — D. Malonyai : op. cit. t. IV, p. 320 : *szökrény*.

17. *Egregy*. — B. Radvánszky : op. cit. t. II, p. 72 : (de 1588) *zekreni*, *zekren*.

17. *Szentgál*. — Communication de M. L. Lőrincze (XVIIIe—XIXe s.) : *szekrény*.

18. *Csököly*. — J. Nagy : A csökölyi nyelvjárás (Le patois de Csököly), Budapest, 1910, p. 22. : *szökrény*.

19. *Szena*. — N. M. N^{os} d' inv. : 131. 386, 131. 423 : *szökröny*.

F. 57,076 : *szökröny*.

A. Nyiri : A zselicségi Szena és vidéke magyar nyelvjárása (Dialecte hongrois de Szena en Zselicség et de ses environs), Kaposvár, 1939, p. 167 : *szökrény*, *szökrén*. »Zselicség« est le nom de la région s'étendant au Sud de Kaposvár, dans le comitat de Somogy.

20. *Lakócsa*. — F. 56. 988 et 57. 002. Travaux sur terrain par Mlle. M. Kresz, 1950.

21. *Markóc*. — G. Lükő : Vezető a debreceni Déri György ezredes Néprajzi Múzeumban (Guide du Musée Ethnographique »Colonel Déri György« à Debrecen), Debrecen, 1941, p. 37. : *szökröny*.

21a *Gige*. — V. Seemayer : op. cit., p. 33, 35 : *szökröny*. (Dans toute la Zselicség. Pour l'explication de ce nom, of. no 19.)

22. *Kisvaszar*. — Travaux de Mlle. I. Kilár, de 1948 : *szökrény*.

22a *Alsómocsolád*. — Travaux de Mlle. I. Kilár, de 1948 : *szökrény*.

23. *Cserdi*. — Travaux de l'auteur (1947) : *szökröny*.

24. *Nagyváty*. — Ibid. : *szökröny*.

25. *Kispeterd*. — Ibid. : *szökröny*.

26. *Nagypeterd*. — Ibid. : *szökröny*.

27. *Kacsóta*. — Ibid. : *szökröny*.

28. *Szentlőrinc*. — Ö. Paulay : Tájszók (Mots de patois), dans Nyr. t. XVII (1888), p. 380 : *szökröny*. Cf. MTsz. t. II. p. 515.

Travaux de l'auteur, de 1947 : *szökröny*.

29. *Rózsafa*. — Travaux de l'auteur, de 1947 : *szökröny*.

30. *Szabadszentkirály*. — Ibid. : *szökröny*.

31. *Magyarszentiván*. — Ibid. : *szökröny*.

32. *Bánfa*. — Ibid. : *szökröny*.

33. *Sumony*. — Ibid. : *szökröny*.

34. *Ranódfa*. — Ibid. : *szökröny*.

35. *Magyarmecske*. — Ibid. : *szökröny*.

36. *Okorág*. — Ibid. : *szökröny*.

37. *Marócsa*. — Ibid. : *szökröny*.

38. *Kákics*. — G. Kiss : Ormánság, Budapest, 1937, p. 36, 37 : *szökröny*. Cf. encore : G. Kiss : Az ormánsági nyelvjárásból (Du dialecte de l'Ormánság), dans Szegedi Füzetek, t. I (1934), p. 296. (C'est surtout à Kákics que G. Kiss avait effectué ses travaux, mais ses observations sont vallables pourtant pour la région entière. D'autres documents sur la même région : I. Horváth : Pécs szab. kir. város Majorossy Imre Múzeumának 1940. évvégi állapota. Néprajzi Gyűjtemény (Inventaire du Musée »Majorossy Imre« de la Ville de Pécs, fin de l'année 1940. Collection Ethnographique), Pécs szab. kir. város Majorossy Imre Múzeumának 1939—40. évi Értesítője, p. 94 : *szökrény*.

39. *Csányoszló*. M. N., N^{os} d' inv. 74,996 et 74,997 : *szökröny*.

Travaux de l'auteur, en 1947 : *szökröny*.

40. *Nagycsány*. Ibid. : *szökröny*.

41. *Bogdása*. Ibid. : *szökröny*.

42. *Sellye*. Ibid. : *szökröny*.

43. *Drávaiványi*. Ibid. : *szökröny*.

44. *Drávasztára*. — B. Gunda : op. cit., (voir la Note N° 178.), p. 207 : *szökröny*, *škrinja*. Ces mots sont employés par la population de l'Ormánság et par celle des communes croates situées au Sud.

45. *Zaláta*. — Travaux de l'auteur, 1947 : *szökröny*.

46. *Sósvetike*. — Ibid. : *szökröny*.

47. *Kemse*. — Ibid. : *szökröny*.

48. *Bogármindszent*. — Ibid. : *szökröny*.

48a *Baranyaózd*. — S. Somsich : Nyelvsajátságok Baranya—Ózd vidékéről (Idiotismes de la région de Baranya—Ózd), dans Nyr. t. XXVII (1898), p. 286 : *szökröny*.

49. *Besence*. — Travaux de l'auteur, (1947) : *szökröny*.

50. *Vajszló*. — M. N. N^{os} d' inv. : 109,003, 140,477, 140,478 et 140,479 : *szökröny*.

Travaux de l'auteur, de 1947 : *szökröny*.

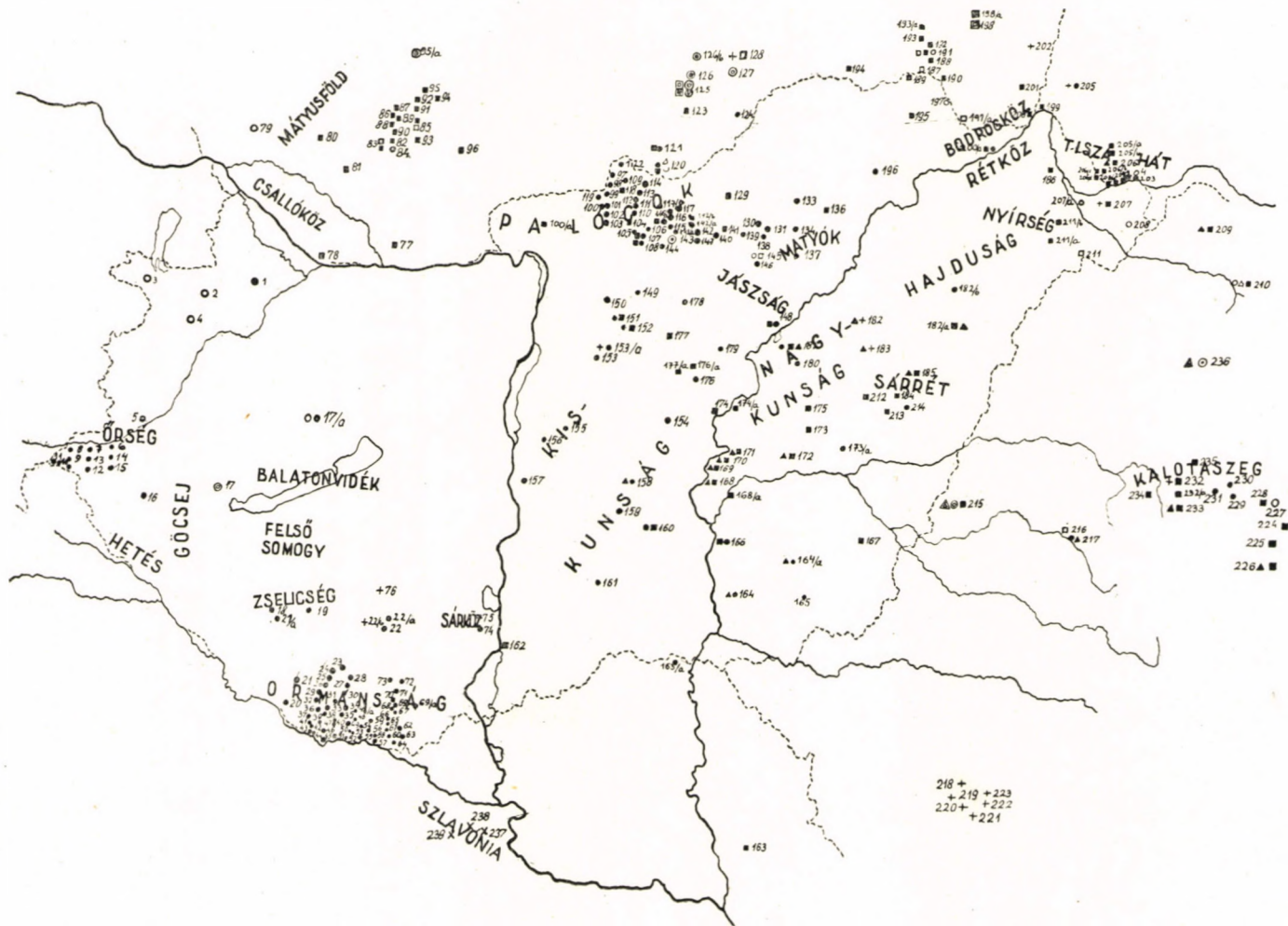
51. *Piskó*. — Ibid. : *szökröny*.

52. *Vejtü*. — Ibid. : *szökröny*.

53. *Baranyahídvég*. — Ibid. : *szökröny*.

54. *Sámod*. — Ibid. : *szökröny*.

55. *Czun*. — Ibid. : *szökröny*.

56. *Adorjás*. — Ibid. : *szökröny*.
57. *Kémes*. — M. N. N^{os} d' inv. : 140.498 : *szökröny*.
Travaux de l'auteur, de (1947) : *szökröny*.
58. *Dráwapiski*. — Ibid. : *szökröny*.
59. *Körös*. — Ibid. : *szökröny*.
60. *Szaporca*. — Ibid. : *szökröny*.
61. *Drávacsepely*. — M. N. N^{os} d' inv. : 140407 : *szökröny*.
Travaux de l'auteur, de (1947) : *szökröny*.
62. *Drávaszerdahely*. — Ibid. : *szökröny*.
63. *Kovácsbuda*. — Ibid. : *szökröny*.
64. *Drávaszabolcs*. — Ibid. : *szökröny*.
65. *Ipacsfa*. — Ibid. : *szökröny*.
66. *Harkány*. — Ibid. : *szökröny*.
67. *Márfa*. — Ibid. : *szökröny*.
68. *Rádfalva*. — Ibid. : *szökröny*.
69. *Terehegy*. — M. N. N^o d' inv. 140.500 : *szökröny*.
Travaux de l'auteur (1947) : *szökröny*.
- 69a *Nagytótalu*. — J. Berze Nagy: *Baranyai magyar néphagyományok (Traditions populaires hongroises de Baranya)*, Pécs, 1940, t. III, p. 33 : *szökröny*.
70. *Dióviszló*. — I. Lukácsy: *Ormánság népe (Le peuple de l'Ormánság)*, Pécs, s. d., p. 19 : *szökröny*.
Travaux — de l'auteur, (1947) : *szökröny*.
71. *Csarnota*. — Travaux de l'auteur, (1947) : *szökröny*.
72. *Turony*. — Ibid. : *szökröny*.
73. *Garé*. — Ibid. : *szökröny*.
74. *Decs*. — D. Malonyai : op. cit. t. IV, p. 275 : *szekrény*.
79. *Bazin*. — S. Takács : op. cit. t. III, p. 231 : (1671) *szekrény*.
- 95a *Kolozsokfalva*. Kitérítések a magyar mezőgazdaság, ipar, művészet és tudomány számára az 1873-i bécsi világkiállításon (Prix décernés à l'Agriculture, à l'Industrie, à l'Art et à la Science hongroises à l'occasion de l'Exposition Internationale de Vienne en 1873), Budapest, 1874 p. 66 : *menyasszonyszekrény*.
Données concernant l'emploi du mot *szekrény* chez les Palotz, sans indications précises :
F. Szeder : *A Palóczok (Les Palotz)*, dans *Tudományos Gyűjtemény*, 1819, p. 39.
E. Fényes : op. cit. t. III, p. 193.
S. Pintér : *A palóc születése, házassága és halálózása (Naissance, mariage et décès chez les Palotz)*, dans *Ethn.*, t. II (1891), p. 104.
K. Pápai : *A palóc faház (La maison de bois palotz)*, dans *Ethn.*, t. IV (1893), p. 20, 29.
S. Borovszky : *Heves vármegye (Le comitat de Heves)*, Budapest, 1909, p. 197.
S. Pintér : *A palóc család otthona (Le logis palotz)*, dans *Ért.*, t. X (1909), p. 203.
Gy. Istvánffy : *A palóczok lakóháza és berendezése (Habitation et intérieur palotz)*, dans *Ért.*, t. XII (1911), p. 13.
97. *Nógrádszakál*. — Travaux de l'auteur (1950) : *szekrény*.
98. *Szécsényhalászi*. — E. Csete : *Falúról-falura, házról-házra (De village en village, de maison en maison...)*, Budapest, 1940, p. 36—37 : *szekrény*.
Cf. encore : F. 58.257. R. 149.
99. *Szécsény*. — MTsz. : *szekrény*.
100. *Varsány*. — Travaux de l'auteur (1950) : *szekrény*.
101. *Rimóc*. — Ibid. : *szekrény*.
102. *Lóc*. — Ibid. : *szekrény*.
103. *Hollókő*. — Ibid. : *szekrény*.
105. *Sámsonháza*. — Ibid. : *szekrény*.
106. *Nagybátony*. — Ibid. : *szekrény*.
107. *Tar*. — D. Malonyai : op. cit. t. V, fig. 519, 521 : *szekrény, szuszék*.
108. *Hasznos*. — D. Malonyai : op. cit. t. V, fig. 522 : *szekrény, szuszék*.
109. Travaux de l'auteur, (1950) : *szekrény*.
110. Travaux de Mlle M. Kresz ; de 1950 : *szekrény*
111. *Karancsság*. — Travaux de l'auteur (1950) : *szekrény*.
112. *Karancsalja*. — Ibid. : *szekrény*.
113. *Lapujtó*. — Ibid. : *szekrény*.
114. *Karancsberény*. — Ibid. : *szekrény*.
115. *Vizslás*. — F.
116. *Kisterenye*. — Travaux de l'auteur (1948) : *szekrény*.
- 116a *Macanka*. — D. Malonyai : op. cit. t. V, fig. 518 : *szekrény, szuszék*.

C'est dans cette commune que nous avons eu l'occasion de contrôler le mieux les données rapportées par D. Malonyai et de constater, à l'encontre de cet auteur, que seuls étaient appelés *szekrény* les coffres de charpenterie de petites dimensions, décorés et ayant primitivement servi de coffres de mariage. Les grands, par contre, — comme nous l'avons mentionné au cours de notre étude — recevaient le nom de *szuszék*. Par chance, nous avons retrouvé, entre autres, le spécimen de coffre de charpenterie publié par Malonyai. Mais les données publiées dans la littérature ou relevées par certains ethnographes ainsi que par l'auteur, au cours de travaux effectués par la suite, concourent elles-mêmes à établir le bien-fondé de cette distinction. Malonyai et ses collaborateurs, ayant probablement confondu les termes en question, ont indiqué, en signe d'incertitude, le mot *szekrény* suivi de *szuszék*, écrivant le dernier soit simplement, soit entre parenthèses. I. Gróh applique à l'objet la dénomination de *szuszék* dans le texte (Malonyai : op. cit. t. V, p. 271—273), inaugurant ainsi l'usage désormais commun à la plupart des ethnographes, d'appliquer indistinctement ce nom unique, à tous les coffres de charpenterie. L'étude générale de K. Viski : *A magyarság néprajza* (Ethnographie du peuple hongrois, constituée à cet égard une heureuse exception. Voir. t. I, p. 230—232.)

117. *Kazár*. — Travaux de S. Gönyey.
 117a *Vizslás*. — Ibid.
 119. *Órhalom*. — Travaux de E. Fél. M. N. N.º d'inv. 135.767 : *szekrény*.
 120. *Ajnácskő*. — S. Takács : op. cit. t. III, p. 231 : (1685) *scrinium* vulgo *hambár*.
 D. Malonyai : op. cit., t. V, planche entre p. 272—273, fig. 7. : *szekrény* (*szuszék*).
 121. *Fülek*. — D. Malonyai : op. cit., t. V, planche entre p. 272—273, fig. 5—6. : *szekrény* (*szuszék*).
 122. *Littke*. — Travaux de l'auteur (1950).
 124. *Mihályfalva*. — J. Juhász : *Mihályfalva monográfiája* (Monographie de Mihályfalva), 1895, Manuscrit, dans E. A., No 285, p. 3 : *szekrény*.
 125. *Kiéte*. — Gömör-Kishont vármegye monográfiája (Monographie du comitat de Gemer-Kishont), Budapest, s. d. p. 58 : *szekrény*.
 126. *Babaluska*. — E. Fényes : *Magyar Országának a hozzákapcsolt tartományoknak. . . .* t. III, p. 137 : *szekrény*.
 126a *Fillér*. — Gömör-Kishont vármegye. . . , p. 48 : *szekrény*.
 127. *Kisrőce*. B. IIa : Gömör megye (Le comitat de Gömör), t. II.
 133. *Kisgyőr*. Travaux de Mlle M. Igaz (1948) : *szekrény*.
 134. *Tard*. Travaux de Mlle A. Gáborján (1948) : *szekrény*.
 137. *Mezőkövesd*. — Gy. Istvánffy : *A matyó nép élete* (La vie des Matyós), Miskolc, 1897, p. 27 : *szekrény*.
 Travaux de O. Hermann (1898), dans E. A. No 182/c, p. 81 : *szekrény*.
 138. *Cserépváralfa*. — Travaux de Mme J. Dajaszászi (1948) : *szekrény*.
 139. *Mikófalva*. — Travaux de Mlle M. Igaz, (1950) : *szekrény*.
 140. *Mátraballa*. — Travaux de l'auteur (1949) : *szekrény*.
 142. *Ivád*. — Travaux de Mme J. Nemeskéry (1948) : *szekrény*.
 142a *Mátramindszent*. — Travaux de l'auteur (1950) : *szekrény*.
 142b *Homokterenne*. — Travaux de l'auteur (1950) : *szekrény*.
 143. *Szuhahuta*. — Ibid. (1948—1951) : *szekrény*, *skriňa*, *skriňka*.
 144. *Mátraszentiván*. — Ibid., (1948) : *szekrény*, *skriňa*.
 145. *Eger*. — N. Szederkényi : *Heves vármegye története* (Histoire du comitat de Heves), Eger, 1890, t. II, p. 227 : (1555) *szekrény*.
 146. *Ostoros*. — D. Malonyai : op. cit. t. V, p. 520 : *szekrény*, *szuszék*.
 Ibid., t. V, planche entre p. 272—273, fig. 8. : *szekrény* (*szuszék*).
 147. *Bodony*. — Travaux de l'auteur (1948) : *szekrény*.
 148. *Poroszló*. — D. Malonyai : op. cit. t. V, pl. entre p. 272—273, fig. 1—8 : *szekrény* (*szuszék*).
 149. *Hatvan*. — Travaux de l'auteur (1948) : *szekrény*.
 150. *Bag*. — Ibid. : *szekrény*.
 151. *Valkó*. — N. Ny. t. II (1930) : *szekrény*.
 152. *Zsámbok*. — Ibid. : *szekrény*.
 153. *Monor*. — E. Borzsák : *A régi tűzhely, ételek, eszközök* (Gomba, Monor, Pest m.) — (Anciens foyers, mets, ustensiles, Gomba, Monor. comitat de Pest), dans Ért., t. XXXIII (1941), p. 216 : *szekrény*.
 Travaux de l'auteur (1948) : *szekrény*.
 153a E. Borzsák : op. cit. p. 216 : *szekrény*.
 155. *Peszéradacs*. — Travaux de O. Hermann, de 1898, dans E. A., No 182/c, p. 59 : *szekrény*. Cf. O. Hermann : *A magyar ősfoglalkozások köréből* (Sur les occupations primitives en Hongrie), Budapest, 1899, p. 21, 22, 25, 33.

156. *Kunszentmiklós*. — O. Hermann : Travaux, en E. A., 182/c., p. 59 : *szekrény*.
 O. Hermann : A magy. ősfogl. kör., p. 18 : *szekrény*.
 157. *Kecskemét*. — M. N. N° d' inv. 132.626 : *szekrény* ou *hombár*.
 158. *Dunavecse*. — A. Bak : N. Ny. t. I (1929), p. 20 : *szökrény*.
 159. *Jakabszállás*. — O. Hermann : A magy. ősfogl. kör. : *szekrény*.
 160. *Kiskunfélegyháza*. — K. Cs. Sebestyén : A magyarság ládája (Les coffres en Hongrie), dans M. Ny., t. XXIII (1927), p. 204 : *tót szekrény*.
 161. *Kiskunhalas*. — L. Madarassy : Nomád pásztorkodás a kecskeméti pusztaságon (Vie de pasteur nomade sur la plaine de Kecskemét), Budapest, 1912, p. 39 : *szökrény*.
 163a *Horgos*. — K. Cs. Sebestyén : op. cit. p. 203 : *szekrény*.
 164. *Hódmezővásárhely*. — Travaux de M. L. Kiss : *szekrény*.
 164a *Orosháza*. — Travaux de l'auteur (1950) : *szökrény*.
 165. *Tótkomlós*. — Ibid. : *skriňa*.
 166. *Szentes*. — G. Csallány : N. Ny., t. I (1929), p. 200 : *szekrény*.
 173a *Eceg*. — O. Hermann : A magy. ősfogl. kör. p. 49 : *szekrény*.
 176. Environs d' Ujszász et région de la Hajduság. Ibid., p. 52 : *szekrény*.
 177. *Jászárokszállás*. — Travaux de B. Csete. R. 2013 ; R. 2014 : *szekrény*.
 179. *Jászkisér*. — Ibid., R. 2012 : *szekrény*.
 180. *Kunmadaras*. — I. Györfly : Magyar falu — magyar ház (Villages et maisons hongrois), Budapest, 1943, fig. 134—135 : *szekrény*.
 181. *Tiszaígar*. — Travaux de l'auteur (1949—1950) : *szekrény*.
 182b *Hajdúhadház*. — O. Hermann : E. A. No 182/a, p. 9 : *szekrény*.
 Ibid., p. 11 : O. Hermann : A magyar pásztorok nyelvkincese (Vocabulaire du pâtre hongrois), Budapest, 1914, p. 205 : *szekrény*.
 191. *Szaláncz*. — Fol. Lat. no 3566 (1643) : *Szekrény, szekren*. Cf. S. Takáts : op. cit. t. III. p. 236.
 196. *Monok*. — Radvánszky : op. cit. t. II, p. 256 (de 1630) : *szekrény*.
 197. *Nagykászér*. — Ibid., p. 134 (1609) : *szekrény*.
 200b *Cigánd*. — Travaux de l'auteur (1951) : *szekrény*.
 205. *Körláthelme*. — Travaux de M. M. Márkus, E. A. No. 403, p. 24 : *szekrény*.
 207a *Panyola*. — B. Radvánszky : op. cit. t. II, p. 324 (1655) *szekrin*.
 208. *Kisszeker*. — Ibid., p. 12 (1554) *szekrin*.
 210. *Szinyérváralja*. — B. Csúry : Szinér vár leltára 1559-ből (Inventaire de 1559 du château de Szinér), dans M. Ny., t. XXV, (1924), p. 151 : *Székryn*.
 214. *Sáp*. — O. Hermann : A magy. ősfogl. kör., p. 68 : *szekrény*.
 215. Plusieurs communes de la sous-préfecture de Nagyszalonta et autres communes du comitat de Bihar. E. Fényes : op. cit. t. IV, p. 55 : *szekrin*.
 217. *Magyarremete*. — M. N. N° d' inv. 95.151 : *hombárszekrény*.
 229. *Mákófalva*. — Gy. Márton : Szekrény, dans M. Ny., t. XL. (1944), p. 312 : *szekren*.
 230. *Nádasdarác*. — Ibid. : *szekrin*.
 231. *Inaktelke*. — Ibid. : *szekrin*.
 236. *Mosóbánya*. — Travaux de S. Gönyei ; de 1942. E. A. No 564, p. 95. F. 90.281 : *skrin* (?)
 Région dite Felső-Somogy (Haut-Somogy) et environs du lac Balaton :
 E. Szemecz : Tájszók (Mots de patois), dans Nyr. t. VIII (1879), p. 525 : *szuszék*. Cf. MTsz. t. II, p. 614.
 Csallóköz (île du Danube). Mtsz. t. II, 614 : *szuszák, szuszék*.
 77. *Für*. — M. Tavassy : Tájszók (Mots de patois), dans Nyr., t. XV, (1886), p. 190 : *szuszák*. Cf. MTsz. t. II, p. 614.
 78. *Csicsó*. — M. N. N° d' inv. 37.267 : *szuszék*.
 80. *Taksony*. — N. J. Alszeghy : Tájszók (Mots de patois), dans Nyr. t. XV, (1886), p. 190 : *szuszák*. Cf. MTsz., t. II, p. 614.
 81. *Vághosszúfalú*. — Gy. Zolnai : Mátyusföld nyelvjárása (Le patois de Mátyusföld) Budapest, 1891, p. 115 : *szuszák*.
 MTsz. t. II, p. 614.
 82. *Gerencsér*. — F. Turzó : A Nyitra-vidéki palóc nyelvjárás (Le dialecte palotz de la région de Nyitra), dans Nyr. t. XXVIII, (1899), p. 497 : *szuszóák*.
 83. *Csitár*. — Radvánszky : op. cit. t. II, p. 260 : (de 1633) *szuszák*.
 F. Turzó : op. cit., p. 497 : *szuszóák*.
 85. *Bodok*. — Ibid. : *szuszóák*.
 86. *Egerszeg*. — Ibid. : *szuszóák*.
 87. *Vicsáp*. — Ibid. : *szuszóák*.

88. *Menyhe*. — Ibid. : *szuszoák*.
 89. *Zsére*. — Ibid. : *szuszoák*.
 90. *Pográny*. — Ibid. : *szuszoák*.
 91. *Kolon*. — Ibid. : *szuszoák*.
 92. *Ghymes*. — Ibid. : *szuszoák*.
 93. *Beéd*. — Ibid. : *szuszoák*.
 94. *Geszthe*. — Ibid. : *szuszoák*.
 95. *Lédec*. — Ibid. : *szuszoák*.
 96. *Léva*. — MTsz. t. II, p. 614 : *szuszák*, p. 613 : *szusza*.
 Région palotz. Magyar Tájszótár (Dictionnaire des dialectes hongrois), 1838, p. 353 : *szuszek*, *szuszek*, Cf. MTsz. t. II, p. 614.
 O. Herman : A magyar pásztorok nyelvkincese, p. 242.
 F. Szeder : A palóczok, dans Tud. Gyűjt., 1819, p. 39 : *szusziék*, *szuszek*.
 Magyarország képekben. Gömörmegye népe (La Hongrie par l'image. Population du comitat de Gemer), Pest, 1867, t. III, p. 138 : *szuszek*.
 J. Hunfalvy : Gömör és Kishont törvényesen egyesült vármegyék leírása (Description des comitats de Gemer et de Kishont réunis en vertu de la loi), Pest, 1867, p. 95 : *szuszek*.
 J. Bartha : A palóc nyelvjárás (Le dialecte palotz), dans Nyr. t. XXII (1893), p. 7, 29 : *szuszek*.
 S. Borovszky : Heves vármegye, p. 197 : *szuszek*.
 S. Pintér : A palócz család otthona, p. 204 : *nasszuszeek*, *kisszuszeek*.
 S. Borovszky : Nógrád vármegye (Le comitat de Nógrád), Budapest, 1911, p. 152 : *szuszek*.
 Gy. Istvánffy : A palóczok lakóháza . . . , p. 13 : *szuszek*.
 100a. L. Tömlő : Tájszók (Mots de patois), dans Nyr., t. XVIII, (1889) : *szuszek*.
 104. *Mátraverebély*. Travaux de l'auteur (1948) : *szuszek*.
 107. *Tar*. — D. Malonyai : op. cit. t. V, fig. 518 : *szekrény*, *szuszek*.
 108. *Hasznos*. — D. Malonyai : op. cit. t. V, fig. 522 : *szekrény*, *szuszek*.
 116a. *Maconka*. — D. Malonyai : op. cit. fig. 518 : Travaux de l'auteur (1948) Voir ce qui a été dit à propos du mot *szekrény*. Nous y ajouterons que le fait d'avoir pu confondre les mots *szuszek* et *szekrény* suppose que sur le terrain de leurs observations les deux sortes de coffres de charpenterie aient réellement été en usage.
 118. *Piliny*. — A. Nyáry : Piliny néprajzi vázlata (Esquisse ethnographique de Piliny), dans Ért., t. X, (1909), p. 145 : *szuszek*.
 120. *Ajnácskő*. — D. Malonyai : op. cit. t. V, pl. entre p. 272—273, fig. 7 : *szekrény*, (*szuszek*).
 121. *Fülek*. Ibid. fig. 5—6 : *szekrény* (*szuszek*)
 123. *Rimaszombat*. — D. Malonyai : op. cit. t. V, p. 517 : *szuszek*.
 I. Findura : Tájszók (Mots de patois), dans Nyr., t. V, (1876), p. 276 : *szuszek*. Cf. MTsz., t. II, p. 614.
 K. Lambrecht : A magyar szélmalom (Le moulin à vent hongrois), dans Ethn., t. XXII (1911), p. 361.
 124. *Mihályfalva*. — J. Juhász : op. cit. ; *szuszek*.
 125. *Kiéte*. — L. Bartholomeides : Notitia comitatus Gömöriensis, Leutschoviae, 1805—1808 : *szuszek*. Gömör-Kishont vármegye, p. 58 : *szuszek*.
 128. *Csetnek*. — Okl. Sz. ; p. 945 (1683) : *szuszek*.
 M. N. No d' inv. 94.863 : *szuszek*.
 129. *Apátfalva*. — K. Pápai : A palócz faház, p. 7, 29 : *szuszek*.
 134. *Tard*. — Travaux de Mlle A. Gáborján (1948) : *szuszek*.
 136. *Onod*. — E. J. Horváth : Tájszók (Mots de patois), dans Nyr., t. XL (1911), p. 383 : *szurdék*.
 141. *Mátradercske*. — F. 53.842 et 53.848.
 142. *Ivád*. — Travaux de Mme J. Nemeskéry, (1948) : *szuszek*.
 143. *Szuhauta*. — Travaux de l'auteur : *szuszek*. (On l'a seulement fabriqué, mais sans en avoir adopté l'usage.)
 145. *Eger*. — N. Szederkényi : op. cit. p. 227 : (1555) *szuszek*.
 146. *Ostoros*. — D. Malonyai : op. cit. t. V, p. 520 : *szekrény*, *szuszek* ; pl. I, entre p. 272—273, fig. 8 : *szekrény* (*szuszek*).
 147. *Bodony*. — Travaux de l'auteur (1948) : *szuszek*.
 148. *Poroszló*. — D. Malonyai : op. cit. t. V, pl. I, entre p. 272—273, fig. 1—4 ; pl. II, ibid., fig. 1—8 ; *szekrény* (*szuszek*).
 151. *Valkó*. — N. Ny., t. II, (1930), p. 79 : *szuszek*.
 152. *Zsámbok*. — N. Ny., t. II, (1930), p. 78 : *szuszek*.

154. *Ceg'éd.* — MTsz., t. II, p. 614 : *szuszek.*
 160. *Félegyháza.* — J. Toldy : op. cit., p. 202 : *szuszek.*
 162. *M. Bauer.* — M. Ny. t. I. (1929), p. 262 : *szuszek.*
 163. *Tóladarác.* — L. Szeberényi : N. Ny. t. I, p. 201 : *szuszek.*
 166. *Szentes.* — G. Csallány : N. Ny. t. I, p. 201 : *szuszek.*
 167. *Békéscsaba.* — L. Szeberényi : N. Ny., t. I, p. 201 : *szuszek.*
 168. *Tiszakürt.* — S. Domokos : N. Ny., t. I, p. 261—262 : *szuszik.*
 168a. *Kunszentmárton.* — J. Bethowski : op. cit. (V. Note no 7), p. 121 : *szuszek.*
 169. *Nagyrév.* — S. Domokos : N. Ny., t. I, p. 261—262 : *szuszik.*
 170. *Cibakháza.* — Ibid. : *szuszik.*
 171. *Tiszaföldvár.* — Ibid. : *szuszik.*
 172. *Mme E. Sichert* : N. Ny., t. II, p. 79 : *szuszek.*
 I. Vörös : N. Ny., t. I, p. 202 : *szuszek, szuszik.*
 173. *Túrkeve.* — L. Minay : N. Ny., t. I, p. 202 : *szuszik.*
 174. *Szolnok.* — J. Bethowski : N. Ny., t. I, p. 201 : *szuszik.*
 174a. *Tiszapüspöki.* — Ibid. : *szuszik.*
 175. *Kisújszállás.* — Mme E. Sichert : N. Ny., t. II, p. 79 : *szuszek.*
 176a. *Jászsószentgyörgy.* — J. Bethowski : op. cit., p. 121 : *szuszek.*
 177. *Jászberény.* — K. Csoma: Jászberény nyelve (Le dialecte de Jászberény), Budapest, 1908, p. 74 : *szuszek.*
 177a. *Tápiógyörgye.* — J. Bethowski : op. cit. p. 121 : *szuszek.*
 181. *Tiszazigar.* — Travaux de l'auteur (1949—1950) : *szuszek.*
 56 (1909), p. 29 : *szuszik.*
Hajduság. — Gy. Maday : A hajdúk beszéde (Le dialecte des Hajdus), dans NyF. No 182a. I. Balassa : op. cit., (v. la note n° 148), p. 49, 100 : *szuszik.*
 184. *Földes.* — L. Bakoss: Tájszók (Mots de patois), dans Nyr., t. XVI, (1887), p. 384., *szuszik.* Cf.
 MTsz., t. II, p. 614.
 185. *Hajduszovát.* — I. Reichnitz: Tájszók (Mots de patois), dans Nyr., t. XXVI, (1897), p. 189 : *szuszik.*
 186. *Lövöpetri.* — L. Geszthelyi Nagy : N. Ny., t. I, p. 67 : *szuszek.*
 187. *Füzér.* — Comm. de I. Höllrigl, d'après des inventaires du XVIIe siècle : *szuszek.*
 188. *Petőszinnye.* — A. Szemlő: Egy abaujmegyei őző nyelvjárásziget (Un îlot de patois dans le Comitat d'Abauj), dans NyF, t. XIII, (1904), p. 45 : *szuszek.*
 189. *Győrke.* — Ibid. : *szuszek.*
 190. *Abaujrákos.* — Ibid. : *szuszek.*
 191. *Nagyszalánc.* — Fol. lat. no 3566 : (1643) *szuszek.* A. Szemlő : op. cit. p. 45 : *szuszek.*
 192. *Kisszalánc.* — Ibid. : *szuszek.*
 193. *Gargóczbogdány.* — Ibid. : *szuszek.*
 193a. *Magyarbód.* — Ibid. : *szuszek.*
 194. *Tornaujfalva.* — I. Tirpák : Az én lakodalmam (Mes fêtes de nocés), dans Nyr., t. XVII, (1888), p. 186 : *szuszek.* Cf.
 MTsz., t. II, p. 614.
 197. *Borsi.* — Okl. Sz., p. 590 : (de 1638) *szuszek.*
 198. *Morva.* — K. Tagányi : Magyar erdészeti oklevéltár (Répertoire des documents hongrois de sylviculture), Budapest, 1896, t. III, p. 399 : (de 1632) *szuszek.*
 198a. *Rákóc.* — Ibid. : (1632) *szuszek.*
 199. *Csap.* — L. Minay : N. Ny., t. I, p. 202 : *szuszek.*
 200. *Szürte.* — Ibid. : *szuszek.*
Rétköz. — L. Kiss : Földmívelés a Rétközön (L'agriculture dans les régions de la Rétköz), Budapest, s. d., p. 28 : *szuszek.*
 200a. *Cigánd.* — Travaux de l'auteur, (1950), : *szuszek.*
 201. *Tiszasalamon.* — L. Minay : N. Ny., t. I, p. 202 : *szuszek.*
Tiszahát. — G. Deák : Az ungvármegyei Tiszahát építkezése és művészete (Architecture et art dans la région de la Tiszahát, au comitat d'Ung.), dans Ért., 1910: p. 191 : *szuszek.*
 203. *Csetfalva.* — J. Bethowski : op. cit. p. 121 : *szuszek.*
 204. *Mezővári.* — Ibid. : *szuszek.*
 204a. *Halábor.* — Ibid. : *szuszek.*
 205a. *Gát.* — Ibid. : *szuszek.*
 205b. *Makkosjánosi.* — Ibid. : *szuszek.*

206. *Beregszász*. — J. Bethowski : op. cit., p. 121 : *szuszék*. B. Törös : A beregszászi nyelvjárás (Le dialecte de Beregszász), Budapest, 1910, p. 65 : *szuszék*.
- 206a. *Badaló*. — Ibid. : *szuszék*.
- 206b. *Csoma*. — Ibid. : *szuszék*.
- 206c. *Bucusu*. — Ibid. : *szuszék*.
- 206d. *Macsole*. — Ibid. : *szuszék*.
207. *Kömörő*. — Gy. Kazay : Tájszók (Mots de patois), dans Nyr., t. XII, (1883), p. 564 : *szuszék*. Cf. MTsz., t. II, p. 614.
209. *Egri*. — B. Csúry : Szamosháti szótár (Dictionnaire du Szamoshát), Budapest, 1936 *szuszék*. — C'est la commune d'Egri qui servait de base à ce dictionnaire patois, mais notre terme est répandu dans toute la région, de Szinyérváralja à Mátészalka sur les deux rives de la Szamos.
210. *Szinyérváralja*. — Ibid. : *szuszék*.
211. *Ecsed*. — B. Radvánszky : op. cit. t. II, p. 136 : (1609) *szuszék*.
- 211a. *Gebe*. — Travaux de Mlle M. Kresz, de 1936 : *szuszék*.
- 211b. *Mátészalka*. — B. Csúry : op. cit. : *szuszék*.
212. *Püspökladány*. — B. Banner : N My., t. I, p. 201—202 : *szuszik, szuszék*, dans : toute la région dite »Sárréte.
213. *Biharnagybajom*. — Ibid. : *szuszik, szuszék*.
215. *Nagyszalonta*. — K. Viski : A szalontai nép nyelvéből. (Le dialecte à Szalonta), dans NyF., No 69. (1913), p. 6 : *szuszik*.
216. *Belényes*. — I. Györffy : Régi följegyzésekből. A belényesi kastélyhoz tartozó javak összeírása (État des biens appartenant au château de Belényes. D'après les anciens documents), dans Ért., 1927, p. 33. (1704) *szuszék*.
224. *Torda*. — J. Jankó : Torda. Aranyosszék, Torockó magyar (székely) népe. — (La population hongroise — sicule — de Torda, d'Aranyosszék et de Torockó), Budapest, 1893, p. 105, 108 : *faszuszik*.
225. *Torockó*. — Ibid. : *faszuszik*.
226. *Gerend*. — M. Végh : Tájszók (Mots de patois), dans Nyr., t. XXIII, (1894) p. 578 : *szuszék*. Cf. MTsz., t. II, p. 614.
227. *Szucsák*. — Gy. Versényi : Tájszók. (Mots de patois), dans Nyr.— t. XVIII, (1889) p. 576 : *szuszék*. Cf. MTsz., t. II, p. 614.
229. *Mákófalva*. — Gy. Márton : op. cit. : *szúszink*.
230. *Nádasdaróc*. — Ibid. : *szúszink*.
231. *Inaktelke*. — Ibid. : *szúszink*.
232. *Bánffy-Hunyad*. — Gy. Peindrug : Tájszók (Mots de patois), dans Nyr., t. XVII (1888), p. 47 : *szúszink*.
- 232a. *Zentelke*. — Zs. Bátky : A kenderrel való munka Kalotaszegen (Le travail du chanvre à Kalotaszeg), dans Ért., t. V, (1905), p. 265 : *szúszink*.
233. *Magyarvalkó*. — D. Malonyai : op. cit. t. I, p. 105 : *szuszéng*.
235. *Zsobok*. — MTsz., t. II, p. 614.
120. *Ajnácskő*. — S. Takács : op. cit. t. III, p. 231 : (de 1685) *scrinum vulgő hambár*.
159. *Kecskemét*. — M. N. N° inv. 132. 626 : *szekrény ou hambár*.
164. *Hódmezővásárhely*. — Travaux de M. L. Kiss : *hombár*.
- 164a. *Orosháza*. — Travaux de l'auteur (1950) : *hombár*.
168. *Tiszakiirt*. — S. Domokos : N. Ny. t. I, (1929), p. 261—262 : *hombár*.
169. *Nagyrev*. — Ibid. : *hombár*.
170. *Cibakháza*. — Ibid. : *hombár*.
171. *Tiszaföldvár*. — Ibid. : *hombár*.
172. *Mezőtúr*. — I. Vörös : N. Ny., t. I, p. 202 : *hambár*.
173. *Turkeve*. — L. Minay : N. Ny., t. I, p. 202 : *hombár*.
181. *Tiszaigar*. — Travaux de l'auteur (1949—1950) : *hombár*.
182. *Hortobágy-pusza*. — I. Ecsedi : Vezető Debrecen sz. kir. város Déri-Múzeumában (Guide du Musée Déri de la Ville de Debrecen), Debrecen, 1930, p. 98 : *hombár*.
- 182a. *Debrecen*. — I. Balassa : op. cit. p. 49, 79—80 : (de 1765 et actuellement) *hombár*.
183. *Nádudvar*. — G. Lükő : op. cit. p. 29.
206. *Beregszász*. — B. Törös : op. cit. p. 60, 65 : *hombár*.
212. *Püspökladány*. — B. Banner : N. Ny. t. I, p. 201—202 : *hambár*.
213. *Biharnagybajom*. — Ibid. : *hambár*.
215. *Nagyszalonta*. — E. Fényes : op. cit. t. IV, p. 55 : *hombár*.

217. *Magyarremete*. — M. N. N° d'inv. 95. 151 : *hombárszekerény*.
 226. *Gerend*. — M. Végh : op. cit. p. 578.
 233. *Magyarvalkó*. — D. Malonyai : op. cit. t. I, p. 105 : *hombár*.
 236. *Mosóbánya*. — Manuscrit de M. S. Gönyei, 1942, dans E. A. No. 564, F. 90. 281—90.
 295: *hambár*.
 5. *Pankasz*. — L. Kardos : op. cit. p. 196, fig. 125 : *láda*.
 22b. *Tékes*. — Travaux de Mlle. I. Kilar, (1948) : *láda*.
 75. *Ócsény*. — G. Lükő : op. cit. p. 37 : *ruhásláda*.
 76. *Dóbrököz*. — F. Kovács : op. cit. p. 15 : *gyegyösláda*.
 129. *Csetnek*. — M. N. N° d'inv. 94. 863 : *láda*.
 155. *Peszéradacs*. — O. Hermann : A magyar pásztorok nyelvkincese, p. 205 : *láda*.
 182. *Hortobágy-pusztá*. — I. Ecsedi : op. cit., p. 31 : *eleséges láda*.
 183. *Nádudvar*. — G. Lükő : op. cit. p. 29 : *eleséges láda*.
 202. *Jeszenő*. — M. N. N° d'inv. 86. 321 : *lakodalmi láda*.
 204. *Korláthelmec*. — M. Márkus : op. cit. p. 24 : *láda*.
 207. *Kömörő*. — Gy. Kazay : op. cit. p. 564 :
 218. *Rafnik*. — K. Cs. Sebestyén: Adatok a krassovánok néprajzához (Données pour servir à l'ethnographie des Krassovanes), dans Ért., t. XXXIII, (1941), p. 135, 145 : *ladica*.
 119. *Klokotics*. — Ibid. : *ladica*.
 220. *Jabalcsa*. — Ibid. : *ladica*.
 221. *Lupák*. — Ibid. : *ladica*.
 223. *Vodník*. — Ibid. : *ladica*.
 232. *Bánffy-Hunyad*. — Nyr. t. XVII, (1888), p. 47 :
 237. *Kórógy*. — M. N., N° d'inv. 83.895 : *kócsag*.
 Á. Garay : op. cit. (voir le note N° 164), p. 248 : *kócsag*.
 238. *Haraszi*. — Garay : Ibid. : *kócsag*.
 239. *Szentlászló*. — Ibid. : *kócsag*.

LISTE DES FIGURES

- Fig. 1.* Vue de perspective d'un coffre de charpenteire. 1. pied, 2. planche, 3. fronton, 4. faîtage.
- Fig. 2.* Plan de construction d'un coffre de charpenterie (*szökröny* de Baranya).
- Fig. 3.* Le débitage en merrains.
- Fig. 4.* Coupe transversale de *szekrény* charpenterie, de Gömör.
- Fig. 5.* Modes d'assemblage pour planches sciées et pour merrains.
- Fig. 6.* Coupe transversale de la paroi du coffre grec no 4 (d'après Watzinger).
- Fig. 7.* Plan de construction du coffre grec no 4 (d'après Watzinger).
- Fig. 8.* Vue de perspective du coffre no 4 (d'après Watzinger).
- Fig. 9.* Système d'ouverture du coffre grec no 4 (d'après Watzinger).
- Fig. 10.* Vue partielle d'un *szökröny* de Baranya, montrant l'ajustage des planches au pied.
- Fig. 11.* Vue partielle d'un *szökröny* de Baranya, représentant le coin de derrière du couvercle.
- Fig. 12.* Lit de Suède; construction de charpenterie. (D'après G. Berg—S. Svenson : Svensk Bodnekultur).
- Fig. 13.* Sarcophage de bois égyptien du Bas-Empire. Musée des Beaux-Arts de Budapest.
- Fig. 14.* Urne funéraire étrusque en pierre; du VIe siècle av. n. è. Le pied cornier, le côté devant rappelant la disposition des planches et le couvercle à double pente sont exécutés sur le modèle de la construction de charpenterie (d'après K. Pfister : Die Etrusker).
- Fig. 15.* Urne funéraire juive, en pierre env. Ier siècle de notre ère. Les pieds, de dimensions réduites, et le couvercle à double pente imitent encore la construction de charpenterie. La décoration est exécutée suivant le mode d'ornamentation gravée (d'après l'Encyclopédie photographique de l'art).
- Fig. 16.* Peinture de vase grecque figurant la scène de Danaé. Le coffre accuse une construction de charpenterie (d'après Mitt. d. deutsch. Arch. Inst. Ath. Abt. XLI.).
- Fig. 17.* Peinture de vase grecque représentant diverses figures entourant un coffre de charpenterie (d'après Jahrb. d. Öst. Arch. Inst. XII).
- Fig. 18.* Bas-relief grec avec figure de femme retirant des habits d'un coffre de charpenterie (d'après Mitt. d. deutsch. Arch. Inst. Ath. Abt. XLI).
- Fig. 19.* Bas-relief de crypte étrusque, du IIIe s. av. n. è. Le coffre de charpenterie est placé auprès du pied du lit (d'après K. Pfister : Die Etrusker).
- Fig. 20.* Peinture murale romaine de Pompéi, où l'on voit Danaé sortant du coffre. (d'après Jahrb. d. Öst. Arch. Inst. XII.).
- Fig. 21.* Mosaïque romaine de Thénée, représentant Seriphos sortant d'un coffre de charpenterie (d'après Jahrb. d. Öst. Arch. Inst. XII).
- Fig. 22.* Coffre de charpenterie d'Italie; VIIIe siècle. (d'après H. Schmitz : Das Möbelwerk)
- Fig. 23.* Coffre de charpenterie de Suisse; XIIe siècle. (d'après Feulner : Kunstgeschichte des Möbels).
- Fig. 24.* Coffre de charpenterie de Suisse, du moyen âge (d'après S. Ambrosiani : Lår från Mysslinge... Fataburen, 1909).
- Fig. 25.* Coffre de charpenterie de Suisse, de 1449 (d'après Baud-Bovy : Schweizer Bauernkunst).
- Fig. 26.* Coffre de charpenterie française, du moyen âge (d'après S. Ambrosiani : Lår från Mysslinge... Fataburen, 1909).
- Fig. 27.* Coffre de menuiserie allemand du moyen âge, imitant la structure des coffres de charpenterie. Un des pieds est cassé (d'après Uebe : Westfalen).
- Fig. 28.* Coffre gothique de France, du XVe siècle. Sa construction de charpenterie se trouve masquée par une ornementation couvrant tout le devant du coffre (d'après Schmitz : Das Möbelwerk).
- Fig. 29.* Coffre français du XVe siècle. Travail de menuiserie ayant conservé la structure des coffres de charpenterie, mais comportant déjà un bâti d'encadrement sur son devant (d'après Schmitz : Das Möbelwerk).
- Fig. 30.* Coffre de Transylvanie du XVIe siècle, à ornementation peinte Ruja (Rozsonda), dép. Tarnava Mare. Musée d'Ethnographie n^o d'inv. 97.344. — Dimensions : 158 cm de longueur, sur 54 cm de largeur et 108 cm de hauteur.
- Fig. 31.* Coffre de Transylvanie, du XVIe siècle, à ornementation géométrique Movik (Szászhalom), dép. Tarnava Mare. Musée d'inventaire d'Ethnographie n° 95.638. — Dimensions : 157 cm de longueur sur 54 cm de largeur et 107 cm de hauteur.

Fig. 32. Châsse de Limoges. XIe—XIIe siècles. Son couvercle à deux versants et les pieds longs s'inspirent de la construction de charpenterie (d'après Braun : Die Reliquiare).

Fig. 33. Châsse à reliques. Le pied cornier, l'ornementation répondant à la disposition des planches et le couvercle à double pente prennent modèle sur le coffre de charpenterie (d'après Braun: Die Reliquiare).

Fig. 34. Femme prenant de l'argent dans un coffre de charpenterie. Bas-relief de la Cathédrale d'Amiens. XIIIe siècle (d'après Enlart : L'art gothique).

Fig. 35. Femme prenant de l'argent dans un coffre de charpenterie. Bas-relief de la Cathédrale de Chartres. XIIIe siècle (d'après Enlart : L'art gothique).

Fig. 36. Partie d'intérieur de logement aux Pays-Bas. Un coffre de charpenterie est placé auprès du pied du lit. Miniature de Van Eyck, de 1416 (d'après Niederländische Malerei im XV. u. XVI. Jahrh).

Fig. 37. Femme retirant des cuillers d'un coffre de charpenterie. Miniature anglaise du XVe siècle (d'après D. Hartley—M. Elliot : Life and work . . .)

Fig. 38. Marchand ayant déballé ses marchandises sur un coffre de charpenterie. Miniature anglaise du XIVe siècle (d'après D. Hartley—M. Elliot : Life and work . . .)

Fig. 39. Brocanteur. Près de lui, un coffre de charpenterie. Miniature anglaise de XIVe siècle (d'après D. Hartley—M. Elliot : Life and work . . .)

Fig. 40. Marchands de Florence. L'un d'eux retire quelque chose d'un coffre de charpenterie. Miniature anglaise du XIVe siècle (d'après Ciba Rundschau).

Fig. 41. Pillage d'une maison française par des soldats anglais. Deux d'entre eux sont en train d'emporter le coffre de charpenterie. Miniature anglaise du XIVe siècle (d'après D. Hartley—M. Elliot : Life and work . . .)

Fig. 42. Coffre de charpenterie populaire d'Ukraine, appelé : скриня, d'après Holme, op. cit.

Fig. 43. Coffre de charpenterie populaire de Roumanie.

Fig. 44. Coffre de charpenterie populaire de Suisse (d'après Burkhardt : Schweizer Volkskunst).

Fig. 45. Coffre de charpenterie populaire d'Allemagne (d'après Polaczek : Volkskunst in Elsass).

Fig. 46. Coffre de charpenterie de Hongrie. *Szekrény* ou *hombár*, de Kecskemét (comitat de Pest). Musée d'Ethnographie, n^o d'inventaire 132.626. Dimensions : 99 cm de longueur sur 58 cm de largeur et 103 cm de hauteur.

Fig. 47. Coffre de charpenterie de Hongrie. *Hombárszekrény*, dép. de Bihar. Musée d'Ethnographie n^o d'inventaire 95.151. Dimensions : 98 cm de longueur sur 48 cm de largeur et 65 cm de hauteur.

Fig. 48. Coffre de charpenterie de Hongrie. *Szökröny* de Kémes (comitat de Baranya). Musée d'Ethn. n^o d'inv. 140.499. Dimensions : 97 cm de longueur sur 50 cm de largeur et 75 cm de hauteur.

Fig. 49. Coffre de charpenterie de Hongrie. *Szökröny*, de Sumony (comitat de Baranya). Dimensions : 108 cm de longueur sur 52 cm de largeur et 82 cm de hauteur.

Fig. 50. Coffre de charpenterie de Transylvanie. Nearşova. (Nyárszó, comitat de Kolozs). Musée d'Ethn., n^o d'inv. 50.071. Dimensions : 102 cm de longueur sur 51 cm de largeur et 76 cm de hauteur.

Fig. 51. Coffre de charpenterie de Slavonie. *Kócsag* (Kórógy comitat de Szerém). Musée d'Ethn., n^o d'inv. 83.896. Dimensions : 45 cm de longueur sur 38 cm de largeur et 27 cm de hauteur.

Fig. 52. Chambre russe subkarpathique, de la fin du XIXe siècle. Le скриня tient lieu de table.

Fig. 53. Coffres de charpenterie devant une maison russe subkarpathique. Fin du XIXe siècle.

Fig. 54. Chambre à Szenna, avec le *szökröny*. (Photo de S. Gönyei, no 57.076).

Fig. 55. *Szusélek* devant la maison, à Gebe (comitat de Somogy).

Fig. 56. Intérieur palotze à Maconka (comitat de Nógrád). Les *szekrény* et les coffres peints à fleurs sont rangés devant le lit (d'après Magyarorság Néprajza). Photo de S. Gönyei.

Fig. 57. Poule couvant ses oeufs dans un *szekrény*, à Tard (comitat de Borsod). Photo de E. Réger.

ЛАРИ ПЛОТНИЧЬЕЙ ВЫДЕЛКИ.

К. К. Чиллери.

Резюме

Предметом этой статьи является особый тип ларей плотничьей выделки. Эти лари употреблялись в прошлом, или же употребляются еще в настоящее время по всей территории Венгрии. Для ознакомления с конструкцией этих ларей, мне помогло то обстоятельство, что в Сухахуте, в горах Матры (комитат Ноград), мне удалось изучать их выделку. На основании исследованного мною материала, я старалась осветить историю этого предмета в связи с развитием общественных отношений в Европе. Лари плотничьей выделки исследовались мною в связи с другими типами ларей. По форме и конструкции эти лари можно разделить на три основные группы:

1. Долбленные лари.
2. Лари плотничьей выделки.
3. Лари столярной выделки.

Долбленные лари выделывались таким образом, что соответствующий кусок ствола сначала выжигался, а затем выдалбывался. При изготовлении ларей плотничьей выделки, самым главным инструментом являлся плотничий топор. Поперечное сечение досок, раскальваемых топором, треугольное. Эти доски соединяются при помощи выемок, которые высекают на самом широком ребре. Таким образом приготовленные доски стен ларей скрепляются на углах при посредстве ножки ларя.

Третий тип ларей изготавливается при помощи более усовершенствованных инструментов — применением пилы. Выпиленные доски, с прямоугольным профилем, можно соединять непосредственно на углах.

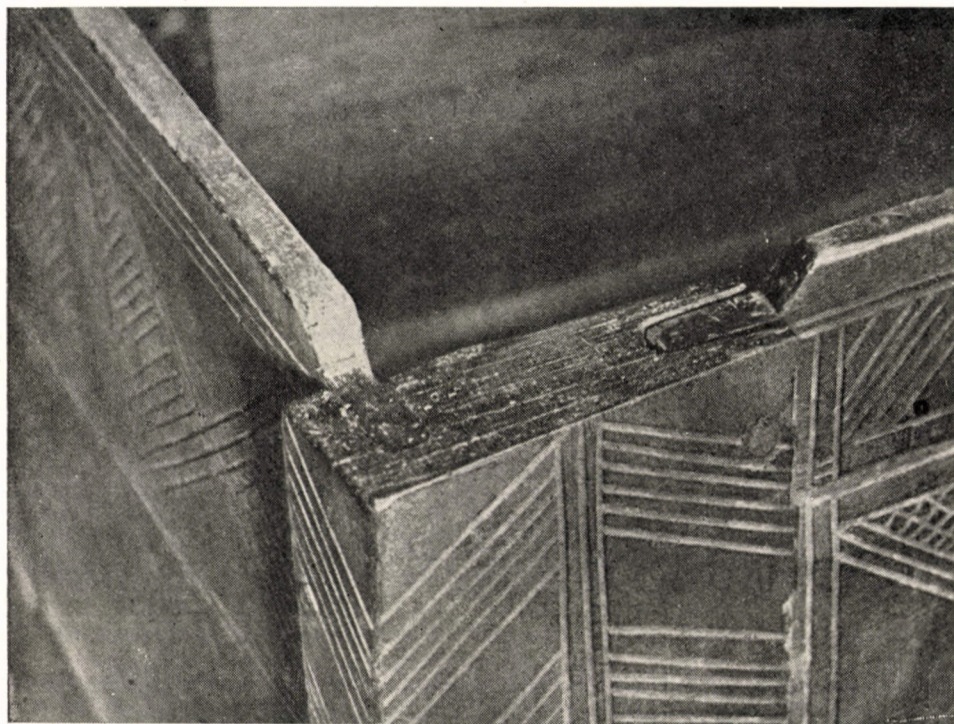
Время выделки долбленных ларей можно отнести к эпохе первобытной общины. Лари плотничьей выделки относятся к времени распада первобытной общины. Из техники плотничества, уже в эпоху рабовладельческого общества, начала образовываться столярная техника, но производительные силы рабовладельческого общества не могли использовать возможности нового инструмента, вследствие особых производительных отношений этого общества. Только в эпоху расцвета феодализма, при развитии товаро-производства, столярное ремесло отделяется от плотничества. В обстановке господствующего класса, лари плотничьей выделки были заменены ларями столярного изготовления. В западной Европе этот процесс совершился в XIV—XV веках, а в Венгрии с XVI до середины XVII века.

Венгерское крестьянство подобным образом заменяет лари плотничьей выделки, ларями столярного изделия, в течение XIX века, когда крестьянство от совершенно натурального способа хозяйства, переходит к крестьянскому товаро-производительному хозяйству. В соответствии с этим хозяйственным изменением, эта замена происходит в различное время, в различных краях.

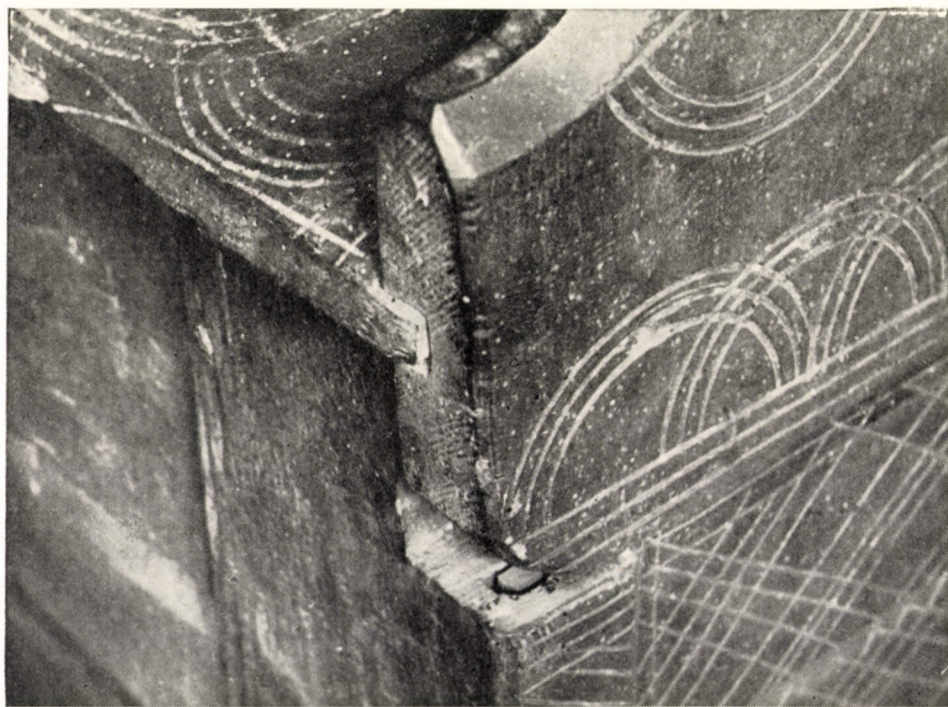
В связи с вытеснением из употребления ларей плотничьей выделки, столярными ларями, изменилось и значение слова, служящего для обозначения этого предмета, и в этом изменении отразились также и экономические и общественные перемены. В начале Среднего века (возможно еще ранее у римлян), для обозначения ларей плотничьей выделки одно время употребляли только слово «scricium». После распространения этого предмета и названия в Европе, повсюду в Европе для обозначения лари употребляли названия, происходящие от слова «scrinium» (скриня, *scrigno*, *scrin*, *écrin*, *szekrény*, *Schrein* и т. д.) В то время этот предмет имел разнообразное применение: ларь для платья, ларь для съестных припасов, ларь для драгоценностей, ларь для погребений и т. д. С другой стороны, лари столярной выделки, которые заменяли плотничьи лари, носившие название «scrinium», в эпоху позднего феодализма, в результате более развитых способов столярного изготовления, были специализированы, в связи с назначением и в соответ-

ствии с группами предметов, для хранения которых они изготовлялись, и имели другие формы. С этого времени к значению слова «scrinium», в различных странах, присоединили одну из первоначальных функций плотничьего ларя, так например в Франции оно обозначает хранилище драгоценностей, в Германии, Англии, Дании и т. д. вместилище для реликвий, в Венгрии, Чехословакии и т. д. вместилище для платья, дверной шкаф и т. д. Вначале это слово было в связи с одной определенной конструкцией, независимо от функции, позднее же оно служило для обозначения предмета, в связи с одной из его первоначальных функций, независимо от формы, или конструкции предмета. Это изменение в Венгрии, следуя вытеснению предмета из употребления в господствующих классах, происходило от середины XVII до середины XIX веков. С другой стороны, в некоторых местностях среди крестьянства еще до сих пор встречаются случаи, когда словом «szek-gépu» обозначают плотничий ларь.

Украшение ларей соотносится с конструкцией, которая в свою очередь зависит от рабочего инструмента и от прибора для выделки украшений, то есть и изменение украшения тоже отражает производительные средства. Как во время перехода от натурального хозяйства к товарнопроизводственному, плотничья конструкция ларей была заменена столярной, так и геометрические украшения плотничных ларей были заменены орнаментикой свободных линий столярных ларей.

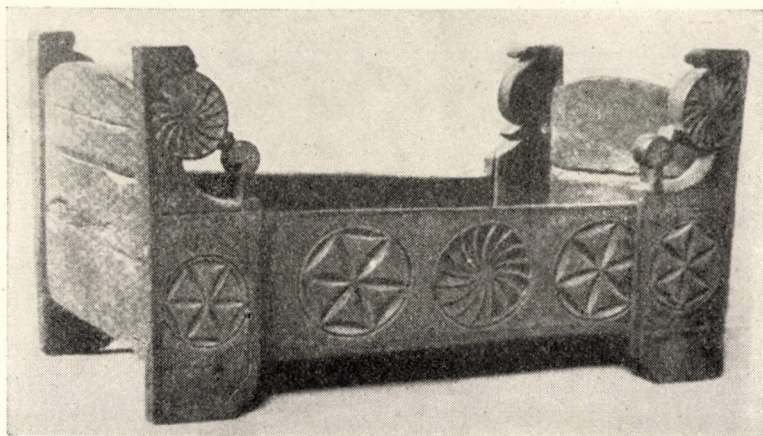

10

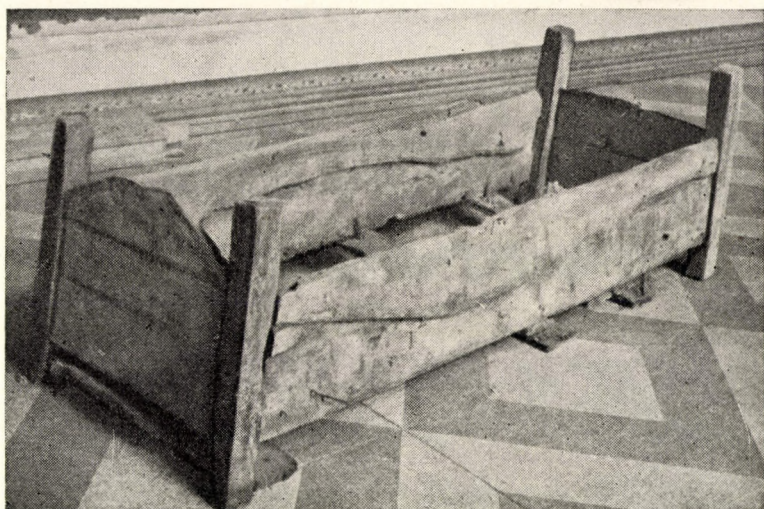

11

12

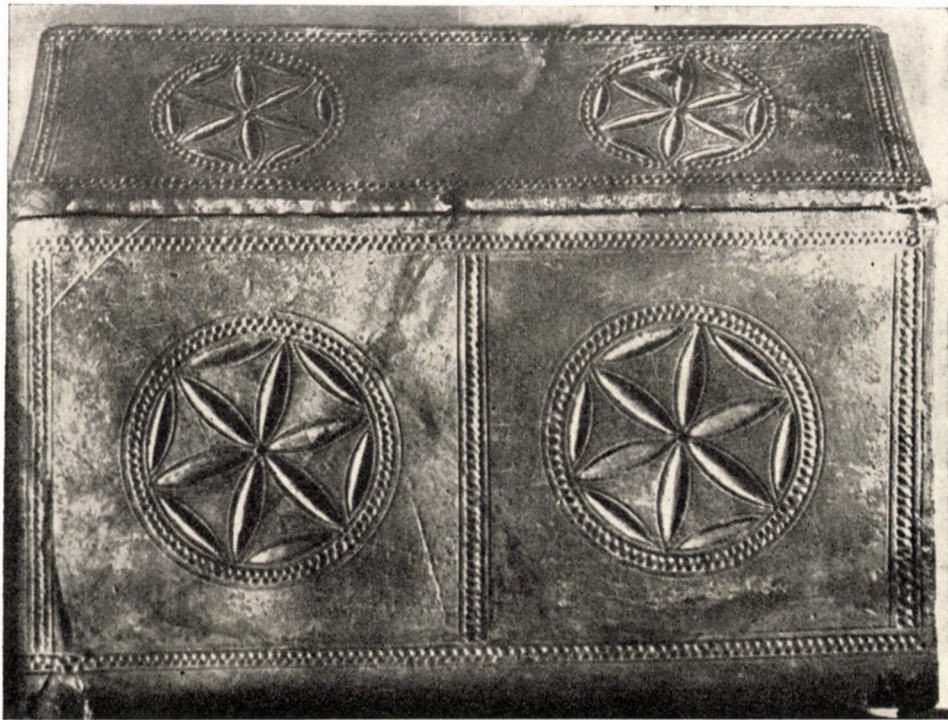

13

14

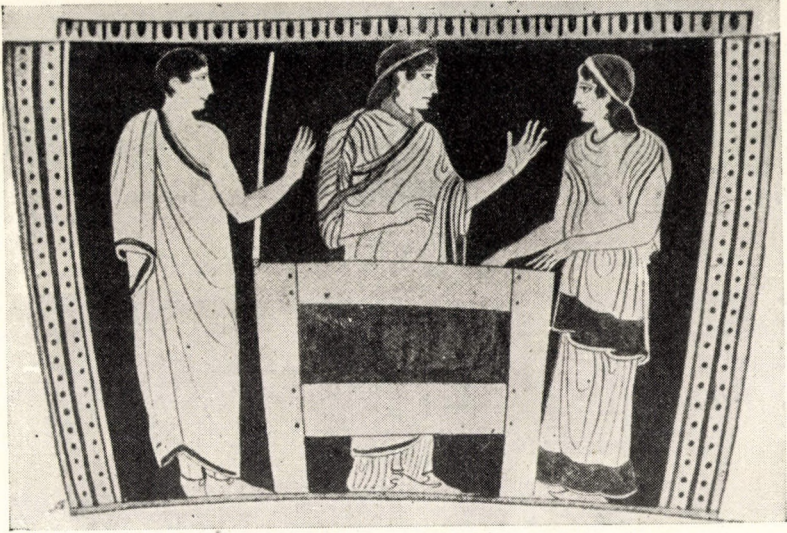

15

16

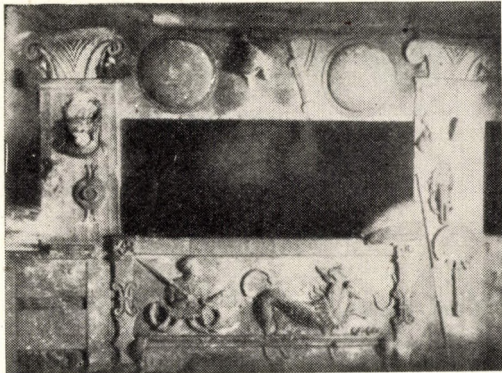
17

18

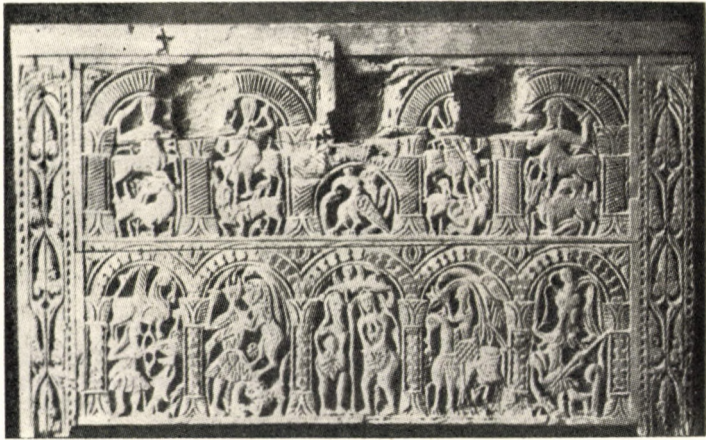

19

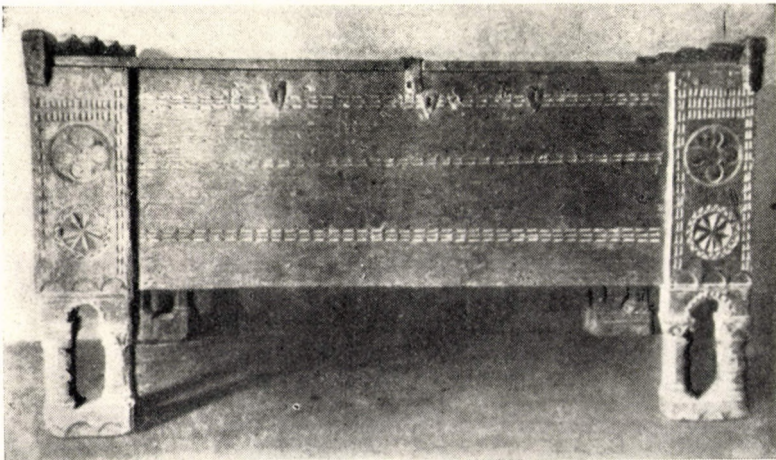

20 21

22

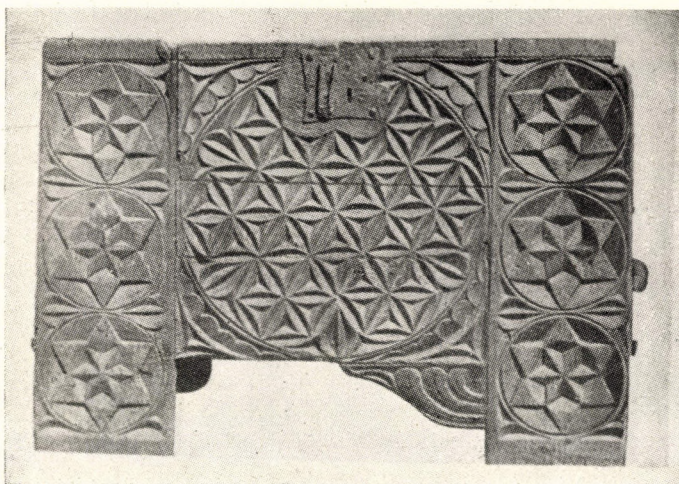
23

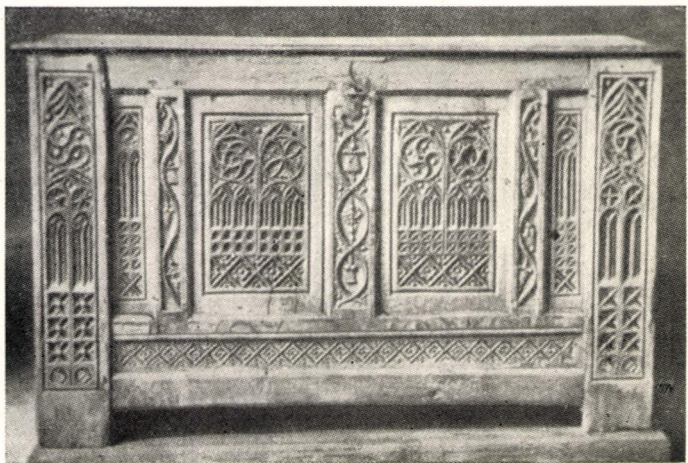
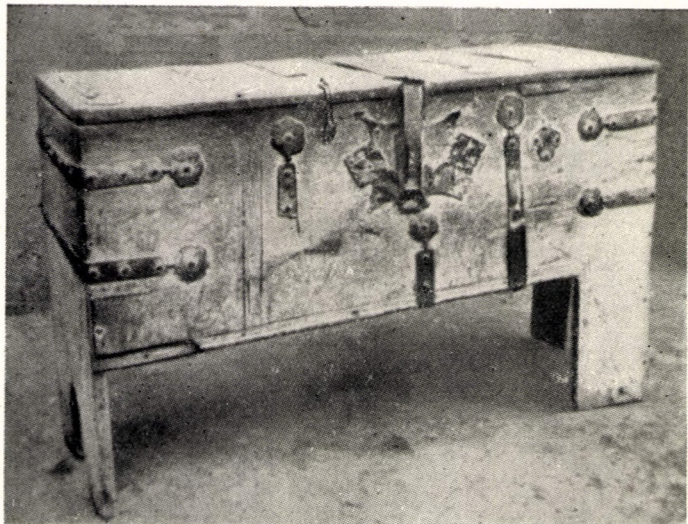

24

25

26

27 29

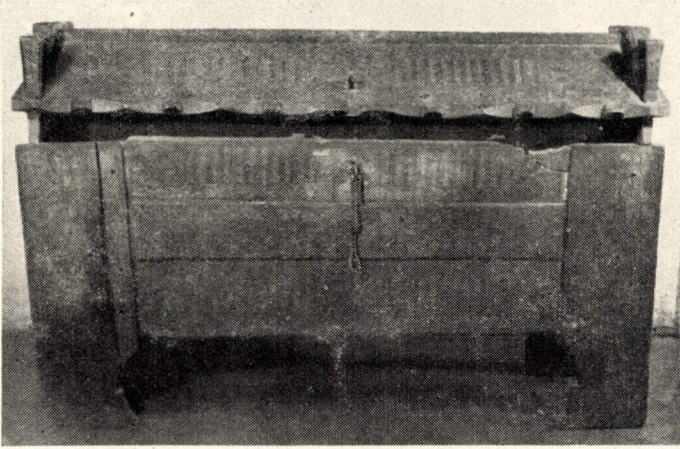

30

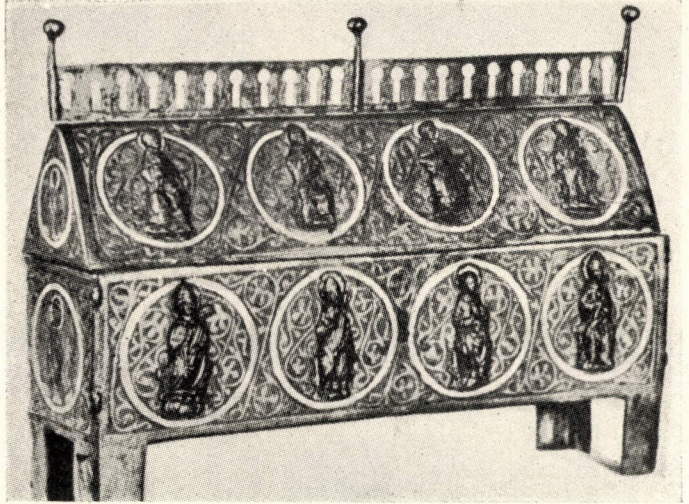

23

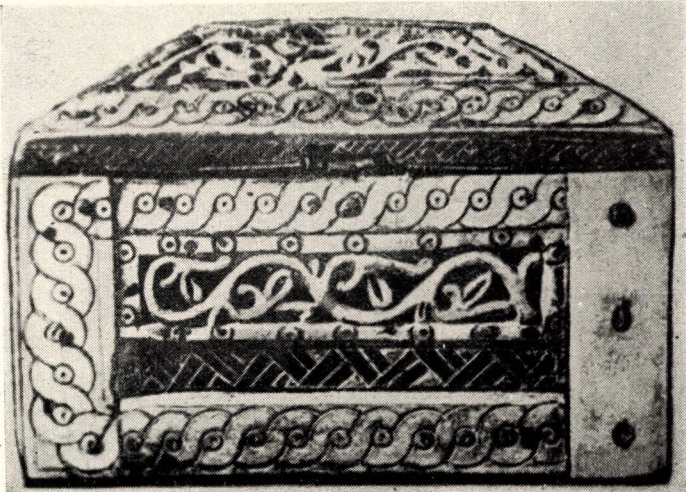
31

32

33

34

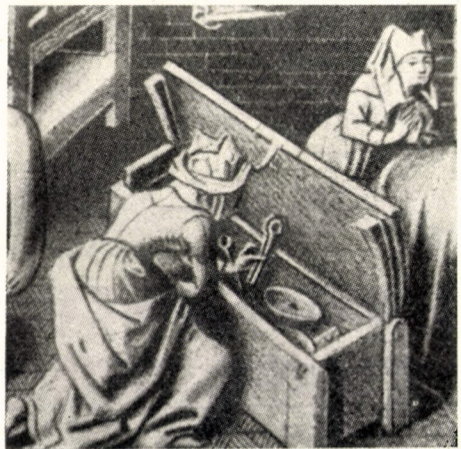

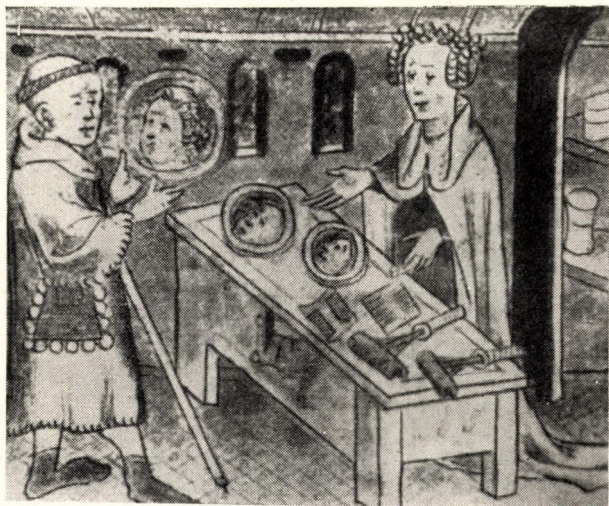
35

36

37

38

40

326

K. K. OSILBERY

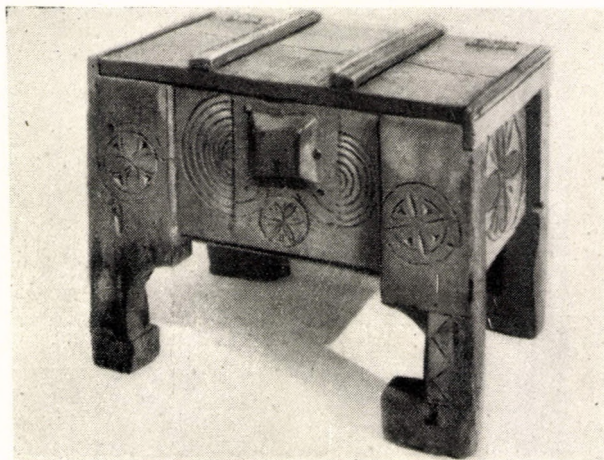
39

41

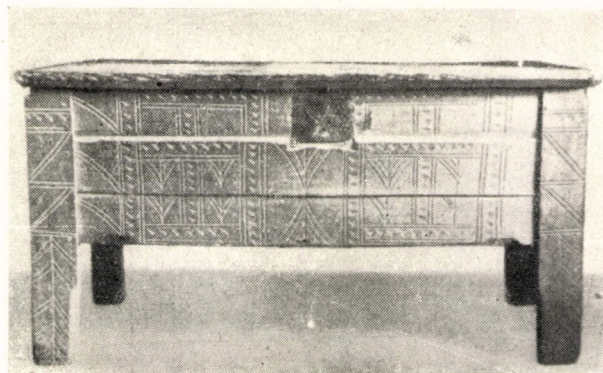
42

44

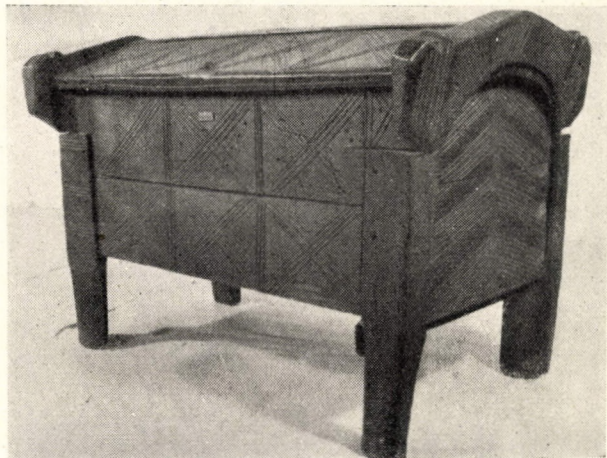
43

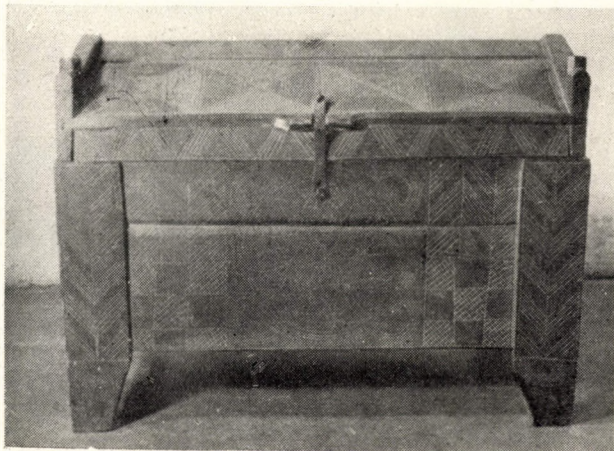
45

46

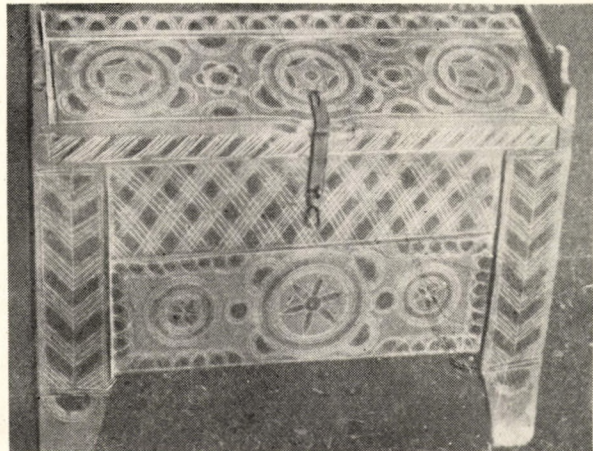

47

48

49

50

51

52

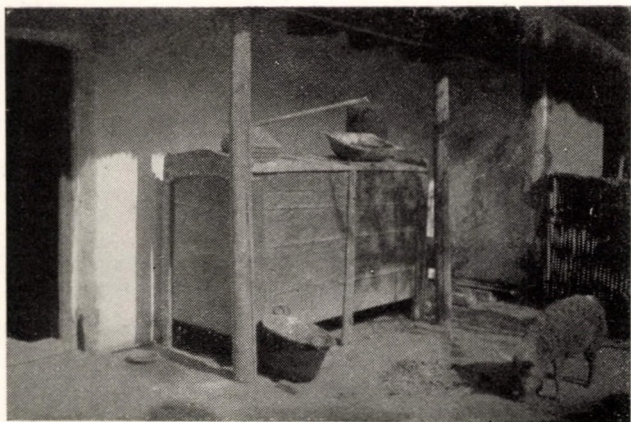
53

54

56

55 57

Les Acta Ethnographica paraissent en russe, français, anglais et allemand et publient des mémoires du domaine des sciences ethnographiques.

Les Acta Ethnographica sont publiées sous forme de cahiers qui seront réunis en volumes de 300 à 500 pages. Il paraît, en général, un volume par an.

Les manuscrits, autant que possible écrits à la machine, doivent être envoyés à l'adresse suivante :

Acta Ethnographica, Budapest 62, Postafiók 440.

Toute correspondance doit être envoyée à cette même adresse.

Le prix de l'abonnement est 60 forints par an.

On peut s'abonner à l'entreprise de commerce extérieur des livres et journaux »Kultúra« (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Compte courant No. 929 040) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

The Acta Ethnographica publish papers on ethnographical science, in Russian, French, English and German.

The Acta Ethnographica appear in parts of various size, making up volumes of 300 to 500 pages. On the average, one volume is published per year.

Manuscripts should, if possible, be typed and addressed to :

Acta Ethnographica, Budapest 62, Postafiók 440.

Correspondence with the editors or publishers should be sent to the same address.

The rate of subscription to the Acta Ethnographica, is 60 forint a volume. Orders may be placed with »Kultúra« Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Account No. 929 040) or with representatives abroad.

Die Acta Ethnographica veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der volks- und völkerkundlichen Wissenschaften in russischer, französischer, englischer und deutscher Sprache.

Die Acta Ethnographica erscheinen in Heften wechselnden Umfanges. Mehrere Hefte bilden einen Band von 20—30 Bogen. Im allgemeinen erscheint jährlich ein Band.

Die zur Veröffentlichung bestimmten Manuskripte sind, möglichst mit Maschine geschrieben, an folgende Adresse zu senden :

Acta Ethnographica, Budapest 62, Postafiók 440.

An die gleiche Anschrift ist auch jede Korrespondenz, bestimmt für die Redaktion und den Verlag zu senden.

Abonnementspreis pro Band 60 Forint. Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Aussenhandels-Unternehmen »Kultúra« (Budapest, VIII., Rákóczi-út 5. Bankkonto Nr. 929 040) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

I N D E X

И. Балог: Одежда хортобадьских пастухов. (I. Balogh: Herdsmann-Clothing of Hortobágy)	5
B. Korompay: Wortgeschichtliches zum ungarischen csép »Dreschflegel«. Б. Коромпай: К истории венгерского цепа и его названий.	29
L. K. Kovács: Die ungarischen Dreschflegel und Dreschmethoden. (Л. К. Ковач: Венгерские способы молотбы и венгерские молотильные цепы).	41
M. Kress: Венгерский народный кафтан-накидка „цифрасюр“. (M. Kresz: The Embroidered »Szürk«).	97
L. Boglár: Some More Data on the Spreading of Blowgun in South America. (Л. Боглар: Данные о распространении духовых трубок стрельбы у индейцев в Южной Америке).	121
E. Barabás: Исследование хуторных поселений. (J. Barabás: Recherches des »tanya« (hameaus) hongrois).	139
L. Vargyas: Угорский слой в венгерской народной музыке. (L. Vargyas: Ugrische Schicht in der ungarischen Volksmusik.)	161
P. Lipták: Материалы по краниологии хантов. (P. Lipták: Matériaux craniologiques des Ostiaks.)	197
K. Rainer: A Nepalese Thang-ka Painting Destroyed in the War. (К. Райнер: Одна во время войны уничтоженная Танг-ка картина из Непаля).	233
K. K. Csilléry: Le coffre de charpenterie. (К. К. Чиллери: Лари плотничьей выделки).	237